

ИРАК

В ГОДЫ АНГЛИЙСКОГО МАНДАТА

А. М. МЕНТЕШАШВИЛИ

Institut kurde de Paris

Institut kurde de Paris

28/07/2016
12-10 MEN IRA

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. М. МЕНТЕШАШВИЛИ

ИРАК В ГОДЫ
АНГЛИЙСКОГО
МАНДАТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1969

Ответственный редактор
А. Ф. ФЕДЧЕНКО

Работа посвящена чрезвычайно интересному и до сих пор недостаточно изученному периоду новейшей истории Ирака. Автор исследует весь механизм мандатного режима, освещает социально-экономические и политические последствия английского колониального управления Ираком, показывает антиимпериалистическую борьбу народов страны. Большой интерес представляют главы, в которых рассматриваются курдская и ассирийская проблемы. Специальная глава посвящена политическому и экономическому состоянию Ирака накануне английского завоевания.

ВВЕДЕНИЕ

Ирак — одна из арабских стран, народы которых пришли к независимости после тяжелой многовековой борьбы с турецким гнетом, а после распада Османской империи — с английскими колонизаторами и их прислужниками. В течение 37 лет в Ираке при всесторонней поддержке британского империализма господствовала феодально-компрдорская клика, объединявшаяся вокруг Хашимитской династии, навязанной в 1921 г. иракскому народу с помощью английских штыков.

Свержение в июле 1958 г. ненавистной народу Хашимитской династии и провозглашение страны республикой ознаменовало наступление нового этапа в истории национально-освободительного движения иракского народа, создало объективные условия для скорейшего преодоления экономической отсталости страны и демократизации общественной жизни.

На пути достижения полной политической независимости иракский народ прошел через три этапа национально-освободительной борьбы*.

Первый этап (1917—1920 гг.) — это период борьбы против английской оккупации, закончившийся мощным восстанием 1920 г. В результате Англия вынуждена была отказаться от аннексионистских планов.

Однако английский империализм не терял надежду на установление своего господства в оккупированном Ираке. Опираясь на армию, Англия навязала Ираку мандатный режим. Период мандата (1920—1932 гг.) — таков был второй этап. ✓

В 1932 г., после отмены мандатного режима и формального провозглашения Ирака независимым государством (страна была опутана сетями нового кабального англо-иракского договора), начался третий этап национально-освободительного движения иракского народа. Закончился он революцией 14 июля 1958 г.

* Периодизация автора.

Из этих трех этапов политической истории страны менее всего исследован период мандата. Между тем он чрезвычайно важен для изучения тенденций развития современного Ирака, ибо многие экономические и политические проблемы, возникшие там в годы мандата, не решены и сегодня. Вот почему исследование этого периода вызывает большой научный интерес и имеет важное политическое значение.

Теоретической и методологической основой разработки вопросов, рассматриваемых в нашем исследовании, послужили труды классиков марксизма-ленинизма, материалы съездов КПСС, программа КПСС, отдельные положения по актуальным аспектам национально-освободительного движения, выдвинутые в выступлениях руководящих деятелей КПСС и Советского государства, а также в документах Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий.

Огромную помощь в исследовании причин и движущих сил национально-освободительного движения в Ираке оказали труды В. И. Ленина по империализму и национально-колониальному вопросу. В ряде своих работ В. И. Ленин разоблачил захватническую политику английского империализма на Ближнем Востоке, вскрыл колонизаторскую сущность «мандатной системы». В ноябре 1919 г., когда империалисты еще торговались о дележе мандатов, Ленин предупреждал народы Востока: «...когда говорят о раздаче мандатов на колонии, мы прекрасно знаем, что это — раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это — раздача прав ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара» [2, стр. 327 — 328*].

Из первоисточников на русском языке в работе использованы материалы Архива внешней политики России [15 — 19].

К сожалению, английские и арабские архивные материалы, относящиеся к освещаемому периоду, все еще недоступны для исследователей. Мы постарались восполнить этот пробел привлечением опубликованных документов, многочисленных показаний английской и арабской периодической печати, официальных заявлений английского и иракского правительств, специальных докладов английского правительства и английских верховных комиссаров Совету Лиги наций, многочисленной мемуарной литературы.

Для многих работ западноевропейских буржуазных авторов, прежде всего английских, характерны апологетика британской колониальной политики, «благотворного влияния» Англии на государственное устройство, экономическую и политическую жизнь Ирака, восхваление роли колониальной администрации, экспертов и советников. В первую очередь это относится к трудам бывших английских колониальных деятелей, «политических офицеров», разведчиков и советников. Таковы, например, книги

* Здесь и далее первая цифра означает порядковый номер в списке использованной литературы.

Вильсона [318, 319], Белл [199], Лонгрига [263], Мэна [271], Юнга [325], Томаса [305], Лайэла [269]. Все они рассматривают освободительное движение народов Ирака как направленное против «законности и порядка» и считают, что оно было вызвано «естественной нетерпимостью племен ко всякой упорядоченной администрации». Вместе с тем в работах чиновников колониальной администрации можно найти немало документов и высказываний, правдиво отображающих захватнический лик английского империализма. Труды названных авторов примечательны еще и тем, что в них содержится богатый фактографический материал, который после тщательного анализа позволяет более полно осветить экономическое и политическое положение в Ираке в годы мандата.

При исследовании англо-иракских отношений наряду с некоторыми документальными материалами мы использовали монографии ряда западноевропейских и американских авторов. В большинстве своем эти авторы фальсифицируют историю и служат, следовательно, интересам империализма. Знакомясь с их трудами, лишний раз убеждаешься в справедливости указания В. И. Ленина о том, что буржуазная наука «защищает наемное рабство» [7а, стр. 40].

От работ такого рода выгодно отличаются исследования американских авторов Филиппа Айрленда [243] и Генри Фостера [223], а также очерк о землевладении и землепользовании в Ираке, написанный английским чиновником Эрнестом Даусоном в виде доклада для иракского правительства [212].

Много ценных сведений почерпнуто нами из трудов современных арабских авторов.

Всем современным арабским буржуазным историкам свойственны недостатки методологического характера: они игнорируют социально-экономические факторы исторического развития, проявляют непонимание роли народных масс, восхваляют правонационалистические группировки, идеализируют, как правило, феодальных и буржуазных лидеров, их взгляды и действия. Критикуя и разоблачая колониальную политику английского империализма в Ираке, они в то же время проявляют непоследовательность: отрицают классовую структуру иракского общества, не признают борьбы за социальные преобразования.

Тем не менее работы большинства современных арабских буржуазных авторов представляют определенный познавательный интерес, так как содержат значительный фактический материал.

В этом отношении наиболее интересны работы известного иракского историка Абд ар-Раззака аль-Хасани «История иракского восстания», «Современная политическая история Ирака», «История иракских министерств», «Ирак в период оккупации и мандата», «Ирак под сенью договоров», «Езиды в прошлом и настоящем» [352 — 357], «Лекции» Абд ар-Рахмана аль-Баззаза,

посвященные подмандатному Ираку [351], а также книга Маджида Хаддури «Независимый Ирак» [250]. Труд Хаддури, носящий откровенно проанглийский характер, по методологии сходен с работами западноевропейских буржуазных ученых, однако по материалу заметно отличается от них: в нем мы находим интересные сведения (хотя и в тенденциозном освещении) о тех политических организациях и деятелях, которые возглавляли антиимпериалистическую борьбу иракского народа в период мандата¹.

Достойное место среди работ, посвященных национально-освободительному движению в арабском мире, в частности в Ираке, занимает книга ливанца Дж. Антониуса «Арабское пробуждение» [194]. Следует отметить также работу иракского ученого Фарика Музхира «Правда об иракском восстании 1920 г. и его последствиях» [361], посвященную важнейшему событию в истории национально-освободительного движения иракского народа².

Значительный интерес представляют работы арабских авторов, посвященные социально-экономическим процессам, которые протекали в Ираке с момента окончания первой мировой войны. Среди них следует назвать труды Аббаса аль-Азави [349], Мухаммеда Джавада аль-Абуси [363], Абд аль-Джабара Арима [350], Мухаммеда Фадлана аль-Джамали [244], Макки аль-Джамии [368], Хашима Джавада [245] и Мухаммеда Тауфика Хусейна [362].

Необходимо также отметить работы египетского историка Амина Саида [160], иракцев Адия Гонейма [347], Джорджа Джабраиля Хумми [340], Мухаммеда Абд аль-Фаттаха аль-Яффи [365], в которых отражены отдельные важные моменты политической истории Ирака и национально-освободительного движения.

Немало трудов по истории Ирака написано советскими востоковедами. Достаточно назвать вышедшие в 50—60-х годах монографии Л. Н. Котлова [112], книги Б. М. Данцига [92], Г. И. Мирского [147], С. Н. Алитовского [56], С. Г. Гореликова [87], работы А. Ф. Федченко [175] и Н. О. Оганесяна [152]. Исследованию политики империалистических держав на Арабском Востоке, в том числе в Ираке, посвящены монографии Г. Л. Бондаревского [66а, 67], М. С. Лазарева [116], О. Э. Тугановой [170]. Общая картина развития подмандатного Ирака дана в трудах Н. Т. Корсуна, В. А. Гурко-Кряжина и В. Б. Луцкого.

Однако в советской литературе нет специальных работ, характеризующих социально-экономическое и политическое положение Ирака в годы английского мандата (1920—1932). Изучение этого важного периода стало особенно необходимым пос-

¹ См. также: 79, стр. 219—225.

² См. также нашу рецензию на эту книгу в «Трудах Тбилисского университета» [169, стр. 424—434].

ле выхода в свет книг Л. Н. Котлова и Г. И. Мирского, освещающих политические события, происшедшие в Ираке до введения мандатного режима и после его отмены.

Главное внимание в данной работе уделено исследованию социально-экономической политики мандатных властей, административной структуры Ирака и системы управления, а также причинам, движущим силам и ходу национально-освободительного движения.

При исследовании истории Ирака в мандатный период перед нами стояли и другие, не менее сложные задачи. С одной стороны, надо было изучить историю захвата Ирака Англией, характер отношений, установившихся после этого между оккупантами и местным населением, вскрыть сущность политики мандатных властей и показать последствия английского господства. С другой стороны, необходимо было исследовать курдский вопрос, чрезвычайно актуальный в настоящее время, и не менее важный ассирийский вопрос. Их освещение невозможно без изучения англо-арабских, англо-курдских, англо-ассирийских, арабо-курдских, курдо-ассирийских и арабо-ассирийских отношений. Именно поэтому мы обособили эти два важных вопроса в самостоятельный раздел.

Для полноты исследования мы сочли необходимым включить в работу специальный раздел, характеризующий экономическое и политическое положение Ирака в конце периода турецкого господства.

В западной буржуазной историографии курдскому вопросу посвящено немало работ. Среди них в первую очередь следует назвать труды Сона [297], Диксона [211], Хея [239], Эдмондса [216], Гамильтона [235], Гевэна [230], Вахида [311], Адамсона [190], Сафрастяна [292а].

Работы Сона — известного английского разведчика и бывшего губернатора ливы Сулеймания, так же как Диксона и других бывших английских офицеров (Хей и Эдмондса), особенно важны для исследования вопросов, касающихся расселения курдских племен, их хозяйства и господствующих у них социально-экономических отношений. Они дают очень ценный материал, характеризующий фискальную систему, социальный состав курдских племен, положение вождей, осуществление ими судебной власти и т. д.

Среди арабских авторов, посвятивших свои книги курдам, необходимо отметить известного иракского ученого Аббаса аль-Аззави, написавшего «Историю езидов и происхождение их религии» [348]. Этот труд содержит много ценных сведений о происхождении религии курдов-езидов, их быте и нравах, а также расселении. Аналогичные вопросы рассмотрены в упомянутой выше книге Абд ар-Раззака аль-Хасани «Езиды в прошлом и настоящем» [354], однако аль-Хасани допускает существенную ошибку, когда приписывает езидам арабское происхождение.

Следует отметить также работу Шакира Хасбака «Курды и курдский вопрос» [344], в которой, в частности, рассматриваются арабо-курдские отношения. Шакир Хасбак справедливо заключает, что эти отношения больше всего может укрепить справедливое признание национальных прав курдского народа.

Значительную ценность представляет небольшая работа Хасана Мустафы «Барзанцы и движения барзан» [341], содержащая богатый фактический материал по курдскому национально-освободительному движению. С этой точки зрения определенный интерес вызывает и книга бывшего арабского офицера, участника антикурдских и антисирийских карательных экспедиций, Махмуда Дурра [367].

С успехами курдского национально-освободительного движения тесно связано и развитие курдской историографии. Особенно заметным оно стало после второй мировой войны, когда за изучение истории Курдистана взялись сами курды. Если полвека назад из курдских историков был известен только Шарафхан Бидлиси, автор «Шараф-наме» [293, 185а], то сейчас число курдских исследователей неуклонно растет.

Из трудов, использованных нами, следует назвать «Историю курдов и Курдистана» Мухаммеда Амина Заки [336а], «Из Амана в Амадию. Путешествие в Южный Курдистан» Али Сидо аль-Гурани [360], «Езиды в прошлом и настоящем» Исмаил-бега Чола [330], «Восстание курдов» Ширзада Мухаммеда [345], содержащие много интересных фактов по истории курдского освободительного движения. Правда, они, к сожалению, не дают анализа происходивших в Курдистане социально-экономических процессов и политических событий, имеют ряд существенных пробелов и не отвечают требованиям современной научной методики.

В этом отношении от них выгодно отличаются работы курдских авторов, изданные в Советском Союзе и Чехословакии. Важное значение имеют исследования, проведенные по отдельным вопросам национально-освободительного движения курдов Р. Гази, С. А. Шамзини, К. Н. Кафтаном, А. И. Калавежом, М. К. Хазнадаром, М. А. Камалем, А. Р. Гасемлоу, дающими марксистский анализ исследуемых событий. Немало сделано и советскими курдоведами³. Из их работ следует отметить монографии Н. А. Халфина [179] и М. С. Лазарева [117], работы К. К. Курдоева [114], Ш. Х. Мгои [134а], И. О. Фаризова [173], Дж. Джалила [95] и М. А. Асратяна [59], а также исследования О. Л. Вильчевского [75—77].

Для характеристики отдельных аспектов национальной политики турецких правящих кругов были использованы работы О. И. Гигинейшвили [84, 85].

³ Подробный обзор советской курдоведческой литературы содержится в работах Н. А. Халфина [180] и М. С. Лазарева [11б].

Большинство западных и арабских буржуазных авторов, посвятивших свои труды новейшей истории Ирака, сознательно обходят или освещают очень поверхностно ассирийский вопрос. В советской востоковедческой литературе ему также уделено мало внимания. За исключением нескольких статей и работы К. П. Матвеева (Бар-Маттая) и И. И. Мар-Юханна [96, 133, 134], ассирийцам не посвящались специальные труды.

При исследовании ассирийского вопроса использованы книги Люке [267], Юсуфа Малика [272], Стаффорда [298]. Особенно интересна последняя книга. В годы английского мандата Стаффорд выполнял обязанности советника министра внутренних дел Ирака и был свидетелем ассирийской резни 1933 г. Хотя вопрос об англо-ассирийских, арабо-ассирийских и курдо-ассирийских отношениях после первой мировой войны, особенно в годы английского мандата, изложен Стаффордом очень тенденциозно, книга дает много ценного фактического материала.

При освещении нравов, быта, общественно-хозяйственных отношений и политической жизни ассирийцев в конце периода турецкого господства мы опирались на книгу английского миссионера Виграма [314], который своей активной деятельностью во многом способствовал английскому проникновению в ассирийские районы. Кроме того, мы использовали сообщения наблюдателей [31], работы П. Аверьянова [51, 52], Я. Маломы [131а], Е. Лалаяна [117а].

Охарактеризованные выше работы не исчерпывают всей литературы, освещающей историю английского господства в Ираке. За последнее время на Арабском Востоке, а также в европейских странах и в США вышло немало трудов, посвященных отдельным вопросам истории Ирака первой трети XX в. К сожалению, в кратком обзоре не представляется возможным дать оценку каждому из них.

* * *

Автор многим обязан видному советскому историку-арабисту В. Б. Луцкому, по рекомендации и при научной консультации которого разрабатывалась данная тема. Почти до последних дней жизни, уже будучи тяжело больным, он не переставал интересоваться ходом работы над книгой, давал много советов и указаний.

Автор приносит также свою благодарность заведующему Отделом новой и новейшей истории стран Ближнего Востока Института востоковедения Академии наук Грузинской ССР доц. О. И. Гигинейшвили, ознакомившемуся с отдельными главами рукописи и высказавшему ряд ценных замечаний, а также научным сотрудникам Института востоковедения Академии наук СССР доктору исторических наук Н. А. Халфину и кандидатам исторических наук Л. Н. Котлову и М. С. Лазареву за полезные замечания, высказанные ими при обсуждении рукописи.

ЧАСТЬ I.

ИРАК В КОНЦЕ ПЕРИОДА ТУРЕЦКОГО ГОСПОДСТВА (1900—1914)

В начале XX в. Ирак был глухой провинцией Османской империи. Административные и культурные реформы, проведенные после 1869 г. в Ираке губернатором Багдада и командующим VI корпусом Мидхат-пашой¹, лишь укрепили в этой стране турецкое господство.

Представители местного населения (арабы и курды) были отстранены от управления своей страной. Все ведущие административные посты занимали турки.

Ирак начала XX в., пишет англичанин Лонгригг, представлял собой страну голода и отчаяния [263, стр. 18]. Известный некогда в качестве житницы Передней Азии, по словам русского консула в Басре А. Адамова, Ирак превратился в нищую страну, покрытую в большей части пустынями и болотами. Площадь Ирака, находившаяся под посевами, едва составляла двадцатую часть ее территории [30, стр. 5]. Четыре пятых населения недоедало. Уровень детской смертности был самым высоким в мире. Не принималось никаких мер для лечения и профилактики малярии, дизентерии, тифа, оспы, холеры, венерических и других инфекционных болезней [263, стр. 18].

¹ Мидхат-паша преобразовал иракские суды на европейский манер, создал в крупных городах Ирака муниципальные советы, основал новые военные и гражданские школы; во время его губернаторства в Багдаде начала выходить первая газета на арабском языке [57, стр. 457]. Из других начинаний Мидхат-паши следует отметить установление прямого морского сообщения с Лондоном и Стамбулом, расширение и улучшение навигации по Тигру, проведение первой железной дороги. Мидхат-паша стремился ликвидировать сепаратизм племен и феодалов. Он энергично продолжал начатую его предшественниками политику замирения арабских племен Ирака и добился в этом отношении определенных успехов: племена были обязаны нести воинскую повинность, их заставили выплачивать государственные налоги. Над бедуинами крупных арабских племен анайза и шаммар нависла опасность превратиться в оседлых обитателей [202, стр. 281]. Всякое противодействие племен жестоко подавлялось. Одновременно, чтобы заручиться поддержкой родо-племенной верхушки, Мидхат-паша начал продавать на льготных условиях государственные земли вождям племен.

Подробнее о деятельности Мидхат-паши см. работы А. А. Адамова [53], Али Мидхат-бея [193] и В. Б. Луцкого [129].

Население Ирака в начале XX в., по приблизительным подсчетам, составляло 2,5 — 2,7 млн. человек². Плотность населения не превышала 1,5 человека на квадратный километр.

ГЛАВА I.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ И СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Перед первой мировой войной Ирак делился на три вилайета: Багдадский, Мосульский и Басрийский³.

Каждый вилайет делился на санджаки (округа), санджаки — на казы (уезды), казы — на нахии (волости)⁴. Во главе вилайета стоял вали (губернатор), подчинявшийся центральному правительству. Санджаками управляли мутасаррифы, казами — каймаками, нахии находились под управлением мудиров. Последним звеном в длинной цепи вилайетской администрации был мухтар — деревенский староста⁵.

В состав руководства вилайетской администрации входили: муавин — заместитель вали, дефтердар — управляющий финансовыми делами, мектубчи — заведующий канцелярией вали, вилайетский драгоман, который руководил сношениями с иностранными консулами, а также второстепенные чиновники — управляющие вакфами, путями сообщения, заведующий кадастром; начальники полиции, почты и телеграфа; инспектора торговли и земледелия. Кроме того, при вали функционировал постоянный совет — маджлис, пользовавшийся совещательными правами и рассматривавший все вопросы, касавшиеся дел вилайета. В состав маджлиса входил муавин, дефтердар, мектубчи, муфтий — глава мусульманского духовенства, наиб — председатель шариятского суда, а также представители немусульманских общин (христиан, евреев) [263, стр. 11]. Раз в год вали был обязан созывать Генеральный совет [53, стр. 64], в который входили представители от всех санджаков и каз. Таким об-

² По вилайетам население распределялось следующим образом: в Багдадском — 1,25 млн., в Мосульском — 0,5 млн., остальная часть населения приходилась на долю Басрийского вилайета [263, стр. 7].

³ До 1869 г. Ирак представлял собой одну административную единицу — Багдадский пашалык (позже — вилайет). В 1879 г. из него выделился Мосульский вилайет, а в 1884 г. — Басрийский вилайет.

⁴ Как правило, административные единицы не соответствовали географическому делению. Поэтому очень часто изменялись границы или вносились поправки в статус той или иной административной единицы, а то и создавались новые.

⁵ В Иракском Курдистане деревенский староста назывался кевха, кетхода или мубашир (подробнее об их функциях см.: 166, стр. 86—87). В тех деревнях, где насчитывалось более 20 дворов, выбирали двух мухтаров. Если деревенское население было объединено в племена, мудир управлял им через главу племени [239, стр. 369].

разом, вся исполнительная власть была сосредоточена в руках вали, который к тому же, как правило, занимал пост командующего войсками, расположенными на территории вилайета⁶.

Административное устройство в санджаках и казах было аналогичным вилайетскому. Подобно вали, мутасаррифы и каймакамы имели свой штат помощников и чиновников. При мутасаррифе действовал местный маджлис.

Вали и мутасаррифы назначались султанским указом; остальных чиновников назначал вали. Частые замены и смещения турецких должностных лиц были обычным явлением в Ираке.

Вали, как представитель султана, имел дело с предводителями местных общин, иностранными консулами и вождями крупных племен. Он руководил муниципалитетами и через дефтердара контролировал доходы и расходы вилайета.

Охрана порядка и спокойствия была возложена на турецкую жандармерию (заптие), организованную на военный лад. Плохо оплачиваемые, жадные, неопрятные жандармы использовались даже в качестве домашней прислуги [263, стр. 36].

После свержения власти султана была основана полиция, жандармерия усилена.

В каждой деревне при мухтаре действовал совет старейшин в составе 3 — 12 человек. В нем были представлены духовные наставники всех религий. Совет старейшин избирался на один год. Совет занимался распределением налогов среди общин, охраной порядка и спокойствия, разрешением спорных вопросов и т. д. Ответственным за сбор налогов в деревне был мухтар [53, стр. 67].

С 1893 г. по всей империи была введена должность таксильдара — сборщика налогов. В каждой казе таксильдара избирала специальная комиссия, в состав которой входили каймакам, заведующие финансами и кадастром, а также начальник жандармерии. В границах своей казы таксильдар был правомочен арестовать непокорных налогоплательщиков, продать их движимое или недвижимое имущество и т. д. [53, стр. 69].

Делами городского управления ведал муниципалитет — маджлис балади⁷. Он состоял из семи человек и избирался на четырехгодичный срок [239, стр. 370]. Работой маджлиса руководил городской голова. В вилайетском центре городского голову назначал вали, а в главном городе санджака — мутасарриф. Во время выборов в маджлис балади кандидат и те, кто выдвигал его кандидатуру, должны были внести определенную

⁶ Исключение составлял Багдадский вилайет. Здесь на пост вали назначали гражданское лицо, а военная власть была поручена представителю армейского командования.

⁷ Маджлис балади существовал в городах с населением не менее 3 тыс. человек [239, стр. 369].

сумму в качестве залога. Кандидат платил не менее 100 пиастров, а избиратель — 40 пиастров⁸ [213, стр. 222].

Муниципалитеты подчинялись вилайетским и санджакским маджлисам. Доходы их бюджета складывались из специальных налогов⁹, которые платило городское население.

Беспристрастный анализ турецкой системы управления в Ираке свидетельствует о том, что она была несовершенной и громоздкой.

Отдаленность Ирака от Стамбула, враждебность местного населения и неблагоприятный климат привели к тому, что страна была забита малообразованными и неспособными турецкими чиновниками или теми, кого высылали по политическим соображениям из столицы империи.

Жалованье большинства чиновников, начиная от вали и кончая последним жандармом, было низким и выплачивалось нерегулярно. Поэтому в Ираке процветали казнокрадство и коррупция¹⁰. Крупные суммы, нередко превышавшие годовое жалованье, выплачивались за уступку той или иной должности. Чиновники редко уходили в отставку, не возместив свои убытки. Например, жалованье судьи в Багдадском вилайете колебалось в пределах 7,5 — 35 ф. ст. в месяц, но чиновники, занимавшие эту должность, быстро богатели [239, стр. 79].

Вот как характеризует представитель русского консульства в Багдаде состояние местной турецкой администрации накануне младотурецкой революции: «Мушир Фейзи паша, исправляющий обязанности Багдадского валия, довел административный строй до полного разложения: все служебные места раздаются им за установленное вознаграждение, причем всякое преступление по должности, всякая несправедливость давала валию повод брать новые и новые взятки. Чиновники, чтобы вознаградить себя, налагают непомерные поборы на население, допускают и даже покровительствуют разбоям. Нет такого преступления, от которого нельзя было бы откупиться перед Фейзи пашой, который, поставив себе целью свое собственное обогащение, грабит население, своих подчиненных и свое правительство» [17, л. 1].

После младотурецкой революции расширилось использование генералов в качестве гражданских правителей [263, стр. 50], что еще более усугубляло недостатки турецкой администрации.

⁸ 100 пиастров были по тогдашнему курсу равны 8 руб.

⁹ Сюда входили налоги за наем ночных сторожей, за пользование городскими весами и мостами, за торговлю на городских площадях, за хранение на городских складах керосина и спирта, за пользование городскими бойнями, банями и т. д. Как правило, сбор этих налогов отдавался на откуп.

¹⁰ Один из турецких мутасаррифов хвалился, что в его бюджете нет никаких расходов. Все чиновники, от самого мутасаррифа и ниже, не получали жалованья, они жили на сомнительные доходы, а общественные работы были просто забыты [47а, стр. 7].

Иногда новые вали и мутасаррифы намечали устройство паровых паромов, планировали постройку стальных мостов, прокладку трамвайных путей и проведение электричества, расширение улиц и разбивку общественных парков. Однако все эти проекты оставались на бумаге, отчасти за неимением необходимых средств, а отчасти потому, что правителей вилайетов и санджаков очень быстро смещали с их должностей [263, стр. 53].

После победы младотурецкой революции в Багдаде, Мосуле и Басре были учреждены апелляционные суды. Некоторых судей, известных своими злоупотреблениями, должны были снять, однако начавшаяся война помешала исполнению этого решения.

Естественно, что арабские племена стремились отделиться от Османской империи. Пример шейха Кувейта, который стал вполне независимым от Порты и фактически находился под протекторатом Англии, был для многих племен чрезвычайно притягательным. Так, упорно продолжал добиваться независимости от Турции глава племенного объединения мунтафик Саадун-паша.

Совокупность указанных обстоятельств привела к тому, что население Ирака при первой возможности покидало родную страну, племена игнорировали авторитет турецкой власти.

ГЛАВА 2.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ. ПЛЕМЕНА. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Население Ирака было пестрым по национальному составу. Почти три четверти всего населения страны составляли арабы. Кроме арабов в Ираке жили курды, ассирийцы, персы, туркмены, армяне, евреи и другие национальности.

Арабское население проживало в основном на равнинах центрального Ирака и на юге страны. Оно занималось выращиванием на орошаемых землях пшеницы, ячменя, риса, овощей, фиников. Юг Ирака (нижнее течение Тигра и Евфрата) представлял собой безжизненную территорию, засоренную илом. Он охватывал южную часть санджака Хилла, а также почти всю территорию санджаков Амара, Мунтафик и Басра. Посевы пшеницы и ячменя занимали здесь значительно меньшую площадь, чем в центральном Ираке, но зато местные жители сеяли больше риса (на затопляемых площадях), обширные площади занимали финиковые рощи. Жители юга разводили буйволов, занимались рыболовством.

Территория к юго-западу и западу от Евфрата, южнее Багдада, а также вокруг Джебель Хамрина принадлежала бедунам, разводившим верблюдов.

Прибрежные части Тигра и Евфрата были заняты полуоседлыми племенами.

Население северного и северо-восточного Ирака исповедовало ислам суннитского толка, а большинство населения юга и центральных областей — шиизм.

Из арабских племен половина были суннитами, половина — шиитами. Некоторыми шиитскими племенами правила суннитская верхушка. Так было, например, в конфедерации племен мунтафик. В другие племенные объединения входили сторонники обоих направлений ислама.

По образу жизни арабское население Ирака делилось на кочевых, полукочевых и оседлых¹¹.

Большинство жителей центрального и южного Ирака составляли кочевники. Арабские кочевники — бедуины¹² — сохраняли в чистоте и неприкосновенности древние нравы и обычаи своих предков. Основным занятием бедуинов было разведение лошадей и верблюдов, вооруженные набеги («газу»)¹³.

Многие бедуины были вооружены карабинами Мартини, которые ввозились в большом количестве в Ирак из Маската и Кувейта через Аравию. Наряду с этим на вооружении у бедуинов все еще имелись кремневые ружья, сабли, кривые ножи и бамбуковые пики.

В поисках корма для своих стад бедуины постоянно кочевали. Пока скот находил пищу и не было недостатка в воде, кочевники не трогались с места. После снявшегося бедуинского стана, как после саранчи, нельзя было найти ни травинки: все было съедено, вытоптано и уничтожено [53, стр. 130].

Перед началом перекочевки в палатке шейха племени собирались на совещание старейшины и по общему согласию назначали день выхода и место новой стоянки. По прибытии на новое кочевье шейх племени выбирал место для стоянки, намечая его воткнутым в землю копьём, к которому привязывал своего коня. Подобным же образом каждый бедуин определял положение своей палатки¹⁴. Дележ пастбищ происходил

¹¹ Сами арабы делили себя только на две группы: кочевников и оседлых. Кочевников называли «ахль аль-бейт» («жители палатки»), а оседлых — «ахль аль-хейт» («застенные жители»).

¹² Слово «бедуин» происходит от арабского «бадавнийун» — житель пустыни.

¹³ Набеги совершались племенем в тех случаях, когда надо было отомстить правительству за карательные экспедиции или другим племенам за похищенный скот либо за неаккуратную выплату дани. При набегах бедуины уводили верблюдов, лошадей, рогатый скот, вытаптывали поля, сжигали дома и палатки. Набеги совершались иногда даже из Неджда. Например, в 1897 и 1898 гг. вождь недждских шаммаров Иби Рашид из внутреннего Неджда посылал своих бедуинов к берегам Евфрата [186, т. I, ч. III, стр. 107].

¹⁴ Палатка бедуина делилась на две половины: мужскую и женскую. В мужской половине помещали оружие и седла, а в женской, которая служила одновременно спальней, детской, кухней и кладовой, хранили мешки с продуктами и всю домашнюю утварь (деревянную ступку для размола кофе, кофейники, несколько чашек, деревянных горшков и ложек, медный таз, ручные жернова, небольшую жаровню и бурдюки для воды, молока и сбивания масла).

пропорционально числу скота, и поэтому лучшие участки выделялись влиятельным членам племени, владевшим огромным количеством верблюдов и лошадей.

Устройством кочевья в основном занимались женщины. На них лежала самая тяжелая домашняя работа: они ставили и собирали палатки, приносили воду и топливо, доили и выгоняли скот на пастбище и водопой, сбивали масло, готовили пищу, пряли и т. д. и т. п.

Пищу кочевников составляли финики, рис, просо, ячмень или пшеница, которыми они один или два раза в год запасались в городах, выменивая на продукты скотоводства. Мясо у бедуинов считалось роскошью, и его ели только в торжественных случаях [53, стр. 120—121].

Жизнь бедуина была сурова и безотраднa, как окружающая пустыня. Условия кочевой жизни на протяжении многих веков оставались неизменными.

Пастбища были для бедуинов вопросом жизни или смерти. Поэтому вполне естественно, что за обладание ими племена часто враждовали между собой. Межплеменные распри, возникавшие на почве дележа пастбищ¹⁵, как правило, переходили в кровопролитную борьбу, ибо побежденная сторона обращалась за помощью к дружественным племенам, а те по закону взаимности считали необходимым откликнуться на призыв. Так в борьбу включались все новые и новые племена.

В результате этих столкновений многие бедуины лишались своего скота, что приводило их к обнищанию и разорению, так как существование их целиком зависело от наличия скота и продуктов животноводства.

Еще больший урон терпели кочевники (а также оседлые арабы) от стихийных бедствий (засуха, морозы). Так, в суровые зимы падеж скота в Сирийской пустыне и в приевфратских районах достигал 50% общего поголовья [65а, стр. 60].

Свои перекочевки бедуины совершали целыми племенами в определенное время года и по известным направлениям. По свидетельству Энн Блант¹⁶, большие бедуинские племена ежегодно с ноября по май проходили около 2 тыс. миль [202, т. II, стр. 166]. Например, бедуины племени амарат-анайза, спускаясь на зиму к югу, доходили почти до Джебель Шаммара, а весной в поисках пастбищ снова кочевали на север, до самого Алеппо (Халеба). Естественно, что такие переходы могли совершать лишь те племена, которые занимались в основном верблюдоводством и коневодством¹⁷. Племена, разводившие

¹⁵ Кроме желания завладеть пастбищами или колодцами, поводами для межплеменных столкновений могли служить также кровная месть, старинные счеты двух племен или наследственная неприязнь шейхов.

¹⁶ Энн Блант — английская путешественница, внучка Байрона.

¹⁷ Эдуард Нольде замечает, что здоровый взрослый бедуин мог обойтись без воды, несмотря на палящий зной, в течение полутора суток [282а, стр. 46—47].

мелкий рогатый скот, не могли обойтись без воды и потому ограничивали свои передвижения небольшим приречным районом¹⁸.

Верблюды и лошадь были незаменимыми спутниками бедуина в его тяжелой борьбе за существование. Особенно большую роль в его хозяйстве играл верблюд. Он давал своему хозяину пищу (молоко и мясо), одежду и кров (шерсть, из которой ткали материю), топливо (сушеный помет). Поэтому достаток бедуина определялся количеством принадлежавших ему верблюдов. Богачом считался тот кочевник, у которого было не менее 40 верблюдов¹⁹.

После верблюдоводства главным занятием бедуина было коневодство.

В отличие от бедуинов Аравии, которые выращивали скакунов для себя, иракские кочевники занимались коневодством главным образом в целях торговли. Они либо сами привозили своих лошадей на продажу в Алеппо, Мосул и Багдад, либо продавали их скупщикам, посещавшим кочевья во время летнего пребывания бедуинов на северной окраине Сирийской пустыни (Эш-Шамин)²⁰.

Все попытки турецкого правительства обратить бедуинов в оседлых жителей оставались тщетными и лишь увеличивали в них ненависть к турецким властям. Иногда войска окружали слабое бедуинское племя, отнимали лучших кобылиц, а затем принуждали кочевников сооружать глинобитные лачуги и запахивать землю. Пока войска оставались на месте, подневольные работники вынуждены были трудиться, но с уходом войск немедленно покидали лачуги и пашни, оставив в руках турецких властей большую часть своего достояния и унося с собой жажду мщения [19, лл. 94—95]. Месть эта была иногда очень жестока, и не один турецкий отряд был истреблен, попав в руки арабов-кочевников.

В общей массе населения всех трех частей Ирака, или, как его тогда называли, Турецкой Аравии, бедуины по численности представляли собой преобладающий элемент. Благодаря этому каждое бедуинское племя легко подчиняло себе полуоседлые племена своих сородичей.

Кочевники относились с пренебрежением к оседлому населению. Они почти не смешивались с ним, презирали оседлую

¹⁸ В отличие от бедуинов таких кочевников называли «шауийэ» («расеянные») [53, стр. 152].

¹⁹ Всего в Багдадском и Басрийском вилайетах было соответственно 46 тыс. и 11,5 тыс. верблюдов [53, стр. 155—156]. За каждого верблюда взимался правительственный налог в размере 10 пиастров.

²⁰ Из других верховых и вьючных животных, разводившихся в Ираке, следует упомянуть об ослах и мулах. Общее количество их к концу XIX в. в Багдадском и Басрийском вилайетах определяли приблизительно в 214 тыс. [2066, т. III, стр. 22].

жизнь и дорожили своей свободой [2826, ч. II, стр. 205]. Кроме причин, лежавших в самой природе кочевников, переходу бедуинов к оседлой жизни мешало жалкое положение оседлого населения.

В конце XIX в. межплеменные войны участились. Более сильное племя подчиняло себе более слабое. Это подчинение носило форму покровительства, «хувва» («братство»). За право пользоваться пастбищами подзащитного племя платило своему покровителю дань, которая тоже называлась «хувва»²¹. Таким образом, хувва гарантировала слабые племена от нападения враждебных им бедуинских племен. Турецкие власти такую защиту предоставить были не в силах. Вассальное племя было обязано участвовать во всех войнах, которые вело племя-покровитель.

Кроме того, в Ираке существовал еще один вид хуввы — договор между бедуинским племенем и каким-либо влиятельным лицом из Мосула, Багдада или Басры. По этому договору бедуины гарантировали целостность и сохранность его загородных имений, пастбищ и скота, взамен чего тот обязывался защищать их интересы перед правительством [186, т. I, ч. III, стр. 95].

Процесс политического и хозяйственного порабощения слабых племен усилился в начале XX в., когда власть турецкой администрации на многих территориях, занятых арабскими племенами, стала номинальной.

К концу периода турецкого господства племя в Ираке еще сохранялось как политическое целое, однако родовые связи становились все слабее.

Политическая организация бедуинских племен целиком соответствовала их патриархальному строю. Каждое племя или колено возглавлялось вождем — шейхом. Во главе больших племен (кабиле) стоял главный шейх (шейх аль-кабир или шейх аш-шух). Кабиле делилось на более мелкие племена (ашире), которые управлялись своими собственными шейхами. Каждое ашире состояло из нескольких родов (таифе), во главе которых находились мухтары. Род объединял отдельные семьи.

Шейх вел племя на войну²², договаривался о мире, разбирал

²¹ Эту дань платили также за право проезда через территорию племени [53, стр. 137]. Вожди сильных племен облагали «хуввой» и оседлое земледельческое население. Многие земледельцы, спасаясь от набегов дружин кочевых феодалов, платили предводителям племен-покровителей натуральную дань (от половины до четырех пятых урожая) [2826, ч. II, стр. 45]. Как правило, эту дань шейхи целиком забирали себе [292в, т. II, стр. 311].

²² Если шейх по каким-нибудь причинам не мог принять командование в военное время, совет племени (маджлис) избирал из своей среды предводителя (акида), известного своими воинскими доблестями [186, т. I, ч. III, стр. 104; 53, стр. 150]. Если среди своих не было подходящего кандидата, акидом избирали представителя чужого племени [202, т. II, стр. 236—237].

тажбы и распри соплеменников²³, представлял племя перед турецким правительством. Его палатка, открытая для всех, играла роль политического клуба. Популярность и авторитет шейха измерялись его щедростью и гостеприимством²⁴.

Доходы шейха состояли из жалованья, выплачиваемого турецкими властями, или из субсидий, получаемых от английского правительства; из дани, собираемой с покоренных племен; из хуввы, выплачиваемой караванами, паломниками и путешественниками за безопасный проезд по его владениям; из военной добычи (на его долю приходилась пятая часть захваченного у побежденного племени скота и имущества).

Как правило, должность шейха переходила по наследству к его сыну или брату [218а, стр. 66]. В прежние времена выразителем воли племени был маджлис. Однако постепенно он превратился в организацию племенной верхушки.

К началу XX в. в племенах все заметнее ощущалось имущественное неравенство. Племенная верхушка все чаще присваивала право контроля над источниками и колодцами, юридически составлявшими общую собственность соплеменников [210а, стр. 46]. Касаясь социальной организации племени шаммаров, немецкий востоковед Захау, побывавший в конце XIX в. в Сирии и Ираке, писал: «Место и влияние каждого соответствует его имуществу» [292в, стр. 310].

В распоряжении большинства шейхов бедуинских племен Ирака находились отряды телохранителей, причем число воинов зависело от авторитета и положения шейха [53, стр. 142].

Ко второй группе принадлежало полуоседлое население, засевавшее поля и по снятии урожая кочевавшее со стадами овец, не уходя, впрочем, далеко. Земледелие у этих полукочевников находилось на низком уровне: иногда вместо плуга они разрыхляли землю железными крючьями или вилами. При всем том вследствие большого плодородия почвы в местах своего расселения урожай они получали высокий. Однако значительная часть урожая попадала в руки турецких чиновников, забиравших у арабов в четыре-пять раз больше того, что было определено законом. Вообще полуоседлое население находилось в тяжелом положении: с одной стороны, их обирали турецкие власти, с другой — оно было обязано платить дань соседнему бедуинскому племени, защищавшему его от набегов врагов. Все это вызывало ненависть к турецкому режиму, и поэтому полукочевники не упускали случая, где только было возможно, отомстить турецким чиновникам. Кроме занятий земледелием

²³ В вынесении судебных постановлений шейху помогали «кади аль-фераа» (или «арифа») — знатоки обычного права пустыни.

²⁴ Например, у вождя шаммаров Ибн Рашида стоговалось около 2 тыс. человек, а у одного из мунтафских шейхов, Аджилы аль-Явара, ежедневно кормилось до 300 человек [282а, стр. 36; 313, т. I, стр. 198; 186, т. I, ч. III, стр. 104].

полуоседлое население отличалось от бедуинов еще и тем, что разводило овец и буйволов. Лошади и верблюды были далеко не у всех полукочевников [19, лл. 94—95].

В хозяйстве полукочевых арабов большую роль играло скотоводство. Благоприятные климатические условия, близость населенных пунктов обеспечивали им постоянный сбыт молока, масла и мяса, а рост местного потребления и вывоза за границу шкур и кожи значительно увеличивал прибыльность скотоводства.

Скотоводством в основном занимались шауийе и маадани²⁵.

По численности первое место занимали бараны и овцы, за ними следовали быки и коровы, а уж затем буйволы²⁶; на последнем месте стояли козы (их разводили главным образом курды). По мелкому рогатому скоту первое место занимал санджак Хилла, за ним шли санджаки Кербела, Багдад, Мунтафик, Амара и Басра. Общее количество мелкого рогатого скота в районах, населенных арабами, составляло приблизительно 1,5 млн. голов²⁷.

Поголовье быков и коров в Ираке определить невозможно, так как они не облагались налогами²⁸ и, следовательно, не подлежали регистрации. Часть молочных продуктов владельцы коров сбывали городским и сельским жителям. Кроме того, для полукочевника корова служила вьючным животным, а для земледельца — рабочим скотом.

К третьей группе принадлежали оседлые земледельцы — феллахи. Они представляли собой последнюю переходную ступень от бедуина к городскому жителю. Основным занятием феллахов было земледелие²⁹ и садоводство, скотоводство же являлось лишь подспорьем в хозяйстве. Оседлые земледельческие племена Ирака резко отличались друг от друга. Садоводы, разводившие фрукты и табак на севере Ирака, и земледельцы, выращивавшие пшеницу и овощи в Самарре, были непохожи на садоводов Баакубы или Эш-Шамии, культивировавших финики, а также на батраков, возделывавших рис в Мунтафике [263, стр. 22].

²⁵ Так называли полуоседлые арабские племена, занимавшиеся разведением буйволов и выращиванием риса. Большинство членов этих племен были последователями шиизма. Их общая численность составляла приблизительно 100 тыс. Они не покидали своих тростниковых хижин, расположенных у болот и топей, образованных разливами Тигра и Евфрата, так как буйволы совершенно не могли обойтись без воды, в которой они проводили большую часть дня. Шауийе, разводившие мелкий и крупный рогатый скот, хотя и кочевали с места на место, также никогда не удалялись от Тигра и Евфрата.

²⁶ Общее количество буйволов в Ираке к началу XX в. составляло примерно 40 тыс.

²⁷ Сюда не включен мелкий рогатый скот, который пасся на султанских землях.

²⁸ Налог брали только со скотобоев в размере 11 пиастров с коровы или быка.

²⁹ Земледелием в Ираке занималось менее 25% населения.

При небольшой плотности населения и благоприятных природных условиях земледелие, особенно такие его отрасли, как зерноводство, финиководство, виноградарство, хлопководство, табаководство, имели все возможности для процветания. Однако сельское хозяйство страны на рубеже XIX—XX вв. находилось в упадке. Урожай зерновых были крайне низки и неустойчивы. Иракский земледелец получал не более 8 ц пшеницы с гектара.

Бедственное состояние иракского земледелия объяснялось следующими причинами: недостаточностью посевных площадей (накануне английского завоевания из 12,5 млн. га годной для обработки земли обрабатывалось лишь немногим более 0,5 млн. га, т. е. около 4%), упадком оросительной системы (ничего не делалось для восстановления как древних дамб, регулирующих периодические наводнения рек и их течение, так и сети каналов, снабжающих водой посевы), отсталостью орудий труда и методов обработки земли, высокими правительственными налогами, тяжелыми условиями аренды, отвратительным состоянием путей сообщения и отсутствием гарантий безопасности.

Первым толчком для превращения кочевника в земледельца послужила продажа и сдача в долгосрочную аренду незанятых и малопродуктивных казенных земель шейхам отдельных племен из федераций мунтафик и бани лям. Вторым толчком было прорытие Суэцкого канала и установление прямого пароходного сообщения между Ираком и Западной Европой. Оно открыло местному сырью широкий доступ на европейские рынки, что повысило ценность продуктов скотоводства и земледелия.

Тем не менее процесс перехода кочевников Ирака на оседлый образ жизни шел еще медленно. На рубеже XIX—XX вв. все оседлое и полуоседлое население Багдадского и Басрийского вилайетов состояло на треть из горожан, наполовину из скотоводов и только на одну шестую из земледельцев [199а, стр. 396]. Многое зависело и от местных природных условий. Например, в санджаке Мунтафик, где условия для занятия земледелием были сравнительно хороши, процесс перехода местных племен на оседлость шел быстрее, чем в других районах Ирака [53, стр. 39].

Оседлый араб отказывался от многих привычек кочевой жизни и был мало похож на своего прототипа — бедуина.

Бедуины и шауийе жили в шатрах, сотканых из козьей шерсти, мадани — в тростниковых хижинах, а феллахи — в сарифах (легких постройках из пальмовых ветвей, тростника и циновок).

Почти половину населения Басрийского вилайета³⁰ состав-

³⁰ Всего в Басрийском вилайете, включая и санджак Эль-Хасу, в конце XIX в. было приблизительно 950 тыс. жителей [206б, т. III, стр. 220].

ляли арабы, входившие в состав крупных племенных конфедераций — мунтафик и бани лям³¹. Эти племена были выходцами из Центральной Аравии. Волна переселения выбросила их за 350 лет до этого на север Аравийского полуострова, а затем под напором новых переселенцев с юга они вынуждены были двинуться далее на восток и занять территорию Южного Ирака.

Мунтафики расселились по берегам Шатт эль-Хая, по правому берегу Евфрата и между Евфратом и Тигром. Они занимали огромное пространство от Самавы и Кут эль-Амары до Эль-Курны.

Конфедерация мунтафик, объединявшая 22 племена, была одной из самых могущественных и многочисленных в Ираке. Она могла выставить около 50 тыс. воинов.

Каждое из племен, входивших в конфедерацию, имело своего шейха. Мунтафиков насчитывали до 50 тыс. палаток [186, т. I, ч. III, стр. 102; 167, ч. I, стр. 219], что приблизительно составляло 250 тыс. человек. Большинство мунтафиков были оседлыми земледельцами.

Племя бани лям занимало левый берег Тигра между Кут эль-Амарой и Ховейдой вплоть до подножия Пуштукуха и правый берег Тигра к югу от канала Шатт эль-Хай до Амары. Эта конфедерация племен могла выставить до 30 тыс. всадников. В XIX в. у бани лям были два главных шейха, которые возглавляли племена, расселившиеся по правому и левому берегам Тигра. В начале XX в. у них был уже один главный шейх (Мизбан), который являлся полновластным вершителем судеб соплеменников и распорядителем их имущества.

Конфедерация бани лям насчитывала до 20 тыс. палаток [186, т. I, ч. III, стр. 101]. Часть бани лям составляли бедуины, часть вела полуоседлый образ жизни. Многие из бани лям переселились в Иран. У бани лям было много хорошей неорошаемой земли; они сеяли пшеницу, ячмень, просо, имели много крупного рогатого скота, верблюдов, лошадей и баранов [16, л. 161 об.].

К югу от бани лям кочевало племя аль-бу-Мухаммед³². Оно распадалось на 13 ветвей и состояло из 12 тыс. палаток. Это

³¹ Слово «мунтафик» — это искаженное «муттафик» («согласный, соединенный»). Конфедерация образовалась из соединения трех главных племен — бани малик, аль-аджеад и бани саид. Первоначально ими правили общий шейх из рода аш-Шабиб. Но впоследствии этот род распался на восемь колен. Со второй половины XIX в. возвысился представитель колена ас-Саадун шейх Насир, который сумел закрепить за своей семьей должность главного шейха. С тех пор главенство в конфедерации мунтафик осталось за Саадунами (подробнее см.: 182а, стр. 47). Бани лям ведут начало от племена фаддуль, жившего близ Мекки. Название они получили по имени одного из своих шейхов, Фараджи Ляма. Его потомки переселились в Ирак и стали известны под названием бани лям, т. е. сыновей Ляма [268, т. III, стр. 225].

³² Оно было самым крупным в племенном объединении аль-Маадани.

племя занимало территорию от Бутейра почти до Эль-Курны [19, л. 96 об.]. Оно вело частью оседлый, а частью полуседлый образ жизни.

Шейхи племени аль-бу-Мухаммед до 30-х годов XIX в. починались бани лям, но затем усилились и стали враждовать с ним. Они были очень богаты [16, л. 162 об.]. Главой племени был шейх Сайгуд ибн Миншид³³.

Земли их орошались водой из каналов. Сеяли аль-бу-Мухаммед главным образом рис, который был для них основным продуктом питания; кроме того, они выращивали пшеницу, ячмень, просо, разводили баранов и буйволов [16, л. 163].

Севернее, у Хиллы, по обоим берегам Евфрата проживало племя даххара и афедж, распадавшееся на 16 ответвлений и насчитывавшее до 25 тыс. палаток. Оно вело частью оседлый, частью полуседлый образ жизни.

Из племен, населявших средний Евфрат, следует отметить бани хучайм, шибль, фатля, аль-хазанль³⁴, бани хасан. Большинство членов этих племен были шиитами.

Племена раздирались бесконечными спорами и тяжбами относительно владения земельными участками. Иногда эти споры переходили в вооруженные столкновения. К этому добавлялось постоянное недовольство турецким господством. Когда в племенные дела вмешивался местный мундир или каймакан, борьба между племенами и турецкой администрацией принимала ожесточенный характер [263, стр. 25].

Центральный Ирак населяли в основном оседлые и полуседлые племена, например ар-рабия, зубейд³⁵. Численность членов племени зубейд к тому времени сильно сократилась в результате междоусобий и раскола. Теперь они уже не воевали. В этой части Ирака жизненный уровень был высоким, налоги собирались почти регулярно. В соседстве с названными выше племенами кочевало полуседлое племя хиндия (между Хиллой, Кербелой и Неджефом), имеющее 16 ветвей, общей численностью 20—25 тыс. палаток.

По правому берегу Тигра, от р. Диялы до Кут эль-Амары, проживало племя шаммартога (всего около 5 тыс. палаток), принадлежавшее частью к бедуинскому, частью к полуседлому типу. Наконец, по Шатт эль-Арабу проживали племена, занимавшиеся рыболовством и заменившие копье сетями, коня — челноком, а верблюда — буйволом. Обширные непроходимые болота, поросшие камышом высотой в несколько метров, укрывали большинство этих племен от зорких глаз турецких сборщиков податей, поэтому и точное количество их было неизвестно.

³³ Он был известен своим вероломством и жестокостью. При нападении на другие племена он живо сжигал людей, распарывал им животы.

³⁴ Полуседлое племя аль-хазанль распалось на 15 ветвей. Численность его достигала 12 тыс. палаток [19, л. 96—96 об.].

³⁵ Племя зубейд насчитывало 10 тыс. палаток [19, л. 97].

Территорию от Ана до Эль-Фаллуджи занимало племя дулайм.

Это было самое большое оседлое племя. Места их жительства были окружены полицейскими постами, так как турецкие власти не совсем были уверены в их лояльности. В 1909 г. в племени произошли крупные волнения, и против него были направлены турецкие войска под командованием Мухаммеда Фадил-паши. Между главой племени и вали Багдада было заключено соглашение об умиротворении, однако через два года здесь вновь появились войска карателей, на этот раз под предводительством Хасана Ридха-бея [263, стр. 55].

К северу от Багдада между Тигром и Евфратом кочевало племя дилем, насчитывавшее до 5 тыс. палаток [19, л. 98]. Большая часть дилемов заменила копые плугом, остальные занимались разведением верблюдов и лошадей. Турецкая администрация Багдада собирала с них подати, но не была в силах защитить их от нападения бедуинских племен. Поэтому дилемы вынуждены были платить дань бедуинскому племени амаратанайза, взявшему их под свое покровительство. Племя могло выставить от 2 тыс. до 3 тыс. всадников.

По соседству с дилемами кочевало племя аз-зуба, состоявшее из 7 колен и насчитывавшее до 4 тыс. палаток. Оно платило дань бедуинскому племени шаммар и не находилось в такой зависимости от турецких властей, как дилемы [19, л. 99]. По образу жизни оно было близко к бедуинам. К северу от племени аз-зуба, по левому берегу Евфрата кочевало племя джерифе (около 500 палаток), а еще севернее — племя буххара (800 палаток). Оба племени принадлежали к полуоседлому типу и занимались овцеводством.

Недалеко от двух последних племен по Тигру кочевало полуоседлое племя джаббур, занимавшееся овцеводством и делившееся на две ветви: джаббур шарки (3 тыс. палаток) и джаббур гарби (около 4 тыс. палаток). В районе Синджарских гор кочевало полуоседлое племя аль-бу-Хамид (около 1 тыс. палаток), на северо-запад от этих гор — племена хаддадин (2 тыс. палаток) и тами (1 тыс. палаток). Наконец, недалеко от них в районе Эль-Хавиджи, кочевало племя обейд (4 тыс. палаток), находившееся в переходном состоянии от бедуинского к полуоседлому типу [19, л. 99—99 об.].

Почти все названные племена находились в вассальных отношениях к самому многочисленному в Северном и Центральном Ираке племени шаммар. Шаммаров со всеми их 18 ответвлениями насчитывали от 12 до 15 тыс. палаток.

Шаммары вышли из Неджда в середине XVII столетия. Часть их осела в местности, называемой Джебель Шаммар, а другая заняла Эш-Шамию, или Сирийскую пустыню, вытеснив господствовавшее здесь ранее племя муала и подчинив себе все остальные племена этого района. Шаммары гарантировали сво-

им данникам неприкосновенность их стад от посягательств как других племен, так и султанских войск и чиновников. Последнее условие выполнить было нетрудно, так как турецкое правительство оказалось бессильным обуздать новых завоевателей, и до начала XVIII в. шаммары были полными хозяевами Сирийской пустыни.

На рубеже XVIII и XIX вв. из Неджда появилось другое, более сильное и многочисленное племя амарат-анайза, которое, соединившись с племенем муала, вытеснило шаммаров из Сирийской пустыни в глубь Ирака. Подчинив себе многие племена, шаммары стали действительными хозяевами страны. В 60-х годах XIX в. после долгих усилий стамбульскому правительству удалось привлечь на свою сторону одного из шейхов шаммаров — Фархана ибн Суфука, который за титул паши и 3 тыс. лир жалованья согласился до некоторой степени содействовать подчинению своего племени турецким властям [19, л. 100—100 об.]. Однако не все племя поддержало этот шаг. Часть его отделилась и перешла под начальство двоюродного брата шейха Фархана — Абд аль-Керима, вскоре изменнически убитого турками, а затем к его брату Фалису; так племя шаммар разделилось на «мирных» и «немирных».

Под натиском соперничавших племен и турецких карательных экспедиций часть шаммаров откочевала на север Аравийской пустыни.

В юго-западной части Сирийской пустыни проживало племя ад-дафир, шейхи которого часто ссорились с вождем шаммаров Ибн Рашидом и устраивали набеги на Мутейр и Анайзу [263, стр. 24].

Среди населения Сирийской пустыни прежде всего следует отметить одно из самых могущественных арабских племен Северной Аравии — амарат-анайза, насчитывавшее до 35 тыс. палаток. Это племя занимало все пространство от Алеппо до Джебель Шаммара. Племя делилось на девять главных ветвей, из которых каждая в свою очередь распадалась на несколько родов. Оно держало в подчинении остальные племена пустыни: воинственное бедуинское племя муала, пастушеские племена вельди и эрфуди (каждое из них насчитывало по 1 тыс. палаток), а также племя дилем, о котором было упомянуто выше. Амарат-анайза не подчинялись турецким властям.

В самой Басре с Эз-Зубейром и по обоим берегам Шатт эль-Араба, от Фао и иранской границы до Эль-Курны, жило около 220 тыс. человек. Это были владельцы финиковых садов и феллахи-батраки, в большинстве случаев порвавшие всякие связи с племенем и всю жизнь переходившие от одного собственника к другому.

В Басрийском вилайете племена аль-бу-Мухаммед и бани лям разводили скот, в основном верблюдов, баранов и буйволов, сеяли пшеницу и рис. Племя мунтафик и прочее население

района Насирии и Шатт эль-Хая владели финиковыми садами и скотом, в основном баранами. Племена, проживавшие от Эль-Курны вверх по Евфрату, имели финиковые сады и много скота, а те из них, чьи селения были смежны с пустыней, держали еще много лошадей и верблюдов.

Оседлое население по обоим берегам Шатт эль-Араба поголовно занималось культурой финиковой пальмы, а также выращивало фрукты; скота и лошадей у него было мало.

Финиковая пальма многое давала хозяйству феллаха. Из листьев плели циновки, подносы, веера, корзины и мешки; они служили также материалом для выделки мебели — столов, стульев, кроватей. Из стволов делали балки [53, стр. 170].

На юге Ирака господствовало крупное помещичье землевладение. Размеры финиковых плантаций некоторых крупнейших феодалов достигали 400 га [82, стр. 283], а кувейтскому шейху Мубараку ибн Саббаху принадлежали рощи финиковых пальм, занимавшие почти всю нахию Фао и остров Бубиян [186, т. I, ч. III, стр. 181].

Крупные землевладельцы сдавали во временную аренду земельные участки феллахам, которые высаживали на них пальмы, проводили оросительные каналы, одним словом превращали пустырь в пальмовую рощу. За этот тяжелый труд феллах получал право в течение семи лет обрабатывать землю между саженцами. После указанного срока, когда пальмы становились плодоносными, финиковая плантация возвращалась хозяину. Взамен землевладелец выплачивал феллаху определенную денежную сумму либо закреплял за ним четвертую часть или половину выращенного им сада. Государственный налог на финиковые рощи был равен по стоимости пятой части всего урожая [53, стр. 171 — 172].

Наиболее зажиточными в вилайете считались мунтафики, за ними — аль-бу-Мухаммед; самыми богатыми вождями племен были шейхи мунтафиков и бани лям.

Население Амарского и Мунтафикского санджаков в основном исповедовало шиизм; исключение составлял только маленький род ас-Саадун (150 человек), из которого происходили сами мунтафикские шейхи. Население Басры, Эз-Зубейра и Абуль-Хасиба в большей части было суннитским. Остальное оседлое население Басрийского вилайета в громадном большинстве было шиитским.

Северную и северо-восточную части Ирака (нынешние ливы Амадия, Эрбиль, Дияла, Сулеймания, Киркук и Мосул [340, стр. 15]) населяли главным образом курды³⁶. Поэтому ее часто называют Иракским Курдистаном.

Курдское население, так же как и арабы, по своему образу жизни делилось на оседлое, полукочевое и кочевое. Местности в

³⁶ Курдское население Ирака составляло приблизительно четвертую часть всех курдов Ближнего Востока [263, стр. 8].

районе Эрбиля и Сулеймании были населены большей частью оседлыми курдскими племенами. Выше в горах находились кочевые и полукочевые племена.

Одни курдские племена (авроман, бильбас, байлан), ведущие оседлый образ жизни, были разделены между Турцией и Ираном, другие же (синджаби, джаф, харки) кочевали из одной страны в другую [263, стр. 14]. «Карта расселения курдских племен, — замечает пакистанец Вахид, — так же запутана, как и сам курдский вопрос» [311, стр. 167].

Каждое племя делилось на многочисленные ветви, имевшие иногда десяток ответвлений. Последние делились на роды, а те в свою очередь — на общины, которыми руководили старейшины.

Юго-западную часть Иракского Курдистана, начиная от гор Каратепе, занимало большое племенное объединение зенгене [62, стр. 7]. Они жили в верховьях р. Аве-Спи и вокруг Салахии (ныне Кифри) [216, стр. 272].

Территория между Киркуком и Салахией была заселена племенами даудие, талабани, баят и шуван³⁷. Севернее Киркука, по направлению к Эрбилю и Мосулу, жило богатое и сильное племя дизаи. Места между Киркуком и Сулейманией, вблизи Базанского прохода, были заняты племенами хамаванд³⁸ и шейх исмаили. Курды племени шейх исмаили в основном заселяли крайнюю северную часть Шахрезора и летом перекочевывали вместе с племенами джаф в Иран. Соседнее с ними племя исмаил узаири осело в Серченаре, Сурдаше, Базиане и Кала Суюхе. Недалеко от него жили клиенты хамавандцев — курды племен шинки и капрош [216, стр. 143]. Районы Киркука и Сулеймании населяло племя какай, местности вокруг Киркука — племенное объединение барзан³⁹.

Территорию вокруг Эрбиля занимало богатое племя хошнав; по сравнению с соседними курдами оно находилось на более высоком культурном уровне; члены этого племени занимались земледелием [311, стр. 178 — 179].

Кроме того, в ливе Эрбиля проживали курдские племена гапи, шейхан, ако, шилана, шалабег, навдашт, балаки, сурчи, зебари, казури, сиян, как-хан, шерван, мамасиние и харки. По свидетельству англичанина Троттера, курды сильного и богатого племени харки зимовали в окрестностях Мосула [168, стр. 9]⁴⁰.

Территория вокруг Сулеймании (вблизи ирако-иранской гра-

³⁷ Указанные племена находились между собой в постоянной вражде [216, стр. 272].

³⁸ Число членов этого племени достигало 10 тыс. Они жили между Сулейманией и Киркуком [149, стр. 251; 211, стр. 357].

³⁹ Племенное объединение барзан было образовано во второй половине XIX в. Инициаторами его создания были потомки одного из влиятельных вождей курдского дервишского ордена Тадж ад-Дин Абд ас-Салам и Мухаммед [217, стр. 5].

⁴⁰ В наше время племя харки кочует между Ираком и Ираном [756, стр. 185].

ницы) и около Халабджи была занята племенным объединением джаф, самым многочисленным⁴¹ и значительным в Южном Курдистане. Часть джафов жила в Иране⁴². По словам Бензенгра, племена джафов сохраняли долее других уклад старого кочевого быта и большую устойчивость родовых отношений и племенной сплоченности [62, стр. 7].

Племенное объединение джаф в основном состояло из трех ветвей: джаф муради (самая многочисленная; курды, принадлежавшие к этой ветви, проживали в Ираке к западу от р. Сирван), джаваруд и керманшах. Последняя образовалась от второй в середине XII в. и потом присоединилась к конфедерации курдов гуранн (Иран). По данным неполной переписи 1922 г., племя джаф объединяло 11 больших родов⁴³.

Селения оседлых джафов находились поблизости от зимних стоянок их кочующих соплеменников. Зимой они кочевали между Ханакином, Салахией и Сулейманией, летом переходили в Иран до Сенне (ныне Сенендедж) и Хамадана [32а, стр. 22]. Многие зажиточные кочевники в период кочевки обзаводились собственностью в Иране [216, стр. 148].

Джафы обычно уклонялись от уплаты налогов. Однако в 1911 г. турецкому правительству удалось собрать с них 10 тыс. лир, а через год — 8 тыс. [31, № 15 — 16, стр. 22], что составляло по тем временам значительные суммы⁴⁴.

Во главе племенной конфедерации джаф стояла семья Джаф-бег-заде. Последним верховным вождем, обладавшим реальной властью, был Мухаммед-паша. Его старший сын, Махмуд-паша (умер в 1920 г.), продолжал кочевать вместе с племенами и получал даже жалованье от турецкого правительства [32а, стр. 22; 62, стр. 8], а второй, Усман-паша (умер в 1909 г.), жил в Халабдже, где занимал пост каймакама [297, стр. 234]. В годы первой мировой войны и в особенности в период английской военной оккупации единство оседлых и кочевых джафов распалось. Став правительственными чиновниками, представители семьи Джаф-бег-заде потеряли власть над многочисленными соплеменниками.

⁴¹ Точные данные об их численности отсутствуют. По одним сведениям, они насчитывали около 10 тыс. палаток [216, стр. 142], по другим же — 15 тыс. [31, № 15—16, стр. 22].

⁴² Джафы еще в XVII в. представляли собой яблоко раздора между Турцией и Ираном. В XVIII в. сулейманийский курдский паша взял их под свое покровительство и дал им право кочевать на территории, которая простиралась от Пенджвина до Ханакина [164, стр. 24].

⁴³ Каждый род делился на несколько колен. Многие из них были так многочисленны, что иные путешественники и исследователи принимали их за отдельные роды и даже племена [216, стр. 147].

⁴⁴ Из оседлых родов племени джаф самыми значительными были нороль (16 деревень вокруг Халабджи) и язден бакши (8 деревень у Шамирама). Курды обоих родов раньше вели кочевой образ жизни. Из других оседлых и полuosедлых родов следует отметить следующие: пишмала, масудн (в Пенджвине), исай (один из ветвей шатри) [216, стр. 197].

Объединение джаф владело большими участками земли ⁴⁵. Вожди джафов были крупными землевладельцами; их доходы от земли определялись сотнями тысяч рублей [62, стр. 8].

Основным богатством джафских кочевников были овцы. Только в одном роде харун, по переписи 1922 г., насчитывалось 10 тыс. овец, а всего джафы имели 125 тыс. овец ⁴⁶. Если принять во внимание, что первая мировая война нанесла большой ущерб животноводству, то следует предположить, что до войны джафы владели значительно большим количеством скота. Кроме овец каждая состоятельная семья имела еще лошадь, быков и пр.

Так же как и кочевые джафы, курды джелали, шейх исмаили, бесари, чучана, кавилай, исмаил узаири, шинки, капрош, бильбас, кальхур и другие зиму проводили на юге Кара-Дага, в Гиле и Сангао, а летом уходили в Иран, в местности между Сенне и Саккызом ⁴⁷. Там курды жили в палатках из козьих и овечьих шкур [186, стр. 113].

Вдоль северной границы страны жили курды, принадлежавшие к конфедерации бильбасов. Они населяли территорию между Каратепе (около Джебель Хамрина) и Кайнеджа (к северу от Хурмалы) [216, стр. 143]. Одна часть бильбасов находилась в Иране (племена алан, гяврик, мангур и мамиш [102, стр. 8]), другая — в Ираке (пишдер). В конфедерацию бильбасов входили также племена кирана, ремки, сини ⁴⁸ и ряд других.

Местности вокруг Мосула населяли арабизированные оседлые курды племени хасинан. Они занимались земледелием, сеяли пшеницу, ячмень и кукурузу. Кроме них в районе Мосула жили курды племен гули, санди, хаджам (в Захо), мур-зур, доски и шарахан (в Дохуке), сурчи, дизаи и зукри (в Акре), нерви рахикан, барвари-бала и сабна (в Амадии). Названные племена в большинстве были кочевыми [311, стр. 178]. Некоторые из них владели землями в Захо и Дохуке, выращивали пшеницу, ячмень, рис и кукурузу ⁴⁹.

В курдском национально-освободительном движении большую роль играло племя авроман. Оно имело несколько ветвей, из которых следует отметить лухун и тахти.

⁴⁵ Ему принадлежало 90% всех земель вокруг Халаджи.

⁴⁶ Перепись 1922 г. не учитывала ягнят. Кроме того, английские чиновники, стараясь сблизиться с вождями племен и сельскими старостами, не регистрировали принадлежавших им домашних животных и не облагали их налогами. Поэтому цифры, приведенные нами, являются приблизительными.

⁴⁷ Во время кочевки в Иран иракские курды платили за пользование пастбищами вождям местных курдских племен от 5 до 6 кранов или по одному барану с каждой палатки, а если они сеяли что-нибудь, то еще пятую часть собранного урожая [102, стр. 10].

⁴⁸ Курды племен сини и ремки жили в Иране. В свое время из них был сформирован самый смелый конный отряд Надир-шаха.

⁴⁹ Между тем еще в 70-х годах XIX в. кочевые курды занимались только скотоводством [168, стр. 7].

Племя авроман имело еще одну ветвь, которой руководили шейхи Накшбенди из Авромана [146, стр. 22].

В большинстве курдских деревень хозяйство было натуральным. Английский офицер Хей, который провел несколько лет в Курдистане, так характеризует хозяйство курдов: «Овца и коза доставляют курду молоко и молочные продукты: маст (кислое молоко), масло, пахтанье, сыр... мясо, шерсть для одежды, мех для тулупов, безрукавок и шапок, материал для черных курдских шатров. Из кожи выделяются меха для переноски воды и изготовления масла, а также поплавки для плотов. Наконец, навоз употребляется в качестве топлива и удобрения для табака» [239, стр. 59].

Кроме продуктов питания крестьяне и ремесленники Курдистана изготавливали ковры, хурджины, грубые ткани, кожаные туфли, стирали и красили шерсть, вязали носки и т. д.

Мосульский вилайет славился своим табаком. Основными поставщиками табака были районы Сулеймани и Киркука. Местные табаки сортов «курд» и «шаур» стоили гораздо дороже, чем багдадские или басрийские. В начале XX в. средний годовой урожай табака в Иракском Курдистане составлял 1600 т [30, стр. 15, 16].

Большая часть земли обычно принадлежала одному или двум землевладельцам, на которых работали немущие жители деревни. Жизненный уровень курдов был низок. Семья обычно могла рассчитывать лишь на пшеницу с маленького клочка земли, шерсть и молоко от нескольких овец и коз, а также на небольшую сумму денег, заработанную продажей хвороста, который глава семьи отвозил на осле в города, часто далекие. Хлеб (нередко из ячменной муки) и творог были основными продуктами питания курдского крестьянина; мясо, чай и сахар представляли собой уже роскошь. Дома курдов были сделаны из глины, с деревянной крышей. Они состояли обычно из одной или двух комнат. Маленький дворик был окружен глиняной стеной.

Кочевники жили почти исключительно своими стадами овец и коз. Они ни у кого не просили защиты и поэтому видели еще меньше оснований, чем большинство людей, чтобы платить налоги правительству. И хотя их количество постепенно сокращалось, они были достаточно многочисленны и жизнеспособны [48, стр. 235].

К началу XX в. большинство иракских курдов вело полукочевой образ жизни⁵⁰. Основная часть кочевых курдов⁵¹ была объединена в племена. Часть оседлых курдов и пастухов на-

⁵⁰ Кочевничество было распространено у небольшого количества племен [263, стр. 8]. И позже число настоящих кочевников было относительно невелико [91, стр. 28].

⁵¹ Кочевники имели строго определенные границы своего кочевания [184, стр. 35].

ходила вне племен [168, стр. 9; 216, стр. 12]. Те курды, которые не входили в состав племен, в ливах Мосул и Эрбиль были известны как «курманджи», в ливах Киркук и Сулеймания — «мискен», в одной из частей ливы Сулеймания их называли «гурани»⁵². Английский курдолог Д. Маккензи отмечает, что все три термина обозначали безземельных крестьян [131, стр. 164]. В отличие от них, курдов, объединенных в племена, называли «курд». Последние очень часто нападали на курманджи и мискен и разоряли их. Крестьяне мискен были крепостными у деревенских ага. Они находились под постоянной угрозой нападения соседних курдских племен [216, стр. 12].

Большая часть оседлых курдов занималась земледелием и скотоводством; много было и таких деревень, жители которых занимались только земледелием.

Оседлые курды представляли собой самую угнетенную часть населения Курдистана [81, стр. 347]. Они были лишены всяких политических прав в существующей племенной организации. Вождь племени набирал из них отряды и использовал их по своему усмотрению [301, стр. 430—431]. Кочевые курды часто нападали на оседлых, отнимая у них продукты и увозя скот.

От нападений кочевников оседлое население спасалось тем, что отдавало свои земли под защиту какого-нибудь феодала (вождя племени, ага или бега), платя ему за это подати⁵³.

Вообще следует отметить, что кочевые курды были более состоятельны, чем оседлые [149, стр. 8].

Кочевые курды образовывали кочевую общину («оба», «кумар», «кудал»), во главе которой стоял оба-баши [77, стр. 99]. Она состояла обычно из 5—6 семей, доходя иногда до 100 семей.

Оба организовывалась двумя способами: или на принципах равенства всех ее членов, или на основах их подчинения какому-нибудь богачу, отличавшемуся к тому же от других и своим происхождением.

Кочевая община создавалась в начале весны. Если оба владела только летними пастбищами, тогда осенью после возвращения на зимнюю стоянку она распадалась. Если же ей принадлежали не только летние, но и зимние пастбища, она продолжала существовать на протяжении многих лет. Члены кочевой общины назывались джолами [22, стр. 18—19].

На оба-баши возлагался наем пастухов и сбор налогов. Каждый член общины присоединял свое стадо к стаду оба-баши, отдавая ему за это по 4—5 баранов за каждую сотню

⁵² Под этим названием в Иране существует большая племенная конфедерация [149, стр. 261—262].

⁵³ Налог за неприкосновенность курды, так же как и бедуны, называли «хувва».

животных [74, стр. 64]. На каждые 200 (иногда 500) голов скота приходился один пастух [370, № 13—14, стр. 85—86].

Крупные оба иногда возглавлял вождь племени или (чаще) один из старейшин. Общинами поменьше руководили обычно предводители отдельных родов.

Оба-баши получал большой доход и выступал в качестве эксплуататора рядовых членов общины. Он был фактическим хозяином пастбищ и, следовательно, всегда мог диктовать свои условия. Оба-баши вел торговые переговоры и заключал торговые сделки, выступал в качестве посредника, регулировал цены, покупал и продавал. Все это давало ему дополнительный доход.

Кочевые курды в сравнении с оседлыми менее чувствовали феодальное угнетение. Поэтому они всячески стремились сохранить свою относительную независимость. Однако недостаток пастбищ и постепенное проникновение в Курдистан товарно-денежных отношений разоряли кочевые племена, и они вынуждены были переходить на оседлый образ жизни.

Большая часть кочевников и полукочевников стали пастухами-испольщиками [164, стр. 33]. У многих из них не было даже своего коня [105, стр. 352, 354]. А личное хозяйство не обеспечивало их экономическую независимость.

Переход на оседлость вызывался и постоянной враждой, царившей среди кочевых племен. Теснимые более сильными племенами, кочевники либо перебирались в другие места, либо переходили на оседлость. В начале XX в. многие кочевые племена уже перешли на оседлость [263, стр. 8]. Их руководители — раисы⁵⁴ — упрочили свое господство над соплеменниками, превратились в крупных землевладельцев и фактически стали собственниками десятков тысяч крепостных крестьян. Их ближайшие родственники превратились в господствующий класс, который правил своими подданными и при этом составлял вооруженную свиту и личный отряд вождя племени [62, стр. 9].

Недалеко от Мосула, в Синджарских горах, жила основная часть курдов-езидов⁵⁵. Если в казе Шейхан население было чисто езидским, то в Джебель Синджаре кроме езидов проживали курды и арабы [221, стр. 8; 254, стр. 163].

Езидов⁵⁶ считают потомками тех курдов, которые по религиозным мотивам отделились от общей массы (после принятия курдами ислама) и с тех пор жили отдельно и изолированно. По многим нравам и обычаям езиды очень схожи с курдами-мусульманами⁵⁷.

Езиды считают себя потомками последователей шейха Ади.

⁵⁴ «Раис» означает по-арабски «начальник», «глава», «руководитель».

⁵⁵ Другая часть жила в Ванском вилайете [52, стр. 13].

⁵⁶ Некоторые авторы называют езидов «дасинаи» [336а, стр. 399].

⁵⁷ Подробнее об этом см. 60; 139, стр. 96—98; 149, стр. 325—344; 254, стр. 163—171.

О личности шейха Ади⁵⁸, как и относительно происхождения езидизма, существуют разные мнения⁵⁹.

Общая численность езидов в начале XX в. составляла 100—150 тыс. [149, стр. 325; 186, стр. 163; 254, стр. 163]. В настоящее время их насчитывается 70—80 тыс., хотя некоторые ученые называют цифру в 100 тыс. человек [231, стр. 25].

Долгое время оставались неизвестными количество езидских племен, число и названия деревень. Например, Рич, Риттер и другие исследователи в своих записях упоминают лишь некоторые деревни (Эну или Элу, Шейханли, Мусесан, Динед, Сипок, Бахдинан) [289, стр. 68; 290, стр. 730, 759]. Шелковников предполагал, что количество езидских деревень достигает 80 [186, стр. 163]. Только в 1937 г. арабскому исследователю Аббасу аль-Азави удалось уточнить этот вопрос. По его словам, в Ираке тогда существовало около 115 езидских деревень [348, стр. 92—98].

На рубеже XIX—XX вв. хозяйство езидов носило полукочевой характер. Некоторые езидские племена кочевали в Восточной Турции⁶⁰ и на северо-западе Ирана, откуда часть из них переходила на территорию России, достигая Ташкента [290, стр. 760; 309, т. II, стр. 251—252]. В основном же езиды кочевали в окрестностях Джуламерка (ныне Чёлемерик), Амаллии, Джазире и Захо.

Большинство езидов занимались скотоводством и лишь незначительная часть — земледелием. Весной езиды сеяли недалеко от своих зимовок пшеницу, а летом перегоняли скот на пастбища. Осенью они возвращались в свои кишлаки, собирали урожай и проводили здесь зиму.

Езидская община была организована на кастово-теократическом принципе. Сведения о социально-политической организа-

⁵⁸ Арабский географ Якути передает, что шейх Ади ибн Мусафир, шафит, предводитель курдов и их духовный руководитель, происходил из селения Лалиш (близ Мосула), которое ныне носит его имя. В этом селении находится собор шейха Ади — основное молитвенное место езидов. Здесь же живет и их духовный глава. По мнению А. Л. Семенова, Ади жил в XIII в. [162, стр. 76]. Известный курдовед В. Никитин предполагал, что шейх Ади жил в 1073—1078 гг. в Сирини, а всего прожил 90 лет [149, стр. 326].

⁵⁹ Английский исследователь Раулинсон и американец Грант связывают происхождение езидизма с иуданством [233, гл. III]; немецкий ученый Вагнер считает, что езидизм связан с остатками сект древнеперсидской, христианской и мусульманской религий [309, стр. 215]; австриец Хаммер утверждает, что езиды свою религию переняли от зороастризма [236, стр. 167]. По мнению Н. А. Марра, езидизм — это чисто курдская религия, которую исповедовали курды до принятия ислама [132, стр. 136]. Однако французский ученый Леско полагает, что езиды ранее исповедовали ислам [260, стр. 40]. О происхождении слова «езид» см.: 63, стр. 444; 132, стр. 143. О религии, нравах и обычаях езидов см.: 163, стр. 29—31.

⁶⁰ Не исключена возможность, что езиды иногда перекочевывали и в Западную Турцию. Еще в 1846 г. газета «Кавказ» (№ 43) сообщала, что на азиатском берегу Босфора расположено небольшое поселение езидов. Можно предполагать, что оно появилось в результате перехода группы езидов-кочевников на оседлость.

ции езидов имеются в их религиозных книгах⁶¹. В основном все езиды делились на духовных и светских лиц. Езидское духовенство состояло из шести групп: шейхов (высших носителей святости), пиров (езидских предводителей), кавалов, факиров⁶², кочаков (предсказателей будущего и служителей храма шейха Ади) и мюридов — рядовых езидов, которые находились в распоряжении своих шейхов и пиров. Функции представителя каждой группы были наследственными.

Каждая каста ревностно относилась к своим привилегиям и обязанностям и решительно выступала против всякой попытки их изменения. Нравы и обычаи, быт, форма одежды, ее цвет и материал были регламентированы религией.

Светская власть принадлежала эмиру⁶³, который считался уполномоченным шейха Ади на земле. Вокруг него объединялись шейхи. Езидскими общинами (тайфа) эмир управлял с помощью вождей племен (шейхов или ага). Каждое племя делилось на роды, а те в свою очередь — на семьи. Вождь племени пользовался широкой властью. Он назначал старост, судил членов племени, собирал с них подати [74, стр. 78]. Посредниками между эмиром и вождями племен были кавалы. Делами племени управлял совет старейшин.

У кочевых езидов, как и у курдов, существовала свободная кочевая община — оба; езиды были вольны переходить из одной общины в другую. Оседлые езиды образовывали постоянную сельскую общину. Рядовой мюрид приписывался к той общине, в которой жил. Таким образом, паства одного и того же шейха селилась в разных общинах [97, стр. 199]. В конце XIX в. езиды стали подчиняться своему духовному руководителю уже по территориальному принципу.

⁶¹ У езидов имеются две религиозные книги: «Книга откровения» («Китаб аль-Джилъва») и «Черная книга» («Масхаф реш» или «Китаб аль-Асвад»). Текст этих книг впервые опубликовал австрийский ученый Битнер [201, стр. 628—639], а американский ученый Джозеф в 1919 г. издал их перевод [246]. Русский перевод этих книг сделан А. А. Семеновым [162]. Джозеф обе книги приписывает шейху Ади, хотя, как справедливо замечает О. Вильчевский, по своему содержанию и стилю они настолько различны, что трудно приписать их авторство одному и тому же лицу [76, стр. 96]. В связи с этим хотим заметить, что езидские религиозные догмы существовали еще до того, как шейх Ади встал во главе езидской общины. Возможно, Ади только привнес их в систему, а позднее его последователи расширили и обогатили езидское учение.

⁶² Шейхи свое происхождение выводили от шейха Ади. Они носили белую одежду и белую чалму. Пiry отличались от шейхов более низким происхождением. Они носили черную одежду и черную чалму [121, стр. 36]. Кавалы выполняли поручения главного шейха и эмира, собирали налоги и пожертвования. Факиры представляли собой бедное духовенство. Они носили черные шапки. Поэтому путешественники их называли часто караба-шами, т. е. черноголовыми.

⁶³ Полный титул эмира — шейх мири-шейхан или шейх-назир [254, стр. 164].

Мюриды обязаны были кроме правительственных налогов уплачивать религиозные подати (носившие характер пожертвований) — «закат», или «хайрат», в размере десятой части урожая, а также одну корову. При этом пир получал половину того, что давали шейху, факир — четверть того, что получал пир, а кавалы — еще меньше [354, стр. 59]. Эти жертвования собирались кавалами, которые обходили езидские селения два раза в год.

Кавалы получали от эмира санджак⁶⁴ как знак их полномочий в сборе податей и пожертвований [139, стр. 104]. Один санджак предназначался для езидов Синджара и Джазире, другой — для Алеппо, третий — для Серта и близлежащих округов, четвертый — для Баязида, пятый — для Мосула и его окрестностей [21а, стр. 277]⁶⁵.

Право сбора податей и пожертвований давалось на откуп. Поэтому часть собранных налогов, как правило, оставалась в руках кавалов [139, стр. 105].

Теократическая организация езидских племен в какой-то мере способствовала их внутренней солидарности и единству. Поэтому они смогли оказать длительное сопротивление турецкому прошикновению, хотя турки своими карательными экспедициями и наносили им большой урон⁶⁶. Со второй половины XIX в. езиды были подчинены турецкой администрации, но пользовались некоторой автономией в вопросах внутреннего управления. Особенно недовольны езиды были введением воинской повинности [290, стр. 749]. Они не желали принимать участия в завоевательных походах и карательных экспедициях турецкой армии. Это служило поводом для езидских восстаний и разжигало ненависть к турецким завоевателям [31, № 30, стр. 6—7].

Из других национальных меньшинств следует отметить туркменов⁶⁷, которые занимались земледелием и не были организованы в племена. Туркмены проживали в большом количе-

⁶⁴ Санджак — в данном случае прерогатива власти кавала. Представляет собой медный кувшин с изображением павлина.

⁶⁵ Один из таких уполномоченных эмира в 1909 г. прибыл в Тифлис для сбора пожертвований с езидов, живших в Закавказье. В основном они жили в Эриванской губернии (приблизительно 8 тыс. человек). В Грузии, по данным 1902 г., проживало всего 186 езидов [26, стр. 3, 5]. Около 2—3 тыс. езидов проживали в Карсской области, входившей тогда в Кавказское наместничество [99, стр. 101; 377]. Езиды, жившие на Кавказе, были более состоятельны, чем их единоверцы в Османской империи, и сумма, собранная с них в виде пожертвований, дала эмиру немалый доход [31, № 30, стр. 2].

⁶⁶ В 1838 г. турки под предводительством Хафиз-паши почти уничтожили езидские племена [98, стр. 57]. Тяжелым был для езидов и 1894 г., когда турецкие каратели по приказу Абдул Хамида двинулись на Джебел Синджар. В результате этой экспедиции турки, предводительствуемые Феридом Вахаби-пашой, сожгли многие езидские селения, расположенные на склонах Синджарских гор.

⁶⁷ Лонгриг считает их потомками тех туркменов, которые были поселены здесь аббасидскими халифами [263, стр. 9].

стве в Киркуке, Алтынкёпру, Эрбиле, Салахин, Каратепе, Туз-Хурматли, Дохуке, а также вдоль дороги Багдад—Мосул и у Телль-Афара, находящегося на полпути между Мосулом и Синджаром. Они говорили на турецком языке.

В шиитских священных городах Ирака — Неджефе, Кербеле, Казимии и Самарре, а также в Багдаде жили персы. Все они говорили как на персидском, так и на арабском языках. Персы занимались главным образом мелкой торговлей.

В Багдаде и Басре проживало незначительное количество луров. В основном это были грузчики⁶⁸. В районах среднего Тигра и Шатт эль-Гаррафа они занимались торговлей и ремеслом⁶⁹.

В Южном Ираке жили еще сабейцы или, как они называли себя, мандеан. Их язык был очень похож на древнесирийский. На этом же языке были написаны и их святыя книги. Занимались сабейцы в основном ювелирным ремеслом (изделия из серебра) и строительством лодок.

Почти во всех городах и крупных деревнях жили евреи. Самая большая еврейская община (около 50 тыс. человек) находилась в Багдаде. Они были трудолюбивыми и мирными гражданами. Освобожденные от военной службы и лишённые права участвовать в общественной жизни, они занимались ремеслом и торговлей. Крупные купцы имели своих агентов в Манчестере, Бомбее и Париже.

Армян в Ираке было довольно много. Они в основном проживали в городах. В отличие от других провинций Османской империи армянской резни в Ираке никогда не было.

Сравнительно мало было в Ираке ассирийцев-несториан. Они занимали казу Амадия на самом севере страны. Значительно более многочисленным было ассиро-халдейское население⁷⁰.

Многие армяне и ассиро-халдейцы владели землей (на севере Ирака), содержали гостиницы, занимались торговлей и ремеслами, служили в местной администрации. Ассиро-халдейцы Телль-Кайфа долгое время владели монополией на поставку рабочей силы на речные суда.

Общественное положение христианского населения в Османской империи было выше, чем евреев и езидов, но ниже, чем мусульман. У всех христианских общин были свои церкви и, как правило, школы.

Вся полнота власти в Ираке находилась в руках турок. Большинство турецкого населения, проживавшего в Ираке, служило в армии и в жандармерии.

⁶⁸ Как отмечает Лонгригг, в этой профессии они были монополистами [263, стр. 10].

⁶⁹ Они составляли большинство в пограничных городах Мандали и Бадра, а также в окружающих их деревнях.

⁷⁰ Более подробно о расселении и занятиях ассирийцев см. ниже.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ИРАКСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Накануне английского завоевания Ирак был аграрной страной; при этом значительная часть его населения еще вела кочевой образ жизни и занималась скотоводством. Основная масса иракских крестьян и кочевников составляла класс феодально-зависимых производителей. Господствующим классом были крупные землевладельцы и племенная знать.

Землевладение и землепользование в Ираке регулировались османским земельным кодексом 1858 г. и принятым в следующем году законом о регистрации земли. Эти установления впоследствии не раз дополнялись, модифицировались, расширялись и сокращались, но существо земельного закона 1858 г. эти поправки не изменяли, так как на большей части Османской империи они игнорировались. Например, в Ираке четыре пятых обрабатываемых земель вообще не контролировались турецкими властями [243, стр. 115].

Площадь земель, пригодных для обработки, равнялась 92,2 тыс. кв. км, что составляло примерно 23% всей территории страны [212, стр. 17]. При этом в конце периода турецкого господства обрабатывалось не более пятой части этой площади. Обработка земли носила преимущественно экстенсивный характер.

Османский земельный кодекс признавал пять категорий земель: 1) мирри — государственные; 2) мульк — земли абсолютного частного владения; 3) вакф — земли религиозных учреждений; 4) матрука — земли общественного пользования⁷¹; 5) мават — пустующие земли⁷².

В Ираке эта классификация в полном виде никогда не применялась [243, стр. 115]. В исследуемое время в Ираке различали четыре категории земель: мира, мульк, тапу⁷³ и вакф.

Вакфные земли встречались двух видов: «вакф ахли» и «вакф хайр».

«Вакф ахли» (семейный вакф) представлял собой недвижимое имущество, не подлежавшее отчуждению; доходы от него доставались одному или нескольким пользователям (обыч-

⁷¹ В категорию земель матрука входили дороги, базарные площади, участки под общественными постройками, места исторического значения и пр.

⁷² Мават — свободные неосвоенные земли, принадлежавшие государству. В соответствии с законами Османской империи любое лицо, освоившее участок пустующей, «мертвой» земли, становилось его владельцем.

⁷³ Тапу — государственная земля, переданная в долгосрочную аренду частным лицам. Земли тапу запрещалось продавать и закладывать, их нельзя было наследовать. С 1873 г., когда указанные ограничения были отменены, земли тапу, по сути дела, перестали отличаться от частновладельческих.

но членам одной семьи). Со смертью последнего пользователя он переходил в собственность какого-либо благотворительного или религиозного учреждения. Вакф, находившийся в непосредственном ведении такого учреждения, назывался «вакф хайр» (благотворительный вакф). В 1920 г. для управления этой собственностью было создано специальное министерство.

Проблема вакфных владений была очень важна, так как они составляли 20% от общей площади возделываемых земель. При этом земли «вакф ахли», занимавшие в пять раз большую площадь, чем «вакф хайр», практически находились вне экономического обращения [209, стр. 117]. Они были неотчуждаемы, часто за ними плохо следили, и неоднократно возникали требования об упразднении этого вида собственности (посредством раздела имущества среди пользователей). Однако указанный вид земельной собственности сохранился в Ираке вплоть до наших дней.

Что же касается земель матрука, то в Ираке не признавали их как отдельную категорию [243, стр. 115]. Здесь не видели разницы между ними и обычными государственными землями [212, стр. 18].

Введение земельного кодекса началось в Ираке в 1868 г. Это была попытка провести аграрную реформу.

Введением кодекса турки надеялись поднять широкие массы земли (целину), повысить государственные доходы и одновременно подчинить племена Ирака центральной власти. При помощи субсидий, даваемых шейхам в случае перехода племен на оседлость, они старались сделать их зависимыми от правительства и притупить потенциальную угрозу, которую они собой представляли. Превратившись в вождей сельских общин, шейхи племен были бы привязаны к земле, их можно было бы обложить налогами, так как нельзя было спрятать урожай, их легко можно было бы уязвить вследствие государственного контроля на воду, и они попали бы в зависимость от правительства, которое выступало бы в качестве поручителя полученных ими прав забирать хозяйскую долю урожая.

С целью привлечения на свою сторону феодально-племенной верхушки турецкие власти приступили к распродаже государственных земель шейхам племен, купцам, бывшим держателям тимаров и зеаметов [129, стр. 127]⁷⁴.

Право владения (но не право собственности) на государственные земли на выгодных условиях продавалось всем лицам, обладавшим сомнительными документами «тапу» более раннего периода. При этом государство оставалось верховным собственником земли. Некоторые племена получили право владения на государственную землю; они признали новые порядки

⁷⁴ Тимар — военный лен с доходом до 20 тыс. акче. Зеамет — военный лен с доходом более 20 тыс. акче (акче — серебряная монета, равная 0,25—0,33 дирхема).

и начали переходить на оседлость. Большинство же вождей племен опасались потерять свою независимость и выступали против кодекса [262, стр. 306, 307].

Земельная реформа дала толчок улучшению земледелия в Ираке, а открытие Суэцкого канала и установление прямого пароходного сообщения между Ираком (через порт Басру) и Европой способствовало дальнейшему развитию сельского хозяйства страны. Местные сельскохозяйственные продукты стали постепенно находить сбыт и на европейских рынках.

Занятие земледелием стало более выгодным делом. Это в свою очередь способствовало превращению многих кочевых племен в оседлых. Например, бани лям, мунтафик, аль-бу-Мухаммед и другие кочевые арабские племена стали заниматься земледелием так же энергично, как и скотоводством.

Однако земельная реформа в Ираке не была осуществлена до конца. После младотурецкой революции правящие круги Османской империи подтвердили политику перевода кочевых племен на оседлость, но для осуществления намеченного плана ничего не сделали.

В Иракском Курдистане система землевладения и землепользования имела специфические черты. Так, здесь водные источники обычно были частной собственностью. Некоторые источники принадлежали государству⁷⁵. Земли же номинально делились на три категории: 1) тапу, находившиеся в основном в руках крупных землевладельцев; 2) тахрир — собственность по праву владения (встречалась главным образом в отдаленных горных районах); 3) аради ас-санийя — коронные земли*. Однако фактически система землевладения в Иракском Курдистане была более сложной.

Условия землепользования для всех трех категорий земель были различными. Арендатор тапу отдавал, как правило, десятую долю урожая правительству и столько же помещику. То же самое отмечалось и в горных районах. Однако, если помещик предоставлял арендатору семена или рабочий скот, тот обязан был платить ему в два-три раза больше. Ага обычно нанимал батраков и платил им, как правило, натурой. Так, Хама-ага из Хоя давал своим батракам ежемесячно по 88 фунтов зерна, 2,5 фунта масла, немного соли и незначительную сумму денег. Эти батраки не жили у аги. Если же они жили у него, ага только кормил их. После окончания работы он выдавал им новую одежду и немного денег [239, стр. 96].

⁷⁵ Так, в районе Эрбиля имелись два родника и ручей, принадлежавшие казне; они ежегодно сдавались в аренду тому, кто предлагал более высокую цену. Один очень маленький ручеек в 1920 г. был продан за 12 тыс. рупий (свыше 100 ф. ст.) [239, стр. 102].

* В Багдадском вилайете коронные земли занимали до 30%, а в Басрийском — до 40% всей обрабатываемой площади; после младотурецкой революции эти земли перешли в общегосударственный фонд под именем мудавара.

В Курдистане была распространена также система маараба, в основе которой лежали своеобразная испольщина и отработки.

Если земля принадлежала аге, а сельскохозяйственный инвентарь — крестьянину-маараба, семена для посева они давали оба, а урожай делили поровну. При этом испольщик должен был сам вывозить на поля аги удобрения, доставлять урожай к дому аги и т. д. Если же у крестьянина-маараба не было никакого инвентаря, он получал треть урожая. В этом случае его положение мало отличалось от положения крепостного. В неурожайные годы ага содержал крестьянина, в урожайные — драг за это с него две шкуры [68, стр. 179—180].

В конце периода турецкого господства в Ираке имелись следующие социальные группы: крупные землевладельцы и скотоводы из числа племенной знати, обычно отдававшие землю и скот в аренду на условиях феодальной издольщины; зажиточная земледельческая и скотоводческая верхушка; купцы; земледельцы и кочевники — мелкие собственники; арендаторы-издольщики; мелкие ремесленники; батраки.

Царский вице-консул в Урмии В. Никитин писал о местных вождях племен: «В прежние времена шейхи, являющиеся, собственно говоря, начальниками дервишских орденов, довольствовались одной духовной властью и жили за счет приношений своих последователей и почитателей. Постепенно обогащаясь, приобретая земли, увеличивая круг своих приверженцев, они втянулись в круговорот мирских дел и стали захватывать в свои руки и светскую власть, располагая большими средствами и имея много вооруженной челяди» [164, стр. 81].

Иракские феодалы владели огромными участками обрабатываемых земель, водными источниками и пастбищами. Крупные феодалы и главы племен имели собственные дружины [184, стр. 30]. Как пишет Эдмондс, местные ага ходили на баронов средних веков. Крестьяне обязаны были обработать землю, принадлежавшую помещику, собрать его урожай, нарубить для господского дома дров, заготовить корм для скота, очистить каналы, пойти на рынок и т. д. Все эти работы крестьянин производил при помощи своих орудий и своего скота [216, стр. 224—225]. Очень часто шейхи требовали с рядовых членов рода и племени «добровольных» подарков [114, стр. 250].

В результате переплетения различных форм феодальной и патриархально-феодальной эксплуатации, налогового гнета и ростовщической кабалы положение народных масс было крайне тяжелым. Разгул ростовщической кабалы вел к деградации сельского хозяйства и уменьшению доходов.

Ростовщик был крупнейшей фигурой в земледелии Ирака. Он крепко прибрал крестьян к рукам. Например, по словам Хейя, один из ростовщиков, Ахмед-паша, имел свыше 50 тыс.

ф. ст., получая 33,3% в год. Обычно крестьяне занимали у него деньги, чтобы купить рабочий скот или семена. Если урожай не был достаточно хорош, чтобы должник мог оплатить проценты, то в конце концов ему приходилось продавать свою землю (если она вообще у него была) для оплаты долга [239, стр. 108]. Так ростовщик постепенно превращался в землевладельца, на которого должники работали как крепостные.

Бывший английский чиновник в Ираке Даусон сообщает, что на севере Ирака было два класса людей: ага, или мелкий капиталист, и земледелец, который устраивал в горных округах террасы, проводил водосточные каналы, расчищал почву и на равнинах восстанавливал землю регулярной вспашкой и паром [212, стр. 24].

Период первой мировой войны и последующие годы характеризовались дальнейшим разорением крестьянства. Развитие в иракской деревне капиталистических отношений способствовало усилению социального неравенства среди крестьян и кочевников. Число экономически самостоятельных крестьян и скотоводов непрерывно уменьшалось. Безземельные крестьяне и кочевники, лишенные скота, вынуждены были заниматься к зажиточным крестьянам или уходить в города. Многие из них работали погонщиками мулов и верблюдов. Этот сельский полупролетариат был самой массовой силой как арабского, так и курдского национально-освободительного движения.

Однако феодальные отношения не уничтожили родо-племенной структуры, и как у арабов, так и у курдов все еще сильны были патриархально-родовые пережитки. Последние затушевывали классовые противоречия, мешали широким массам иракского народа увидеть в вождях племен, давно уже превратившихся в феодалов, своих классовых врагов. Вместе с тем дробление на многочисленные, часто враждующие между собой племена затрудняло процесс национальной консолидации народов Ирака. Остатки родо-племенных институтов лишь освещали и маскировали эксплуатацию земледельцев и кочевников.

ГЛАВА 4.

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА

Наравне с национальным гнетом иракские трудящиеся испытывали и тяжелый социальный гнет со стороны турецкого правительства, которое из года в год увеличивало государственные налоги и повинности.

Налоговая система в султанской Турции была несовершенна и громоздка. Первое место в доходах занимали прямые

(имущественные и подушные) налоги, а не косвенные, как это свойственно буржуазным странам.

С населения Ирака взимались поземельный налог (верги); десятинный налог (ашар); налог на скот (кода)⁷⁶; подоходный налог, или налог на профессию (тамату); выкуп от воинской повинности (беделеие аскарне)⁷⁷ и другие более мелкие налоги.

В период турецкого господства в Ираке налоги собирались откупщиками. Право сбора налогов продавалось или по договору или с аукциона. Откупщики, пользуясь отсутствием контроля, изменяли размер обложения за взятки. Очень часто откупщикам приходилось задабривать шейхов для получения права на сбор податей. Они давали взятки представителям турецкой администрации, чтобы заполучить отряд жандармов для «успокоения» возмущившихся налогоплательщиков [243, стр. 114].

Часть своих прибылей откупщики делили с местными турецкими властями.

Откупная система взимания налогов была важнейшим источником первоначального накопления капитала в руках торгово-ростовщической буржуазии, она способствовала усилению феодального грабежа.

Поземельный налог верги, по свидетельству русского консула в Басре А. Адамова, взимавшийся на большей части территории Османской империи с оценочной стоимости, составлявшей увеличенную в 14 раз возможную арендную плату с недвижимости, в Багдадском и Басрийском вилайетах был равен 50 пиастрам (около 4 руб.) в год с каждой палатки или тростниковой хижины (сариф). В Мосульском вилайете верги взимался на общих основаниях; от его уплаты освобождались лишь султанские и вакфные земли [30, стр. 12].

Десятинный налог ашар был равен в Ираке в действительности 12% урожая. В размере 10% он взимался лишь в Мосульском вилайете [30, стр. 12]. Владельцы орошаемых земель платили дополнительно десятую часть урожая [243, стр. 115]. В некоторых районах центрального и южного Ирака размер этого налога составлял гораздо большую долю, находясь в прямой зависимости от принятой системы орошения. Так, с посево, орошаемых при помощи арыков (мави), взималась пятая часть урожая: с заливных посевов (кебес) — треть и, наконец, с «дейм» и «кердов», т. е. с неорошаемой земли и с посевов, орошаемых с помощью водочерпательных машин, — десятая часть [30, стр. 13].

В Багдадском и Басрийском вилайетах практиковались два способа взимания ашара: передача этого права на откуп част-

⁷⁶ В самой Турции этот налог был известен под названием агнам.

⁷⁷ В Османской империи христианское и еврейское население было освобождено от воинской службы, но платило за это налог [262, стр. 11].

ным лицам⁷⁸ или же сбор самим правительством через фискальных чиновников (таксильдаров). Турецкая казна предпочитала первый способ. Она прибегала ко второму лишь в тех случаях, когда не находились откупщики или предлагаемые ими цены оказывались ниже назначенных.

Размер обложения сельскохозяйственных культур, как правило, устанавливался на глаз на поле до жатвы или на току после жатвы, или же комбинированным способом. В районах Хиллы и Эш-Шамии обычно применялся другой метод, который заключался в замерах на маленьких участках, так называемых мукатаа [30, стр. 13], взятых для образца. Распределение мукатаа велось периодически, всегда вызывая ожесточенные споры [263, стр. 25]. Кое-где существовало фиксированное обложение, например в расчете на количество моторов для насосов или подъемных машин в данном поместье, а также там, где в течение ряда лет выработались какие-то определенные суммы обложения [33, стр. 18].

Существовали еще обычаи и традиции, которые прочно вошли в жизнь страны. Турецкое законодательство не могло сделать ничего больше, как узаконить на бумаге эти обычаи веков [33, стр. 11]. Даже английская оккупационная и мандатная администрация, а позже само иракское правительство, хотя и осуждали отсутствие единообразия в турецкой системе и предпочитали фиксированные суммы обложения, официально признали целесообразность этих отклонений [243, стр. 117].

В Иракском Курдистане с земель, принадлежавших государству, налог взимался в размере 17,5% всего урожая. Вожди или старосты деревень, обладавшие достаточной властью, вымогали еще 2,5%. Население старалось скрыть от оценщиков хотя бы маленькую долю своего труда. Иногда сами ага подстрекали крестьян к этому. Они знали, что, чем больше останется у крестьян зерна и других продуктов после ухода правительственных чиновников, тем больше достанется им самим.

Тяжелое экономическое положение, в каком оказалось крестьянство, составлявшее почти 80% всех жителей Ирака⁷⁹, послужило одной из причин выступлений местного населения против турецкого господства.

В случае попытки взыскать налоги силой жители тех округов, где было много болот, прятались в камышах. Племя бани лям уходило в глубь страны, а иногда перебиралось в Иран, используя дружеские и семейные связи, а племена, жившие по Евфрату, откочевывали в пустыню [16, л. 153].

⁷⁸ Ашар, по закону, на откуп можно было отдавать только турецким подданным. Минимальные и максимальные цены откупа устанавливали специальные советы вилайетов. За основу брался средний доход от ашара за последние три года.

⁷⁹ Доля оседлого и полукочевое население Ирака в общем населении страны соответственно составляла 32 и 48% [191, стр. 19].

Для удержания в повиновении населения вилайета Басра и охраны от внешних врагов турецкое правительство держало здесь обычно от 10 до 14 батальонов низама, две батареи и четыре батальона жандармов [16, л. 153]. Если принять во внимание огромное протяжение территории вилайета, то ничтожность этих сил была очевидной. Нехватку войск турки восполняли, с одной стороны, искусственным раздуванием розни между племенами, а с другой — организацией карательных экспедиций. Правда, эти экспедиции имели успех лишь до тех пор, пока у арабов не было огнестрельного оружия, т. е. до начала XX в. Об этом, в частности, свидетельствовал отказ жителей вилайета в течение трех лет (начиная с 1904 г.) платить налоги, причем турецкие власти не знали, что предпринять, так как каждая новая экспедиция обходилась казне дороже прежних.

А между тем еще недавно было время, когда для взыскания налогов достаточно было послать двух-трех жандармов. Такое положение создалось сразу же после подавления в 1904 г. восстания Мансур-паши, брата заманенного в Константинополь главы племенного объединения мунтафик Насир-паши, когда шесть турецких батальонов нанесли соединенным силам мунтафиков столь тяжкое поражение, что одним ударом сломили их могущество; власть же мунтафикских шейхов в то время простиралась не только на весь Мунтафикский санджак, но и на саму Басру и отчасти на Амарский санджак [16, л. 153—153 об.].

ГЛАВА 5.

ГОРОДА. СОСТОЯНИЕ РЕМЕСЕЛ И ТОРГОВЛИ

К началу XX в. города Ирака по сравнению с началом XIX в. мало изменились. Строительные материалы использовались те же, что и раньше, в конструкции домов, мечетей и базаров не наблюдалось никаких перемен. Улицы были узкими и неустроенными [263, стр. 19].

Отдельные кварталы и части городов, расположенных вдоль рек, соединялись паромными и плавучими мостами. Улицы освещались многочисленными масляными лампами.

Воду брали из рек или из загрязненных колодцев и доставляли в кожаных мешках на ослах. Водопровод существовал только в Багдаде, да и то в одном квартале. Грязь и зловоние были характерными чертами иракских городов.

Однако по мере развития прогресса в стране начали изменять свое лицо и города. В течение первых пятнадцати лет XX в. в городах появились новые здания и жилые кварталы (например, в Багдаде, на окраинах Кербелы и Мосула, в пригородах Басры [263, стр. 53]). Особенно быстро росли города, распо-

ложенные на берегах Тигра, а также некоторые курдские города. Улучшилось освещение улиц, в крупных городах появились гостиницы. В 1911 г. в Багдаде был открыт кинематограф.

Появились военные госпитали и муниципальные аптеки. Однако медицинское оборудование, применяемое лечебными учреждениями, оставалось примитивным. Карантинная служба была мало эффективна. Во всех маленьких городах имелись начальные школы, а в крупных — и средние. В Багдаде и Басре функционировали промышленные школы. Сыновья знати для завершения образования ехали в Стамбул. В 1909 г. в Багдаде была открыта юридическая школа [263, стр. 37, 48]. Тем не менее уровень просвещенности был крайне низок, грубое суеверие было обычным явлением.

В городах, особенно в неурожайные годы, часто вспыхивали волнения. Так, в 1913 г. в Мосуле бедняки не раз нападали на дома богатых купцов, убивали их, грабили их имущество и амбары с продуктами [263, стр. 52].

К концу периода турецкого господства в иракских городах происходили не только социальные, но и политические выступления. Такие города, как Багдад, Басра и Мосул, постепенно превращались в центры политической борьбы, национально-освободительного движения иракского народа.

В городах Центрального и Северного Ирака жили многие состоятельные землевладельцы. Основным источником дохода для них было зерно, и в предвоенные годы они разбогатели. Городские ага и шейхи в жадности и стремлении увеличить свои владения не уступали вождям племен. Городские жители, владевшие землей, добивались звания «эфенди»⁸⁰. Они носили европейскую одежду и охотно поступали на государственную службу. Каждый иракец, считавший, что он умеет читать и писать достаточно хорошо, чтобы зарабатывать этим себе на жизнь, становился «эфенди». По словам бывшего английского политического офицера Хейя, все турецкие государственные учреждения до войны были заполнены этими эфенди [239, стр. 85].

Как свидетельствует Лонгриг, эфенди были многочисленным и влиятельным социальным слоем [263, стр. 35]. Эфенди, воспринявшие турецкую культуру, были представителями зарождавшейся иракской буржуазии. Они как бы являлись связующим звеном между турками и коренными жителями Ирака — арабами и курдами.

Значительную часть городского населения составляли торговцы. Особенно много их было в тех городах, где имелись большие базары. Еще больший процент горожан составляли ре-

⁸⁰ Это турецкое слово (в разговорной речи оно значит «господин») можно было употребить при обращении к любому человеку, который считался «респектабельным». Оно соответствовало английскому «эсквайр» и могло быть адресовано любому лицу, занимавшему высокий церковный пост, младшим офицерам, людям, имевшим свободную профессию, а также государственным чиновникам.

месленники (кожевники, войлочники и т. п.), а также караванчи, т. е. владельцы мулов и ослов. Некоторые женщины зарабатывали на жизнь прядением хлопка.

В мелких городах, арабских и курдских, общественная атмосфера и условия жизни в значительной степени зависели от окружающей среды. Одни города служили просто местом для отдыха караванов, были рынками сбыта сельскохозяйственных продуктов или же пунктами заправки горючим для пароходов. Другие играли роль гарнизонных центров. Некоторые представляли собой административные центры крупных арабских и курдских племен. Так, Халабджа была городским центром курдской племенной конфедерации джаф, Амара была тем же самым для жителей берегов Тигра, Насирия — для арабской племенной конфедерации мунтафик. Часть городов была религиозными центрами (например, шнитские священные города Неджеф и Кербела) [263, стр. 20; 216, стр. 265].

Горожане и сельские жители не любили и даже презирали друг друга. Жители Эрбиля, писал Хей, относились к сельским курдам пренебрежительно, называя их грубыми и необразованными, а сельские курды считали горожан изнеженными, развращенными и продажными [239, стр. 86].

Важнейшим торгово-промышленным и культурным центром Ирака был Багдад, основанный в 762 г. халифом аль-Мансуром. Благодаря своему историческому прошлому, стратегическому положению и большому авторитету его правителей при султанском дворе он всегда одерживал первенство над соперничавшими с ним Басрой и Мосулом. В Багдаде жили известные роды мусульман-суннитов, крупные торговцы и ростовщики из полуевропеизированных еврейских семей Даниэл и Сассун, представители и агенты крупных торговых фирм. В отличие от других городов в Багдаде уже имелась прослойка национальной интеллигенции — врачи и юристы.

Население Багдада к концу XIX в. достигло 200 тыс. человек. Багдад был расположен по обоим берегам Тигра, причем две трети занимал новый город (на левом берегу), носящий местное название Шат; старый же Багдад, бывшая столица халифата и некогда могущественнейший и красивейший город мусульманского мира, лежал на правом берегу. Обе части города были соединены двумя понтонными мостами.

Старый город был окружен почти совсем обрушившейся стеной, которая в свою очередь была обнесена глубоким рвом; новый город был защищен земляным валом.

Дома были построены в основном из кирпича. У знатных багдадцев во дворах били фонтаны. Из городских строений выделялись дворец вали и английское консульство с прекрасным садом.

Население Багдада было очень пестрым. Кроме арабов, здесь жили турки, курды, евреи, армяне, ассирийцы, персы, а

также незначительное количество индийцев и европейцев. Мусульманское население состояло из двух религиозных групп, враждебных друг другу, — суннитов и шиитов.

Торговлей занимались в основном персы и евреи. Багдад с давних пор был крупным складочным пунктом арабских, индийских, иранских, а также европейских мануфактурных товаров. Он снабжал Турцию, Сирию и часть Европы индийскими товарами. Изделия багдадских ремесленников (красный и желтый сафьян, кисея, тафта, ковры, шали, шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани) пользовались широкой славой.

В Багдаде имелись четыре консульства: английское, французское, иранское и русское.

Среди городов Багдадского вилайета наибольшую роль играли священные шиитские города Неджеф и Кербела, а также Баакуба, Дилтава и Шахробан.

Вторым по значению городом Ирака была Басра, единственный морской порт страны. Численность населения Басры, включая пригороды, к концу XIX в. составляла около 60 тыс. человек.

Басра занимала обширную площадь и делилась на восемь кварталов. Наряду с кирпичными постройками в городе были многочисленные тростниковые хижины (сарифы), в которых жила беднота. Кроме арабов, составлявших большинство населения, в отдельных кварталах Басры жили персы (примерно 6 тыс.), евреи, армяне и ассирийцы.

В Басре жило много богатых землевладельцев, которым принадлежали фруктовые сады и финиковые плантации, а также купцов-компрадоров и торговых агентов иностранных компаний [263, стр. 19].

На главном городском базаре насчитывалось более 1500 лавок, владельцы которых в основном торговали товарами, привозившимися из Марсея (сахар), Манчестера (мануфактура), Маската (чалмы), Эль-Хасы (одежда) и из других мест. На базарах и площадях, а также на перекрестках наиболее людных улиц находились кофейни, фактически представлявшие собой клубы, где местные жители собирались для того, чтобы потолковать о политике, обменяться новостями или заключить торговую сделку [53, стр. 31]. Все большие здания в городе принадлежали английским торговым фирмам или арендовались ими.

Значительным влиянием в городе пользовались семья накиба⁸¹, роды Баши, Мандыль и Сани [263, стр. 19].

В предместье Басры Макам Али помещался морской арсенал, при котором были мастерские для ремонта судовых машин, пушек и стрелкового оружия. Здесь же находились управление порта, таможня, карантинное управление, конторы турецких и

⁸¹ Накиб — глава местных суннитов.

иностранных пароходных компаний. К таможне примыкал базар, где были расположены более 400 лавок. В пригороде Басры Маргиль, на правом берегу Шатт эль-Араба, находились сухой док и мастерские, принадлежавшие английской пароходной компании «Братья Линч» [53, стр. 33].

Другой пригород Басры, Эз-Зубейр, насчитывал не менее 6 тыс. жителей, большинство которых занималось контрабандной торговлей. Эз-Зубейр в то время был доступен даже для морских судов с большой осадкой [315, стр. 107]. Желая обойти турецкую таможню в Басре, местные и иностранные купцы выгружали свои товары в Кувейте⁸², откуда переправляли на арабских парусниках по заливам Хор Абдаллах и Хор Ассабий в Эз-Зубейр, жители которого развозили эти товары по всему Ираку. Эз-Зубейром управлял наследственный шейх [263, стр. 19].

Вторым по значению городом юга Ирака была Амара. Это был сравнительно молодой город⁸³. Тем не менее численность ее населения в конце XIX в. достигала 10 тыс. человек. Своим ростом Амара была обязана выгодному местоположению. Она лежала на левом берегу Тигра, примерно в 170 км выше Басры и в 50 км от приграничных луристанских селений. Благодаря этому она сделалась поставщиком европейских товаров для всего пограничного района Ирана. Эти товары перевозились на английских и турецких пароходах, совершавших регулярные рейсы по Тигру. Открытие судоходства по р. Каруну отняло у Амары хузистанские рынки, что нанесло ей серьезный ущерб. Несмотря на это, амарские купцы продолжали деятельную торговлю с Луристаном и с соседними арабскими кочевыми племенами.

Прибрежная часть Амары выглядела нарядно. На набережной были выстроены двухэтажные кирпичные дома. Несколько широких и прямых улиц делили этот район на отдельные кварталы. Здесь жили зажиточные слои. Большинство же населения ютилось в глинобитных постройках и тростниковых хижинах, окруженных садами и пашнями. Во всем Ираке большим спросом пользовались ювелирные изделия из Амары [263, стр. 27].

В 70 км от Басры вверх по Шатт эль-Арабу находился город Эль-Курна⁸⁴, занимавший выгодное стратегическое положение и имевший важное торговое значение благодаря доступности Шатт эль-Араба для крупных морских судов вплоть до

⁸² Здесь купцы платили двухпроцентную пошлину.

⁸³ Амара была основана в 1863 г., когда командующий турецким экспедиционным корпусом Мухаммед-бей Днарбекирли одержал решительную победу над восставшими арабскими племенами бани лям и аль-бу-Мухаммед. После подавления восстания он построил здесь временную казарму и здание своего штаба [206б, стр. 280].

⁸⁴ Эль-Курна была основана в начале XVIII столетия для защиты от нападений персов. Она была обнесена двойной стеной, и в ней постоянно содержался значительный турецкий гарнизон. Подробнее см.: 281а, стр. 248.

места слияния Тигра и Евфрата. В Эль-Курну поступала основная часть товаров, идущих Персидским заливом. Она была как бы центром распределения этих товаров по прибрежным районам Тигра и Евфрата.

На левом берегу Евфрата, у места впадения в него канала Шатт эль-Хай, была расположена Насирия⁸⁵ — административный центр Мунтафикского санджака. Она находилась в 140 км к юго-западу от Амары и в 170 км к западу от Басры. По численности населения она почти равнялась Амаре. Насирия занимала видное место во внутренней торговле Басрийского вилайета как центр скупки сырья и зерна во всем Мунтафикском санджаке.

Росту и возвышению Насирии во многом способствовало падение роли прежнего торгового центра санджака — Сук эш-Шуюха («базара шейхов»)⁸⁶, куда раньше стекались бедуины не только из ближайших санджаков Ирака, но даже из таких отдаленных районов, как Кувейт, Неджд и пустыни северной части Аравийского полуострова. В Насирии и Сук эш-Шуюхе бедуины могли найти все необходимое, начиная с оружия, пороха, седел и кончая зерном, европейскими мануфактурными товарами, посудой и другими предметами первой необходимости. Торговля здесь носила меновой характер. Кочевники в обмен за нужные им товары отдавали рогатый скот, лошадей или продукты скотоводства (шерсть, сыр, кожи и т. п.).

Третьим по значению городом Ирака был Мосул. В 1879 г. он стал административным центром вилайета. Население Мосула составляло приблизительно 60 тыс. человек⁸⁷.

Мосул расположен на правом берегу Тигра, напротив развалин древнеассирийской столицы Ниневии. Берег Тигра у Мосула высокий и обрывистый. На самом краю обрыва поднимались остатки древних стен, окружавших некогда город. Для въезда в город служили девять ворот. У северной окраины его находились развалины старой цитадели. Окна домов почти совсем не выходили на улицу. С левым берегом Тигра город соединялся каменным мостом [167, ч. II, стр. 132].

⁸⁵ Насирия была основана в 70-х годах XIX в. главой племенной конфедерации мунтафик шейхом Насиром из рода Саадун. Мидхат-паша, тогдашний багдадский вали, желая привлечь на свою сторону род Саадунов и с его помощью окончательно умиротворить мунтафик, выделил территорию их расселения в самостоятельный санджак. Шейх Насир получил должность мутасаррифа и титул паши. После этого новый администратор решил основать в качестве своей резиденции город. Насирия стала не только административным центром санджака, но и базой для отражения враждебных мунтафикам племен.

⁸⁶ Сук эш-Шуюх был построен одним из мунтафикских шейхов в начале XVIII в. Он находится на правом берегу Евфрата, приблизительно на полпути между Эль-Курной и местом впадения в Евфрат канала Шатт эль-Хай. Сук эш-Шуюх был примечателен еще и как центр религиозной секты сабейцев.

⁸⁷ В начале XX в. в Мосуле насчитывалось 12 тыс. дворов [167, ч. I, стр. 281].

Узкие кривые улицы без единого дерева, грязь, глинобитные дома — таков был облик Мосула в начале XX в.

Мосул сильно отличался от Багдада и Басры. Здесь меньше чувствовалось западное влияние, население по языку и вероисповеданию было гораздо более пестрым. Ведущее положение в городе занимали семьи Джалили и Умари, а также некоторые зажиточные христиане [263, стр. 20].

Несмотря на то что Мосул стоял на перекрестке торговых путей, ведущих из Анатолии к Багдаду и Персидскому заливу и от Средиземного моря через Месопотамию в Иран, он не стал мировым торговым центром, так как транзитное движение по этим, не везде безопасным, караванным дорогам почти совершенно отсутствовало [167, ч. I, стр. 285]. Однако в местной торговле значение Мосула было весьма велико. Жители окрестных деревень привозили в Мосул значительное количество сельскохозяйственных продуктов. Сюда же стекались и бедуины близлежащих кочевий для меновой торговли с горожанами.

Земли вокруг Мосула были плодородны. В основном они принадлежали богатым горожанам⁸⁸, которые отдавали их в аренду крестьянам⁸⁹.

В Мосуле действовала мануфактура по производству папирозной бумаги [112, стр. 54]. Местные ремесленники занимались выделкой кожи, производством бумажных, шерстяных и шелковых тканей, находивших сбыт не только у местного населения [167, ч. I, стр. 286]. Европейские товары прибывали в Мосул главным образом с берегов Средиземного моря караванами через Халеб на Диярбакыр, а оттуда — на келеках (плотах) по Тигру.

Из других городов северо-востока Ирака следует отметить Дохук, Эрбиль, Алтынкёпру, Киржук, Туз-Хурматли, Салахию и Каратепе. Все они были расположены на главной коммуникационной линии, которая соединяла столицу Османской империи с Мосулом и Багдадом. Здесь селилось много семей турецких гражданских и военных лиц. Именно эта часть населения вместе с отуречившимися местными жителями составляла главную опору турецкой власти.

Самым крупным из этих городов был Киржук. Здесь был расположен турецкий гарнизон.

Большинство жителей Киржука составляли турки, называвшие себя туркоманами, чтобы подчеркнуть свое происхождение от турок-сельджуков, а не османов⁹⁰; четвертую часть составля-

⁸⁸ Кроме городских нотаблей крупными поместьями в Мосульском санджаке владели вожди бедуинских племен и купцы [290а, стр. 45], а также суннитские религиозные общины [292б, стр. 45, 129].

⁸⁹ Земля арендовалась на следующих условиях: с неполивных земель арендатор отдавал землевладельцу десятую часть урожая, а с орошаемых участков — до половины [167, ч. I, стр. 285].

⁹⁰ Некоторые английские авторы называют туркоманами низшие слои городского и сельского общества, а турками — гражданских чиновников, офицеров и аристократов [216, стр. 265].

ли курды, а отдельные кварталы были заселены арабами, ассиро-халдейцами и евреями.

Население Киркука в 1914 г. составляло около 30 тыс. человек, увеличившись почти в два раза с 1890 г. [239, стр. 81; 263, стр. 53]⁹¹.

Влиятельные аристократические семьи Киркука были либо турецкого, либо курдского происхождения; при этом отуречившиеся курды считали себя турками. Из них следует назвать следующих: Нафтчи-заде (как говорит сама фамилия, ее члены владели нефтепромыслами), Якуби-заде (землевладельцы из курдского племени зенгене), Кердар (купцы и помещики). Большим авторитетом в городе пользовался Саид Ахмед Ханак, из курдского рода Барзанджи [216, стр. 265].

Киркук был и торговым центром. Здесь определенным влиянием пользовались городские буржуазные круги. Представителями этих кругов в основном были ассиро-халдейцы⁹² и евреи (150 семей). Некоторые из них одновременно были и крупными помещиками (например, Минас Гариб, Константин и Томас Хинди) [216, стр. 266—267].

Важным административным центром Мосульского вилайета был древний город Эрбиль, население которого, как и в Киркуке, с 1890 по 1914 г. увеличилось почти в два раза [263, стр. 53].

В Эрбиле большинство населения составляли курды. Многие курды имели дома и землю, а зажиточные ага были владельцами великолепных особняков с мраморными мозаичными полами и колоннами. В этих домах ага принимали посетителей из города и окрестных деревень. Каждый курдский предводитель был клиентом какого-либо городского аги. Эти связи переходили обычно из поколения в поколение. Городской ага не требовал никакой платы за гостеприимство, но существовал обычай посылать ему время от времени подарки (сыр или фрукты). Кроме того, вожди присматривали за порядком в деревенских владениях своих патронов в случае волнений среди племен, в то время как городские ага выступали иногда в качестве их представителей в Эрбиле [239, стр. 84].

На острове посреди р. Малый Заб был расположен небольшой курдский город Алтынкёprü. Остров был соединен с берегами реки двумя мостами. Своим существованием город был обязан торговле⁹³. Население Алтынкёprü состояло главным образом из ортодоксальных туркмен-суннитов. Дома город-

⁹¹ Марк Сайкс писал, что до войны население Киркука достигало 70 тыс. [301]. Это явное преувеличение. Даже в 1948 г., т. е. после того как Киркук стал центром деятельности «Ирак петролеум компани», его население не превышало 69 тыс. человек.

⁹² При Сасанидах Киркук был центром ассирийцев-несториан. Здесь находилась резиденция их митрополита.

⁹³ Зерно из окрестных районов и изюм с гор сплавлялись отсюда на келках в Багдад.

ской бедноты были сильно перенаселены. Деревни вокруг Алтынкёпрю были в основном курдскими.

Из других городов, находившихся на пути из Стамбула в Багдад, следует отметить Салахию — узел караванных путей. К началу XX в. Салахия с населением около 2 тыс. человек была вторым городом в санджаке Сулеймания. Вплоть до открытия железной дороги Багдад — Киркук она оставалась важным торговым центром [216, стр. 277].

Значительным городом была Сулеймания. Основная часть ее населения жила в глинобитных домах. Совсем иными были жилища крупных торговцев и ага. Их дома, построенные из обожженного кирпича, в персидском стиле, были окружены садами с водоемами и арыками, отделанными плитками бирюзового и голубого цвета [216, стр. 80—81]. Среди крупных торговцев города выделялся ассиро-халдеец Керим Алаках, который занимался скупкой и перепродажей местного табака.

Во многих городах Мосульского вилайета, в том числе в Акре, Дохуке, Амадии, Ревандузе, Рании, Захо, важным моментом жизни была организация защиты от нападений племенных ага и шейхов и их посягательств на богатство и имущество местной знати [263, стр. 20].

На северо-востоке городским агам и шейхам принадлежало значительное количество деревень. У большинства из них были загородные дома.

В отличие от своих предшественников они не вели замкнутого образа жизни и, по словам иностранных наблюдателей, стремились к знаниям, постоянно читали газеты и с интересом обсуждали события, происходившие в Европе и на Востоке. Некоторые местные землевладельцы имели вклады в европейских банках. И хотя многие арабские и курдские феодалы считали государственную службу ниже своего достоинства, своих молодых родственников они зачастую «напутствовали на служебную карьеру» [239, стр. 84].

В отличие от юга и центра Ирака город на северо-востоке не представлял единого целого. Он делился на изолированные кварталы, в которых жили представители той или иной национальности, религии или племени. Эту обособленность усиливало то, что в каждом квартале население занималось разным видом ремесла, создавая замкнутые корпорации. Так, жившие в Сулеймании (в квартале Гоижа) ассиро-халдейцы занимались изготовлением кисетов для табака. Другой квартал Сулеймании — Джулуках был населен евреями (750 человек). Они занимались торговлей, дублением и окраской кожи [216, стр. 86].

Еврейские кварталы и колонии существовали в Киркуке, Эрбиле и Хое, а также в деревнях Бейтава и Батас. Большая часть евреев занималась крашением и ткачеством [239, стр. 87]. Они монополизировали также производство арака⁹⁴ (водки).

⁹⁴ Это занятие считалось запретным для мусульман.

В конце периода турецкого господства уровень промышленного развития Ирака был крайне низок. На рубеже XIX—XX вв. Ирак вместе со всей Османской империей был полуколонией иностранного капитала, рынком сбыта для промышленных товаров европейских стран [112, стр. 91]. Дешевая европейская мануфактура постепенно убила местное ткацкое производство [53, стр. 511]. Наплыв европейских товаров привел к свертыванию производства местных кустарей и ремесленников.

Местная ткацкая промышленность ограничивалась выделкой шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных⁹⁵ тканей. Для первичной обработки сырья, предназначенного на вывоз, иностранные фирмы построили в крупных городах несколько шерстонок, а также прессов для упаковки шерсти [112, стр. 55].

В Багдаде действовало несколько шелкопрядильных фабрик, а в ряде небольших городов — хлопко- и шерстоткацкие фабрики, мастерские по выделке грубых матрацев и ковриков [263, стр. 27].

Центром иракского ремесленного производства был Багдад. Изделия живших в Багдаде персидских мастеров по дереву и кости, а также большие медные чайники, изготавливаемые багдадскими ремесленниками, находили широкий спрос не только среди местных жителей, но и среди иностранцев.

В предместьях Багдада ремесленники занимались дублением и обработкой кожи; обувь, ремни и седла, сделанные из этой кожи, были рассчитаны лишь на местный рынок.

В Багдаде из импортного дерева изготавливались речные суда, которые использовались на местных линиях. Большим спросом пользовались ювелирные изделия, выполняемые в Амаре.

Сулеймания славилась производством оружия. Ружья, изготовленные здесь, вывозили и за пределы Ирака. Марк Сайкс, побывавший в Сулеймании в 1902 г., отмечал, что в городе около 150 курдов были заняты производством оружия. Примечательно, что гильзы от патронов в Курдистане были мерой веса. В годы мандата производство оружия прекратилось, тем не менее на рынке для отвешивания бакалейных и других товаров по-прежнему использовали патронные гильзы [301, стр. 233].

Сравнительно успешно развивалась торговля. За границу вывозилось только сырье, в том числе финики, зерновые, чернильный орешек, камедное дерево, скот, продукты животноводства. С каждым годом увеличивался поток транзитных товаров из Ирана.

В конце XIX — начале XX в. экспорт сельскохозяйственных товаров усилился. Ввоз и вывоз почти уравнились [28, стр. 285]. Основными экспортными товарами стали зерновые и

⁹⁵ Сбор хлопка (в Багдадском вилайете) составлял 480—800 т; кроме того, от 64 до 160 т хлопка-сырца ввозилось из Ирана. В 1905 г. хлопок впервые стал вывозиться за границу (в Лондон была отправлена партия хлопка в 120 т [30, стр. 15]).

финики. В последнем десятилетии XIX в. средний ежегодный экспорт зерновых культур выражался в следующих цифрах [30, стр. 10].

Зерновые	Количество (в тыс. п.)
Ячмень	19,2
Пшеница	9,6
Рис	8,0
Кукуруза	4,8
Прочие злаки	8,0
Кунжут	1,6

В Индию вывозили преимущественно рис, кукурузу, чечевицу и бобы, в Англию — ячмень, пшеницу и неочищенный рис, во Францию — кунжут. Торговля зерновыми с портами Красного моря и Индии была сосредоточена в руках багдадских и басрийских фирм; монополия на вывоз фиников принадлежала английским торговым компаниям, имевшим филиалы в Багдаде и Басре. Финики находили хороший сбыт в Америке, Европе, Индии, Восточной Африке и в княжествах Персидского залива.

В Индию вывозили арабских лошадей; шкуры и кожи⁹⁶, а также ангорскую шерсть — в Стамбул и Западную Европу; очищенный жир — в Индию и порты Красного моря; кишки для набивки колбас — в Америку. Различные сорта местной шерсти прессовались для вывоза в Америку и Англию. По суше в Сирию отправляли верблюдов и овец, в Анатолию — буйволов, в Египет — крупный рогатый скот [263, стр. 29].

Потребности населения в промышленных товарах удовлетворялись за счет импорта, в первую очередь из Англии [28, стр. 284]. Импортные товары, за исключением доставлявшихся по суше из Сирии, Нежда и Анатолии, проходили через Басру и распределялись из Багдада.

Импорт на три четверти состоял из хлопчатобумажных тканей [263, стр. 28]. Большинство их ввозили из Манчестера, немного из Индии. Шелк и шерсть шли из Франции и Австро-Венгрии. Уголь в Ирак доставляли из Уэльса, кофе — из Бразилии и Йемена, джутовые мешки и индиго — из Индии, керосин — из США, сахар — из Египта, Франции и Австро-Венгрии, дерево, чай и пряжу — из Индии, табак — из Ирана. Кроме того, из разных стран Европы и Азии в Ирак доставляли бумагу, скобяные товары, цинковые листы, краски, свечи и фески.

Импорт с 1900 по 1914 г. вырос более чем в два раза. Увеличение притока зарубежных товаров отображало нужды Ирака в строительстве железных дорог, расширении ирригации; оно было вызвано также ростом использования машинного оборудо-

⁹⁶ В 1891 г. из Ирака было вывезено 3128 тюков кожи, в 1910 г. — 9043 тюка [53, стр. 496].

вания, увеличения потребности в керосине и общим ростом спроса на хлопчатобумажные ткани, сахар, чай, спички и т. д.

Большая часть импортных и экспортных операций проходила через британские и местные еврейские фирмы [299, стр. 228]. Накануне первой мировой войны главенствующую роль играли в Ираке английские компании братьев Линч, Грей, Маккензи, Стрик, Басрийская торговая компания и американская фирма «Масандрей форбс», торгующая солодковым корнем. Резиденции всех этих фирм находились в Басре. В Багдаде же существовали филиалы британских фирм братьев Линч, «Блокей Кри», а также крупнейшего бомбейского купца Сассуна.

В Багдаде и Басре функционировали филиалы Имперского оттоманского банка, которые находились под английским и англо-французским контролем. В 1912 г. в Багдаде был открыт Восточный банк. Появились филиалы Имперского банка Ирана, но они были быстро закрыты, так как оказались нежелательными для конкурентов [263, стр. 54].

Торговля Басрийского вилайета находилась в основном в руках Великобритании. 90% внешнеторговых грузов проходило через порт Басру.

Во всех трех вилайетах Ирака сельскохозяйственные продукты производились не только для внутреннего потребления, но и для вывоза в другие районы страны. Вывоз из Северо-Восточного Ирака состоял главным образом из зерна, шерсти, табака, чернильного орешка, камеди, строевого леса, сыра, меда, изюма и других сухих фруктов. Их перевозили или к железнодорожным станциям в Салахии и Шаркате, или речным путем на плотах в Багдад. Много зерна продавалось и в Мосуле [239, стр. 108].

Основными ввозными товарами для Северо-Восточного Ирака были чай, сахар, кофе, ремесленные изделия из Багдада, а также домашний скот из Ирана. Два важных торговых пути между Ираком и северо-западным Ираном проходили через Эрбильский санджак, а когда по обе стороны границы устанавливался мир, транзитная торговля приобретала важное значение. В связи с этим множество караванов отправлялось в Соуджбулак и Урмию (ныне Резайе), захватив с собой чай, сахар, кофе и готовые изделия; обратно они везли ковры, шелк, шкуры, меха, самовары и домашний скот.

Из Сулеймании в Басру вывозили чернильный орешек, который затем шел на английские, американские и французские рынки [53, стр. 500].

Состоятельные торговцы Сулеймании были заинтересованы в росте производства табака. Они вывозили табак в Багдад и Мосул, а также в города Иранского Курдистана.

В обращении находились турецкие монеты: медные пиастры, серебряные маджидие и золотые лиры, которые до войны стоили немного меньше фунта стерлингов [239, стр. 109]. Постепен-

но в Басру начали проникать индийские рупии, а в города среднего Тигра и Курдистана — и персидские монеты.

Местный денежный курс оставался стабильным, но бумажных денег все еще не было [263, стр. 54].

Многие арабские купцы выступали на рынке как агенты иностранного капитала, скупая экспортное сырье и сбывая импортные товары. Эти компрадорские элементы, извлекавшие значительные выгоды из своих экономических связей с иностранным капиталом, ориентировались на поддержку европейских держав.

Широкие связи имели также влиятельные курдские купцы. Они содержали своих агентов в Алеппо и Багдаде, а перед самой войной некоторые из них имели фирмы даже в Марселе [239, стр. 108]. Многие курдские купцы во время английской оккупации нажили большие состояния на валютных сделках⁹⁷.

Вовлечение Ирака в систему мирового капиталистического хозяйства, развитие внутренней и внешней торговли способствовали росту арабской и курдской буржуазии. Вместе с тем в силу внутренних (медленное развитие промышленности) и внешних (засилье европейского капитала) причин национальная буржуазия все еще была слаба; она продолжала вкладывать капиталы, преимущественно в торговлю и ростовщичество, приобретала земли, покупала скот. В силу этого обстоятельства крупная буржуазия не только не противостояла феодалам, а наоборот, шла с ними на компромисс, на сговор, что еще больше усиливало эксплуататорские классы и затрудняло борьбу эксплуатируемых — грядущих города и деревни.

ГЛАВА 6.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Последние годы турецкого господства в Ираке были отмечены подъемом национально-освободительного движения. Эти годы совпали с начавшимся в Ираке процессом разложения феодализма и созревания капиталистических отношений. Однако господство турок и превращение Ирака в полуколонию иностранного монополистического капитала замедляло этот процесс. Одновременно в Ираке происходил процесс образования буржуазной нации, но и он в результате двойного гнета — турецкого и империалистического — сильно тормозился.

⁹⁷ Например, Ахмед-паша посылал большое количество индийских рупий в Багдад для обмена их на чеки в фунтах стерлингов. Чеки он отправлял в Алеппо, получая турецкое золото. Затем золото грузили на ослов и привозили обратно в Ирак. От каждой такой операции он получал чистый доход в размере 25%.

Стремление арабского, курдского, ассирийского и других угнетенных народов Османской империи к самостоятельному национальному существованию натолкнулось не только на сопротивление господствующего феодального класса Османской империи, но и на сопротивление империалистических государств, превративших ее в полуколонии⁹⁸.

Главной причиной антитурецких выступлений арабского населения Ирака была та политика, которую проводили турецкие правящие круги по отношению к подчиненным им арабским племенам. Эта политика в основном сводилась к поддержанию между ними розни. Для достижения своей цели турки пользовались постоянной борьбой бедуинских шейхов за власть, а также законом кровной мести. Однако главным орудием в руках турок было распределение земель.

Земельный вопрос играл важную роль уже по одному тому, что большая часть населения Ирака жила исключительно земледельцем и скотоводством, причем благосостояние племени целиком зависело от качества и количества отводимых ему участков. Понятно поэтому, что передача наделов, арендовавшихся одним племенем, другому неминуемо влекла за собой непримиримую вражду, часто оканчивавшуюся кровопролитными столкновениями. Поборы и вымогательства турецких чиновников, видевших в распределении земель и в сборе налога со скота лишь источник наживы, обостряли эти конфликты.

Взяточничество и продажность турецких администраторов стали столь обычным явлением, что даже в делах, касавшихся интересов Турции, они прежде всего преследовали свои личные выгоды, как, например, в кувейтском вопросе, который послужил средством к обогащению не только для нагиба Басры Сеида Раджаба и бывшего басрийского вали Мухсин-паши, но и для командира VI корпуса Ахмеда Фейзи-паши, успевших в разное время выманить у кувейтского шейха Мубарака до 40 тыс. лир [16, л. 36].

Естественно, что турецкое правительство не могло рассчитывать на преданность подвластных ему арабов, а отуречить край и полностью подчинить его себе Турция была не в состоянии, так как турки составляли здесь меньшинство, державшееся

⁹⁸ Захватническая политика Англии, России и других государств вызвала бурный протест иракского населения. Например, в знак протеста против оккупации Ирана войсками царской России и Англии, подавления революционного движения иранского народа в декабре 1911 г. в крупных городах Ирака происходили антиимпериалистические выступления. В Неджефе шиитские муджтахиды издали фетву, в которой призывали всех мусульман Ирака поддержать требование о выводе иностранных войск из Ирана, принести в жертву ради этого святого дела свою жизнь и имущество. Однако нерешительность и непоследовательность духовных лиц позволила турецким властям задуматься в зародыше начавшееся движение. На своем собрании муджтахиды не смогли прийти к единому и окончательному решению о дальнейших действиях. Главный муджтахид Казим Эзди даже не прибыл в Казимию на собрание муджтахидов [31, № 15—16, стр. 6].

в стороне от остального населения и опиравшееся лишь на штыки. В то же время турецкие вооруженные силы в Ираке состояли всего из одного армейского корпуса, набранного по большей части из арабов. Турецкий флот был представлен в Персидском заливе двумя старыми корветами, которые с трудом передвигались даже по Шатт эль-Арабу. Ко всему этому добавлялось хроническое отсутствие денег в турецкой казне, что лишало местных вали возможности снаряжать карательные экспедиции против восставших шейхов и вынуждало их прибегать к полумерам, еще более ослаблявшим авторитет турецкой администрации.

Необходимо учитывать и религиозную рознь между суннитами и шиитами. Подавляющее большинство арабского населения Багдадского и Басрийского вилайетов были последователями шиитского толка ислама. Между тем священные города Кербела, Неджеф и Казимия, где сосредоточивались религиозные интересы всего шиитского мира и где жили высшие духовные руководители шиитов — муджтахиды, находились в руках суннитского турецкого правительства. Поэтому было достаточно одной фетвы⁹⁹ муджтахиды, чтобы фанатически преданная ему шиитская масса поднялась против ненавистных ей суннитов. И если муджтахиды не использовали эту возможность, то только потому, что при существовавшем в Ираке режиме они обладали достаточной свободой как в своих действиях, так и особенно в распоряжении своими огромными доходами.

Наконец, турки не проявляли никакого интереса к использованию местных природных ресурсов, питали отвращение к торговле и ремеслам, отдав это занятие на откуп евреям, армянам, ассирийцам и персам. Все это мешало им пустить глубокие корни в Ираке. В итоге они производили впечатление временных правителей, задавшихся целью выжать из страны как можно больше соков, пока она еще в их власти.

На политику турецких властей арабское население Ирака отвечало восстаниями. Особенно участились они в конце XIX в. В 1892 г. среди мунтафиков начались волнения в связи с конфискацией части их земель в пользу казны. В том же году в Амарском санджаке против турок поднялось племя аль-бу-Мухаммед, причем поводом послужили злоупотребления турецких чиновников при разделе земель. В 1895 г. по этой же причине восстало племя бани саид, жившее в санджаке Басра около Сук эш-Шуюха. Турки жестоко подавили и это восстание, а его руководитель шейх Хасан аль-Хайюн бежал в район озера Хор эль-Хуэйза. В 1899 г. племя бани саид вновь подняло восстание. В начале 1902 г. во время сбора налога произошли волнения среди племени бани мансур, занимавшего территорию между Эль-Курной и Эль-Мадиной на Евфрате [16, лл. 35—36].

⁹⁹ Фетва — письменное заключение по тому или иному вопросу, устанавливающее его соответствие исламу.

Кроме описанных крупных волнений, происходили и многочисленные мелкие столкновения арабов с турками. Как писал в своем отчете русский консул в Басре А. Адамов, вся страна находилась в состоянии постоянного брожения [16, л. 36 об.].

Начало XX в. было отмечено антитурецкими выступлениями арабского племенного объединения мунтафик. С 1900 по 1908 г. власть в объединении оспаривали Мансур Саадун-паша и Фалих-паша. Первый был настроен антитурецки, а второй, наоборот, был расположен к османскому управлению. Турецкое правительство, пользуясь этим обстоятельством, часто накаляло политические страсти в Мунтафикском санджаке. Иногда вмешательство правительственных войск в дела мунтафиков заканчивалось плачевно для карателей [263, стр. 56].

После смерти Мансура Саадун-паши его сын, Саадун-младший, стремился занять такое же положение, какое занимал отец. Пользуясь и без того большим влиянием среди местных арабов, он не упускал ни одного случая к его усилению, вместе с тем делая время от времени попытки выговорить себе исключительные права у турецкого правительства. В частности, он требовал предоставления ему права сбора налогов с арабов Мунтафикского санджака [16, лл. 78 об.—79].

В октябре 1903 г. Саадун-младший поднял антитурецкое восстание. Близ Шатры арабские силы численностью 4 тыс. человек уничтожили турецкий отряд, насчитывавший свыше 200 человек. Шатра была разграблена. Против отряда Саадун-паша были посланы карательные войска под предводительством Мухаммед-паши Дагестани — командира кавалерийской дивизии, расквартированной в Багдаде. 24 октября турецкие части потеснили арабов и вынудили их отступить в Эш-Шамию [16, лл. 77—78].

Восстание длилось несколько месяцев. В конце концов турецкое правительство вынуждено было пойти на компромисс. Саадун-паша выразил покорность и обязался воздерживаться впредь от какого-либо противодействия властям, а правительство даровало ему амнистию и предоставило в его пользование обширные земли, лежащие на правом берегу Евфрата близ Насирии¹⁰⁰. Если бы в течение трех лет Саадун остался лояльным к правительству, эти земли перешли бы в его полную собственность [16, лл. 100—101]. Подобными мерами турки хотели удержать этого влиятельного шейха в повиновении.

В середине апреля 1906 г. в Мунтафикском санджаке снова начались волнения.

Этими выступлениями руководил Саадун-паша-младший. Непокорные племена хучайм и хасан произвели набег на Сук

¹⁰⁰ Земли эти давали до 1200 турецких лир ежегодного дохода [16, лл. 100—101].

эш-Шуюх и открыли враждебные действия против расположенных там турецких войск.

Басрийский вали Мухлис-паша в телеграмме от 16 марта 1906 г. доносил в Стамбул, что шейх племени мунтафик Саадун-паша, которому ранее султан пожаловал доходные земли, вступил в тайное соглашение с кувейтским шейхом Мубараком ас-Саббах и поднял несколько родов мунтафик против местной администрации.

Высланный из Басры турецкий пехотный батальон оказался недостаточным для усмирения восставших. Тогда Мухлис-паша обратился к правительству с просьбой разрешить ему выслать против восставших арабов восемь батальонов или же заманить Саадун-пашу под каким-либо благовидным предлогом в Басру и там арестовать [17, л. 14].

Вслед за мунтафиками заволновались арабы, жившие в санджаке Амара. Здесь воинственные племена, обитавшие в пределах казы Сук эш-Шуюх, поднялись на поддержку Саадун-паши [17, лл. 14—15].

Таким образом, волнения охватили большую часть Басрийского вилайета. Мухлис-паша получил приказ собрать три батальона и двинуться с ними против восставших.

Эти волнения были вызваны, с одной стороны, усилением английской политической активности в этих краях, с другой — злоупотреблениями турецких чиновников, о чем свидетельствовали полученные из Амарского санджака многочисленные жалобы на лихоимство местного мутасаррифа [17, л. 15—15 об].

Вскоре в Сук эш-Шуюх прибыл Мухлис-паша в сопровождении 100 солдат. Понимая, что находящийся в его распоряжении сил было явно недостаточно для решительных действий, вали счел необходимым призвать на помощь арабские племена. Выбор его остановился на племени бани асад, в соединении с которым он выступил в конце апреля против племен хучайм и хасан [16, лл. 133, 139].

При приближении карательных войск повстанцы, хорошо знакомые с условиями местности, прибегли к своей обычной тактике: они стали отступать, увлекая за собой турецко-арабские отряды Мухлис-паши в болотистые заросли, которыми изобилывали окрестности Сук эш-Шуюха. Достигнув густых камышей, они рассеялись по ним и открыли сильный ружейный огонь. Турки стали беспорядочно отстреливаться и поспешили отступить в Сук эш-Шуюх. Однако арабы не решились преследовать неприятеля, опасаясь пушек. По неофициальным сведениям, турки потеряли 90 человек убитыми и ранеными [16, л. 133 об.].

Командир VI корпуса Сулейман-паша в конце мая 1906 г. доносил турецкому правительству: «Из последних известий, полученных мною из этого края, я заключаю, что все арабские племена, ободренные как тяжкими поражениями, нанесенными

ими нашим войскам, так и помощью, оказываемую им мунтафиским шейхом Саадуну, более чем когда-либо держатся решения не платить податей и даже не признавать над собою власти.

По моему мнению, в Сук эш-Шуюх необходимо отправить под начальством способного генерала хорошо организованный отряд в составе не менее 4 батальонов по 600 человек в каждом и до 300 всадников. Ввиду известных Порте обстоятельств, из войск VI корпуса нельзя выделить даже и одной роты низама. Что же касается редифных войск, то мобилизация их сопряжена с большими затруднениями, вследствие чего они могут выставить батальоны в составе от 100 до 150 человек и притом совершенно необученных. Ввиду всего этого необходимо, чтобы требующиеся 4 батальона были временно высланы сюда из войск четвертого или третьего корпуса» [17, л. 49—49 об.].

Через несколько дней после этих событий Мухлис-паша был отозван в Константинополь. На его место в Сук эш-Шуюх прибыл полковник Назир-бек, получивший предписание попытаться вступить с Саадун-пашой в переговоры, с тем чтобы уладить дело мирным путем.

Лестью и обещаниями Назир-беку удалось склонить Саадуну на свою сторону и убедить его оставить Сук эш-Шуюх [16, л. 134]. Таким образом, спокойствие было снова водворено в Мунтафискском санджаке; однако спокойствие это длилось лишь до тех пор, пока его находили удобным Саадун-паша и другие арабские шейхи. Устранить же раз навсегда возможность волнений среди арабских племен турки были не в состоянии. Сознание своего бессилия заставляло их воздерживаться от сколько-нибудь решительных мер и вынуждало идти навстречу всем домогательствам шейхов, чтобы не вооружать их против себя и не подавать повода к более серьезным волнениям.

После младотурецкой революции Саадун-паша сумел найти общий язык с новым правительством. Однако в 1910 г. он присоединился к восстанию мунтафиков, и правительственная комиссия, прибывшая для расследования причин восстания, обвинила его в измене. Его заманили на борт канонерки в Басре и выслали в Алеппо, где он умер при загадочных обстоятельствах. Это послужило сигналом для всеобщего объединения мунтафиков под предводительством Уджайми. Началась новая полоса междоусобиц между Уджайми и сыновьями Фалих-паши. В 1912 г. Уджайми был объявлен вне закона. Власть над племенем перешла к сыновьям Фалиха. Однако вскоре события приняли другой оборот. Уджайми снова был признан в качестве верховного правителя [263, стр. 56].

Турецкая администрация не могла положиться и на арабов Басрийского вилайета. Главная причина состояла в том, что ее действия вызывали сильное раздражение арабов. Кро-

ме того, население вилайета в основном было шиитским. Власти ничего не сделали для установления в крае безопасности, поднятия его культурного и экономического уровня. В гражданской администрации и суде взятки брали все, кто только мог. О размере взятки торговались открыто; полицейские протоколы свидетельствовали о целой системе вымогательства.

Власти наживались и на арендной плате за землю. Нежелательному кандидату припоминались все старые грехи, и часто предоставленная уже аренда отнималась. Ожесточение конкурентов, добивавшихся аренды, достигало крайних пределов, и, не умея разобраться во всей этой путанице, найти истинного виновника, арабские шейхи бросались на ближайших соседей; начиналась борьба, которая, как, например, в 1907 г., сопровождалась кровопролитием [16, л. 155 об.].

В деле возникновения розни между шиитами и суннитами главным образом виноваты были сами турки. Еще в 80—90-х годах XIX в., по общему отзыву, такой розни не было и в помине. Сунниты и шииты, например, даже отдавали взаимно дочерей в жены. Но с тех пор как турки стали открыто покровительствовать суннитам, в ущерб шиитам, религиозная рознь начала усиливаться с каждым годом.

Тем не менее турецкая власть на юге Ирака была слишком слаба и слишком неудовлетворительна, чтобы обеспечить в крае внутреннюю и внешнюю безопасность.

Сознавая свое бессилие, турецкое правительство управляло арабскими племенами, придерживаясь принципа: «Разделяй и властвуй». Например, турецкие власти всячески раздували вражду между племенами амарат-анайза и шаммар, помогая тем, кто в данный момент казался им нужнее. Такую же политику они проводили и по отношению ко всем наиболее сильным племенам, причем не гнушались прибегать к искусственным средствам для возбуждения распрей, имея для этого в руках такое орудие, как раздача пастбищ. Обычно власти действовали следующим образом: они отдавали пастбище за известную плату двум враждующим племенам; оба племени старались занять его и вытеснить соперника; спор обычно заканчивался вооруженной схваткой; слабая сторона обращалась к содействию властей, которые, оставаясь в стороне, пользовались возникшими смутами не только как средством ослабить племя, но и как источником дохода [19, л. 103—103 об.].

Турецкая администрация почти каждый год меняла многих шейхов племен [263, стр. 54], что еще больше накаляло обстановку. Пользуясь разногласиями, возникшими в племени при выборах шейха, турки всегда поддерживали того кандидата, который казался им менее популярным и, следовательно, менее опасным [19, л. 103 об.].

Междоусобицы, возникавшие среди племен районов Хиллы и Хиндии, давали правительству повод для организации кара-

тельных экспедиций. Подавление волнений среди этих племен иногда затягивалось и переходило в настоящую войну, длившуюся в течение нескольких месяцев.

Так, на нижнем Тигре все время продолжались междоусобные стычки между племенами бани лям и аль-бу-Мухаммед. При этом соперники не раз обращались за помощью к турецкому правительству, а иногда просили защиты у английского резидента. Редкие, но кровавые экспедиции турецких войск не могли приостановить периодически возникавшие столкновения и войны между двумя племенами. Шейхи аль-бу-Мухаммед находили убежище в Мохаммере. Очень часто междоусобицы приостанавливали судоходство в этом районе, и вали Басры вынужден был вмешиваться.

В июне 1904 г. снова начались волнения в Амарском санджаке среди племен бани лям и аль-бу-Мухаммед. Все пространство между Эль-Курной и Амарой было занято вооруженными отрядами арабов, а вождь племени араби, подчиненный шейху племени аль-бу-Мухаммед Сайгуду, расположился на государственных землях и отказывался удалиться оттуда. Против них из Басры и Багдада турки послали по одному батальону, однако эта мера оказалась недостаточной. Тогда в этот район с отрядом пехоты выступил сам вали Басры Мустафа Нури-паша, который и подавил волнения [16, л. 105].

Политика турецких властей вызывала у местного населения глубокую ненависть к турецким поработителям. Ненависть эту усиливали и злоупотребления турецких чиновников. Следует заметить, что вследствие своей отдаленности и климатических условий Багдадский вилайет фактически служил местом ссылки: турецкое правительство отправляло сюда всех опальных лиц, начиная с черкесов, которые состояли в родстве по женской линии с султаном и влияния которых опасались при дворе, и кончая губернаторами, прошлое которых было не всегда безупречным, «даже в глазах невзыскательного турецкого общественного мнения» [19, л. 104]. Все они смотрели на пребывание здесь как на временную невзгоду и старались вознаградить наживой несудобства этого пребывания. Недаром арабы говорили, что там, где прошел турецкий чиновник, перестает расти трава.

Турецкие власти сознавали в душе всю непрочность своего положения. Поэтому они принимали все меры к тому, чтобы сюда не проникало огнестрельное оружие. Даже у иностранных паломников отбиралось оружие при вступлении их на территорию арабских вилайетов.

Младотурецкая революция 1908 г. ускорила процесс пробуждения арабского национализма, как и национализма других народов, задавленных турецким гнетом¹⁰¹.

¹⁰¹ Подробнее о национальной политике младотурок см.: 84, стр. 149.

Победа младотурецкой революции не прошла бесследно для Ирака. По приходе к власти членов комитета «Единение и прогресс» во всех трех вилайетах Ирака высские официальные лица были отстранены от занимаемых должностей.

Суннитское духовенство и консервативно настроенные феодальные круги враждебно встретили те перемены, которые происходили после младотурецкого переворота, называя их опасными, и горевали о своем отце-султани. Родо-племенная верхушка надеялась, что новый режим ослабит центральную власть и предоставит ей свободу эксплуатации соплеменников. Поэтому шейхи и вожди племен вначале поддержали переворот. Однако вскоре они разочаровались в новом режиме.

Уже в декабре 1908 г. в работе вновь избранного турецкого парламента принимали участие и иракские депутаты¹⁰². Вместе с сирийскими депутатами они образовали единую группу в парламенте, а также приняли участие в литературном клубе («Аль-Мунтада аль-Адабу»), который преследовал больше политические цели, чем культурные [263, стр. 43].

Оживилась и политическая жизнь в самом Ираке. Начали появляться политические общества и группировки. Открыто возникали клубы арабских националистов [263, стр. 47]. Все громче раздавались требования о расширении политических прав местного населения в управлении Ираком, об увеличении процента арабских должностных лиц в местной администрации; был даже поставлен вопрос о местной автономии.

Постепенно налаживалась связь между арабскими националистическими организациями, действовавшими за границей, и местными арабами для выработки общих политических требований.

Отношения между арабскими и турецкими офицерами в армии стали натянутыми. Каймакамы-арабы уже не одобряли репрессивных мер, проводимых турецкой администрацией против населения Ирака [263, стр. 42].

Бесконечные войны Османской империи вызывали сильное недовольство арабов. Ничего хорошего не сулило им и введение младотурками воинской повинности. Ни один араб не желал воевать против своих братьев, например в Йемене, где турецкое правительство уже давно старалось упрочить свое господство, или в какой-либо другой арабской провинции Османской империи.

Арабы и курды, которые надеялись на равенство и прогресс при новом режиме, вскоре поняли, что все, что они получили, — это воинская повинность и полное отуречивание.

Во время турецко-итальянской войны в Османской империи была объявлена всеобщая мобилизация, увеличены побо-

¹⁰² Среди иракских депутатов, избранных в Багдаде, были Мухаммед-бей, Тауфик-бей аль-Халиди, Мурад-бей, Фуад-бей, ад-Дафтара, Джамиль аз-Захави и Сасун аль-Хаскаил [263, стр. 43].

ры за счет местных налогов. Население Ирака отнеслось равнодушно к войне. Все попытки стамбульского правительства подогреть патриотизм среди арабов и курдов Ирака окончились безрезультатно. Правда, в некоторых городах были образованы комитеты для сбора денег на военные нужды Турции, однако местное население очень неохотно жертвовало свои средства¹⁰³. Итоги сбора денег оказались смехотворными [263, стр. 42].

В иракских газетах время от времени публиковались сообщения турецких агентов о «блестящих победах турок». Однако местные жители не принимали их всерьез¹⁰⁴.

Огромные надежды, которые возлагали народы Османской империи на новый порядок, установленный в Турции в 1908 г., вскоре сменились разочарованием. «Свобода», предложенная младотурками, оказалась свободой турецкой, равноправие — господством для турок. В пропорциональном отношении арабских депутатов и сенаторов в парламенте было намного меньше, чем турецких. Политическая группа «Арабское братство», появившаяся в палате депутатов сразу же после младотурецкого переворота, в конце концов была разогнана. Такая же участь постигла и тайное арабское общество, созданное в 1908 г. в Стамбуле. Члены этого общества ставили цель образовать в составе Османской империи автономное арабское королевство. Аналогичных взглядов придерживалось и «Молодое арабское общество», созданное в Париже вскоре после младотурецкой революции. Переехав в 1913 г. в Бейрут, оно стало играть активную политическую роль в деле пропаганды идеи самоопределения и независимости среди арабского населения Османской империи. Накануне войны оно было запрещено.

Иракские компрадоры установили тесную связь с членами созданной в 1912 г. в Каире Османской партии административной децентрализации, состоявшей главным образом из сирийских и ливанских эмигрантов, живших в Египте [128, стр. 53]. Партия требовала децентрализации арабских вилайетов, т. е. ограничения власти центрального правительства и создания автономных вилайетских правительств. Контроль над этими правительствами должны были осуществлять иностранные советники. Кроме того, правительства вилайетов должны были обладать правом предоставления концессий. Странники децентрализации пустили корни в основном в крупных торговых

¹⁰³ Немалую роль в этом сыграло отсутствие у иракцев уверенности в том, что собранные деньги дойдут по назначению, т. е. не будут раскрадены турецкими чиновниками, тем более что за сбором денег никакого контроля не существовало [31, № 13—14, стр. 16].

¹⁰⁴ Когда после войны было подсчитано количество убитых, раненых и попавших в плен итальянцев, приведенное в турецких газетах, выяснилось, что это число превышает количество итальянских войск, участвовавших в военных действиях.

центрах страны, в первую очередь в Багдаде и Басре [263, стр. 44].

В распространении идей самоопределения и независимости определенную роль сыграла и иракская пресса, деятельность которой оживилась накануне мировой войны. Если в период режима султана Абдул Хамида II в Ираке издавалось всего шесть бесцветных официальных газет (в столицах вилайетов и Неджефе), то к 1914 г. число арабских и турецких газет доходило до пятидесяти. Каждая из них была рупором той или иной политической группировки, формировавшейся в Ираке в то время. На страницах многих из них велась панисламистская пропаганда, находили отражение идеи панарабизма и туркизма. В распространении всех этих идей активное участие принимали молодые иракские офицеры и гражданские лица из видных семей, позднее добившиеся высоких постов. Среди них можно отметить роды Умари, Джалили и Хайят из Мосула, члены семьи накиба, Баша и Мендили из Басры; Чадарчи (Рифат-бей и его сын Рауф), Сувейди (Юсуф-эфенди с тремя сыновьями), курдские Бабаны (Исмаил Хакки-бей и Хамди-бей), Пачачи, Дафтари, Дави, Хайдари, Алус, Джамиль-заде, Худхаирис, Шавкат-паша и другие из Багдада. К умеренным националистам принадлежали накиб Багдада Абд ар-Рахман аль-Гайлани и его сыновья [263, стр. 47].

Из трех столиц иракских вилайетов меньше всех был задет начавшимся национальным движением арабов Мосул. Это объяснялось двумя причинами: наличием там многочисленных приверженцев старого режима, находившихся под влиянием суннитских богословов (улемов), и разнородностью местного населения, среди которого преобладали курды.

Центром политической активности стал Багдад. Здесь существовало несколько политических обществ: одна часть их придерживалась протурецкого направления (местный комитет партии «Единение и прогресс» и либеральная, или хамидитская, группа), другая занималась пропагандой идеи автономии (в эту группу входили приверженцы Османской партии административной децентрализации). Были в Ираке также сторонники объединения с Сирией, проегипетская группировка и др. За два года до начала мировой войны в некоторых городах Ирака начали действовать филиалы нелегальной арабской патриотической партии «со смутной программой автономии» [263, стр. 45].

В январе 1912 г. в связи с подготовкой к новым выборам в парламент турецкие власти Багдада, опасаясь антиправительственных выступлений, усилили жандармские и полицейские посты в городе [31, № 15—16, стр. 12].

Предвыборная борьба велась между кандидатами партий «Единение и прогресс» и оппозиционного Либерального союза. Хотя в Багдаде, как и в других частях Османской империи, существовало большое недовольство режимом, в победе младо-

турецких кандидатов никто не сомневался, так как у их противников не было организованности и сплоченности; кроме того, значительное влияние на исход выборов неминуемо должны были оказать представители местной турецкой администрации. Так и случилось: в парламенте прошли кандидаты младотурок. Их победа была обеспечена вследствие репрессий и запугивания избирателей, а также подтасовки результатов голосования¹⁰⁵. Поэтому в Ираке почти все смотрели на выборы, как на комедию. Иракцы горько говорили, что депутаты не избраны, а назначены правительством.

В начале 1912 г. вспыхнули волнения среди жителей Хиллы и Дивании. Для усмирения 25 января из Багдада в этот район были посланы батальон жандармов и отряд кавалеристов (всего 400 человек) [31, № 15—16, стр. 21]. Три недели каратели «наводили порядок» в Хилле, Дивании и в соседних деревнях. Они не имели ни одного столкновения с повстанцами, так как почти все арабы из окрестностей Дивании бежали. Несмотря на это, турки разрушили 3 небольшие арабские крепости, спалили 12 покинутых селений, арестовали двух шейхов и ограбили оставшееся население, собрав 1900 турецких лир [31, № 17—18, стр. 34].

В июле 1912 г. арабское племя аз-знад (в казе Самава) отказалось от уплаты налогов, повышенных к тому времени вследствие переоценки ежегодно сдаваемых в аренду казенных земель. К ним присоединились и другие племена той же казы (в том числе гарбие и аль-бу-Иса). Вали Багдада послал против непокорных карательный отряд, однако каратели не достигли цели и вернулись в Самаву. Только после прибытия пополнения турки вынудили главу племени аз-знад шейха ат-Таффара с некоторыми его сторонниками отступить в глубь страны, остальные мятежники были приведены к покорности.

Через два месяца шейх ат-Таффар со значительными силами вновь появился в районе Самавы. В первой же стычке турецкий отряд был разбит. Только к концу октября, когда против повстанцев были сосредоточены крупные турецкие силы (семь пехотных батальонов и кавалерийские подразделения с горными орудиями и пулеметами), шейх ат-Таффар был наконец пленен. И все же окончательно усмирить арабские племена в казе Самава турецким властям не удалось [31, № 57, стр. 10—11].

И сами турки не отрицали, что авторитет их правительства резко упал. Так, депутат парламента Исмаил Хакки, вернув-

¹⁰⁵ Например, во время выборов в Кербеле избирателей, приходивших для голосования, сразу же окружали жандармы. Они брали у избирателей бюллетени и вписывали туда имена кандидатов партии «Единение и прогресс», а затем высылали избирателей из города, чтобы те не могли подать жалобу [31, № 21—22, стр. 19].

шись в Стамбул из поездки по Месопотамии, заявил, что турецкая власть существует только в Багдаде [18, л. 67].

Одно из ведущих мест в арабском национально-освободительном движении заняла Басра. Националистов Басры возглавлял Талиб-паша, младший сын накиба и мутасарриф Эль-Хасы. Талиб-паша поддерживал тесные связи с правителями Неджда, Кувейта, Мохаммеры. В Стамбуле его считали «опасным человеком». Сам Талиб-паша не скрывал того, что хочет создать в Южном Ираке независимый эмират.

Когда победили младотурки, Талиб-паша объявил себя приверженцем комитета «Единение и прогресс»¹⁰⁶, однако через год он стал его врагом. Это превратило его в одного из влиятельных лидеров арабских националистов в Южном Ираке. Он завязал переговоры с англичанами в Египте, одновременно уверяя в своей верности Стамбул [263, стр. 45].

В марте 1913 г. в Багдаде состоялась антитурецкая демонстрация, участники которой выдвинули требования о децентрализации. Одновременно в Мохаммере Талиб-паша созвал совещание, на котором присутствовали местный шейх Хазаль, шейх Кувейта Мубарак, а также влиятельные должностные лица Басрийского вилайета. Цель совещания состояла в том, чтобы сформулировать требования о самоуправлении.

Весной 1913 г. турецкое правительство издало закон о вилайетах, согласно которому применение арабского языка в арабских вилайетах стало обязательным. В каждом из трех вилайетов должен был образоваться эффективный Генеральный совет. Однако эти куцые реформы не могли удовлетворить арабских националистов.

В мае 1913 г. в Басре состоялись демонстрации протеста против нового закона о вилайетах, так как он значительно усилил власть генерал-губернаторов. Один из руководителей местных националистов, издатель газеты «Дустур», от имени жителей Басры послал центральному правительству телеграмму протеста, в которой заявил, что закон о вилайетах отдаст население в полное рабство генерал-губернаторам. Жители требовали отмены этого закона и проведения прогрессивных реформ. Турецкое правительство не дало никакого ответа, что еще более накалило обстановку. Торговцы Басры закрыли городские базары и послали центральному правительству телеграммы, в которых угрожали выйти из турецкого подданства [31, № 47, стр. 23].

Военный министр Турции намеревался послать войска в Басру, однако тревожное положение, создавшееся в Иракском Курдистане (в районе Мосула и Киркука), не дало ему возможности осуществить свои намерения. Вали Басры запросил помощь из Багдада, но и там турецкие власти сочли более

¹⁰⁶ Талиб-паша стал председателем Комитета реформ в Басре.

благоразумным иметь войска при себе [31, № 47, стр. 25]. Некоторые арабские националисты начали открытый террор. В июне 1913 г. в Басре был убит турецкий генерал Фарид-бей [263, стр. 46]. В том же месяце по указанию вали Багдада были арестованы четыре арабских националиста, активно выступавших на антитурецких митингах, в том числе Юсуф ас-Сувейди, в будущем один из лидеров национально-освободительного движения.

В Мосуле тоже было беспокойно. В начале мая 1913 г. здесь состоялось бурное собрание нотаблей, протестовавших против применения нового закона об управлении вилайетами. Местные жители отказывались давать рекрутов, требовали увеличения расходов на местные нужды [31, № 47, стр. 40].

Во многих крупных городах распространялись присланные из Египта прокламации, в которых арабов призывали объединиться для защиты их стран от вторжения европейских империалистов.

Активизировались и протурецкие элементы. Накануне первой мировой войны в Багдаде образовалось «Общество чести», которое возглавил один из приближенных Джемаль-бея, командир жандармского полка Ахмед-бей [31, № 47, стр. 24]. Цели этого общества состояли в защите интересов общества «Единение и прогресс».

В июне 1913 г. представители арабских политических обществ (в том числе двое иракцев) собрались в Париже для обсуждения вопросов децентрализации. В июле и августе вновь арабские предложения по децентрализации обсуждались в Стамбуле.

В августе центральное правительство издало декрет, по которому военная служба для арабов ограничивалась арабской территорией, в средних школах вводилось преподавание на арабском, а в высших учебных заведениях — на турецком языке; на административные должности в арабских вилайетах должны были назначаться только те лица, которые владели арабским языком; кроме того, все назначения, за исключением самых высоких должностей, должны были производиться местными турецкими властями. Разрешался наем иностранных экспертов, арабы получали три министерских портфеля в центральном правительстве, пять губернаторских постов и десять мутасаррифских. Однако эти решения вызвали у иракцев больше скептицизма, чем удовлетворения.

В январе 1914 г. в Кувейте намечалось созвать всеарабскую конференцию, на которой должны были присутствовать представители шерифа Мекки Хусейна, Иби Сауда, Иби Рашида, сам Талиб-паша и глава племенного объединения мунтафик Уджайми-паша. Однако сопротивление турецких правящих кругов, а также нерешительность арабских лидеров и разногласия между ними помешали осуществлению этого проекта.

Мир арабского национализма уже был разделен на враждебные группы.

В Неджефе, Кербеле и Казимии политическая жизнь направлялась шиитскими религиозными лидерами, которых мало интересовал арабский национализм, хотя они и не скрывали своего отвращения к турецкому деспотизму. Духовенство больше было занято пропагандой идеи панисламизма, но все же и оно не оставалось в стороне от происходивших политических событий. Муджтахиды продолжали выступать против правления султана и партии «Единение и прогресс», проводили собрания и митинги протеста [263, стр. 51].

Все попытки младотурок перетянуть шиитское руководство на свою сторону заканчивались безрезультатно. Еще в ноябре 1910 г. делегат центрального комитета партии «Единение и прогресс» Зияэддин посетил вместе с каймаком и начальником гарнизона главных муджтахидов Неджефа с целью уговорить их согласиться на торжественное провозглашение единства между шиитами и суннитами, для чего они должны были прибыть в Багдад и подписать соответствующую фетву. Все неджефские и самарские муджтахиды дали на это свое согласие. Отказался лишь главный муджтахид Сейид Казим Эзди, несмотря на просьбы остальных муджтахидов и угрозы Зияэдина выслать его из пределов Турции. Без его участия постановление муджтахидов не могло иметь большого значения для шиитского мира. Сейид Казим скрылся от турецких властей. Турки знали, что высылка его повлечет за собой прекращение паломничества в священные шиитские города. Поэтому они не привели свою угрозу в исполнение [18, л. 73].

В городах немусульманское население (евреи, ассиро-халдейцы и др.) в социальном отношении было изолировано от остального общества. Они были лишены политических прав и поэтому всю свою энергию сосредоточили в экономической области. Они по-прежнему сохраняли за собой ведущее положение в выбранных ими профессиях.

Христианское и еврейское население, а также езиды не желали участвовать в военных авантюрах Османской империи. После опубликования в 1909 г. закона о распространении воинской обязанности на немусульманское население они любыми средствами (побег, подкуп, фальсификация метрики) старались избежать воинской повинности. Евреи по-своему реагировали на этот закон. Те, кто не смог откупиться от военной службы или бежать, решили достичь успеха как солдаты и начали усиленно заниматься военным делом.

Между тем контакты национальных меньшинств с европейскими странами все расширялись. Израильский союз (Alliance Israelite) открыл школы в Мосуле, Хилле, Басре, Ханакине и Амаре. Ассирийская миссия архиепископа Кентерберийского основала школу в Бибайди около Амадии. Французские кар-

мелитские и доминиканские миссии вели активную деятельность среди ассирийцев-халдейцев, британская англиканская — среди ассирийцев-несториан. Американские миссионеры действовали в Южном Ираке, а также в Багдаде и Мосуле.

К этому времени относится и начало пропаганды сионизма в Ираке. Дважды сионистские комиссии прибывали из Европы, в Ирак для изучения возможностей иммиграции, а в памфлете, распространенном в 1913 г., они уже начали требовать Палестину [263, стр. 52].

В Ираке, как и в остальных провинциях Османской империи, велась антихристианская и антинеблейская агитация, но в сравнительно небольшом масштабе. В борьбе против немусульманских народов империи младотурки, как и их предшественники, использовали курдов.

До первой мировой войны курдские (и езидские) племена пользовались определенной внутренней автономией, при которой местная феодальная и родо-племенная верхушка частично сохраняла свои политические привилегии. Чтобы добиться такого положения, курдским ханам и бегам пришлось выдержать многолетнюю борьбу с султанским правительством.

Вообще следует отметить, что политика турецкого центрального правительства по отношению к курдским феодалам была непоследовательной и изменчивой. Все зависело от случая и обстоятельств.

После того как Иракский Курдистан был покорен турецким султаном Мурадом IV (1623—1640), он был разделен на шесть санджаков: Эрбиль, Кара-Чолон, Киркук, Ревандуз, Хой и Харир. Во главе каждого санджака были поставлены наследственные курдские беги, которые свои прерогативы получали непосредственно в Стамбуле.

В начале XVIII в. назначение и отстранение курдских бегов было поручено непосредственно багдадским пашам. Таким образом, посредником между курдскими вождями и султаном стал багдадский паша. Поэтому беги старались быть с ним в хороших отношениях. В случае войны они оказывали ему вооруженную помощь, снабжали его войско фуражом и провиантом. В ответ паша освобождал их от остальных государственных налогов и предоставлял им право выступать во время войны под своими знаменами.

В XIX в. отношение турецкого центрального правительства к курдской аристократии в корне изменилось. Оно начало энергичную борьбу против притязаний курдской родо-племенной верхушки. Иногда турецкие правящие круги вынуждены были идти на определенные уступки курдским ханам и бегам, однако никогда не признавали их прав наследственными. Турецкое правительство давало им высокие чины и звания, назначало их на должности вали и каймакамов, однако всегда оставляло за собой право определить, а если нужно — ограничить рамки их

деятельности. Этот период характеризуется организацией многочисленных карательных экспедиций в Курдистан [51].

Результаты турецкого управления отрицательно сказались на районах, населенных курдами. Бензенгр писал: «Грубость и хищническое управление турецких чиновников оказали соответствующее влияние на подчиненное их режиму население. Военственность выродилась здесь в разбой и насильничество, храбрость — в жестокость, а произвол, взяточничество и вымогательство, в соединении со шпионажем, породили атмосферу лжи, взаимного недоверия и вместе с тем явились причиной разорения населения, так что в настоящее время состояние края представляет картину далеко не отрадную» [62, стр. 4].

Турецкие правящие круги то безжалостно угнетали курдов, то пугались своей жестокости и начинали заискивать перед ними. В результате курдские феодалы все более и более проникались сознанием бессилия правительства и старались использовать это бессилие в своих интересах. Наиболее ярко это проявилось в конце XIX в. в годы правления султана Абдул Хамида II, который старался использовать курдов как во внешних войнах, так и для подавления народных движений. Абдул Хамид II предоставил им ряд привилегий и льгот. В частности, он сформировал курдскую иррегулярную кавалерию — «хамидие», причем офицерам, которые были выходцами из курдской родо-племенной аристократии, были выданы денежные пособия и земельные участки.

Организация хамидие предоставила возможность курдским шейхам и бегам безнаказанно грабить и притеснять соплеменников, присваивать их земли и скот, разрушать их деревни. После создания хамидийских полков курдские аширеты стали усиливаться, и гражданские власти не только не могли с ними справиться, но даже боялись их [51, стр. 277—279; 165а, стр. 54].

Недовольство курдской родо-племенной верхушки вызвала и национальная политика младотурок, поскольку младотурецкое движение, как замечал В. Ф. Минорский, вскоре стало грубо шовинистическим [146, стр. 11]. Младотурки, «являясь консерваторами до мозга костей» [167, ч. I, стр. 4], не сумели разрешить национальный вопрос, имевший не только политическое, но и весьма важное военное значение. Хамидие фактически распалась. Младотурки, отражая стремление турецкой буржуазии и помещиков, направили свою идеологию по пути пантюркизма¹⁰⁷. Началась расправа с неугодными курдскими вождями. Так, были убиты влиятельнейший курдский вождь Ибрагим-паша и накиб Южного Курдистана шейх Саид (1908 г.), а также шейх Абд ас-Салям [341, стр. 22]. Жестокая расправа с курдскими лидерами, объявление всех граждан Османской империи турка-

¹⁰⁷ Наряду с пантюркизмом младотурки культивировали и абдулхамидовский панисламизм [144, стр. 21; 154, стр. 49].

ми, разнузданная шовинистическая пропаганда, урезывание некоторых наследственных прав курдской родо-племенной верхушки — все это также сильно поколебало доверие курдских ханов и шейхов к правительству младотурок. Курдская родо-племенная аристократия не хотела уступать своих традиционных прав и привилегий, а это обусловливало ее отвращение к новому режиму и стремление освободиться от турецкого господства. Вот почему агитация о единстве и самоопределении курдов накануне и в годы первой мировой войны вызвала живой отклик среди влиятельных курдских кругов.

Борьба за национальное объединение Курдистана началась еще в конце XIX в. Начало XX в. характеризовалось новым подъемом освободительного движения: на арену вышли новые силы — учащаяся молодежь, интеллигенция¹⁰⁸. В 1898 г. в Каире, а затем в Женеве начала выходить первая курдская газета «Курдистан» [149, стр. 290].

Основное, что было характерно для первых курдских газет, — это постоянные напоминания о том, что курды, армяне, ассирийцы и езиды должны действовать сообща для достижения общей цели. Группы и отдельные лица, представлявшие эти народы, встречались и обсуждали интересующие их вопросы [292а, стр. 65], хотя наряду с этим многие вожди племен, тесно связанные с Турцией, открыто убивали и грабили беззащитных армян, езидов, ассирийцев. Пробуждению национального самосознания и развитию национально-освободительного движения среди курдов во многом способствовала деятельность курдских поэтов Мустафы Курди, Абд ар-Рахмана Селима, Хаджи Кадыра и шейха Риза Талабани.

Вначале в силу ряда обстоятельств идея независимого Курдистана пробивала себе дорогу очень медленно. Большинство традиционно воинственных племен были фактически полунезависимыми. Отсутствие элементарных условий для получения образования, в частности на родном языке, отсутствие собственной прессы, делавшее невозможным публичное выражение национальных чувств, в значительной степени замедлили развитие политической сплоченности и сотрудничества курдов, способствовали партикуляризму отдельных феодалов.

Бесконечные племенные распри, иногда искусственно вызывавшиеся турецкими властями¹⁰⁹, обычно приводили к кровопролитию. Общая затаенная вражда и нетерпимость, по словам одного армянского автора, как гнойные раны, передавались из

¹⁰⁸ Многие молодые курды обучались в турецких школах в Стамбуле. Некоторые, как, например, курды из княжеских фамилий Бадр-хан и Бабан, после окончания этих школ продолжали свое образование в университетах Швеции и Франции [292а, стр. 63]. Численность курдской интеллигенции была незначительной, но она уже появилась, хотя некоторые буржуазные авторы отрицают ее существование вообще. К примеру назовем Лонгрига [263, стр. 9].

¹⁰⁹ Как обычно в таких случаях, турецкая полиция и войска сохраняли «благожелательный» нейтралитет.

поколения в поколение [292а, стр. 64]. Стычки между племенами происходили в результате длительной вражды, похищения женщин, захвата скота, споров из-за права собственности на пастбища и по другим схожим причинам.

На рост национального самосознания курдов большое влияние оказала первая русская революция 1905—1907 гг. По словам Бензенгра, в Иракском Курдистане в этот период наблюдалось брожение, постепенно развивался дух племенного единства, зарождалось национальное самосознание [62, стр. 38].

После прихода к власти младотурок в Курдистане наподобие младотурецких организаций начали создаваться младокурдские ячейки¹¹⁰. Осенью 1908 г. в Стамбуле Шериф-паша и Амин Бадр-хан создали первый курдский политический клуб [292а, стр. 70; 149, стр. 290]. Они издавали газету «Курд таавун ве теракки газетеси» («Газета курдской взаимопомощи и прогресса»). Для национального сплочения, говорили младокурды, необходимо изучение родного языка и литературы. Чтобы стать полноправным гражданином Османской империи, утверждали они, курдам надо получить хорошее образование.

Аналогичные курдские клубы были учреждены в Багдаде, Мосуле и Диярбакыре [292а, стр. 70]¹¹¹.

Влияние младокурдов на широкие слои курдского народа было незначительным. Молодая курдская интеллигенция слишком далеко стояла от народных масс. Тем не менее их деятельность в какой-то мере способствовала постепенному развитию среди курдов национального самосознания.

Эти идеи проникли и в среду курдской племенной верхушки и феодалов. «Все народы в Турции думают о себе; все стараются добиться самостоятельности и не быть в зависимости от турецкого чиновничества. До сего времени только курды блуждали впотьмах и жили жизнью своих предков, ссорясь друг с другом и откупаясь взятками от турецких насилий. Далее не может так продолжаться. Курдистан есть наследие курдов; он принадлежит нам, а не туркам. Мы выгоним их со временем отсюда и образуем „Курманджи бейлик“ („Курдское бекство“), — говорили курдские беги [31, № 35, стр. 28].

В 1913 г. курдские студенты и журналисты создали общество «Хивия курд» («Курдское единство»), которое имело ярко националистический характер [146, стр. 18], и начали издавать ежемесячный журнал «Рожэ журд» («Курдский день»)¹¹², на страницах которого призывали курдов бороться за автономию Курдистана. Автономистское движение получило значительный

¹¹⁰ В Иранском Курдистане были образованы революционные энджумены [756, стр. 182].

¹¹¹ Формально эти клубы считались отделениями комитета «Единение и прогресс», на деле же они занимались антиправительственной деятельностью [117, стр. 140].

¹¹² В 1914 г. журнал изменил свое название на «Хатави курд» («Курдское солнце»).

размах. Так, в феврале и марте 1913 г. в Мосуле и Сулеймании произошли волнения, вызванные стремлением курдов создать автономное княжество¹¹³. При этом курды санджака Сулеймания надеялись достичь автономии с помощью России, а курды санджаков Амадия, Дохук, Акра и Ревандуз рассчитывали опереться на Англию.

Курдская феодальная верхушка стала распространять реакционный лозунг «Курдистан для курдов», что не могло не насторожить соседей курдов — армян и ассирийцев. Представители турецкого правительства всеми силами старались направить курдское движение против мирного армянского и ассирийского населения. Все это мешало объединению национальных меньшинств против турецких угнетателей.

Летом 1914 г. началась подготовка к выборам в турецкий парламент. Предвыборная борьба временно отодвинула на второй план националистическую пропаганду. Затем последовали выборы в генеральные советы вилайетов, а вскоре разразилась мировая война.

Запутавшись в своей внутренней политике, вызвав разочарование турецких народных масс и огромное недовольство нетурецких народов Османской империи, младотурки бросились в самоубийственную войну.

¹¹³ Аналогичные волнения происходили и в Диярбакырском вилайете, где агитацию за автономию вели сыновья Бадр-хана.

ЧАСТЬ II.

ИРАК ПОД АНГЛИЙСКИМ КОЛОНИАЛЬНЫМ ГНЕТОМ

ГЛАВА I.

ЗАВОЕВАНИЕ ИРАКА АНГЛИЕЙ

Начало проникновения Англии в Ирак датируется первым десятилетием XVII в., когда Ост-индская компания в поисках новых рынков сбыта для своей шерсти направила в Персидский залив корабль «Джеймс». В 1619 г. Ост-индская компания получила от шаха Аббаса монополию на торговлю шелком в Персидском заливе. Через три года объединенные англо-иранские войска захватили остров Хормуз [266, стр. 37; 328, стр. 54], вытеснив португальцев, доминировавших там почти 100 лет¹. Однако место португальцев заняли не англичане, а голландцы, и лишь позднее, в 60-х годах XVIII в., когда попытки голландцев вытеснить Англию со всех морей закончились полным поражением, английские купцы смогли достичь господства в торговле на Ближнем и Среднем Востоке². Так торговля и экономическое соперничество привели Англию к берегам Персидского залива и в долине Тигра и Евфрата.

С самого начала Ост-индская компания, являвшаяся проводником британской колониальной политики в бассейне Индийского океана, считала воды Персидского залива своим владением. Ее корабли расположились в заливе, чтобы охранять торговлю и бороться против пиратства, которое в то время, по выражению одного из английских авторов, представляло гораздо более серьезное препятствие для английской торговли в районе Персидского залива, чем военные действия европейских соперников [277, стр. 223]. В начале XIX в. Ост-индская компания резко активизировала свою деятельность в Персидском заливе, стремясь во что бы то ни стало закрепить за собой морские пути в Индию [129, стр. 79]. С этой целью она организовала ряд военных экспедиций³, которые сломили власть племен Пиратского берега⁴; в январе 1820 г. их вожди вынуждены были

¹ Португальцы находились там с 1515 г.

² Англичанам удалось сохранить свою торговую монополию в этом районе почти до второй мировой войны [215а].

³ Эти морские экспедиции были отправлены из Бомбея в 1806, 1809 и 1819 гг.

⁴ Так назывался тогда юго-восточный участок побережья Персидского залива (от мыса Мусандам до п-ова Катар), населенного арабскими племенами. После заключения перемирия с местными племенами англичане назвали его Берегом Перемирия или Договорным Оманом.

подписать общий договор о мире [192]. В том же году англичане заставили шейха Бахрейнских островов подписать аналогичный договор и тем самым признать свою зависимость от Англии [129, стр. 80].

С захватом Пиратского берега начался период политического господства Великобритании над арабами Персидского залива.

В 1829 г. была составлена карта Персидского залива. После этого англичане начали производить съемки в Месопотамии. Эту работу они вели вплоть до начала первой мировой войны [320, стр. 281].

Политика Англии в Персидском заливе состояла в стремлении установить там военный контроль и подготовить почву для экономического и политического проникновения в Месопотамию.

Расширение и укрепление британской политической организации было первым шагом на пути к превращению Персидского залива в «английское озеро». В Басре и Бушире были открыты английские консульства. Представитель британского правительства заменил чиновника Ост-индской компании в качестве резидента. В конце XVIII в. английский представитель в Басре Харфорд Джонс был направлен в Багдад. Вскоре Багдад стал центром британского влияния в Месопотамии. К 1822 г. вся организация Ост-индской компании приобрела политический статус. Комиссионеры и маклеры стали политическими представителями и дипломатическими агентами [207, т. II, стр. 553]. С этих пор английские резиденты в Бушире и Багдаде, а также консулы в Мешхеде, Ширазе, Мохаммере (ныне Хорремшехр) и Басре назначались и содержались правительством Индии, но отчитывались не только перед ним, но и перед министерством иностранных дел Великобритании [303, стр. 354].

Экономическое и политическое проникновение России и Германии на Ближний и Средний Восток в конце XIX — начале XX в. вынудило Англию принять срочные меры для укрепления своего влияния в Персидском заливе и в долинах Тигра и Евфрата.

Постоянное пребывание английских военных кораблей в водах Шатт эль-Араба стало обычным явлением [16, л. 4]. Княжества Персидского залива превратились фактически в британские протектораты. Арабские шейхи согласились не вступать в соглашения ни с кем другим, кроме Великобритании, не разрешать въезд никаким представителям других держав и не отдавать никому никакой территории без разрешения британского правительства⁵. Шейха Кувейта Мубарака ибн Саббаха, связь которого с Османской империей была весьма не прочна и который ранее просил британской покровительства в борьбе против

⁵ 6 марта 1892 г. был заключен договор с Договорным Оманом, а 13 марта — с правителями Бахрейнских островов.

правителей Джебель Шаммара, англичане заставили 23 января 1899 г. вступить с ними в договорные отношения, несмотря на то что британское правительство всегда признавало, что Кувейт находится под исключительным влиянием Турции [53, стр. 470; 43, стр. 587; 207, т. II, стр. 462; 320, стр. 251]. По соглашению между Великобританией и Турцией, которое никогда не было ратифицировано, Кувейт признавался автономным округом (каза) Османской империи, в котором англичане занимали привилегированное положение.

В 1901 г. англичане ввели в кувейтские воды свою эскадру [315, стр. 93] и заставили турок окончательно уйти отсюда. В сентябре 1904 г. в Эль-Кувейте было открыто британское консульство [15, л. 112].

После появления в Персидском заливе значительных английских военно-морских сил с шейхами Кувейта, Бахрейна и Договорного Омана был подписан ряд соглашений, по которым концессии на ловлю жемчуга и губки могли даваться только с санкции английского правительства; не разрешалась организация никаких других почтовых агентств, кроме индийских; шейхи обязывались никому не предоставлять нефтяных концессий без разрешения английского правительства.

Шейха Мохаммеры Хазала, осуществлявшего реальную власть на обоих берегах нижнего Шатт эль-Араба, тоже заставил проявить «полное понимание» интересов Великобритании. Стремясь ослабить турецкие позиции в Мохаммере, англичане тайно доставляли туда оружие [15, лл. 56—57].

Нашли англичане общий язык и с шейхом Катара⁶.

Если в Персидском заливе Англия открыто действовала против Османской империи, то в Южной Месопотамии, или, как ее тогда называли, Турецкой Аравии, где турки господствовали почти четыре столетия, политика ее носила совершенно иной характер. Там Англия, избегая открытого насилия, энергично вела тайную подрывную деятельность среди местных арабских племен для подрыва авторитета турецкого правительства. Англичане не переставали снабжать арабов усовершенствованным огнестрельным оружием, которое проникало в Ирак контрабандным путем, главным образом через Кувейт; английские политические агенты не жалели денег на подкуп и подарки; британские консулы не упускали случая вступить в непосредственные сношения с шейхами и влиятельными арабами, разжигая в них ненависть к турецкому режиму [16, лл. 53—54].

Успехам английских политических интриг среди населения Басрийского вилайета способствовали близость Индии, ее значительный военный флот и ведущее положение Англии в торговле вилайета.

⁶ Англо-катарское соглашение было подписано 5 ноября 1916 г. Шейх обещал соблюдать все предыдущие соглашения, заключенные Англией с шейхами Персидского залива [192, № 33, 34, 35, 38, 39, 41].

Бомбей был ближайшим к арабским странам цивилизованным центром, к которому невольно стремились наиболее состоятельные представители местного населения. Сравнительное благоустройство, порядок и правосудие вызывали невыгодное для турок сравнение в умах арабов, приписывавших все эти блага цивилизации английскому режиму.

Кроме того, индийское правительство в своих непрерывных заботах о поддержании престижа Великобритании не только в Персидском заливе, но и в водах Шатт эль-Араба не ограничивалось постоянным пребыванием здесь Ост-индской эскадры, а постоянно содержало военные корабли при Буширском и Багдадском генеральных консульствах.

Что касается торгового влияния Англии, то достаточно упомянуть, что первое место по ввозу и вывозу принадлежало в Ираке Великобритании с Индией, не говоря уже о том, что все средства для облегчения торговых сношений с заграницей (почта, телеграф, пароходное сообщение и финансовые операции, производимые в Басре английскими торговыми домами) находились в руках англичан [16, лл. 54—55].

Защита индийских купцов, занятых торговлей в Басре и Багдаде, и индийских мусульман, отправлявшихся в паломничество к священным городам Месопотамии, забота о санитарном состоянии Басры и священных городов, управление почтовыми отделениями в Багдаде и Басре, входившими в индийскую почтовую систему, проведение в жизнь ирригационных планов, составленных в 1911 г. [321], а также поощрение и защита торговли и речной навигации — таковы были методы, при помощи которых поддерживалось и ускорялось английское проникновение.

Военные экспедиции, организуемые начиная с 1834 г., и присутствие вооруженных пароходов на Тигре⁷ проложили путь к установлению постоянной английской судоходной линии по Тигру и дальнейшему расширению торговли Великобритании.

В 1911 и 1912 гг. стоимость товаров, ввезенных из-за границы через Басру и Багдад, составляла 4 тыс. ф. ст. за каждый год; в основном это были британские и индийские товары. Экспорт морем за те же годы был равен 3,2 тыс. ф. ст. в год. Транспортировка почти всех этих товаров осуществлялась на британских или англо-индийских судах, а речные перевозки сконцентрировались в руках фирмы «Братья Линч», которая с 1860 г. взяла на себя управление пароходно-навигационной компанией Евфрата и Тигра. Эта фирма пользовалась фактической монополией до начала открытия речного судоходства Мидхат-пашой⁸.

⁷ Между Басрой и Багдадом периодически совершали рейсы четыре вооруженных парохода Ост-индской компании.

⁸ Подробнее см.: 328, с.р. 181—185.

На протяжении почти всего XIX в. экономические и политические интересы Англии были сосредоточены в районе Басры. Однако к концу столетия Англия передвигает границы своей сферы влияния в Месопотамии. В 1892 г. лорд Керзон заявил: «Багдад попадает в категорию портов Персидского залива и должен быть включен в зону бесспорного господства Великобритании» [207, т. II, стр. 578]. Через 20 лет он выразился еще яснее: «Было бы ошибкой предполагать, что наши политические интересы ограничены только заливом [Персидским. — А. М.]. Они не ограничены заливом; они не ограничены даже районом, расположенным между Басрой и Багдадом; они простираются значительно дальше Багдада» [43, стр. 586]. Исходя из этого, английское правительство считало любое изменение статус-кво в Месопотамии таким же нежелательным, как и любое изменение его в Персидском заливе.

В начале XX в. главным соперником Англии на Ближнем Востоке становится Германия. Проникновение Германии в Турцию и бассейн Персидского залива стало рассматриваться английскими правящими кругами как серьезная угроза поддержанию статус-кво в тех районах, которые Великобритания считала своими сферами влияния. Угроза со стороны Германии усугублялась ее постепенным экономическим и политическим сближением с Турцией.

При этом вначале ближневосточная политика Германии не вызвала тревоги в Лондоне. Решение Абдул Хамида II (1899 г.) предоставить Германии концессию на строительство железной дороги к Персидскому заливу было воспринято в Англии как преграда для русской и французской экспансии [42, стр. 129, 597, 628, 669]. Однако вскоре британские правящие круги поняли, что бурное развитие немецкой промышленности и внешней торговли, проникновение на рынки, до сих пор рассматриваемые как собственность Великобритании, неуклонный рост торгового флота Германии, колониальные требования немецких дипломатов, представляют собой серьезный вызов политическому престижу Англии на Ближнем Востоке.

Путем посылки военной миссии, открытия железнодорожных агентств, визитов государственных деятелей, заигрывания с мусульманскими религиозными руководителями, молчаливого одобрения армянской резни и т. д. немцы упрочивали свое положение в Стамбуле. Германия постепенно вытесняла из Османской империи Англию и Францию [263, стр. 9].

Чтобы приостановить немецкое проникновение в Турецкую Аравию, Англия решила участвовать в строительстве Багдадской железной дороги. Однако предложение английского премьер-министра Бальфура одобрить финансовое участие Великобритании в строительстве железной дороги, если просьба об этом поступит от немецких финансовых кругов, вызвало бурю негодования в парламенте и прессе [380, 9.IV. и 22.IV. 1903; 386.

15.IV. 1903]. Протесты пароходных компаний, обслуживавших перевозки между метрополией и Индией, владельцев пароходно-навигационной компании Тигра и Евфрата и английских железных дорог в Малой Азии усилили оппозицию [390, 18.IV, 19.IV, 24.IV.1903], которая, кроме того, имела поддержку и в самом кабинете. Поэтому 23 апреля 1903 г., через 15 дней после своего выступления, Бальфур был вынужден заявить в палате общин, что английское правительство не одобрит финансовое участие в осуществлении проекта [42, стр. 271—272].

Вскоре стало реальным сближение Англии с Францией. Три соглашения, подписанные между ними в апреле 1904 г., положили начало «Сердечному союзу».

Период «блестящего одиночества» для Великобритании кончился. Начался период дипломатических переговоров и закулисных соглашений между соперничавшими державами. Эти переговоры ставили перед собой задачу обеспечить признание сфер интересов в Азии и Африке на основе взаимных уступок [35, стр. 293].

Переговоры об англо-русском сближении были прерваны русско-японской войной. Поражение России и революция 1905 г. сделали царское правительство более сговорчивым. В конце августа 1907 г. была подписана англо-русская конвенция, согласно которой Иран был поделен на сферы влияния между этими двумя державами. Англия пошла на раздел Ирана для того, чтобы приостановить дальнейшие успехи России, а Россия — для того, чтобы предоставить Англии свободу разделаться с немецким «дранг нах остен».

После подписания англо-русской конвенции Великобритания вступила в переговоры с Германией и Турцией по вопросу о строительстве Багдадской железной дороги, международное значение которой продолжало расти. Англия была согласна на повышение турецких таможенных пошлин в обмен на уступки, которые бы сохраняли и укрепляли ее положение в Месопотамии. Великобритания была готова сделать уступки Германии с тем условием, чтобы право на постройку участка Багдадской магистрали от Багдада до Персидского залива и контроль над ним был предоставлен англичанам [237, стр. 220]. Таким образом Англия старалась сохранить за собой «ворота в Индию». В 1909 г. она согласилась предоставить Германии полную свободу действий в Турции севернее Багдада взамен признания таких же привилегий для Великобритании в Южной Месопотамии.

Как видим, Англия за несколько лет до начала первой мировой войны вела лихорадочный закулисный торг с целью создания для себя сфер влияния на Ближнем Востоке. Не отставали от Англии и ее главные соперники. Россия и Англия уже разделили Иран. По Потсдамскому соглашению (август 1911 г.), Германия и Россия признали особые интересы другой стороны в Малой Азии и Иране. После долгих переговоров Франция и

Германия согласовали свои коммерческие интересы на Ближнем и Среднем Востоке в феврале 1914 г. [214, стр. 428]. А за два года до начала войны Франция получила от Англии обещание не вмешиваться в дела Сирии [198, т. 3, стр. 3].

Переговоры с Турцией продолжались четыре года и закончились в июле 1913 г. подписанием соглашения, в соответствии с которым Великобритания обеспечила признание ее особого положения в Персидском заливе и законность существующих договоров с Кувейтом и Бахрейном. Конечная станция Багдадской железной дороги должна была быть в Басре, дальше которой магистраль не могла быть продолжена без согласия Великобритании. Двое подданных Великобритании должны были войти в состав правления железной дороги. Равные обслуживание, стоимость проезда и размер пошлин гарантировались всем нациям. Развитие и будущее порта Басра должно было частично быть передано в руки Великобритании. Особые права навигации обеспечивались английским компаниям⁹. Турция признавала право Великобритании поддерживать порядок в районе Шатт эль-Араба и в Персидском заливе [43, стр. 392—395].

Уже во время этих переговоров Англия смотрела на Ирак как на территорию, которая при распаде Османской империи должна была отойти к ней. В связи со все более растущим стремлением великих держав поделить Турцию на сферы влияния английский резидент в Багдаде предлагал в 1913 г. своему правительству сохранить любой вид приоритета, который оно уже имеет в Месопотамии.

В том же году временно исполняющий обязанности британского консула в Багдаде представил в Лондон план расширения и упрочения позиций Англии в Месопотамии. Он настаивал на том, чтобы Мосул был включен в сферу влияния Великобритании. Он предлагал, чтобы миссионерам была оказана финансовая помощь и чтобы английский министр иностранных дел Эдуард Грей обратился к Европейскому обществу колонизации с официальным предложением субсидировать школы, где изучается английский язык; кроме того, он рекомендовал поддерживать ассирийцев-несториан. Он защищал также идею расширения ирригационной системы под руководством англичан. «Важно получить контроль над этой системой и создать „государство в государстве“, — писал он. — Контроль над водой даст контроль над обложением налогами, а возможно, и контроль над их сборами» [243, стр. 57].

Германия не возражала против того, что Великобритания имеет особые интересы в Месопотамии, хотя и не желала признавать их полностью.

⁹ В 1913 г. лорд Инчип основал в Басре вторую английскую навигационную компанию. Хакки-паша и лорд Инчип подписали концессию 12 декабря 1913 г., а весной 1914 г. было подписано соглашение между лордом Инчипом и фирмой «Братья Линч».

Во время англо-германских переговоров, происходивших в 1914 г., Германия отказалась от требования иметь в Персидском заливе свой порт. Она получила обещание Англии не чинить больше препятствий строительству Багдадской железной дороги, признать ее сферы влияния в Анатолии, Северной Сирии и Северной Месопотамии в обмен на признание господствующего положения Великобритании в Южной Месопотамии и Персидском заливе. Конечная станция Багдадской магистрали должна была быть в Басре, любое дальнейшее строительство разрешалось только после достижения полного согласия между правительствами Османской империи, Германии и Великобритании. Обе державы обязывались беспрекословно выполнять условия англо-турецкого соглашения от 29 июля 1913 г., соглашения, подписанного лордом Инчипом и Компанией Багдадской железной дороги, относительно навигационных правил, состояния портов и конечных станций на Тигре и Евфрате, а также соглашения между правлениями Измир-Айдынской и Багдадской железных дорог относительно дальнейшего расширения некоторых важных участков первой из них. В марте 1914 г. правительство Германии было вынуждено признать Южную Месопотамию, а также Центральный и Южный Иран особыми областями действия Англо-иранской нефтяной компании и, кроме того, согласиться на постройку железной дороги от Кут эль-Амары до Мандали для того, чтобы облегчить перевозку нефти. И Германия, и Великобритания обязались соблюдать каждая свои интересы по ирригации соответственно в Киликии и в южной части Месопотамии.

Таким образом, многолетние притязания Англии на особое положение в Юго-Западной Азии получили признание как других европейских держав, так и самой Турции. С их согласия Англия завершила аннексию Персидского залива и добилась особого положения в месопотамских вилайетах Османской империи. Однако «равновесие сил» на Ближнем Востоке продолжалось недолго. Разрешение противоречий между европейскими державами путем дипломатических переговоров оказалось непрочным и кратковременным.

В конечном итоге эти ближневосточные противоречия наряду с другими привели империалистические державы к мировой войне. Все, за что боролась Англия почти триста лет и чего достигла благодаря своим экономическим, политическим и дипломатическим победам, оказалось под угрозой гибели.

5 ноября 1914 г. Турция объявила Англии войну, а 11 ноября турецкий султан Мехмед V провозгласил священную войну (джихад) против стран Антанты.

Выступление Турции на стороне Германии не явилось неожиданностью для правящих кругов Англии. Еще 26 сентября 1914 г. военный секретарь министра по делам Индии генерал Гарроу предложил немедленно отправить войска в Шатт эль-Араб и

высадить их на иранской территории «официально для защиты нефтяных установок, а на самом деле, чтобы заявить туркам, что мы (т. е. англичане. — А. М.) имеем серьезные намерения, а арабам — что мы готовы поддерживать их» [279, т. 1, стр. 72]. Под предлогом охраны поставок иранской нефти правительство Великобритании одобрило посылку экспедиционных сил в Басру [43а, стр. 887]¹⁰.

Существовала еще одна немаловажная причина, вынудившая Англию направить войска в Басру. Ни Турция, ни Германия не имели в Южной Месопотамии своих морских баз. Поэтому нападение на Индию из Басры считалось невозможным. Но англичане опасались не столько военных действий германо-турецких войск в Персидском заливе, сколько того, что враждебные ей державы смогли бы объединить «скрытые силы религии», вызвать политическое недовольство и волнения на Ближнем и Среднем Востоке против Великобритании¹¹ и этим не только подорвать, но и уничтожить господствующее положение и престиж, созданные и поддерживаемые Англией на протяжении трех столетий.

«С военной точки зрения, — писал парламентский секретарь министра по делам Индии Артур Хертзел, — возможность турецкой тактической диверсии в этом районе, несомненно, не заслуживает внимания, хотя под руководством немецких офицеров она и может быть в какой-то степени эффективной, но она будет проведена хотя бы ради политического эффекта, который это произведет на чувства мусульман в Индии, как на это рассчитывают Турция и Германия. Кроме того... мы не можем начинать с того, что принесем в жертву шейха Кувейта» [279, т. 1, стр. 80].

Генерал Гарроу указывал, что в случае военных действий «британские интересы в Багдаде и Басре будут сметены нацисто. Нашим союзникам, шейхам Мохаммеры и Кувейта, будут угрожать, и на них могут, в конце концов, напасть или соблазнить, и в этом случае весь наш престиж и все наши многолетние труды пропадут, а само наше положение в заливе станет ненадежным» [318, стр. 81].

Серьезные опасения вызывала в английских правящих кругах перспектива турецко-арабского сотрудничества и «священной войны», которая могла поколебать английские позиции в зоне Суэцкого канала, в самом Египте и которая могла бы рас-

¹⁰ На этом больше всего настаивало английское адмиралтейство во главе с первым лордом адмиралтейства Уинстоном Черчиллем [279, т. 1, стр. 82].

¹¹ Боязнь немецкой и турецкой пропаганды и ее отрицательных последствий не была беспочвенной. Англичане знали, что за два месяца до начала военных действий на Ближнем Востоке немцы послали специальные миссии в различные страны этого района, чтобы вызвать волнения среди мусульман [243, стр. 27]. Были сделаны попытки подорвать лояльность шейха Мохаммеры и убедить эмира Неджда Ибн Сауда выступить на стороне Турции [318, стр. 7].

пространиться при подстрекательстве Турции и Германии через Иран и Афганистан на Индию. Если бы в Индии вспыхнуло антианглийское восстание, это нанесло бы смертельный удар английскому колониальному господству в этой стране, так как сомнительно, чтобы правительство Индии в то время сумело справиться с ним. Накануне войны англичане приложили много сил для упрочения своего положения в Иране. Немецкие агенты (Вассмус¹², Нидермайер, Цугмайер и др.) делали все для того, чтобы поставить англичан и русских в затруднительное положение в Иране и заставить его объявить войну государствам Антанты и тем самым доказать, что основные страны ислама находятся на стороне центральных держав [303, стр. 450]. Поэтому английская экспедиция в Месопотамию не только нейтрализовала бы такие угрозы британскому престижу, но и дала бы возможность Великобритании закрепить свои позиции у входа в Персидский залив и в долинах Тигра и Евфрата.

23 октября 1914 г., т. е. за десять дней до официального вступления Англии в войну, англо-индийские войска под командованием бригадного генерала Деламейна, высадились на острове Фао, в устье Шатт эль-Араба [92, стр. 17]. Десант был поддержан артиллерийским огнем с корабля «Один». Сопротивление турецкого форта было быстро подавлено, и через несколько минут там был поднят британский флаг [243, стр. 21].

Так начались англо-турецкие военные действия на Ближнем Востоке.

22 ноября англо-индийские войска взяли Басру, а 9 декабря овладели Эль-Курной и тем самым завершили оккупацию Южного Ирака.

Окрыленное легкими победами, английское командование решило предпринять большое наступление на Багдад. Англичане рассчитывали на быстрый успех. Захватом Багдада они намеревались компенсировать свои неудачи на других фронтах. Перед началом этой операции вице-король Индии писал министру по делам Индии Остину Чемберлену, что успешное наступление на Багдад создаст огромное впечатление на Среднем Востоке, особенно в Иране, Афганистане и на границах Индии. Кроме того, по мнению вице-короля, взятие Багдада заставило бы забыть отсутствие английских успехов в Дарданеллах. Одновременно в английских колониальных кругах выражали надежду, что новая победа англичан на месопотамском фронте произведет большой моральный эффект как в Аравии, так и в Индии [279, т. 2, стр. 11].

Однако попытка англичан развить наступление на Багдад полностью провалилась. Английские войска, предводительствуемые генералом Таунсендом, были окружены частями 6-й турецкой армии в Кут эль-Амаре (декабрь 1915 г.) и после пятиме-

¹² Подробнее о деятельности Вассмуса см.: 302.

сячной осады капитулировали (29 апреля 1916 г.)¹³. Турки взяли в плен 13 309 английских офицеров и солдат, в том числе 5 генералов [256, стр. 339].

Казалось, это должно было переломить ход войны. Но турки, истощенные долгими боями, не сумели воспользоваться английским замешательством¹⁴. Это облегчило положение английских войск. Они смогли удержать Южную Месопотамию и уже в декабре 1916 г. перешли в новое наступление.

Прорвав сильно укрепленные позиции турецкой армии в районе Кут эль-Амары и подавив сопротивление турецкой речной флотилии во время боев на Тигре, англичане быстро стали приближаться к заветной цели. 25 февраля 1917 г. они взяли Кут эль-Амару и закончили зимнюю кампанию захватом Багдада (11 марта) [243, стр. 70]. Стремительность, с которой английские войска рвались к Багдаду, объясняется не только их желанием реабилитировать себя в глазах союзников и особенно в глазах арабов за поражение, но и другими причинами. Главной среди них было желание войти в Багдад раньше русских¹⁵. Англичанам было известно, что в начале февраля 1917 г. русское командование предполагало начать наступление на Мосул и, возможно, на Багдад. Кроме того, по тайному соглашению Сайкс—Пико, Центральная и Южная Месопотамия после окончания войны должны были отойти к Англии [27, стр. 154—157], поэтому англичане вовсе не желали впускать туда других, если даже они были их союзниками.

Осенью 1917 г. англичане возобновили свое наступление. В конце сентября они заняли Рамади на Евфрате, 6 ноября 1917 г. — Тикрит на Тигре. В результате в их руках оказался почти весь Южный и Центральный Ирак.

Сразу же после захвата Ирака англичане стали вводить свои порядки, тем более что в их распоряжении находилась достаточная военная сила¹⁶. Никого из ответственных чиновников

¹³ Для расследования причин этого неожиданного поражения английский парламент назначил в 1916 г. комиссию. Всю вину за провал операции комиссия возложила на командующего англо-индийскими войсками генерала Джона Никсона, чей «уверенный оптимизм явился главной причиной решения о наступлении» [279, т. 2, стр. 12].

¹⁴ В Ираке туркам пришлось вести военные действия не только против англо-индийских экспедиционных войск, но и против местного населения, активно выступавшего против ненавистного военно-полицейского режима. Антитурецкие восстания в первые годы войны произошли в Неджефе (май 1915 г.), Кербеле и Хилле (апрель 1916 г.). Осенью 1916 г. турецкие власти устроили погромы в Неджефе, Хилле и других городах [116, стр. 81].

¹⁵ Английское правительство дало специальные указания на этот счет новому главнокомандующему генералу Моду, заменившему на этом посту Никсона [279, т. 3, стр. 125—126].

¹⁶ В 1914 г. английское правительство перебросило из Индии в Ирак экспедиционный корпус, который насчитывал 100 тыс. человек [160, стр. 185]. В 1918 г. количество только индийских войск на Месопотамском фронте достигало 155 тыс. человек [124, стр. 189].

турецкой администрации не осталось. Только немногие офицеры оккупационной армии были знакомы с прежней системой управления. Тем не менее представителей местного населения вообще отстранили от занимаемых ими должностей [351, стр. 21], их заменили английские и индийские чиновники¹⁷.

На оккупированной территории англичане ввели индийскую систему управления, ибо считали ее более приемлемой, чем неэффективные методы прежних хозяев страны. Кроме того, известную роль сыграли здесь и политические мотивы: после взятия Басры англичане не стали скрывать своих намерений присоединить Южную Месопотамию (Басрийский вилайет) к Индии и установить там постоянный контроль индийского правительства.

Через неделю после оккупации Басры военная полиция была заменена гражданской, организованной по индийскому образцу¹⁸. Англичане сочли нежелательным принимать на работу бывших турецких полицейских. Поэтому полисменов доставили из Индии и Адена. Подобная служба была организована и в Амаре, а несколько позже — в Насирии и Сук эш-Шуюхе, но неудачно. Иракская полиция, или шабана, предназначенная для использования в сельских местностях, набиралась из арабов. Так был заложен фундамент, на котором позже чиновники из Индии во главе с полковником индийской армии Прескотом, позже генерал-инспектором иракской полиции, должны были построить настоящую полицейскую систему Ирака, в которой шабана представляла «национальное» ядро.

Наряду с этими мерами на территории Ирака вместо турецких денег была введена англо-индийская валюта [129, стр. 343]. Оккупационные власти запретили обращение обесцененных турецких бумажных денег, а разменные турецкие монеты были изъяты из обращения. На рынках расчеты велись в рупиях. Однако турецкие золотые лиры продолжали циркулировать, причем регулировался их импорт и экспорт [243, стр. 82].

Всю оккупированную территорию Ирака англичане разделили на 15 областей (divisions), которые подчинили представителям политической службы, так называемым политическим офицерам (Political officer). Эти области в свою очередь делились на 40 районов. Делами каждого района управлял помощник политического офицера (Assistant political officer), а в отдельных случаях — заместители помощников (Deputy assistant political officer).

Политические офицеры и их помощники, опиравшиеся на оккупационные войска и местную полицию, обладали безгранич-

¹⁷ Так поступили англичане и в Индии, когда подчинили своей власти ее население [188, стр. 376].

¹⁸ Ею руководил Грегсон из службы индийской полиции, у которого был большой опыт работы на северо-восточной границе Индии и в бассейне Персидского залива.

ной властью¹⁹. В конце 1920 г. число английских политических офицеров и их помощников достигало 96 [48, стр. 48].

В годы военной оккупации (1916—1919) верховный контроль над гражданской администрацией осуществлял главный политический офицер (Chief political officer) Перси Кокс, который находился при штабе главнокомандующего британскими экспедиционными силами в Месопотамии.

В городах были назначены военные губернаторы (Military governors), подчинявшиеся старшему военному офицеру (Senior military officer) [243, стр. 80]. С 1918 г. общий контроль на оккупированной территории Ирака уже осуществлял гражданский комиссар²⁰, подчинявшийся министру по делам Индии.

В период военных действий одной из основных забот английской администрации было урегулирование взаимоотношений оккупационных войск с местным населением и удовлетворение потребностей армии. В первые же дни оккупации военные власти издали множество приказов, инструкций и правил, регулировавших отношения между местными жителями и армией [243, стр. 74].

Ситуация, сложившаяся в Ираке после прихода англичан, была полна противоречий. Англо-индийские экспедиционные силы оккупировали территорию, с населением которой правительство Великобритании, согласно прокламации, изданной в Фао в ноябре 1914 г., не считало себя находящимся в состоянии войны. Оно заявило, что англичане пришли сотрудничать с арабами в деле их освобождения от турецких угнетателей [243, стр. 76]. Несмотря на это, ограничения, введенные для местных жителей, мало отличались от обращения с вражеским населением.

Вначале военный режим, установленный англичанами, был принят местным населением без ропота. Объяснялось это просто. Желая расположить к себе местных жителей и подорвать влияние турок, английские военные власти в первые месяцы аккуратно оплачивали все поставки продовольствия, платили наличными за аренду помещений для постоя и за землю, не нарушали религиозные и местные обычаи, не мешавшие им. Не-

¹⁹ На политических офицеров было возложено ведение суда и следствия, контроль над деятельностью местных чиновников, сбор налогов и т. д.

На должность политических офицеров в основном назначали бывших английских разведчиков. Они хорошо знали захваченный край, язык и обычаи местного населения, вождей племен. Как правило, политические офицеры находились при командующих карательными экспедициями, которые с их помощью осуществляли функции гражданской власти. Политические офицеры выбирали посредников для ведения переговоров, выступали в роли «миротворцев» и организаторов местного управления. Подобные же функции они выполняли в Индии и Бирме в середине XIX в. [188, стр. 72—73, 89—90].

²⁰ У гражданского комиссара было два помощника — по юридическим делам (Judicial secretary) и по делам доходов (Revenue secretary) [48, стр. 13].

смотря на это, отношение армии в целом к местному населению было явно враждебным [243, стр. 76].

Главный политический офицер Перси Кокс и его помощники прилагали все усилия, чтобы установить дружеские отношения с шейхами и другими влиятельными лицами. Они не скупились на субсидии и были снисходительны при обложении их налогами. Такая политика привела многих представителей местной знати к благожелательному нейтралитету, а потом и к сотрудничеству с англичанами. Английская администрация старалась внушить арабскому населению, что она честнее и эффективнее турецкой и что приход англичан в Ирак был для него радостным событием [243, стр. 77].

Вместе с тем англичане никогда не забывали о том, что им нужно выиграть войну. Вся жизнь в Ираке была подчинена нуждам оккупационных войск. Продовольствие в определенных случаях разрешалось продавать на рынке только после удовлетворения потребностей военных властей [243, стр. 75]. Пользование водопроводами запрещалось. Иногда власти выгоняли из домов целые семьи, а землю реквизировали без всякого денежного возмещения. Ограничение свободы жителей продолжалось и после того, как исчезла «опасность шпионажа» [47а, стр. 24; 320, стр. 144, 242]. Рабочую силу во все возрастающем количестве набирали в деревнях и городах, местных жителей заставляли выполнять тяжелые военные работы. Эта насильственная трудовая повинность, так же как, например, в Египте, вызывала наибольшее недовольство населения.

Политические офицеры не останавливались ни перед чем для того, чтобы заставить местных жителей выполнять суровые приказы оккупационных властей. Это, естественно, не способствовало проявлению лояльности местного населения по отношению к англичанам.

Так выглядела британская система управления в Ираке до введения мандатного режима. Она во многом напоминала систему колониального управления, введенную в свое время Англией в Индии и Бирме. До окончания войны англичане ввели указанную систему не только в Ираке, но и в Египте, Палестине и на других оккупированных ими территориях.

Когда англичане появились в Ираке, они обещали местному населению свободу и независимость. Генерал Мод после захвата Багдада заявил, что англичане пришли в Ирак не как завоеватели, а как освободители. В прокламации генерала Модя, составленной М. Сайксом, Басра объявлялась британской, а Багдад арабским. Некоторые английские авторы утверждают, что объявление Багдадского вилайета арабским будто бы означало, что британское правительство уже начало понимать «несовместимость прямого британского правления с удовлетворением арабских идеалов» [327, стр. 275]. Однако это неверно. В годы военной оккупации план англичан сводился к превра-

щению Ирака в колонию, подчиненную правительству Британской Индии. Английские империалисты вовсе не думали об удовлетворении арабских национальных идеалов. По меткому замечанию Кедури, английская администрация плыла тогда против течения [249, стр. 211]. О частичном удовлетворении арабских идеалов англичане начали подумывать только после восстания 1920 г.

ГЛАВА 2.

ВВЕДЕНИЕ МАНДАТНОГО РЕЖИМА И ОБРАЗОВАНИЕ ИРАКСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Приближался конец войны, и перед правящими кругами Англии, Франции, США и Италии встал вопрос о том, как поступить с бывшими немецкими колониями в Африке, а также с арабскими провинциями Османской империи.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, выход России из войны, опубликование Советским правительством тайных договоров, заключенных между странами Антанты, и его отказ от политики захватов спутали политические карты империалистов. Приходилось искать новые методы дележа военной добычи.

Во время закулисных переговоров держав Антанты были рассмотрены три варианта решения этого вопроса: 1) интернационализация или контроль Лиги наций; 2) мандат Лиги наций; 3) открытое присоединение оккупированных территорий какой-нибудь державой [125, т. I, стр. 442, 450]. После длительного торга решили остановиться на втором варианте, т. е. ввести в оккупированных странах мандатную систему управления, полагая, что это наилучший выход в той политической ситуации, которая сложилась в мире под влиянием освободительных лозунгов Октябрьской революции.

Среди буржуазных историков и правоведов не существует единого мнения о происхождении самой идеи мандатной системы, каждый из них оспаривает для своей страны право авторства на нее ²¹.

²¹ Например, американец Беккер называет систему мандатов «американским принципом колониальной политики» [61, стр. 287]. Он считает мандатную систему «американской идеей». Англичанин Темперлей связывает появление мандатной системы и провозглашение ее принципов с декларацией Ллойд Джорджа в 1917 г. и особенно с его заявлением в палате общин 5 января 1918 г., в котором английский премьер-министр заявлял, что население бывших германских колоний должно быть поставлено под контроль администрации, избранной им самим, и что общий принцип национального самоопределения применим здесь так же, как и в отношении оккупированных европейских территорий [304, т. VI, стр. 37]. Принципы мандатной системы были сформулированы премьер-министром Южно-Африканского Союза генералом Сметсом в его меморандуме («Practical Suggestion») о Лиге на-

Мандатная система представляла собой новую форму колониальной эксплуатации. Инициатива ее применения исходила от президента США Вудро Вильсона.

Одной из главных причин введения мандатной системы управления на территориях, захваченных странами Антанты, были те глубокие противоречия, которые раздирали тогда империалистические державы, и все усиливавшееся национально-освободительное движение народов оккупированных стран. Введение мандатной системы позволяло отобрать у Германии колонии без всякой компенсации. В случае аннексии немецких колоний немцы потребовали бы включения их стоимости в счет погашения контрбанди. Ллойд Джордж, который первоначально требовал, чтобы мирная конференция признала ближневосточные страны, завоеванные английскими войсками, британскими колониями, отказался от этого требования и согласился на предложение Вильсона принять мандатную систему для управления оккупированными территориями [61, стр. 261—264; 125, т. I, стр. 440—460].

Таким образом, новая система порабощения народов была изобретена американской буржуазией, глашатаем и поборником империалистических интересов которой и явился «идеалист» Вильсон. Молодая, но хищная американская буржуазия старалась выдвинуть новые, более «мягкие» формы эксплуатации зависимых народов в борьбе со своими старыми конкурентами — классическими колониальными державами Англией и Францией. С этой целью американские империалисты настаивали на проведении контроля над мандатариями со стороны Лиги наций и соблюдении ими принципов «международного управления и открытых дверей» [223, стр. 105].

По словам директора мандатной секции секретариата Лиги наций, система мандатов означала некоторый компромисс между тезисом сторонников аннексии и тезисом тех, кто желал доверить колониальные территории интернациональному управлению [374а, № 20—21, стр. 14].

Введение мандатной системы мотивировалось невозможностью применять принцип самоуправления ко всем без исключения народам, в том числе к отсталым, находящимся на низкой ступени развития. Система мандатов признавалась необходимой в интересах самих народов, которые были «не в состоянии распорядиться своей судьбой при современных, исключительно трудных условиях». На деле система мандатов несколько облегчала возможность сговора между претендентами на добы-

ций в декабре 1918 г. в Лондоне. По его мнению, мандатная система должна была быть применена не только в отношении территории бывшей Османской империи, но и в отношении государств, возникших на территории бывшей Австро-Венгерской империи, а также к закавказским и среднеазиатским республикам, образовавшимся на территории бывшей Российской империи [300, стр. 7; 125, т. I, стр. 440—441].

чу. Легче было договориться о временном управлении, чем о полном присоединении новых территорий к той или другой стране.

Английский министр иностранных дел Бальфур рассматривал мандат «как ограничение, которое победители наложили на самих себя в осуществлении их суверенитета на завоеванных территориях» [224, стр. 850]. Однако, как увидим, на деле победители ограничивали не себя, а народы завоеванных территорий.

В статье 22 Устава Лиги наций, касавшейся мандатной системы, говорилось следующее: «Некоторые народности, которые принадлежали раньше Османской империи, достигли такой степени развития, что их существование в качестве независимых наций может быть предварительно признано, под условием, что они будут направляться в своем управлении советом и помощью мандатария впредь до того момента, когда они окажутся сами в состоянии руководить собой. Пожелания этих народностей должны быть прежде всего приняты в соображение при выборе мандатария» [23а, стр. 12]. Однако после подписания Версальского мирного договора 1919 г. стало ясно, что правительства стран-победительниц «не намерены честно придерживаться буквы и духа этой статьи» [80, стр. 93].

Подробный анализ системы мандатов вскрывает всю фальшь декларативных заявлений и «освободительных» лозунгов, которые наряду с обязательствами об автономии и содействии самостоятельному развитию подмандатной территории недвусмысленно оговаривали исключительную зависимость ее внешних отношений и военной силы от мандатария²².

Таким образом, мандатная система в руках империалистических держав была орудием колониальной эксплуатации, прикрывавшим политику аннексий, которая предусматривалась соглашением Сайкс — Пико²³, заключенным в марте 1916 г.

Статья 22 Устава Лиги наций ввела деление мандатных территорий по степени колониальной зависимости на три категории: *A*, *B* и *C*. В категорию *A* вошли арабские провинции бывшей Османской империи, в категорию *B* — бывшие германские колонии в Центральной Африке, в категорию *C* — территории Юго-Западной Африки и острова Тихого океана.

8 января 1918 г. миру стали известны знаменитые четырнадцать пунктов Вильсона. Двенадцатый пункт прямо касался бывших османских территорий. Он гласил, что национальностям, находившимся ранее под турецким владычеством, должны быть обеспечены «безусловная безопасность для жизни» и «абсолют-

²² Так, английский верховный комиссар в Ираке Перси Кокс в прокламации от 11 ноября 1920 г. объявил, что все внешние и военные вопросы, касающиеся Ирака, должны решаться под непосредственным руководством верховного комиссара.

²³ Подробнее об этом см.: 27, стр. 163—164.

но свободная возможность автономного развития» [271, стр. 59]. Эти принципы противоречили соглашению Англии с шерифом Мекки Хусейном, тайному соглашению о разделе Ближнего Востока, прокламации генерала Мода о будущем статуте Ирака и декларации Бальфура (ноябрь 1917 г.), благоприятствовавшей образованию в Палестине еврейского очага.

Позиция США определенным образом ускорила раздел мандатов. Под прикрытием мандатной системы и тезиса об «американской незаинтересованности» Вудро Вильсон «был не прочь утвердить на Ближнем Востоке американское влияние» [127, стр. 20]. Ллойд Джордж потребовал приступить к распределению мандатов, не ожидая окончательной выработки устава Лиги наций [61, стр. 295].

На одном из закрытых заседаний Парижской мирной конференции Ллойд Джордж следующим образом резюмировал англо-франко-американские переговоры о дележе ближневосточных мандатов: «Америка возьмет мандат на Константинополь и Армению и общее наблюдение над Анатолией; Франция будет осуществлять мандат над Сирией и той частью Киликии, о которой будет достигнуто соглашение между Америкой и Францией; мы возьмем Палестину и Месопотамию, включая Мосул» [125, т. I, стр. 253].

Примечательно, что система мандатов была фактически принята Верховным советом союзников 7 мая 1919 г., т. е. до подписания Версальского мирного договора и создания Лиги наций. Как замечает Темперлей, правительства Англии и Франции, а также Совет Лиги наций не стали обращать внимания на то, что с турками не было мира [304, т. VI, стр. 37]. Державы-победительницы торопились, ибо существовал ряд причин, которые могли серьезно помешать осуществлению планов раздела Ближнего Востока. Отметим две самые существенные из них.

Первая — победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, которая создала совершенно новые международные условия для борьбы угнетенных народов Востока, оказала на них огромное революционизирующее влияние и открыла перед ними путь к свободе и национальной независимости.

После победы Октябрьской революции англо-французские и вкуче с ними американские империалисты уже больше не могли свободно распоряжаться судьбами угнетенных народов, не встречая их сопротивления. Характеризуя послевоенное положение в странах Востока, В. И. Ленин писал: «...здесь впервые большинство населения приходит в самостоятельное движение и будет активным фактором в борьбе за свержение международного империализма» [2, стр. 328].

«Русская революция 1917 г. целиком изменила обстановку» [298, стр. 80], — писал один из английских колониальных чиновников. «Идеи автономного развития распространились как лес-

ной пожар» [271, стр. 59], — вторил ему другой английский колониальный деятель.

И действительно, англо-французским колонизаторам стало труднее осуществлять свои захватнические планы, держать в узде народы оккупированных территорий. Сам факт существования первого в мире социалистического государства ослаблял силы империалистической реакции во всем мире. Правительства колониальных держав уже не могли открыто заявлять о своих захватнических планах.

Правящие круги Англии, Франции и США вынуждены были считаться с тем влиянием, которое оказали победа Октябрьской революции и первые шаги, предпринятые Советским правительством в области внешней политики (Декрет о мире, опубликование и аннулирование тайных соглашений, заключенных царской Россией с западными державами о разделе Ближнего Востока на сферы влияния, и т. д. и т. п.). В ноябре 1918 г. Англия и Франция опубликовали совместную декларацию, в которой заявляли о своем намерении добиться «полного и окончательного освобождения народов, столь долго угнетаемых турками»²⁴, и содействовать «устройству национальных правительств и органов управления, власть которых будет вытекать из инициативы и свободного выбора местного населения» [387, 8.XI.1918; 261, стр. 32; 327, стр. 103; 269, стр. 237]. В действительности никакой «инициативы» и «свободного выбора» народам Ближнего Востока не было предоставлено. Англия, Франция и США в решении вопроса о послевоенном устройстве арабов, курдов, ассирийцев и других народов Ближнего Востока исходили не из интересов этих народов, а из своих корыстных интересов.

Вторая причина состояла в том, что империалистические державы должны были считаться с появлением новой Турции. Победа, одержанная кемалистской Турцией в борьбе за независимость, также существенно изменила ситуацию на Ближнем Востоке.

Ллойд Джордж во время своего выступления 25 марта 1919 г. в парламенте открыто потребовал выдачи Англии мандата на Ирак [271, стр. 70—71].

Во время переговоров с французскими империалистами о дележе территорий Ближнего Востока Ллойд Джордж приложил огромные усилия для закрепления за Англией Ирака. Установление мандата на Ирак давало англичанам возможность использовать его как плацдарм антисоветской интервенции, превратить Ирак в потенциальную крепость, защищающую Суэцкий канал, а обеспечение английского господства в зоне Суэцкого канала в свою очередь означало бы подчинение Англии всей арабской территории от Египта до Персидского залива. Начальник

²⁴ На деле Ллойд Джордж в частных беседах не скрывал, что англичане намерены заменить в арабских странах турецких захватчиков [64, стр. 138].

английской разведки в Ираке Гертруда Белл, горячий сторонник английской имперской политики, предостерегала ту часть английских колониальных деятелей, которая требовала ухода из Ирака, отмечая, что эвакуация Ирака вызовет пересмотр всех британских позиций в Азии [199, т. II, стр. 497]. Кроме своего стратегического положения, дающего англичанам возможность контролировать важные территории Западной Азии, Ирак привлекал их и богатейшими источниками нефти. Иракской нефтью интересовались также Франция и США.

Первоначально США намеревались получить мандаты на некоторые территории Ближнего Востока (например, на Сирию, Армению, Ирак, Палестину и даже на всю Турцию) [142, стр. 67—70]. Однако победа турецкого народа над иностранными интервентами, а также развитие национально-освободительной борьбы в бывших арабских вилайетах Османской империи лишили США возможности осуществить эти намерения. К тому же в самой Америке на выборах в конгресс победили изоляционисты, которые не поддерживали планов Вильсона и в известном отношении притормозили экспансию США на Ближнем Востоке. Однако, как увидим далее, это не помешало монополистам США принять активное участие в дележе нефтяных богатств Ирака.

Соперничество главных держав Антанты в значительной мере сказалось на распределении мандатов группы А. В основу раздела легло соглашение Сайкс — Пико.

После долгих закулисных споров и переговоров 30 января 1920 г. в Париже «Совет десяти» принял решение об отделении Месопотамии и других арабских провинций от Османской империи. В тот же день Верховный совет союзников молчаливо санкционировал их распределение между мандатариями [278, т. I, стр. 101, 104].

25 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо было решено передать Англии мандат на Ирак (включая Мосул). Франция согласилась на это с тем условием, что Сирия станет французской подмандатной территорией, а арабское правительство в Сирии будет ликвидировано [274, стр. 22]. Здесь же была назначена комиссия для составления проекта мандата, который затем должен был быть передан на утверждение Лиги наций²⁵. 3 мая 1920 г. было официально объявлено о передаче Англии мандата на Ирак [41, стр. 5]²⁶.

До окончательного утверждения мандата на Ирак английские колонизаторы начали управлять страной «в духе» ст. 22

²⁵ В декабре 1920 г. была создана Постоянная мандатная комиссия Лиги наций. В ее функции входило, согласно последнему пункту ст. 22 устава, рассмотрение ежегодных докладов и отчетов мандатариев и вынесение заключений по вопросам, связанным с выполнением мандатов.

²⁶ Формальное утверждение Советом Лиги наций мандатов категории А последовало 24 июля 1922 г.; в силу оно вступило 29 сентября 1923 г.

Устава Лиги наций. Они обещали создать на основе мандата самостоятельное государство с собственным правительством. Иракские феодалы во главе с Нури ас-Саидом с удовлетворением приняли обещания английских империалистов. Крупные помещики и компрадорская буржуазия, как замечает В. Б. Луцкий, сразу же перешли на сторону англичан. «Они активно поддерживали все мероприятия английских оккупационных властей и сотрудничали с ними» [129, стр. 343].

Что касается широких масс иракского народа, то на сообщение об установлении английского мандата они ответили мощным восстанием, вспыхнувшим летом 1920 г. Это восстание явилось логическим завершением тех противоречий, которые раздирали иракское общество со времени захвата страны англичанами ²⁷.

Главными движущими силами арабского национально-освободительного движения в Ираке были феллахи, бедуины и ремесленники; рабочий класс был немногочислен и только начинал формироваться. Активное участие в движении принимали также прогрессивно настроенные представители торговой буржуазии, мелкие и средние помещики. Недовольство проявлялось и среди мелких торговцев, государственных служащих, интеллигенции и учащейся молодежи.

Мелкие торговцы и кустари играли значительную роль в политической жизни страны. Сконцентрированные на базаре — этом своеобразном центре общественной жизни в странах Востока, — они часто выступали против мероприятий английских властей. Закрытие базара в знак протеста против распоряжений властей или их политики было серьезным событием, с которым англичане не могли не считаться. Мелкая городская буржуазия на среднем Евфрате находилась под сильным влиянием шиитского духовенства.

Ирак в то время фактически не имел национальной промышленности. Основные капиталы были вложены в торговлю. Иракская буржуазия была заинтересована в экономическом развитии страны, в смене отжившего феодального способа производства, консервировавшегося и поддерживавшегося империалистами, в расширении и укреплении внутреннего рынка.

Сужение внутреннего рынка, падение покупательной способности населения, конкуренция английских капиталистов ограничивали деятельность торговой буржуазии и приводили к разорению многие торговые фирмы. Иракская национальная торговая буржуазия требовала изгнания иностранных империалистов, ограничения прав феодальной аристократии, проведения некоторых буржуазно-демократических реформ, направленных в основном на укрепление и расширение ее политических и экономических позиций.

²⁷ Подробно о восстании 1920 г. см. работу Л. Н. Котлова «Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке» [112].

В отдельных ливах торговая буржуазия не только участвовала в национально-освободительном движении, но и стремилась возглавить его. Она выступала в национально-освободительной борьбе как объективно прогрессивная сила.

По мере развития движения торговая буржуазия в силу своей двойственности отходила от него. Отдельные ее представители даже выступали совместно с английскими империалистами и внутренней реакцией.

Среднее и низшее духовенство, преимущественно городское, не пользовалось доходами от вакфных земель и было сравнительно тесно связано с мелкой буржуазией. Эта часть духовенства выступала за проведение некоторых демократических реформ. Некоторые его представители активно участвовали в национально-освободительной борьбе иракского народа.

Социальной опорой английского колониального господства в Ираке были крупные феодалы, компрадоры и высшее суннитское духовенство.

Феодалы играли первенствующую роль в политической и экономической жизни страны и были оплотом реакции. Поддерживая английских империалистов, они надеялись сохранить свои позиции и подавить растущее освободительное движение.

Компрадорская буржуазия, особенно басрийская, была тесно связана с иностранными капиталистами и местными феодалами. Экономические интересы компрадоров целиком зависели от господства Англии в Ираке. Эта часть иракской торговой буржуазии была иностранной агентурой, защищала политику английских империалистов, выступала против национально-освободительной борьбы иракского народа.

Национально-освободительным восстанием 1920 г. руководили шиитские муджтахиды, члены организации «Харас аль-Истикляль»²⁸, представители племенной верхушки.

Восстание готовилось давно²⁹, хотя началось оно неожиданно, в результате стихийных событий, происшедших в Румайте (нижний Евфрат). 30 июня отряд племени бани хучайм³⁰ ворвался в помещение британской администрации, чтобы освободить своего шейха Шалана Абу аль-Джуна, который был задержан заместителем английского политического офицера за то, что не внес поземельный налог [243, стр. 266; 351, стр. 34].

²⁸ Арабское националистическое общество «Харас аль-Истикляль» («Страж независимости») было образовано в начале 1919 г. [см.: 356, ч. 1, стр. 79]. Оно опиралось на средние слои населения иракской столицы и других городов, в первую очередь на мелких торговцев и ремесленников. Арабские политические общества существовали и ранее. Подробно об их деятельности см.: 148.

²⁹ 2 мая 1920 г. на одном из тайных собраний, созванном в Багдаде руководителями «Харас аль-Истикляль» с участием делегатов арабских племен, было решено готовить антанглийское восстание [338, стр. 60].

³⁰ Подробно об этом племени см.: 349, стр. 123.

Беспорядки, носившие локальный характер, явились поводом для всеобщего восстания. Все племя по приказу из Неджефа и Куфы осадило 4 июля политическое управление и казармы, перерезало железную дорогу выше и ниже Румайты, в то время как другие племена напали на правительственные учреждения в Самаве и подвергли осаде две роты, которые несли там службу [243, стр. 266]. Железная дорога была перерезана в трех местах [271, стр. 75].

Несмотря на то что оккупантам давно было известно о на­растании в стране антианглийских настроений, они сумели вы­ставить против восставших в Румайте только 4,2 тыс. англий­ских и 30 тыс. индийских солдат, хотя общая численность окку­пационных войск достигала 133 тыс. солдат и офицеров [238, стр. 325]³¹. На первых порах англичане не придали восстанию большого значения. Как писал бывший английский гражданский комиссар в Ираке Арнольд Вильсон³², военное командование недоценило донесений политических офицеров, в которых ука­зывалось на серьезность создавшегося положения [319, стр. 275—276]. Попытка снять осаду с Румайты была неудач­ной³³, что придавало племенам еще больше храбрости. Только 20 июля, после жестоких боев, английские войска сумели по­дойти к городу, однако на следующий день Румайта была эва­куирована англичанами.

13 июля племя мискаб, жившее в районе Неджефа, органи­зовало наступление на Абу Сухейр. Через несколько дней вос­стало племя бани хасан на юге. 20 июля была осаждена Куфа. В тот же день бани хасан атаковали Кифль. На выручку ан­глийское командование послало три роты Манчестерского пол­ка, однако они потерпели сокрушительное поражение у канала Рустамия: половина солдат не вернулась в Хиллу. Вскоре прак­тически восстал весь средний Евфрат.

Румайта, Хиндия и Мусаиб были уже эвакуированы, Самава и Куфа — осаждены, а многие другие пункты среднего Евфра­та — отрезаны или находились под угрозой нападения. Англи­чане спешно начали отводить войска из Дивании в Хиллу, так как город подвергался многочисленным атакам повстанцев. Долгое время было невозможно поддерживать порядок за ли­нией обороны, которая проходила непосредственно около Баг­дада [47а, стр. 147].

³¹ Майкл Брукс приводит цифру в 60 тыс., что не соответствует действи­тельности [72, стр. 107].

³² Арнольд Талбот Вильсон (1884—1940) в период войны был заме­стителем главного политического офицера Месопотамских экспедиционных сил, исполнял обязанности гражданского комиссара в 1918—1920 гг. вместо отозванного Перси Кокса, потом был назначен послом в Иран [249, стр. 176].

³³ Подкрепления, посланные в первых числах июля, оказались недоста­точно для успешного отражения восставших племен. Карательная экспеди­ция, посланная 7 июля, была вынуждена вернуться после кровопролит­ных боев.

Неудачи англичан на среднем Евфрате отразились на положении в Мунтафике и на нижнем Евфрате. 30 июля в районе Самавы появился шиитский сейид Хади аль-Мухтар из Неджефа. Прибыв в Хидру, он призвал местные племена к священной войне с целью уничтожения английской гражданской администрации на нижнем Евфрате. Другие сейиды и улемы, действовавшие в районах Гаррафа, Шатры и Хидры, присоединились к нему и также стали призывать к священной войне. 6 августа подобное решение было принято и в Кербеле. Всюду племена стали восставать против английского оккупационного режима³⁴. Англичане вынуждены были оставить многие населенные пункты. 13 августа они бежали из Хидры. Самава находилась в изоляции, а английская флотилия на верхнем Евфрате 15 августа понесла большие потери. 20 августа повстанцы захватили Шатру [238, стр. 215], затем — Сук эш-Шуях и уничтожили одну из английских воинских частей во время попытки эвакуации железнодорожного лагеря в Самаве 3 сентября. Накалилась обстановка в Насирии. Появление в конце сентября в Мунтафике карательных войск, предназначенных для снятия осады с Самавы, немного уменьшило напряженность, но с восстанием в Мунтафике было покончено только после освобождения Самавы (14 октября) и усмирения племен в районе Румаиты.

В это время севернее и западнее Багдада произошли новые вспышки восстания. На улицах самого Багдада состоялись антианглийские демонстрации [223, стр. 79; 338, стр. 41]. 8 августа в округе Баакуба часть племени харкия напала на управление по сбору налогов в Махруте. На другой день это же племя совершило налет на станцию Абу Хева. 12 августа в руках восставших оказалась Дилтава. Этот округ находился под влиянием видного деятеля иракского национально-освободительного движения сейида Мухаммеда ас-Садра³⁵, который, после того как его пытались арестовать в Багдаде, обосновался здесь и призвал племена к борьбе. В тот же день англичане оставили Баакубу. 13 августа племена захватили Шахрабу, где небольшая, но влиятельная группа националистов находилась в тесном контакте с багдадскими лидерами. При этом были убиты три английских офицера и два унтер-офицера.

Глава английской гражданской администрации в Ираке Вильсон телеграфировал в Лондон о полном банкротстве английской колониальной политики в Ираке. Он сообщил, что Англия сможет поддерживать свое положение мандатария лишь с помощью насильственных мер и что в связи с этим не-

³⁴ В Неджефе повстанцы издавали свои газеты: «Аль-Истикляль» («Независимость»), которую редактировал Мухаммед Абд аль-Хусейн и «Аль-Фурат» («Евфрат»), редактируемую шейхом Мухаммедом Бакиром аш-Шабибн [355].

³⁵ Впоследствии он стал председателем иракского сената (подробно о нем см.: 365).

обходимо в течение ряда лет предоставлять как людей, так и денежные средства для поддержания непрерывного контроля. В том случае если английское правительство считает такую политику неосуществимой или превышающей его силы, Вильсон предлагал эвакуироваться из Ирака [271, стр. 74—75]. Телеграмма Вильсона была расценена в Лондоне как повод для его удаления в отставку [325, стр. 316]. На его место английское правительство назначило опытного колонизатора Перси Кокса³⁶. Одновременно в Ирак прибыло подкрепление из Индии в количестве 30 тыс. человек³⁷.

Новый верховный комиссар прибыл в Ирак 1 октября 1920 г. [355, стр. 277]. Путем подкупа и обещаний Перси Кокс сумел договориться с влиятельными феодальными группировками, а также с буржуазно-помещичьей верхушкой, напуганной размахом освободительного движения, которое к тому времени постепенно начало принимать и социальный характер. Англичанам удалось обезглавить восстание. Влиятельные иракские феодалы и представители зажиточных слоев городской буржуазии, которые принимали участие в восстании, преследовали одну цель — оказать давление на англичан для того, чтобы выторговать у них как можно больше привилегий для себя. Этой цели они достигли, так как англичане обещали им некоторые уступки и создание местных административных учреждений с их участием. Поэтому они не желали дальнейшего развития восстания. Более того, они выказали желание оказать помощь оккупантам в деле его подавления.

Несмотря на переход части влиятельных феодалов и шейхов на сторону английских империалистов, восстание продолжалось еще несколько месяцев³⁸. После многочисленных карательных экспедиций в конце 1920 г. восстание было подавлено.

Репрессивные меры, принятые оккупационными властями, были настолько жестоки, что даже знаменитый английский разведчик Лоуренс был шокирован ими. «Наше управление более жестоко, чем старый турецкий режим», — писал Лоуренс [цит. по 92, стр. 23].

В военных операциях против повстанцев принимала участие 65-тысячная армия. В конце восстания численность оккупационных войск была доведена до 200 тыс. [127, стр. 53]. По подсчетам Айрленда, в ходе восстания 426 английских солдат и офицеров были убиты, 1228 — ранены, 615 — пропали без вести. Потери повстанцев составляли 8450 убитыми и ранеными [243,

³⁶ Перси Кокс занимал до этого пост дипломатического представителя Англии в Иране. Он был автором англо-иранского договора 1919 г.

³⁷ В Ирак были введены 4883 английских и 24 503 индийских солдат, авиационная эскадрилья и медицинское подразделение.

³⁸ Например, в Самаве, Румайте и Мандали повстанцы держались до тех пор, пока туда не прибыли крупные силы англичан [243, стр. 272].

стр. 273]. Подавление восстания обошлось британскому казначейству в 100 млн. ф. ст. [271, стр. 76]³⁹.

Основными причинами поражения национально-освободительного восстания 1920 г. было экономическое, техническое и военное неравенство сторон [112, стр. 186], наличие национального, религиозного и межплеменного антагонизма, изолированность арабского движения от курдского [92, стр. 23].

Восстание 1920 г. показало враждебное отношение иракского народа как к английскому оккупационному режиму, так и к идее введения в Ираке мандатного управления. Наученные горьким опытом, английские империалисты решили придать мандату форму двустороннего договора, заключенного между Англией и Ираком. Однако это решение не означало, что они поддерживали идею эвакуации из Ирака. Наоборот, этим шагом они хотели упрочить и продлить оккупацию. Этот шаг, по мнению английских колониальных заправил, снял бы страх иракцев перед замаскированным протекторатом, каким был на деле мандат, и предоставил бы свободу действий англичанам в этом «новом Египте» [223, стр. 98]. Начальник английской разведывательной службы в Ираке Гертруда Белл писала, что договор развязал бы руки англичанам [199, т. II, стр. 593].

Предполагаемый договор должен был сохранить за Англией все основные привилегии и права мандатария. Колонизаторы считали, что их захватнические интересы в Ираке могли быть лучше обеспечены с помощью договора и сговора с местной феодальной и кучеческой верхушкой, чем путем длительной военной оккупации [271, стр. 74—75].

Для достижения своих целей англичане решили создать в Ираке более устойчивое и авторитетное правительство, которое не только подписало бы договор с ними, но и выполняло бы его. В результате сговора английских империалистов с крупными иракскими феодалами и шейхами, а также с высшим духовенством в 1920 г. в Багдаде было образовано временное правительство во главе с багдадским накибом Абд ар-Рахманом аль-Гайлани. Через год он же возглавил Совет министров Ирака. В состав правительства входили следующие министерства: внутренних дел, финансов, юстиции, обороны, дорог и общественных работ, образования, торговли и ваффов [361, ч. 1, стр. 17—18].

Во внутренних делах правительство осуществляло такую политику, которая защищала интересы шейхов и феодалов. В годы мандата контроль над иракским правительством и законодательными органами в основном осуществляли крупные помещики, жившие в городах [206а, стр. 174]. На них и опирались мандатные власти и многочисленный чиновничий аппарат.

³⁹ Некоторые авторы явно преуменьшают цифру английских расходов на подавление восстания. Так, Ллойд называет 40 млн. ф. ст. [265, стр. 212].

Одновременно в Лондоне было решено постепенно заменить оккупационные сухопутные войска военно-воздушными силами.

Колоссальные расходы, связанные с оккупацией Ирака, вызывали недовольство английской общественности. Она требовала сократить расходы и «убраться» с мандатных территорий [123, стр. 271]. Суммируя все обвинения, высказанные на страницах английской печати, а также в парламенте, «Таймс» писала: «Нам известно, что весь кабинет протестует против месопотамской экспедиции; только два члена кабинета (по-видимому, Ллойд Джордж и Черчилль.— А. М.) мешают ликвидации этой дорогостоящей затее» [390, 18.VII, 1921]. Английская общественность все настойчивее требовала вывода британских войск из Ирака [194, стр. 316]. Оккупационные расходы в Ираке в 1919—1920 гг. стоили английским налогоплательщикам около 80 млн. ф. ст. К началу 1921 г. оккупационные расходы достигли 100 млн. ф. ст.

Замена сухопутных сил военно-воздушными давала возможность оккупантам осуществлять более действенный контроль в Ираке при меньших затратах⁴⁰. Было также решено финансовое бремя, вызванное английской оккупацией и осуществлением мандатной политики, взвалить в конечном счете на плечи иракских трудящихся.

Чтобы прикрыть и освятить слишком прозаическое соображение экономии, в ход были пущены освободительные лозунги, декларирующие создание автономного Ирака⁴¹. В результате, как писал английский колониальный чиновник Слейтер, получилось «счастливое сочетание политической необходимости с романтической защитой угнетенных наций» [296, стр. 479]. Таким образом, имперская политика должна была быть пересмотрена в «свете арабского национализма» [72, стр. 107].

Все эти вопросы были решены на конференции английских колониальных чиновников по вопросам Ближнего и Среднего Востока, созванной английским министром колоний У. Черчиллем⁴² в марте 1921 г. в Каире [357, ч. 1, стр. 17].

В годы войны Черчилль и Лоуренс считали арабов основным орудием достижения британских стратегических целей на Ближнем Востоке. По их мнению, следовало опираться на арабский национализм и создать под английским покровительством конфедерацию арабских государств, которая охватила бы не только Аравийский полуостров, но и Месопотамию, Сирию и Трансиорданию. Чтобы обеспечить контроль над стратегически-

⁴⁰ Замена сухопутных войск частями королевских воздушных сил сокращала годовые расходы с 35 млн. ф. ст. до 4 млн. [271, стр. 77].

⁴¹ Англичане намеревались создать несколько автономных подмандатных арабских государств от Египта до автономного Курдистана.

⁴² Английское правительство решило сконцентрировать дела Ближнего и Среднего Востока в руках министерства колоний, покончив, таким образом, с разделением ответственности между министерством иностранных дел, министерством по делам Индии и военным министерством [123, стр. 271].

ми путями Британской империи, один из вдохновителей этой идеи — Лоуренс считал необходимым отделить Аравийский полуостров от зоны Суэцкого канала еврейским очагом в Палестине⁴³.

Кроме того, следовало принять меры для вытеснения Франции из Сирии. С этой целью в Сирии на трон был возведен представитель проанглийской Хашимитской династии Фейсал, сын шерифа Мекки Хусейна.

Однако план, выработанный Черчиллем и Лоуренсом, встретил сильную оппозицию со стороны английских колониальных заправил, которые опасались, что ставка на панарабское движение неизбежно выльется в антианглийское движение и что в конечном счете арабы освободятся от английской опеки. Английские колониальные деятели из Индии требовали усилить тенденцию раздробления арабских стран и не отступать от традиционной британской политики «разделяй и властвуй».

Каирская конференция знаменовала собой определенный компромисс, достигнутый между двумя соперничавшими группами колонизаторов. Таким образом, мнения расходились не по существу, не по вопросу о методах защиты и охраны интересов арабских народов, а о методах их дальнейшего закабаления и эксплуатации.

Каирская конференция наметила новые пути для дальнейшей колониальной экспансии Англии на Ближнем Востоке. Истинные цели конференции ее организаторы тщательно скрывали от населения подмандатных территорий. Стараясь ввести в заблуждение иракское общественное мнение, У. Черчилль после окончания конференции заявил, что «факел цивилизации теперь снова вспыхнет в Багдаде» [296, стр. 480].

В Каире было принято решение провозгласить оккупированный Ирак арабским королевством во главе с сыном шерифа Мекки Фейсалом аль-Хашими.

Лояльность Фейсала английским империалистическим интересам была засвидетельствована его многолетним сотрудничеством с полковником Лоуренсом⁴⁴.

Английское правительство заранее позаботилось установить, что Фейсал «полностью понимает ответственность британского правительства в отношении Лиги наций и что он, если станет королем Ирака, будет готов к переговорам о заключении англо-иракского договора» [48, стр. 14]. Другими словами, Фейсалу дали в Каире ясно понять, что его кандидатура на иракский престол обусловлена его поддержкой британской политики.

В первые послевоенные годы Фейсал, как один из руководителей антитурецкого восстания в Хиджазе, пользовался некото-

⁴³ Декларация Бальфура от 2 ноября 1917 г. преследовала именно эти цели.

⁴⁴ Сам Лоуренс присутствовал на конференции и приложил много сил, чтобы дать Фейсалу трон нового иракского государства [271, стр. 77].

рой популярностью среди арабского населения. После взятия Дамаска англо-арабскими войсками Фейсал возглавил там арабское правительство. Он активно поддерживал идею установления английского мандата на Сирию [234, стр. 390]. Однако из этого ничего не вышло, так как Франция, претендовавшая на Сирию на основании соглашения Сайкс — Пико, сумела сговориться с Англией о совместной борьбе против развернувшегося в Турции национально-освободительного движения. В результате Англия уступила Франции Сирию, как «разменную монету» [128, стр. 72]⁴⁵.

В июне 1920 г. французские войска оккупировали северную часть Сирии, находившуюся под властью арабского провинциального правительства, и вынудили Фейсала бежать из Сирии [274, стр. 22].

Английская печать подняла шумиху, начала обливать грязью своих бывших союзников, требовала чем-то компенсировать Фейсала. «Вестминстер газетт» писала 9 ноября 1920 г.: «Если уж в 1916 г., подписывая соглашение Сайкс — Пико, мы имели в виду уступить Сирию Франции, то нужно ли нам было пускаться в опасную, дорогостоящую и, как оказалось, нелепую Хиджазскую авантюру? Что касается Фейсала, то он со своими арабами гораздо больше помогал нам при движении на Дамаск, чем французы. Теперь мы цинично отречаемся от него».

Итак, одно дело было сделано. Английская общественность была обработана в пользу Фейсала. Оставалось главное — добиться одобрения кандидатуры Фейсала на иракский престол самими иракцами.

Временное правительство Ирака по подсказке англичан предложило Фейсалу иракскую корону при условии введения конституционно-парламентского правления [250, стр. 14]. Фейсал дал согласие и 21 июня 1921 г. прибыл в Басру. Еще до этого англичане начали усиленную обработку иракского населения в пользу новоявленного короля. Вокруг Фейсала начали группироваться проанглийски настроенные арабские феодалы и компрадоры.

Гертруда Белл следующим образом характеризовала тактику английских империалистов: «Сэр Перси (Кокс.— А. М.) и Фейсал создали новую шерифскую партию, состоящую из всех солидных местных умеренных людей. Фейсал хорошо разыграл свою роль. Он маневрировал со своими излишне ревностными сторонниками с изумительным тактом. Мои друзья (из арабской верхушки.— А. М.) хотят создания умеренной шерифской партии с определенной программой, каковая была представлена

⁴⁵ Потерпел провал и план установления американского мандата на Сирию. США, не располагавшие тогда достаточными силами для осуществления своих колониальных целей на Ближнем Востоке, вынуждены были отказаться от своих домогательств.

мне. Сэр Перси обещал свою поддержку и указал, что надо действовать дальше в том же направлении» [199, т. II, стр. 501].

«Избрание» Фейсала королем Ирака далось англичанам не без труда. Кроме него на иракский престол претендовали и другие кандидаты [223, стр. 95]. Среди них были и серьезные противники.

В частности, представители молодой арабской буржуазии выдвинули кандидатом на престол Талиб-пашу⁴⁶ и начали усиленную агитацию за его избрание [271, стр. 79].

Английские официальные лица заявляли, будто иракское общественное мнение «проявляло заметное тяготение к монархии» [48, стр. 14]. Однако в Ираке в то время все чаще раздавались голоса об установлении республиканского строя [366, стр. 18]. Английский верховный комиссар П. Кокс быстро расправился с приверженцами республики. После этого (в апреле 1921 г.) англичане арестовали Талиб-пашу и выслали его на Цейлон [271, стр. 79].

Путем запугивания, шантажа и репрессий англичанам удалось отстранить соперников Фейсала на иракский престол.

По прибытии Фейсала в Ирак в стране начались волнения. В Южном Ираке вспыхнуло восстание под руководством одного из соперников Фейсала на престол — главы племени шаммаров и правителя Джебель Шаммара Ибн Рашида [271, стр. 80]. Это восстание удалось подавить только в ноябре 1921 г. Население Басры потребовало создания собственного законодательного органа, армии, полиции и независимости в вопросах фиска [199, т. II, стр. 600—601].

Чтобы создать видимость одобрения иракским народом кандидатуры Фейсала, в июне 1921 г. англичане организовали «плебисцит». Однако широкие слои иракского населения были лишены права участвовать в нем. Проанглийски настроенным шейхам, купцам и представителям религиозных общин были разосланы вопросы: желают ли они монархического правления и, если да, является ли Фейсал подходящим кандидатом на трон? Как и следовало ожидать, подавляющее большинство участвовавших в «плебисците» (96%) ответило на эти вопросы утвердительно⁴⁷.

23 августа 1921 г. Фейсал был провозглашен королем Ирака. Английская газета «Дейли геральд» (от 3 января 1922 г.) так сообщала о коронации: «Фейсал был коронован втихомолку на

⁴⁶ Талиб-паша входил в состав временного правительства в качестве министра внутренних дел, а не иностранных, как об этом пишет Б. М. Данциг [92, стр. 25]. Министерства иностранных дел в подмандатном Ираке вовсе не существовало. Оно было образовано после отмены мандатного режима.

⁴⁷ В свое время Лоуренсу пришлось раздать около 2 млн. ф. ст. влиятельным арабским шейхам и феодалам, чтобы заручиться их поддержкой политики англичан [390, 27.XII, 28.XII, 29.XII, 1921; 257, стр. 59—60; 292, стр. 28].

площади между бараками в присутствии британских чиновников и горстки его личных сторонников⁴⁸. Сзади него стоял батальон британской пехоты со штыками наготове». Один из главных авторов этих «торжеств», Гертруда Белл, по поводу возведения Фейсала на престол писала: «Мы пережили ужасную неделю, зато добились коронации нашего короля. Я никогда не буду больше братья за производство королей, это требует слишком большого напряжения» [199, т. II, стр. 601].

В арабской буржуазной историографии не только преувеличивают роль Фейсала, но и приписывают ему особые заслуги в образовании Иракского государства [250, стр. 5—9]. А официальный отчет английского правительства Лиге наций даже ставит вопрос так, будто положение Фейсала в арабском мире и помощь, оказанная им союзникам во время войны, одинаково располагали к нему как иракцев, так и англичан [48, стр. 13]. Между тем хорошо известно, что шиитское население Ирака (т. е. более половины всего населения страны.— А. М.) было настроено против суннитского эмира, а жители Иракского Курдистана даже отказались принять участие в «плебисците» [199, т. II, стр. 533; 271, стр. 80].

Со времени восшествия Фейсала на престол национально-освободительное движение в стране приняло еще больший размах. Теперь оно было направлено как против английских империалистов, так и против их ставленника Фейсала, к которому иракский народ не питал никакого доверия.

Англичанин Виграм с редкой откровенностью характеризовал положение Фейсала в Ираке. Он писал: «Здесь его считают почти таким же чужестранцем, как и англичан, мало верящим в самого себя или в свое положение и в свою судьбу» [314]. Таким образом, Фейсал, по признанию самих же англичан, не чувствовал под собой почвы в Ираке. Это давало возможность англичанам превратить его в послушное орудие своей политики.

ГЛАВА 3.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В ПОДМАНДАТНОМ ИРАКЕ

Весной 1925 г. английский верховный комиссар разрешил иракскому королю опубликовать конституцию⁴⁹.

Конституция провозглашала Ирак суверенным, независимым и свободным парламентским монархическим государством.

⁴⁸ Сторонники Фейсала, группировавшиеся вокруг него еще в Сирии, прибыли в Ирак вместе с ним. Они заняли видные посты в новом государстве [271, стр. 77].

⁴⁹ Эта конституция просуществовала в почти неизменном виде до 1958 г. Ее текст был разработан английскими чиновниками. Она представляла собой смесь старой османской конституции и основных законов английских доминионов.

Однако этот суверенитет ограничивался англо-иракским договором 1922 г., который говорил, что иракская конституция не будет содержать ничего противоречащего его установлениям [351, стр. 171]. Конституция должна была упрочить мандатный режим, основывавшийся на власти крупных феодалов и торговой буржуазии. При помощи конституции англичане намеревались упрочить свои позиции в Ираке [243, стр. 372]. Иными словами, иракская конституция должна была узаконить английский мандатный режим [223, стр. 185].

Говоря словами одного буржуазного автора, англичане установили в Ираке «демократию аристократии, с помощью аристократии и для аристократии» [цит. по 147, стр. 55].

Согласно конституции правительство было подотчетно перед палатой депутатов. Парламент имел право выразить недоверие правительству, однако в действительности все происходило наоборот. Иракское правительство по непосредственному указанию английского верховного комиссара (High Commissioner) много раз распускало парламент⁵⁰.

В период английского мандата в Ираке сменилось 14 правительств. Столь частая смена кабинетов была вызвана выступлениями иракских трудящихся и демонстрациями протеста, направленными против английской колониальной эксплуатации.

Согласно конституции, законодательная власть в Ираке принадлежала королю и парламенту. Парламент состоял из сената и палаты депутатов. Количество сенаторов не должно было превышать четвертой части общего числа членов палаты депутатов. Члены королевской семьи и их родственники не могли быть членами сената и палаты депутатов. Законопроект в парламент вносила или палата депутатов или правительство⁵¹.

Король имел право принять или отклонить законопроект. В случае отклонения он сообщал причины парламенту в течение трех месяцев. А если одна из палат постановляла, что законопроект имеет срочный характер, король обязан был рассмотреть его и дать свое заключение не позже чем через 15 дней.

Заседания парламента были открытыми⁵². Созыв и роспуск обеих палат производился одновременно.

⁵⁰ Согласно ст. 26, 38 и 40 иракской конституции, в случае чрезвычайных обстоятельств, если правительство потребовало бы, король имел право распустить парламент. Однако конституция не содержала определения этих «чрезвычайных обстоятельств». Поэтому правительство, пользуясь столь туманной формулировкой, часто распускало негодный ему парламент и назначало новые выборы.

⁵¹ В 1926 г. такого же права добивался и сенат, однако безрезультатно [250, стр. 22]. Депутаты не имели права вносить на рассмотрение парламента законопроекты, касающиеся финансового положения страны.

⁵² Парламент мог заседать при закрытых дверях лишь в том случае, если один министр, или четыре сенатора, или десять депутатов требовали рассмотрения того или иного вопроса на закрытом заседании.

Общее количество сенаторов не превышало 20. Их назначал король по представлению Совета министров⁵³, и, естественно, сенат защищал интересы правящих кругов. Сенаторы назначались на восемь лет. После истечения этого срока их могли назначить еще на восемь лет. Сенатор не мог быть моложе 40 лет. Сенату были предоставлены широкие права, что давало ему возможность приостанавливать любое решение нижней палаты.

Выборы законодательных органов в Ираке были двухступенными⁵⁴. Право голоса было предоставлено только мужчинам в возрасте не моложе 20 лет. Следовательно, более половины взрослого населения страны было лишено права голоса. На каждые 20 тыс. мужчин избирался один депутат в возрасте не моложе 30 лет. Солдаты и полицейские право голоса получали только в том случае, если они во время выборов находились в отпуске по месту постоянного жительства.

Гражданин, удовлетворявший всем требованиям избирательного закона, считался «первичным избирателем», и ему предоставлялось право голосовать за «вторичных избирателей». На каждые 250 первичных избирателей приходился один вторичный, сохранявший свои права до новых выборов. Депутатов парламента избирали сроком на год, и во время новых выборов они могли быть переизбраны. Как правило, порядок проведения выборов никогда не соблюдался⁵⁵.

Правящие круги с помощью губернаторов и местных чиновников оказывали давление на избирателей и подтасовывали данные, с тем чтобы достичь желаемых результатов [263, стр. 228].

Избирательным законом было предусмотрено тайное голосование, однако ввиду того что подавляющее большинство населения было неграмотным, этот пункт фактически не осуществлялся — избирательные бюллетени заполнялись государственными чиновниками.

Первые выборы в иракский парламент состоялись в 1925 г., вторые — в 1928 г., третьи — в 1930 г. В каждый парламент в основном попадали шейхи племен, помещики и состоятельные слои городов. Городское население в парламенте было представлено 20 депутатами, тогда как племена избирали 100 депутатов [251, стр. 86].

⁵³ Король имел право отказать кандидату, представленному правительством.

⁵⁴ Лишь 16 декабря 1952 г. после многолетней борьбы был принят закон о прямых выборах [120, стр. 148].

⁵⁵ Во время выборов в первый парламент в избирательных урнах оказалось такое количество избирательных бюллетеней, которое соответствовало 10-миллионному населению, тогда как в Ираке в 1925 г. проживало не более 3 млн. [88, стр. 114]. Очень часто шейхи, стараясь возвеличить себя и укрепить свой авторитет, сообщали ложные данные о количестве членов подвластного им племени.

Как правило, во время выборов правительство проводило политику репрессий, подкупало и шантажировало избирателей. Часто предвыборная кампания принимала характер военных стычек между правительственными войсками и избирателями⁵⁶.

Все это позволяло правительству протаскивать своих кандидатов⁵⁷. Вмешательство правительства в проведение выборов, его жесткий контроль и частый роспуск парламента способствовали подчинению парламента исполнительной власти, отнимали у него все средства для выражения недоверия правительству.

Таким образом, в подмандатном Ираке не правительство подчинялось парламента, а парламента правительству. Как правительство, так и парламента в основном состояли из сторонников английского мандатного режима и проводили такую политику, которая соответствовала интересам английских монополий и привилегированных классов Ирака.

После образования иракского правительства мандатные власти решили передать ему право найма английских чиновников. Английские чиновники теперь формально должны были быть ответственны перед Советом министров Ирака [250, стр. 5].

Условия деятельности английских чиновников были определены специальным англо-иракским соглашением, которое действовало на протяжении всего мандатного режима⁵⁸. Оно предусматривало, что при министрах внутренних дел, финансов, обороны, юстиции и путей сообщения, а также при директорах (или начальниках, или инспекторах) департаментов (или управлений) общественных работ, сельского хозяйства, землеустройства, печати, ветеринарной службы, полиции, государственного контроля, здравоохранения, просвещения, таможи, почты и акцизов, при председателе апелляционного суда должны были состоять английские советники (advisers) [353, стр. 45 — 46; 276, стр. 212].

Английские советники должны были информировать английского верховного комиссара по всем тем вопросам, которые предполагало решить иракское правительство и которые могли повлиять на международные и финансовые обязательства и интересы английского правительства [271, стр. 89]⁵⁹.

⁵⁶ К примеру можно назвать события, происшедшие во время выборов в 1930 г. в Сулеймании.

⁵⁷ В связи с этим Мэн ценнично замечает, что в результате вмешательства правительственных чиновников избиратели на первичных и вторичных выборах отсеивались, как теннисисты на Уимблдонском стадионе [271, стр. 170].

⁵⁸ Хотя это соглашение было ратифицировано в 1924 г., оно практически осуществлялось с 1922 г.

⁵⁹ Английские советники получали от иракского правительства от 60 до 250 ф. ст. в год (1 ф. ст. равнялся 50 рупиям). Кроме того, английские служащие получали длительные отпуска с сохранением заработной платы, а при выходе на пенсию — крупную сумму. Контракты с ними заключались на срок не более 10 лет [353, стр. 50]. По свидетельству иракской газеты

По новому соглашению король Ирака обязывался руководствоваться «советами» английского короля (передаваемыми через верховного комиссара) по всем важным вопросам, внутренним и внешним, касающимся Ирака. Фейсал обязывался также консультироваться с верховным комиссаром по всем вопросам финансовой и фискальной политики, «обеспечивать стабильность и организацию финансов иракского правительства в течение того времени, пока оно имеет финансовые обязательства перед английским правительством» [353, стр. 73] и т. д.

Таким образом, английские советники должны были не столько способствовать развитию Ирака, сколько обеспечивать экономические интересы английского правительства и британских монополий.

Иракский король не имел права утверждать ни одного решения без соответствующего распоряжения английского верховного комиссара. Поправки и замечания верховного комиссара посылались иракскому правительству через Фейсала [48, стр. 27]. Располагая фактической властью в стране, верховный комиссар всегда мог повлиять не только на правительство, но и на короля.

Такая система управления вполне устраивала англичан. В случае возникновения внутреннего или внешнего кризиса мандатные власти могли все свалить на иракское правительство и короля. Впоследствии англичане не скрывали того факта, что введенная ими в Ираке система косвенного управления была рассчитана на то, чтобы обмануть иракское общественное мнение и отвести от себя удары народных восстаний. Как справедливо замечал проф. С. Ф. Кечекчян, в Ираке англичанам наиболее полным образом удалось осуществить систему косвенного управления [107, стр. 56].

Число английских гражданских советников было огромно. По официальным английским данным, общее количество британских чиновников, включая индийцев, служивших в английской гражданской администрации, составляло к этому времени 2906 [48, стр. 25]. Кроме того, в Ираке находилось большое количество различных английских технических экспертов и судей, которые фактически контролировали все судопроизводство в стране. Особое положение занимали члены английской военной миссии и дирекции порта Басры и железных дорог [353, стр. 73].

Наряду с гражданскими чиновниками Англия держала в Ираке много военных советников (military advisers), которые

«Аль-Ахали» (от 12 июня 1933 г.), 33 английским чиновникам, несшим службу в порту Басра, в 1932 г. в виде заработной платы было выплачено почти 449 тыс. рупий, а в пенсионный фонд им было перечислено около 76 тыс. рупий. Для сравнения отметим, что квалифицированный рабочий в Ираке получал в месяц 120—180 рупий, а неквалифицированный — 30 рупий [48, стр. 245], годовой же доход рядового члена племени составлял не более 210 рупий [244, стр. 83—84].

в годы оккупации командовали местными рекрутскими частями (local levies). Вначале мандатные власти всячески задерживали создание иракской армии. Однако к концу мандата, когда англичане окончательно сумели договориться с местной феодальной верхушкой и представителями торговой буржуазии, они санкционировали создание регулярной армии.

В начале 1921 г. английские власти пересмотрели существовавшую в Ираке административную структуру и разделили всю страну на 10 лив⁶⁰. Каждая лива делилась на казы, а те — на нахии. Всего в Ираке насчитывалось 35 каз и 85 нахий. Кроме того, существовали еще налоговые административные единицы — шуба⁶¹, которыми управляло министерство финансов; их было 116.

Мутасаррифам назначали влиятельных арабских деятелей, которые в годы турецкого господства занимали ведущие административные должности и, следовательно, уже имели определенный опыт сотрудничества с иностранцами. К 1921 г. семьями управляли мутасаррифы местного происхождения, а остальными тремя — английские чиновники. Когда было сформировано правительство, во главе всех лив стояли уже представители местной аристократии. Общую ответственность за управление ливами нес министр внутренних дел. Он же контролировал и работу департамента сельского хозяйства⁶², полиции, здравоохранения, торговли, переписи и муниципалитетов.

В январе 1922 г. была образована одиннадцатая, Кутская лива, а в сентябре — Диванийская. В 1923 г. Киркукскую ливу разделили на две: Киркукскую и Эрбильскую [243, стр. 296—297]. В 1924 г. была образована последняя, четырнадцатая — Сулейманийская, которая до того непосредственно подчинялась английскому верховному комиссару. До февраля 1925 г. ливой Сулеймания управлял английский чиновник⁶³, а затем мутасаррифом назначили иракца.

По окончании периода мандата Ирак делился на 14 лив, которые объединяли 47 каз и 141 нахию [48, стр. 50].

Права и обязанности османских административных чиновников до 1927 г. определялись османским законом об управлении вилайетами. Затем его заменили новым законом об управлении ливами. Согласно этому закону, вся ответственность за управ-

⁶⁰ В эти десять лив Иракский Курдистан еще не входил, поскольку англичане почти до конца 1925 г. вели военные действия против восставших курдов.

⁶¹ В 1924 г. шуба, как налоговая административная единица, частично была отменена, а частично была поглощена нахиями.

⁶² До апреля 1927 г. департамент сельского хозяйства подчинялся министру внутренних дел. Позже он был передан в ведение министерства ирригации, а в 1931 г. — министерства экономики и дорог [48, стр. 48].

⁶³ Сулеймания в то время была одним из центров курдского восстания и часто переходила из рук в руки.

ление ливой была возложена на мутасаррифа⁶⁴. Одновременно мутасарриф был полномочным представителем отдельных министерств по своей ливе. Он же был председателем административного совета ливы, который состоял из представителей местных аристократических кругов. В состав совета входили три официальных члена (мухасиб — провинциальный бухгалтер, мудир тапу — чиновник земельного кадастра, мудир махрират — главный клерк ливы) и четыре неофициальных члена, избираемых муниципальными советами лив и административными советами каз [48, стр. 51]. Административный совет ливы рассматривал вопросы, представляемые мутасаррифом, и выносил по ним свои решения.

Мутасаррифу подчинялись управляющие казами — каймакамы, а начальники нахий⁶⁵ — мудиры — были ответственны перед каймакамами [250, стр. 24]. При такой системе управления часто возникали трения между представителями британских властей и местной арабской администрацией [252, стр. 173].

Городскими делами заведовал муниципальный совет, в который выбирали имущих горожан. Председатель муниципального совета был городским головой — раис аль-балади. Его назначал министр внутренних дел; он же осуществлял контроль над его деятельностью [250, стр. 24].

Выборы муниципальных советов, их деятельность и финансовая политика в основном направлялись старым османским законом от 1877 г. об управлении муниципалитетами⁶⁶. Муниципальный совет составлял бюджет и расходовал финансовые средства, находившиеся в его распоряжении, по указанию министра внутренних дел; он также принимал меры для улучшения санитарного состояния города, ремонтировал городские дороги, улицы и мосты, занимался освещением улиц и водоснабжением, обеспечивал город пожарной охраной, ночными сторожами, заботился о здравоохранении, беспризорных и т. д. В 1919—1920 гг. в Ираке существовало 73 муниципалитета. Через десять лет их число выросло до 104.

В обязанности мутасаррифа входило обеспечение нормальной работы муниципалитетов подвластной ему ливы. Мутасарриф составлял бюджет муниципалитета⁶⁷ (с помощью административного совета ливы) и представлял его на утверждение министру внутренних дел; последний утверждал и все крупные расходы, произведенные вне плана.

⁶⁴ К каждому мутасаррифу был приставлен английский административный инспектор. Позже их место заняли английские советники. В крупных ливах при мутасаррифе находились два английских советника [223, стр. 228].

⁶⁵ Каждая нахия объединяла несколько деревень.

⁶⁶ Существенные изменения в этот закон были внесены лишь в 1931 г. [48, стр. 54].

⁶⁷ В период английского мандата доходы от муниципалитетов в среднем равнялись 4,28 млн. рупий.

Существовавшая в годы мандата система городского управления способствовала злоупотреблениям, взяточничеству, растрате государственных средств и т. д. Коррупция получила такой размах, что в 1928 г. была назначена правительственная комиссия для проверки расходов муниципалитетов. Комиссия выявила множество фактов растраты, злоупотреблений и хищений государственных средств [48, стр. 53; 243, стр. 435]⁶⁸.

В конце 1929 г. для улучшения работы муниципалитетов при министерстве внутренних дел был создан генеральный директорат муниципалитетов, однако уже через год он был ликвидирован «с целью экономии».

В годы мандата пышным цветом расцвела коррупция в иракском правительстве и государственном аппарате. Каждый министр старался устроить своих родственников. Высокопоставленные чиновники считали, что они должны пользоваться привилегиями. Они требовали бесплатного обслуживания от ночных сторожей, мойщиков автомашин и т. д.

По сравнению с высокопоставленными чиновниками в очень незавидном положении находились рядовые чиновники, реальный заработок которых изо дня в день сокращался. Взяточничество было для них необходимостью. Взяточничество и распродажа должностей в иракской администрации особенно усилились в последние годы английского мандата (1929—1932) [48, стр. 54; 243, стр. 435; 271, стр. 171].

Наравне с переменами в гражданском управлении немалые изменения произошли в законодательстве и в судопроизводстве.

В годы военной оккупации для совершения гражданского и уголовного правосудия был издан «Кодекс оккупированных территорий Ирака» [40а], который в основном повторял законы, существовавшие в Индии.

1 августа 1915 г. в Ираке был опубликован кодекс, в соответствии с которым были созданы гражданские и уголовные суды в дополнение к военным судам⁶⁹. Согласно кодексу, старший офицер юридической службы осуществлял гражданскую и уголовную власть, обычно исполняемую в Индии губернским и верховным судьей соответственно. Младший офицер юридической службы обладал властью помощника судьи и губернского (областного) мирового судьи. Кодекс предоставлял оккупационным властям право проведения в жизнь любого индийского закона, который мог быть изменен в зависимости от местных условий.

⁶⁸ Американский автор К. Ланглей вопреки фактам пишет, будто коррупция среди местного чиновничества процветала только в период турецкого господства [255, стр. 33].

⁶⁹ Военные суды функционировали от имени командующего английскими экспедиционными войсками. Ими руководили старший офицер юридической службы подполковник Нокс и младший офицер юридической службы капитан Маккензи. Оба они были членами Индийского политического управления [243, стр. 82].

Таким образом, турецкий кодекс был аннулирован [243, стр. 83].

Новый кодекс по своему содержанию и условиям применения не делал почти никакого различия между Индией и Ираком. Так, в разделе 8 говорилось: «Кодекс уголовной процедуры и другие законы для отправления уголовного правосудия Британской Индии будут применяться, как если бы оккупированные территории были районом провинции Бомбей» [243, стр. 84]. Вот лишнее свидетельство того, что Англия намеревалась присоединить оккупированную территорию к Индии.

С введением кодекса арабский язык стал официальным языком судопроизводства. Проведением в жизнь этой куцей меры оккупационные власти старались расположить к себе местное население.

Хотя уголовные дела могли разбираться в нововведенных гражданских судах, большинство таких дел туда не направлялось. Серьезные дела, в первую очередь вооруженные ограбления, продолжали разбираться военными судами. В Басре, Амаре и Насирии военный губернатор (или его заместитель) разрешал все споры, а на местах такими правами обладали английские политические офицеры. До падения Багдада в Басрийском вилайете гражданские судьи существовали только в самой Басре [243, стр. 84—85].

Вскоре стало ясно, что новый кодекс не может во всей его полноте применяться в районах расселения племен, которые занимали практически всю территорию Ирака, за пределами городов. Политические офицеры стали требовать дополнительных прав для разбора гражданских и уголовных дел. С этой целью Генри Доббс⁷⁰ составил «Правила урегулирования уголовных и гражданских споров племен»⁷¹ (по образцу индийского закона о пограничных преступлениях), которые были обнародованы в феврале 1916 г. Они предоставляли политическим офицерам право созывать маджлис племени или другой посреднический орган для разбора, в соответствии с обычаями племен, всех дел, в которых член племени выступал истцом или ответчиком [243, стр. 86].

Правила урегулирования межплеменных споров повышали роль и значение шейхов. Вместе с тем введением этих правил оккупационные власти переложили часть работы и ответствен-

⁷⁰ Генри Роберт Конвей Доббс (1871—1934)— английский колониальный чиновник. Долгое время находился на административных постах в Индии, Ираке и Афганистане. В начале войны был английским представителем в Месопотамии. В годы английской оккупации находился на должности комиссара по государственным сборам и был помощником Перси Кокса в деле создания новой администрации в Ираке. В 1923—1929 гг. занимал пост английского верховного комиссара в Ираке.

⁷¹ Уголовный кодекс и «Правила» были основными законами для совершения гражданской юриспруденции на протяжении всего мандатного периода [48, стр. 78].

ности с политических офицеров на плечи шейхов и вождей племен.

После образования иракского королевства и создания местных органов власти суды делились на гражданские, уголовные и религиозные. В гражданские суды входили кассационный и апелляционный суды, суды первой инстанции и мировые суды, в уголовные — кассационный и апелляционный, выездной и магистратные суды; в религиозные — кассационный шариатский, обычный шариатский, а также суды немусульманских общин (христиан и евреев) [48, стр. 76].

В период оккупации и в первые годы мандата разбор дел в гражданских судах происходил на основе Османского процессуального кодекса. Местные апелляционные суды были уничтожены, и все апелляции теперь рассматривались кассационным и апелляционным судом в Багдаде. Кроме того, была ограничена юрисдикция судов первой инстанции. Все гражданские судьи были профессионалами. Новый гражданский процессуальный кодекс был издан в 1925 г.

В начале 1920 г. в Багдаде существовал апелляционный суд, в пяти городах — суды первой инстанции и мировые суды, а в трех городах — только мировые.

К 1930 г. количество гражданских судов увеличилось, и они существовали в 47 городах. В 16 городах, включая центры всех лив и центры некоторых каз, имелись суды первой инстанции. Большинство из них состояли из одного судьи; в Багдаде, Басре и Мосуле председатель иногда создавал коллегия из трех судей.

Юрисдикция судов первой инстанции была ограничена рассмотрением дел на сумму, не превышавшую по исковым заявлениям 3 тыс. рупий. Всюду, где были суды первой инстанции, имелись мировые суды; кроме того, в 8 городах были только мировые суды. Эти суды разбирали исковые заявления на сумму от 300 до 750 рупий [48, стр. 77].

Уголовные дела рассматривались магистратами, которые делились на три класса в зависимости от размеров наказаний, которые они могли присудить. Магистраты первого и второго класса назначались королем. Административный инспектор (или другое высшее должностное лицо) время от времени тоже назначался магистратом первого или второго класса для специальных целей. Звание магистрата третьего класса присваивал министр юстиции.

Магистрат первого класса имел право рассматривать дела о правонарушениях и мелких преступлениях; приговор, выносимый им, не мог превышать двух лет тюремного заключения. Магистрат второго класса разбирал дела о правонарушениях и приговаривал к тюремному заключению на срок не более шести месяцев. Магистрат третьего класса судил мелкие правонару-

шения; срок тюремного заключения, выносимый им, не мог быть больше месяца.

Трое судей, из которых по крайней мере один должен был иметь звание магистрата первого класса, составляли выездной суд, который рассматривал все дела и выносил любое наказание, предусмотренное законом. Все приговоры он немедленно представлял на рассмотрение кассационного и апелляционного суда. Выездной суд имел право рассматривать апелляции, представленные магистратными судами; решения, вынесенные по апелляции, могли быть пересмотрены кассационным и апелляционным судом по заявлению одной из сторон. Дело, которое должно было слушаться выездным судом, сначала расследовалось магистратом, который оформлял обвинение и привлекал обвиняемого к суду [48, стр. 77]⁷².

Шариатские суды были учреждены везде, где имелись гражданские суды; в трех городах были только шариатские суды. Функции председателя шариатского суда выполнял кади (судья). Дела, которые разбирали эти суды, входили также в компетенцию гражданских судей. В 24 городах гражданский судья брал на себя функции кади, заседая в шариатском суде [48, стр. 78].

При турках и во время английской оккупации (до восстания 1920 г.) кади неизменно были суннитами. Дела шиитов разбирались гражданскими судами после консультации с шиитскими юристами. В 1923 г. были назначены шиитские кади, а в шариатском кассационном суде создана шиитская коллегия.

Таким образом, англичане не тронули прав шариатских судов. Было введено лишь одно изменение, касающееся их прав в решении споров по поводу вакфных земель. Оказалось, что кади считали себя обязанными придерживаться принципа шариата, в соответствии с которым следует отвергать свидетельство немусульман против мусульман. В 1929 г. был издан закон, позволяющий любой из сторон требовать передачи такого дела в гражданский суд [48, стр. 79].

Апелляции на решения шариатских судов передавались в кассационный шариатский суд [48, стр. 80].

Гражданские судьи и кади назначались королевским указом в соответствии с законом о судьях и кади, принятым в 1929 г.

В большинстве случаев судьи не справлялись с работой и вершили правосудие чрезвычайно медленно. Правда, во многом здесь был повинен гражданский процессуальный кодекс.

В 1919 г. надзор над судебной системой Ирака осуществлял британский юридический секретарь. После создания в 1920 г. первого иракского правительства он стал советником министра

⁷² Выездной суд наблюдал также за всеми уголовными процессами в своем районе. Кассационный и апелляционный суд осуществлял такое же наблюдение над всеми уголовными процессами в стране.

юстиции и формально ответственным перед премьер-министром, а фактически подотчетным только верховному комиссару. Ему помогал ряд британских чиновников, из которых один был председателем апелляционного суда, шесть — председателями судов первой инстанции, один — магистратом в Багдаде, а двое были заняты административной и законодательной работой. Правда, количество английских судебных чиновников постепенно сокращалось, но влияние их по-прежнему оставалось сильным.

Англо-иракское юридическое соглашение, заключенное 25 марта 1924 г., предусматривало, что при разборе дел иностранцев (понятие «иностранец» распространялось на подданных только некоторых государств) последние имеют право требовать присутствия британского судьи при рассмотрении всех гражданских и уголовных дел, за исключением дел, разбиравшихся в мировых судах, и при незначительных нарушениях закона. Однако ограничения в определении понятия «иностранец» вызвали недовольство Ирана и других государств, чьи подданные не получили привилегий, дарованных соглашением; поэтому впоследствии пришлось пересмотреть эту систему [48, стр. 81]. Британские административные инспекторы и политические офицеры, как правило, вмешивались в разбор дел иностранцев, обвинявшихся в каких-либо правонарушениях.

Серьезными недостатками страдала адвокатура. В конце 1919 г. в Ираке было 75 адвокатов, имевших разрешение на практику; из них 60 практиковали в Багдаде, 12 — в Басре, 3 — в Мосуле. В соответствии с уставом адвокатуры 1918 г. адвокаты находились под контролем судов и не имели права голоса в вопросах дисциплины, связанных с их профессией. В 1925 г. была сделана безуспешная попытка организовать юридическую ассоциацию, контролируруемую дисциплинарным комитетом и состоящую из судей и адвокатов [48, стр. 82]. Поэтому устав адвокатуры 1918 г. оставался в силе до конца мандатного периода. В конце 1930 г. имелось 165 практикующих адвокатов, из них 113 — в Багдаде, 17 — в Басре, 14 — в Мосуле, а остальные — в других больших городах. Квалификация адвокатов была низкой, особенно в коммерческих делах, и фирмы часто жаловались не только на трудность получения хорошей юридической консультации, но и на отсутствие внимания со стороны адвокатов к делам, которые им поручались.

В результате многовекового турецкого гнета абсолютное большинство населения Ирака было неграмотным. Турецкое правительство уделяло мало внимания развитию образования в арабских провинциях. Фактически в Ираке народное образование не вышло за рамки начального обучения [53, стр. 78]. В 1913 г. во всех трех вилайетах насчитывалось 160 начальных школ. Общая зарегистрированная посещаемость этих школ составляла всего 6 тыс., в среднем 37,5 человека на одну школу.

Однако фактическая посещаемость далеко отставала от этой цифры [48, стр. 224].

Преподавание в школах велось на турецком языке. После захвата Ирака англичанами он был заменен арабским языком.

В 1919 г. в Багдаде была открыта мужская педагогическая школа, а через год — школа второй ступени⁷³. В 1920 г. в столице Ирака был открыт также педагогический класс для женщин.

Технические школы были созданы в Багдаде еще в 1919 г., а в Мосуле, Басре и Киркуке — в 1920 г. В том же году в Багдаде появилась юридическая школа. Накануне передачи Англии мандата на Ирак количество начальных школ здесь достигло 84 с 363 учителями и 6743 учащимися [48, стр. 224].

Делами образования управлял департамент просвещения, который был организован под руководством британского директора и трех британских окружных офицеров, подчинявшихся ему⁷⁴. Замена британских должностных лиц иракцами в департаменте просвещения была закончена к 1922 г., когда последний британский окружной офицер был заменен иракцем, а британский директор превратился в консультанта и главного инспектора.

После замены турецкого языка арабским многих старых учителей пришлось уволить, так как они не могли преподавать по-арабски. Поэтому сразу же стала ощущаться нехватка квалифицированных преподавателей арабского языка. Их подготовкой занялась педагогическая школа.

В конце мандатного периода в Ираке уже было 247 начальных государственных мужских школ, в которых обучалось 24,9 тыс. мальчиков, и 44 государственные женские начальные школы с 6 тыс. учениц. Общее число учителей в этих школах (мужчин и женщин) составляло 1350 [48, стр. 225]; пять шестых из них были выпускниками педагогических школ.

В Мосуле и Багдаде существовали государственные христианские и еврейские начальные школы, а в Эрбиле и Киркуке — государственные еврейские школы. Свои начальные школы имели также курды и езиды. В 1930 г. в Ираке насчитывалась 41 курдская начальная школа (включая три женские — в Сулеймании, Эрбиле и Дохуке) и 2 езидские (близ Мосула) [48, стр. 230].

Качество подготовки преподавателей находилось на низком уровне и сильно отставало от уровня учителей-европейцев.

⁷³ В школах первой ступени срок обучения был равен шести годам, а в школах второй ступени — пяти.

⁷⁴ Большинство инспекторов были иракцы. Когда в 1920 г. было создано иракское правительство, департамент просвещения был объединен с департаментом здравоохранения под руководством одного министра, но позднее стал самостоятельным министерством. В 1921 г. окружным офицером по просвещению в Багдаде был назначен араб, и ему был предоставлен контроль над всеми школами, кроме высших и профессиональных.

Интересы экономического развития Ирака настоятельно требовали увеличения количества технической интеллигенции. В технических школах в Багдаде и в Мосуле было соответственно 75 и 60 учеников. Слушатели технических школ проходили четырехгодичный курс обучения, причем преподавание теоретических дисциплин сочеталось со специализацией в столярном, токарном и слесарном деле, металлообработке или электромонтаже [48, стр. 227]. Выпускники этих школ получали сравнительно хороший заработок. Некоторые из них были приняты в качестве учеников нефтяными компаниями. В Багдадской технической школе имелись отделение механизированного транспорта для армии и отделение, готовящее механиков по насосам и моторам [48, стр. 228].

Высшее образование представлено было юридической школой (с трехлетним курсом обучения), куда могли поступить окончившие школы второй ступени или имеющие аттестаты об окончании иностранных школ. В ней обучалось всего 78 студентов.

**Бюджет департамента просвещения
в годы мандата (в лахгах * рупий)
[48, стр. 231]**

Год	Расходы на образование	Общие расходы	% расходов на образование в бюджете
1921	19,36	572,13	3,4
1922	19,94	483,82	4,1
1923	18,15	424,27	4,2
1924	22,13	464,85	4,8
1925	23,48	513,38	4,5
1926	26,93 **	536,72	5,2
1927	27,42	569,93	4,8
1928	32,01	599,11	5,4
1929	37,18	576,66	6,4
1930	40,00 ***	532,57	7,5

* Один лахх равен 100 000.

** К бюджету министерства просвещения с этого года добавился бюджет департамента древностей и инженерной школы.

*** Проект.

Многие состоятельные иракцы посылали своих детей учиться в университеты Сирии, Египта, Европы и Америки. Общее количество получивших образование за границей составляло 178 человек (мужчин и женщин) [48, стр. 226].

По закону, для того чтобы открыть частную школу, требовалось разрешение министерства просвещения, которое в даль-

нейшем осуществляло над ней контроль. Это правило не распространялось на мусульманские школы, в которых дети занимались только чтением, письмом и учили Коран; эти школы не делились на классы. Число таких школ в точности установить невозможно, но, вероятно, в них обучалось около 5 тыс. детей.

Большинство частных школ получало ежегодную помощь от министерства просвещения. Размер этой помощи зависел от нужд школы, ее уровня, полезности и близости ее программы к государственной. Всего на такую помощь расходовалась мизерная сумма в 45 тыс. рупий в год. Еще меньше были субсидии, которые давались вечерним школам для неграмотных (около 16 тыс. рупий).

Приводимая на стр. 119 таблица наглядно показывает, какие ничтожные средства тратились в годы мандата в Ираке на народное образование.

ГЛАВА 4.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МАНДАТНЫХ ВЛАСТЕЙ

Установление английского господства еще больше обострило противоречия между всеми социальными группами Ирака. Ирак был экономически подчинен английскому монополистическому капиталу, в той или иной мере был вовлечен в сферу мирового капиталистического хозяйства, превращен в рынок сбыта и аграрно-сырьевой придаток Англии.

Английская администрация не приняла существенных мер для разрешения основных проблем иракского сельского хозяйства: не были определены права батраков, арендаторов, землевладельцев и государства на землю, фактически прежней осталась система сбора налогов. Но для того чтобы ввести в заблуждение общественное мнение и прикрыть новое ограбление иракских крестьян «на законных основаниях», английские военные власти для видимости провели в Ираке в 1919 г. «аграрную реформу». Общинные и помещичьи земли были объявлены общегосударственной собственностью и переданы в личное владение шейхам, агам, богатым семьям, торговцам, крупным помещикам [177, стр. 35]. Крестьяне же обезземеливались. Английская оккупация дала дальнейший толчок развитию крупной земельной собственности в Ираке [363, стр. 175; 56, стр. 25—31].

По вступлении английских войск в Ирак первой заботой оккупационных властей было создание органов управления на территориях, населенных племенами. Новую систему управления они решили образовать на основе родо-племенной организации, на уважении родовых привычек и обычаев и на поддержке шейхов как орудия проведения своей политики.

Именно такую политику успешно применяли англичане в Индии. Когда английская колониальная администрация во главе с Робертом Сандеманом⁷⁵ впервые стала разрабатывать подобную систему в Белуджистане в 1875 г., она нашла племенные организации в состоянии распада, а власть и влияние вождей племен — ослабевшими [384а, стр. 51]. В Ираке перед войной племена, особенно на нижнем Евфрате, были более или менее в таком же состоянии в результате попыток Турции раздробить их или перевести на оседлость, уничтожить или объединить их вождей.

Английская политика кнута и пряника расколола шейхов на две группы: одну — враждебно настроенную к оккупантам (как в случае с Саадунами Мунтафика), другую — превратившуюся в послушное орудие английских колонизаторов, подкупивших их раздачей земель.

К тому времени, когда британская администрация появилась в районах расположения племен, единственная попытка турок закрепить племена на земле провалилась. Споры о земле и воде обострили отношения между племенами и помещиками, с одной стороны, и между племенами и правительством — с другой. Там, где власть шейхов еще не была уничтожена, шейхи были против центральной власти. «Ирак в начале XX в., — по словам Лонгригга, — был страной племен, быстро теряющих старые привязанности, все менее и менее способных вернуться к старому образу жизни, принимающих скорее местные отношения, чем родовые, более зависимые от порядка и контроля... все еще легко возбуждающихся только для того, чтобы повредить своим собственным интересам, все еще отрицающие относящихся к администрации и всей ее работе» [262, стр. 309].

Политика, основанная на использовании племенной организации во главе с компетентными шейхами, при совете, контроле и руководстве ими со стороны английских политических офицеров, что было сущностью политики Сандемана, нашла широкое применение в Ираке после окончательного разгрома Турции⁷⁶. Английские оккупанты стремились укрепить власть шейхов, хорошо понимая, что «и отношение и действия племен почти целиком зависели от их наиболее влиятельных вождей». В каждом племени англичане признавали одного главного шейха, как, например, в районе Сук эш-Шуюха, где Диксон, помощник политического офицера, сумел за 1916—1917 гг. добиться сосредоточения власти в руках одного шейха в каждом из 22 племен [243, стр. 94].

⁷⁵ О Роберте Сандемане англичане писали: «Каждый великий колониальный правитель, умышленно или неумышленно, брал его себе примером или был верным его последователем» [384а, стр. 60].

⁷⁶ Например, Насирия была оккупирована в июле 1915 г., но до 1918 г. эффективность деятельности английской администрации среди племен была ничтожна из-за их враждебного отношения.

В период своего господства турки опирались на крупных феодалов и шейхов, всячески стремясь помочь им присвоить племенные земли. Однако прогнившему османскому режиму не под силу было преодолеть сопротивление племен. После захвата Ирака Англией британские империалисты решительно встали на сторону местных помещиков и решили официально признать их право на обширные земельные участки. Английские военные власти передали вождям племен и сельским ага законные права на те земли, которые до прихода англичан составляли общую собственность всех членов племени [177, стр. 35]. Впоследствии эти земли шейхи племен стали передавать по наследству [159, стр. 12].

Следовательно, то, что не удалось сделать туркам, сумели осуществить англичане с помощью военной силы и сговора с местными помещиками и шейхами племен. Последним оккупационные власти поручили контроль за порядком, охрану дорог, арест преступников, сбор налогов [363, стр. 177; 243, стр. 95] и т. д. Таким образом, главной опорой английского империализма в Ираке стали помещики и родо-племенная верхушка. При этом, как замечает английская исследовательница Уорринер, англичане были вынуждены опираться на власть помещиков и шейхов в гораздо большей степени, чем это делало турецкое правительство [312, стр. 23].

Ко времени прихода англичан племенная организация настолько сильно разложилась, особенно среди племен, культивировавших рис и финики, что ее можно было восстановить только путем военной поддержки шейхов. Однако как только шейх соглашался опереться на поддержку англичан, он сразу же терял доверие соплеменников [312, стр. 23].

По мере усиления центральной власти и местных органов управления влияние племенной организации ослабевало. Установление прямых связей между мудирами и мелкими землевладельцами по вопросу о земле и земельных доходах все больше и больше вело к передаче контроля над землей мира в руки таких чиновников. Во многих ливах большое число мелких крестьян стало уплачивать свой земельный налог мудирам через серкалов⁷⁷ (управляющих владениями и имуществом отсутствовавших помещиков и шейхов). Процесс распада племен ускорился, член племенной общины стремился обзавестись своим собственным хозяйством [212, стр. 26]. Это явление, разумеется, не было новым. И при турецкой администрации оно наблюдалось там, где власть правительства была эффективной. Но тогда это явление носило более ограниченный характер. Английские мандатные власти всячески старались укрепить авторитет местной администрации, чтобы помешать усилению влияния племен.

⁷⁷ Подробнее о роли серкалов см.: 362, стр. 26.

Таким образом, процесс распада племенной системы, начавшийся в результате возникновения постоянного земледелия, появления рынков сбыта и сравнительно устойчивого политического положения, а также прогресса техники, был еще более ускорен политикой мандатных властей.

Наряду с установлением дружественных отношений с представителями местной знати, английские оккупационные власти огромное внимание уделяли сбору информации относительно доходности оккупированной территории и налаживанию работы фискальных органов.

Упорядочение системы сбора налогов, пришедшей в полное расстройство в конце войны, было неотложной необходимостью, ибо перед оккупационными властями чрезвычайно остро стал вопрос об обеспечении войск фуражом и провиантом. Создать местную базу снабжения — вот что интересовало их первым делом на захваченной территории. Они стремились высвободить драгоценные транспортные средства и переложить бремя военных расходов, непрерывный рост которых вызывал растущее недовольство в самой Англии [223, стр. 96], на плечи местного населения.

Вначале англичане намеревались изменить турецкую податную систему [243, стр. 118], но так как это требовало много времени и определенных финансовых средств, они решили оставить ее в силе, лишь модернизовав для новых условий.

Иракские крестьяне рассматривали приход в страну англчан как первый шаг к избавлению от тяжелого налогового прессы. Английские оккупанты всячески расписывали цивилизаторскую роль, которую должна была сыграть Великобритания в Ираке. Они старались уверить местное население в том, что главной причиной его бедственного положения была турецкая налоговая система, турецкая администрация, поносили эту администрацию, называли турок варварами, обещали избавление от турецкого ига.

На деле же англичане сохранили в неприкосновенном виде турецкую систему внутреннего грабежа. Свое решение они оправдывали недостатком квалифицированного персонала, различием в местных обычаях и условиях, «что делало невозможной любую общую реформу», отсутствием кадастра, недостаточным исследованием края, отсутствием путей сообщения, низким уровнем торговли, отсталостью сельского населения, его нежеланием и неспособностью сотрудничать с правительством в вопросах налогообложения и т. д. и т. п. В силу указанных причин англичане уверяли иракское население в необходимости сохранения существовавшей до их прихода налоговой системы, «как бы громоздка она ни была» [48, стр. 112]. Таким образом, всю вину за сохранение в стране турецкой системы налогообложения англичане свалили на местное население, которое будто бы «не желало и не было способно сотрудничать с прави-

тельством в деле упорядочения и усовершенствования фискальной системы» [48, стр. 109].

Для сбора налогов английские оккупационные власти создали специальное управление (Revenue Department), которое составило одну из ветвей ведомства гражданского уполномоченного по Ираку. Оно находилось под начальством старшего английского чиновника — комиссара по государственным сборам (Revenue Commissioner)⁷⁸, которому помогал англо-индийский секретариат⁷⁹.

Провинциальная налоговая администрация в первые годы оккупации находилась в руках английских политических офицеров и помощников политических офицеров. Именно на них возлагалась вся полнота власти по сбору налогов в казах и ливах.

Большинство английских чиновников, работавших в гражданской администрации, не знало ни арабского, ни курдского языка, не было знакомо с местными условиями. Английские политические чиновники и их помощники, служившие в управлении по доходам, по словам американского исследователя Айрленда, как правило, присваивали себе гораздо больше полномочий, чем им было положено по должности [243, стр. 113]. Тот факт, что сбор налогов был сопряжен с многочисленными злоупотреблениями, не скрывали и сами мандатные власти. Они очень нелестно отзывались об официальном фискальном аппарате. Характеризуя работу департамента доходов, английские власти отмечали чрезвычайно низкий общеобразовательный уровень чиновников фискального аппарата, их крайнюю консервативность и в известных случаях нечестность и склонность к наживе [48, стр. 106].

Сборщики налогов и служащие фискальных органов брали взятки от помещиков и недобирали с них налоги, но зато переоблагали крестьян в свою пользу. Местные власти совсем не контролировали действия чиновников фискального аппарата, точных законов по сбору налогов не существовало. Упорядочение налогообложения началось лишь в последние годы мандата.

В новой системе управления шейхи получили официальную власть. Английская администрация поручила им сбор налогов и сделала их ответственными перед правительством [244, стр. 82]. То обстоятельство, что английские колонизаторы активно помогали феодалам и шейхам племен взysкивать налог с феллахов и рядовых членов племен, не могло не сблизить с ан-

⁷⁸ В первые годы оккупации этот пост занимал Генри Доббс [243, стр. 88].

⁷⁹ Когда было создано иракское королевство и сформировано местное правительство, для сбора налогов был учрежден специальный департамент доходов, который входил в министерство финансов и возглавлялся англичанином — секретарем министра по доходам.

личанами часть феодалов и помещиков, ставших пособниками оккупантов.

Таким образом, в существовавшей во времена турецкого господства фискальной системе фактически ничто не изменилось. Правда, в годы английского мандата должности сборщика налогов уже не продавали с аукциона, как при турках, однако иракские феодалы и шейхи мало чем отличались от турецких откупщиков. Как признавали мандатные власти, «шейхи были приучены к этому при турках, и их трудно отучить». «В Амарской провинции, — говорилось в отчете английского правительства Лиге наций, — до истечения срока английского мандата все еще сохранялась система откупов, вопреки попытке департамента финансов упразднить эту систему и заменить ее научной системой обложения. Министерство внутренних дел всегда приводило веские доводы в пользу сохранения этой системы» [48, стр. 112].

Система откупов сохранялась не только в Амарской ливе, но и в других районах, особенно в кочевых. При помощи этой системы англичане еще теснее смыкались с торгово-ростовщическими кругами и влиятельными феодалами.

Следовательно, законодательные мероприятия англичан не могли дать сколько-нибудь заметных результатов, они не могли создать устойчивые правовые основы в землевладении, с тем чтобы сделать некоторые шаги к ликвидации феодальных пережитков в иракской деревне.

Опираясь на военную силу, англичане уже в первые годы своего господства, сохранив в неприкосновенности турецкую систему налогообложения и старые методы сбора налогов, сумели собрать с местного населения гораздо больше налогов, чем это удавалось сделать самим туркам в предвоенные годы. Например, в 1911/12 г. турки собрали приблизительно 9,7 млн. рупий, или около 690 тыс. ф. ст.⁸⁰, в виде церковной десятины, налога на скот и поземельных налогов. В 1918 г., т. е. уже после захвата Ирака англичанами, по тем же статьям налогов было собрано 15,7 млн. рупий, или 1,1 млн. ф. ст.; в 1919 г. было собрано еще больше — 1,3 млн. ф. ст. [243, стр. 118]⁸¹. Если к этому добавить еще налоги, которые уплачивались крестьянами-издольщиками землевладельцам и принять во внимание те опустошения, которые воюющие стороны произвели на территории Ирака в результате военных действий, станет ясным, до какой степени было разорено иракское крестьянство в первые годы английского господства.

Следует заметить, что английские власти принимали только индийские рупии, которые были пущены в обращение после

⁸⁰ 1 ф. ст. был равен примерно 14 рупиям.

⁸¹ Английский гражданский комиссар Арнольд Вильсон, занимавший этот пост в годы военной оккупации, наперекор фактам утверждает, что англичане собрали гораздо меньше налогов, чем турки [319, стр. 264].

окончания войны, и отказывались принимать турецкие лиры, составлявшие к тому времени только 15% своей нарицательной стоимости [239, стр. 109].

С первых же дней своего господства в Ираке английские империалисты приступили также к сбору натуральных налогов и массовой реквизиции имущества у населения оккупированной территории. В первую очередь они обобрали население плодородных долин среднего Евфрата⁸².

По распоряжению мандатных властей сбор государственных налогов был поручен землевладельцам⁸³. Им предоставлялось право собирать налоги с живших на их землях крестьян, по существу, в неограниченных размерах. Новый метод налогообложения представлял собой лишь слегка видоизмененную форму старой, турецкой откупной системы взимания налогов.

Более сложную проблему представлял сбор налогов с племен. Турецкому правительству нередко приходилось прибегать к военной силе для сбора налогов [262, стр. 319]. В глазах племени налоги были знаком правительственной власти, а уплата налогов рассматривалась как подчинение ей.

Самым распространенным методом сбора налогов в районах расселения племен был сбор по племенному обложению. Непосредственными исполнителями этой акции были шейхи и серкалы, получавшие определенный процент за услуги. Английская администрация старалась распространить этот метод по всей стране [243, стр. 119].

С целью упорядочения системы налогообложения мандатные власти разделили все налоги на четыре группы:

1) так называемые мелкие налоги, включавшие десятину с некоторых природных продуктов и материалов, а также мостовые и паромные сборы и ренту на государственное городское имущество;

2) налог на имущество, представлявший собой налог на «годовую стоимость» городского имущества (он не относился к сельскохозяйственным землям или садам);

3) кода — налог на скот (т. е. на овец и коз, верблюдов и буйволов) вместе с десятиной на продажу рыбы;

4) ашар — налог на сельскохозяйственную продукцию [48, стр. 109].

Рассмотрим эти группы по порядку.

Ряд мелких налогов был в различное время отменен англичанами, а сбор оставшихся налогов в преобладающем числе случаев производился откупщиками. Откуп, как правило,

⁸² Что касается Северного Ирака, то здесь появлению английской администрации помешало курдское восстание, вспыхнувшее в 1919 г. и продолжавшееся с небольшими перерывами почти до 1925 г.

⁸³ Например, как пишет Айрленд, в округе Амара сбор налогов был отдан на откуп крупным землевладельцам на условиях, которые сделали их сторонниками англичан [243, стр. 88].

продавался ежегодно с аукциона. Этими налогами облагались тростник и камыш, чернильный орешек, каучук, лесоматериалы, дрова, известь, уголь и асфальт. Что касается мостового и паромного сборов, то они впервые стали регулироваться законом лишь с 1928 г. Таким образом, сборы за пользование мостами и паромами в течение почти всего мандатного периода были произвольны. Как сообщает официальный отчет английского правительства Лиге наций, несколько раз рассматривалось предложение о полном уничтожении этих сборов в интересах торговли и населения, но каждый раз оно откладывалось «по финансовым соображениям» [48, стр. 108].

Налог на имущество был введен вместо турецкого налога на городское имущество, который в первые годы английской оккупации шел в кассы муниципалитетов. В 1923 г. государство вернуло себе право на этот налог, когда был принят закон о налоге на имущество, предусматривавший обложение годовой арендной стоимости имущества и сбор этого налога государственными чиновниками. В 1926 г. был издан новый закон о налоге на имущество, мало чем отличавшийся от закона 1923 г. [48, стр. 108].

Налог кода также был унаследован от турецкого режима. Это была десятина на ежегодный прирост поголовья скота, а также на продажу рыбы. Он не распространялся на скот, используемый в сельском хозяйстве или (с частичным исключением верблюдов) для транспорта.

После захвата англичанами Басры налог кода был превращен в налог за пользование бойнями, для того чтобы снизить цену мяса для армии. В некоторых районах, например в Южном Ираке, где турки отказались от попыток собирать этот налог, англичане не восстанавливали его до 1919 г. В остальной же части Ирака этот налог взимался регулярно. Размер налога составлял рупию за верблюда и быка, 8 анна за овцу или козу. Только в 1930 г. налог на козу был снижен до 6 анна.

Этот налог был очень тяжелым для крестьян, и его сбор обычно встречал сопротивление. Была сделана попытка заменить коду высокой пошлиной на вывоз шерсти, но, столкнувшись с самого начала с серьезными трудностями, мандатные власти были вынуждены восстановить прежнее положение. В своем отчете Лиге наций английское правительство утверждало, будто метод ежегодного подсчета облагаемого скота был стандартизирован во всех ливах. Однако из того же отчета становится ясным, что в некоторых ливах, например в Амарской, все еще существовала система откупов, обложение твердой суммой, причем сам сбор налога был передан в руки шейхов племен [48, стр. 109].

Налог на сельскохозяйственную продукцию, составлявший наряду с таможенными сборами основной источник дохода правительства, рассматривался английскими ман-

датными властями как часть земельного налога, собираемого на основе верховной собственности государства на землю. Они старались даже оправдать это решение и подвести под него теоретический базис. «Турки применяли издольную систему налогов, — говорилось в английском официальном отчете. — Политика, которую отражает английское законодательство, стремится юридически сохранить старинную популярную теорию, что правительство имеет право на долю сельскохозяйственной и природной продукции» [48, стр. 111].

В исследуемое время в Ираке практиковались 11 методов обложения урожая. Как указывается в официальном отчете, наиболее распространенными были методы глазомерной оценки урожая с определенной площади, измерения веревкой (при обложении риса и хлопка в ливе Дивания) и простого подсчета (для финиковых пальм) [48, стр. 112].

Ниже приведены данные, показывающие, как распределялись в среднем доходы от земли в Ираке в 1921—1929 гг. [212, стр. 13].

Сельскохозяйственные культуры	Тыс. рупий	%
Яровые	3 904	30,6
Озимые	5 594	45,9
Финики	2 013	15,3
Овощи	523	3,8
Фрукты	301	2,3
Табак	248	1,9
Прочие	35	0,2
Итого	12 618	100,0

Десятичный налог-ашар в период английского господства фактически достигал 14%. В своем отчете английское правительство указывало, что и турки никогда не придерживались точной десятины [48, стр. 110]. Однако вряд ли эта ссылка может оправдать увеличение англичанами ашара.

Существование таких феодальных налогов, как ашар, сохранившийся со времен средневековья, создавало значительные препятствия для увеличения товарности сельского хозяйства и развития капиталистических отношений в деревне, способствовало усилению эксплуатации крестьянских масс.

Такой же жестокой эксплуатации подвергались и рядовые члены арабских племен со стороны своих вождей. Некоторые буржуазные авторы стараются доказать, будто между бедунном и его шейхом не было отношений экономического господства и будто бедунское племя символизировало «братское сотрудничество» и с экономической точки зрения. Однако на деле все обстояло иначе. В Ираке экономические различия между шейхами и рядовыми членами племен проявились более ост-

ро, чем в других арабских странах. Нередко можно было встретить шейха, владевшего американским автомобилем и жившего во дворце, в то время как некоторые его собратья по племени находились на грани голодной смерти. Эти экономические различия приводили к неравенству и в социальных отношениях, что в конечном счете обуславливало политическое господство шейха над соплеменниками.

Богатые и влиятельные шейхи имели обширные земли, для обработки которых они нанимали сотни своих соплеменников. В результате средний годовой доход богатого шейха в некоторых районах достигал 27 тыс. рупий, в то время как рядовой член племени получал не более 210 рупий [135, стр. 69]. Таким образом, один член племени жил в роскоши, другой — в страшной бедности.

Взаимоотношения шейха с соплеменниками во многом определялись и системой земельной аренды и налогообложения. Как было уже отмечено, шейху была предоставлена официальная власть и он стал лицом, ответственным перед правительством за уплату налогов. Кроме того, ему (или городскому землевладельцу) принадлежало обычно право собственности на землю, а члены племени были просто крестьянами-работниками, трудившимися на шейха и получавшими за это определенную часть урожая.

Существовало несколько категорий дележа урожая. Основными среди них были следующие:

1) если земля, находившаяся в пользовании шейха, принадлежала государству и если шейх сам платил за семена, то треть урожая шла правительству, треть — шейху и треть — члену племени (непосредственному производителю); если шейх не платил за семена, его доля составляла одну шестую урожая, а остальную часть после вычета доли урожая, отдававшейся правительству (также одна треть), получал член племени; следовательно, в этом случае работнику доставалась половина урожая;

2) если право на землю принадлежало всему племени, а земля была записана на имя шейха, то шейх получал десятую часть, а остальное после вычета трети урожая, переходившей в распоряжение правительства, получал феллах;

3) если земля принадлежала шейху, то правительство получало пятую часть урожая, а землевладелец и феллах — по две пятых ⁸⁴.

При сборе налогов шейхи, как правило, старались урвать для себя как можно больше. Количество сельскохозяйственных продуктов, которое они отбирали в качестве доли правительства, всегда было больше того, что ему отправлялось. Иногда

⁸⁴ Эти данные взяты из письма шейха Хасана ас-Сухайла из племени бани тамим от 9 октября 1931 г. [244, стр. 83].

правительство уменьшало налоги, однако шейхи продолжали облагать соплеменников в соответствии со старым положением, забирая себе разницу [244, стр. 83].

Помимо того, что феллах-арендатор должен был отдавать большую часть урожая шейху и правительству, он обязан был внести задаток наличными серкалу. Он должен был также отдать шейху помимо причитающейся тому доли следующее количество продуктов: 25 кг (мани) от каждых 2 тыс. кг (тгар) риса для слуги шейха; столько же продуктов человеку, которого шейх назначал для наблюдения за распределением воды, и мулле; 50 кг от каждых 2 тыс. кг — для гостей шейха [219, стр. 79]. Для того чтобы внести задаток серкалу и прожить до урожая, арендатор вынужден был занимать деньги. В конце мандатного периода городские землевладельцы, разбогатевшие в районах насосного орошения, стали предлагать относительно крупные займы членам племен [48, стр. 240].

Таким образом, рядовой член племени, сталкиваясь с новыми условиями, стоял перед серьезными экономическими проблемами, которые он не мог решить вследствие своего угнетенного положения и полной зависимости от вождя племени.

Следует заметить, что многие шейхи, хотя и были довольны своей судьбой, чувствовали неуверенность и шаткость своего положения. Правительство часто смещало шейха и заменяло его другим, более сговорчивым [244, стр. 85]. Смещенный шейх разорялся и попадал в страшную бедность. Поэтому шейх, особенно если он находился на государственной земле, должен был проявлять лояльность по отношению к правительству [219, стр. 111]. Часто шейхи жаловались на то, что им приходилось платить налоги деньгами, в то время как доход они получали натурой. Эти жалобы участились в годы аграрного кризиса, когда цены на сельскохозяйственные продукты сильно упали. Недовольство шейхов вызывала и оценка продукции, осуществлявшаяся государственными чиновниками [244, стр. 85].

За исключением двух налогов, военного и подоходного, англичане сохранили все налоги, существовавшие в период турецкого господства. Они служили основным источником доходов подмандатного Ирака и, говоря словами К. Маркса, являлись экономическим воплощением его существования [11, стр. 309] в исследуемый период.

В 1927 г. мандатные власти издали специальный закон о сельскохозяйственных землях (закон № 42), согласно которому налог с земель тапу, мульк и «истинный вакф» (рассматривавшийся как налог на урожай) устанавливался на землях, орошаемых подъемными механизмами, в размере 10%, а на государственных землях, орошаемых самотеком, — 20%. Налог с государственных земель был снижен с 27,5—52,5% (1913 г.) до 12,5—30% урожая в зависимости от расположения участков и

выращиваемой культуры [56, стр. 30]. Этим англичане расположили к себе крупных землевладельцев.

Формально налогами должны были облагаться все граждане Ирака равномерно, однако при обложении фактически исходили из классового принципа. Крупные феодалы и влиятельные торговцы и ростовщики платили незначительные налоги или совсем не платили. Они фактически обходили, а то и бойкотировали правительственные законы. Это констатировали и сами англичане. В официальном отчете британского правительства Лиге наций говорится: «Сбор налогов с наиболее влиятельных домовладельцев обычно представлял большие трудности; собственно говоря, даже до настоящего времени получение платежей с таких лиц в необходимом размере и в срок оказалось задачей, превышающей силы мутасаррифов» [48, стр. 108].

Попустительство мандатных властей по отношению к феодалам, влиятельным шейхам, крупным торговцам и ростовщикам легко объяснимо. В области налоговой политики английский империализм хорошо усвоил принципы фискальной системы османского военно-феодального государства, лишь несколько приспособив их к собственным интересам. Англичане, которые были «бессильны» против крупных феодалов, с помощью вооруженных отрядов жестоко подавляли крестьянские волнения, взимая налоги и недоимки. Так, поступили, например, с крестьянами ливы Мунтафик в 1928 г., так действовали в Курдистане, где войска, по словам английского официального отчета, систематически занимались полезным трудом, а именно — шли в деревни помогать сборщикам налогов [48, стр. 111; 19а, стр. 301].

Как видим, создание нового королевства укрепило позиции феодалов и шейхов, дав им юридически закрепленную собственность на землю и представительство в парламенте. Они получили в государстве привилегированное положение, не взяв на себя никаких обязательств по отношению к нему [172, стр. 209].

Данные, приведенные в официальных источниках, позволяют сделать вывод об исключительно быстрых темпах роста налоговых поступлений. Например, если в 1911 г. они составляли 121 лакх рупий, то уже через 20 лет они равнялись 158 лакхам. Накануне первой мировой войны таможенные и акцизные сборы приносили доход в 54 лакха рупий, а в 1930 г. — 276 [19а, стр. 306]. Если принять во внимание, что доходы трудящихся не увеличиваются пропорционально росту дороговизны, а всегда сильно отстают, и если иметь в виду, что в методах обработки земли не произошло никаких улучшений, станет ясным, что вся тяжесть налогов падала на закабаленных и бесправных издолжников, которые при помощи примитивной техники не могли повысить производительность своего труда. Следовательно, реальная тяжесть налогового пресса для иракских трудящихся возросла в несколько раз.

В результате налоговой политики мандатных властей на плечи иракских феллахов и курдских крестьян было возложено непосильное бремя английских колониальных расходов. Кроме того, британский империализм вынудил иракский народ расплатиться также с долгами султанской Турции [48, стр. 127].

Итак, всевозможные налоги и государственные повинности занимали важное место в английской системе эксплуатации иракского трудового населения. Все расходы, связанные с захватом Англией Ирака и установлением там полуколониального режима, покрывались главным образом за счет прямых или косвенных налогов. После захвата Англией Ирака тяжесть налогового бремени для иракских трудящихся не была облегчена. Наоборот, в годы мандата еще более усилилось экономическое ограбление иракских крестьян, кочевников и трудящихся города. Это способствовало не только росту классовых противоречий, но и предопределило развитие антианглийского движения иракских трудящихся.

Следовательно, аграрная политика английских мандатных властей в Ираке была направлена не на изменение средневекового аграрного строя, а на поддержку и консервирование всех пережитков феодализма.

Для управления государственными землями англичане создали специальный департамент.

Не менее трех пятых обрабатываемой земли принадлежало государству, т. е. она не была зарегистрирована как частная собственность. Характер занятия этих земель племенами, отдельными лицами и деревнями различался в разных районах, хотя всюду теоретически речь шла о самовольном занятии.

Точной статистики действительных государственных владений к концу мандатного периода не существовало, так как в большей части страны еще не была проведена кадастровая съемка. Споры о границах и даже об элементарных правах владения или держания были самым обычным делом, и многие имения были зарегистрированы под множеством неустановившихся местных названий, что порождало бесконечные тяжбы. Кроме того, на большей части Ирака не было даже грубо установленных топографических границ, а те, которые упоминались в официальных документах, часто были нераспознаваемы [48, стр. 125].

Департамент государственных земель не сумел создать определенных отношений с теми, кто занимал имения (в форме отношений владельца земли и арендатора), не создал механизма сдачи в аренду, не установил арендной платы и вообще не выяснил права на землю и воду, принадлежащие государству. Широкое расхождение между теорией и практикой в вопросах землевладения, отсутствие карт, нечеткость работы местных чиновников, от которых он должен был получать информацию, отсутствие утвержденной земельной политики или хотя бы форму-

лы, означающей признание или непризнание обычных форм претензий на землю, отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров, а главное — враждебное отношение населения Ирака к английским властям, вот далеко не полный перечень причин, объясняющих, почему департамент государственных земель не смог фактически ничего сделать [48, стр. 126].

В годы мандата на развитие сельского хозяйства Ирака расходовалось лишь около 1% бюджетных средств [255, стр. 48]. Министерство ирригации и сельского хозяйства, образованное в 1924 г., было ликвидировано в 1931 г. по «политическим и финансовым соображениям» [48, стр. 191].

Бюджетные ассигнования для департамента сельского хозяйства (не считая сумм, выделявшихся для борьбы с саранчой, на сельскохозяйственное образование и на улучшение методов выращивания табака) с каждым годом сокращались (с 687 тыс. ф. ст. в 1921/22 финансовом году до 254,1 тыс. в 1930/31 г.).

Штат квалифицированных чиновников в департаменте ко времени окончания мандатного правления состоял всего из двух англичан, одного индийца и восьми иракцев [48, стр. 191].

Экспорт основных сельскохозяйственных культур был монополизирован англичанами. Английские предприниматели извлекали высокие прибыли, не вкладывая средств в развитие самого сельского хозяйства.

Больше всего англичане интересовались хлопком.

В первые послевоенные годы в Англии строились широкие планы использования Ирака как хлопковой базы. Еще в 1918 г. в Ираке под руководством английского специалиста по хлопководству была основана опытная ферма. В 1919 г. образцы иракского хлопка были привезены в Англию; они вызвали там большой интерес. После этого британская хлопководческая ассоциация направила в Ирак специальную миссию.

В 1920 г. ассоциация построила в Ираке хлопкоочистительный завод. В том же году хлопчатник был посеян на площади 200 акров. Урожай составил 1250 ф. семенного хлопка с акра [48, стр. 194]. Для дальнейших посевов хлопчатника были избраны районы каналов на левом берегу Евфрата и в бассейне Диялы.

Начался своеобразный хлопковый бум. Английские советники, чиновники, представители британских фирм стремились обзавестись в Ираке земельной собственностью. По официальным данным, иностранцам было продано более 2 тыс. участков. Крупные участки отводились под английские хлопководческие концессии. В некоторых концессиях участвовали богатые иракские помещики, в том числе члены правительства [119, стр. 85]. В 1924 г. был получен урожай в 2400 кип⁸⁵. Британская хлопководческая ассоциация стала назначать цену на хлопок в за-

⁸⁵ Одна хлопковая кипа равна примерно 181 кг.

висимости от сорта, а не покупать его по средней цене, как раньше [48, стр. 195]. Максимальный урожай был собран в 1928 г. Вторжение саранчи из Неджда и начавшийся аграрный кризис привели к сокращению посевных площадей в 1929 и 1930 гг. Сбор хлопка за мандатный период составил (в кипах) [48, стр. 195; 223, стр. 248]:

1921 г.	60	1926 г.	3509
1922 г.	300	1927 г.	1800
1923 г.	1100	1928 г.	5202
1924 г.	2400	1929 г.	4749
1925 г.	2540	1930 г.	3137

Как показывают цифры, хлопководство в годы мандата не получило большого развития; оно требовало огромных капитальных затрат на ирригационные сооружения, а англичане не желали вкладывать средства в развитие сельскохозяйственного производства.

Такая же судьба постигла и шелководство. Еще накануне войны турецкое правительство приняло поощрительные меры для восстановления древнего шелкового производства в Багдаде. Из Бурсы была ввезена грена, и шелководство стало успешно развиваться, главным образом в районе Баакубы.

Война уничтожила только что наладившееся производство. В 1920 г. была ввезена новая грена, но результаты пропали во время восстания 1920 г. В следующем году все пришлось начинать сызнова.

В 1922 г. англичане открыли в Баакубе шелководческую опытную станцию. Она снабжала греной местное производство; одновременно ее сотрудники вели поиски наилучших видов шелкопряда для местных условий [48, стр. 197].

К 1924 г. производство шелка-сырца уже удовлетворяло местный спрос. В 1925 г. шелка было произведено на 11,5 тыс. рупий, в 1926 г. — на 35 тыс. [109, стр. 211].

В поисках сбыта для избыточного продукта была изучена окупаемость экспорта сухих коконов. Коконы разматывались на Кипре, а шелк прядся и ткался в Англии. Результаты оказались для англичан разочаровывающими с финансовой стороны, и на этом развитие шелководства приостановилось [48, стр. 198].

Мандатные власти мало внимания уделяли техническому перевооружению иракского сельского хозяйства. Почти до конца существования мандатного режима основная масса крестьянства для обработки земли употребляла ручное орудие, напоминающее мотыгу. И только в наиболее зажиточных хозяйствах пользовались примитивной деревянной сохой и буйволами как тягловой силой.

Для сельского хозяйства Ирака орошение играло решающую роль. Накануне английского завоевания оросительная система находилась в запущенном состоянии. Магистральные каналы

были разрушены, реки засорились и заносились илом, многие противопаводковые дамбы были недостаточно укреплены или неправильно расположены. Население боролось с этим как могло: сооружало небольшие оросительные каналы, строило речные плотины из ветвей и камыша. Приход англичан ничего не изменил.

Лишь в 1924 г. в результате настойчивых требований иракского сельского населения дело сдвинулось с мертвой точки. По «совету» английских властей иракское правительство решило начать ирригационное строительство на частных началах. С этой целью оно выдало частным предпринимателям концессию на ирригационное строительство в Центральном Ираке. Однако работы начались только в 1930 г. [48, стр. 180].

В Басре в 1921 г. под нажимом местных помещиков был создан филиал департамента ирригации, но в 1922 г. он был распущен из-за того, что число желающих воспользоваться его услугами оказалось слишком мало. В 1926 г. его создали вновь. Он принял меры для очистки нескольких речек, орошавших финиковые плантации. В 1929 г. его работа полностью прекратилась [48, стр. 181].

Только к концу мандатного периода были приняты кое-какие меры по ремонту и перестройке существующих плотин и каналов.

В 1928 г. в ливе Дияля была сооружена постоянная запруда в русле р. Диялы. Были удлинены каналы Махрут, Хирасан и Халис, улучшено регулирование потребления вод р. Диялы. В ливе Багдад были усилены дамбы на р. Тигр. Были также сооружены дополнительные каналы, что в известной степени способствовало расширению прибрежного сельского хозяйства. Однако радикальные меры для отвода угрозы затопления иракской столицы так и не были приняты. То же самое можно сказать и об Амаре [48, стр. 185].

В целом развитию ирригации в годы мандата почти не уделялось внимания. Об этом свидетельствует и мизерность средств, которые выделялись мандатными властями на финансирование ирригационного строительства: в бюджетах с 1921 по 1930 г. доля департамента ирригации в общих национальных расходах составляла от 4 до 7,6% [48, стр. 182]. Для сравнения отметим, что в бюджете египетского правительства на 1929 г. на ирригацию было ассигновано 12,7% всех расходов. Следовательно, даже в такой отсталой стране, как Египет, превращенный Англией в полуколонию, на ирригацию выделялся значительно более высокий процент бюджетных средств, чем в Ираке.

Развитию ирригации препятствовала и нехватка квалифицированных кадров. В 1921 г. была создана школа для подготовки мелиораторов. За последние семь лет английского мандатного режима департамент ирригации получил из этой школы всего 32 технических работника, в их числе 23 араба.

Отсутствие государственной упорядоченной системы орошения, запущенность существующих плотин и каналов делали особенно важным орошение полей при помощи насосов. В условиях помещичьего землевладения это способствовало дальнейшему закабалению крестьянства помещиками, феодално-племенной верхушкой и торгово-ростовщическим капиталом.

Еще до 1914 г. в Ираке имелось значительное количество насосов для орошения. В годы мандата большое распространение получили механические насосы с двигателями, работающими на нефтяном топливе. Сравнительно низкие цены на горючее и высокие цены на зерно и хлопок, существовавшие в течение почти всего мандатного периода, привели к значительному увеличению числа насосов. Если в 1921 г. в Ираке было 140 насосов [119, стр. 69], то к концу 1927 г. их стало уже 2047. В последние годы мандатного периода появились признаки ослабления спроса на установку насосов. Общая мощность их составляла к тому времени около 54 тыс. л. с. При помощи насосов орошалось около 40 тыс. га озимых культур [48, стр. 185].

В экономическом гнете подмандатного Ирака важное место занимало и его финансовое закабаление Англией. Эта задача была возложена на департамент финансов, который фактически контролировал бюджет Ирака.

Бюджет Ирака за время с 1921 по 1930 г. характеризуется следующими цифрами (в лакхах рупий) [223, стр. 241]:

Финансовый год	Расходы	Доходы	Дефицит	Остаток
1921/22	572,13	528,25	43,88	—
1922/23	485,82	474,67	11,15	—
1923/24	424,26	509,41	—	85,15
1924/25	464,85	527,33	—	62,48
1925/26	513,38	581,02	—	67,64
1926/27	536,72	567,00	—	30,28
1927/28	569,93	590,97	—	21,04
1928/29	599,01	594,44	4,57	—
1929/30	576,66	574,61	2,05	—

Главнейшими доходными статьями бюджета были таможенные сборы, акцизы и налоги — соответственно 43,4 и 30,4% всех доходов [109, стр. 218].

На финансирование народного хозяйства мандатные власти выделяли не более 15—16% расходной части бюджета, на социальные мероприятия — не более 9%, на народное просвещение — лишь 3—4%, на здравоохранение — 5—6%. Зато ассигнования на министерства внутренних дел и юстиции и департамент тюрем составляли в среднем 12,7%, а на полицию — 14%, т. е. в сумме больше четверти расходной части бюджета.

Со времен английской военной оккупации в обращении в Ираке находились индийские рупии. Существование в стране иностранной денежной системы вызывало законное недовольство иракского народа. К тому же вся тяжесть по поддержа-

нию стоимости рупии лежала на иракском казначействе, между тем как доходы получали колониальные власти Индии. Естественно, что и местная арабская буржуазия тоже требовала введения национальной валюты.

В 1926 г. был выдвинут план создания иракской валюты, базирующейся на фунте стерлингов и контролируемой лондонским Валютным бюро. В 1927 г. иракское правительство отвергло этот план и приняло решение учредить Национальный банк, обладающий монополией на выпуск банкнот. В марте 1930 г. был подготовлен проект закона о введении иракской денежной единицы. Однако утвержден он был только через год. Стандартной единицей иракской валюты стал динар, равный по стоимости фунту стерлингов.

Мандатные власти приняли некоторые меры для развития железнодорожного транспорта, стремясь облегчить тем самым проникновение в Ирак английского капитала и английских товаров, а также эксплуатацию природных ресурсов края.

Еще во время войны англичане продолжили до Шарката линию Багдад — Самарра. В годы мандата они провели от Багдадской железной дороги ветку на Кифри, Киркук и далее на Мосул.

Все железные дороги Ирака до конца мандатного периода принадлежали Англии [223, стр. 254]. Соглашение об их выкупе иракским правительством было достигнуто после отмены мандата. Управлялись они также англичанами.

Большое внимание мандатные власти уделяли постройке стратегических шоссейных дорог. Было начато строительство дороги Багдад — Дамаск длиной около 800 км, которая должна была связать Ирак с Сирией.

Для быстрой переброски десантных войск на случай антианглийского восстания мандатные власти установили постоянное воздушное сообщение между Каиром и Багдадом.

ЧАСТЬ III.

АРАБСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ АНГЛИЙСКОГО МАНДАТА

ГЛАВА I.

БОРЬБА ПРОТИВ ЗАКЛЮЧЕНИЯ АНГЛО-ИРАКСКОГО ДОГОВОРА 1922 г.

В ноябре 1921 г. представитель Англии Фишер заявил в Лиге наций, что наилучшим способом выполнить свои обязанности перед Лигой Англия считает заключение договора с Ираком [288, стр. 94].

Итак, английское правительство решило, что отношения между обоими государствами следует определить не в обычной мандатной форме, как предполагалось первоначально, а в форме договора, условия которого должны были убедить Лигу в том, что английское правительство действительно способно выполнить свои мандатные обязательства. Намерения англичан состояли не в том, чтобы предлагаемый договор заменил мандат, а скорее в том, чтобы мандат был выражен и осуществлялся в форме договора [41, стр. 4].

К тому времени и сам король Фейсал, который уже не так стремился угодить своим хозяевам, как в Каире, перед лицом растущей народной оппозиции начал требовать, чтобы английский мандат был заменен двусторонним договором, согласно английским обещаниям. Однако англичане дали ему понять, что предполагаемый договор может появиться только в рамках и на основе мандата [271, стр. 80].

Переговоры о его заключении затянулись из-за разногласий между сторонами. Иракское правительство возражало против ст. 18 договора, которая определяла срок его действия в 20 лет, причем английский мандат должен был оставаться в течение всего этого срока [353, стр. 36; 351, стр. 136—137]. Обнаружив, что договор содержит условия, которые давали английскому правительству возможность пользоваться такими правами, какие были определены в мандате Лиги наций, Фейсал и Абд ар-Рахман аль-Гайлани выразили свое несогласие¹. В конце концов было решено отложить обсуждение этого вопроса.

¹ В июне 1922 г. Гертруда Белл сообщала, что Фейсал и Абд ар-Рахман аль-Гайлани объявили во всеуслышание о том, что они никогда не согласятся на мандат [199, т. II, стр. 643].

Как только в Багдаде стало известно о тайных переговорах иракского правительства с мандатными властями, иракские националисты наводнили столицу петициями протеста [44, стр. 11]. Среди арабских чиновников появилась антианглийская оппозиция. Они отказывались подчиняться указаниям английских советников.

24 мая 1922 г. редактор газеты «Муфид»² Ибрагим Хильми опубликовал телеграмму, направленную вождем шиитского духовенства Махди аль-Халиси одному из своих последователей. В ней шиитский вождь резко критиковал договор, обсуждаемый тайно между английским и иракским правительствами. Выступление Махди аль-Халиси еще больше накалило политическую атмосферу и послужило поводом для нового подъема антианглийского движения.

28 мая левые патриотические силы организовали мощную демонстрацию в Багдаде. Демонстранты требовали отказа Ирака от английского мандата, признания Англией официально окончания мандатного режима в Ираке, свободы слова, печати и собраний [356, стр. 19].

На следующий день, 29 мая, министерство внутренних дел опубликовало официальное заявление, в котором уведомляло население о том, что между английским и иракским правительствами ведутся переговоры «самого дружеского характера», и выражало надежду разрешить вопрос в ближайшее время [44, стр. 12].

По указанию шейха Махди аль-Халиси оппозиция устроила в столице демонстрацию протеста. В городе были закрыты базары, лавки и мастерские.

Результатом антианглийской агитации было почти полное прекращение деятельности местной администрации в ливах. Начали появляться серьезные симптомы народного волнения, и сбор налогов, «верный показатель авторитета правительства, упал до нуля в этих районах» [44, стр. 13].

25 июня Государственный совет закончил обсуждение договора и принял его с некоторыми оговорками³. Лидер националистических сил Мухаммед Джафар Абу ат-Тимман в знак протеста против этого решения вышел в отставку [357, ч. 2]. В это же время из ливы Хилла в Багдад прибыли патриотически настроенные шейхи племен. Под влиянием размаха антианглийского движения в стране и по призыву багдадских патриотов и религиозных вождей из Кербелы и Неджефа жители Мунтафика тоже приняли активное участие в антианглийских выступлениях. По требованию населения был отозван мутасар-

² «Муфид» был органом шиитского духовенства; газета издавалась с 11 апреля 1922 г. [356а, стр. 71].

³ В частности, Государственный совет решил, что договор не должен быть ратифицирован обеими сторонами, пока его не одобрит Учредительное собрание [44, стр. 13].

риф Мунтафика. Положение в Мунтафике становилось все более угрожающим для господства англичан.

Борьба против заключения кабального англо-иракского договора приняла всенародный характер в ливах Хилла, Дулайм, Неджеф и Дияла [263, стр. 141]. Руководители национально-освободительного движения вели активную агитацию против договора и в других ливах страны. По всему Ираку борьба против англо-иракского договора стала синонимом антианглийской борьбы.

Под давлением народных выступлений и требований националистов власти издали 2 июля 1922 г. закон об ассоциациях. Уже в августе были образованы две партии: «Аль-Хизб аль-ватани аль-иракий»⁴ («Иракская национальная партия») и «Аль-Хизб ан-нахда аль-иракийя» («Партия иракского возрождения») [357, ч. 1, стр. 83]. Несмотря на различие своих программ, обе партии требовали предоставления Ираку независимости, выступали против английского вмешательства во внутренние дела страны и против заключения англо-иракского договора [351, стр. 81].

В противовес левым патриотическим силам 3 сентября 1922 г. была создана крайне правая проанглийская партия «Аль-Хизб аль-хуррия аль-иракий» («Иракская партия свободы»). Ее поддерживала большая группа проанглийски настроенных шейхов в ливах Мунтафик и Хилла.

После создания политических партий, особенно «Аль-Хизб аль-ватани аль-иракий», национально-освободительное движение приняло более организованный характер.

4 августа начались новые антианглийские выступления. В Неджефе был созван большой митинг, на котором была вынесена резолюция, требовавшая отставки правительства, отказа от англо-иракского договора, права создания политических обществ, свободы слова и собраний. Эти требования сопровождались угрозой бойкота выборов в Учредительное собрание [357, ч. 1, стр. 84; 263, стр. 141].

Новая волна народного гнева охватила районы среднего Евфрата и Багдад. В первых числах августа в столице Ирака были устроены демонстрации. Вожди левых националистов направили Фейсалу и английскому верховному комиссару телеграмму протеста. Они потребовали, чтобы король отверг мандат и чтобы английское правительство издало официальную декларацию об окончании мандатного режима в Ираке. В телеграмме указывалось, что любое правительство, которое одобрит договор, должно подать в отставку [337а, ч. 1, стр. 296; 352, ч. 2, стр. 12].

⁴ Еще в 1921 г., после коронования Фейсала, Абу ат-Тимман обратился в министерство внутренних дел с просьбой разрешить формирование политической партии и только 2 августа 1922 г. было официально разрешено создание «Аль-Хизб аль-ватани аль-иракий» [352, стр. 253—254].

Митинги и демонстрации протеста ускорили падение кабинета аль-Гайлани [351, стр. 81]. Иракские националисты выступили с требованием сформировать новое правительство из членов оппозиционных партий во главе с лидером «Аль-Хизб ан-нахда аль-иракийя» Мухаммедом ас-Садром [263, стр. 141].

19 августа 1922 г. Мухаммед ас-Садр опубликовал в газете «Муфид» манифест, в котором призвал патриотов продолжать борьбу за независимость страны [356а, стр. 71]. Вести из лив носили тревожный для англичан характер. В Мунтафике общественное спокойствие было крайне неустойчиво. Волнения вновь охватили Хиллу, Неджеф и Кербелу. В ливе Дулайм по призыву багдадских патриотов начались выступления против местных верховных шейхов, которые активно сотрудничали с английскими властями и правительством аль-Гайлани.

20 и 21 августа «Аль-Хизб аль-ватани аль-иракий»⁵ и «Аль-Хизб ан-нахда аль-иракийя» устроили общее собрание под председательством Мухаммеда ас-Садра и приняли решение представить королю Фейсалу декларацию протеста против установления мандатного режима и заключения договора с Англией; они сурово критиковали английскую политику в Ираке и требовали ограничения прав английских чиновников. Эта декларация была опубликована в газетах «Муфид» и «Рафидан» [357, ч. 1, стр. 83].

23 августа 1922 г., в день годовщины восшествия Фейсала на престол, множество демонстрантов направилось к королевскому дворцу [351, стр. 82—83]. Руководители оппозиционных партий устроили дело так, что получили право представиться королю и вручить ему свои требования перед самым прибытием английского верховного комиссара Перси Кокса. Когда появился Перси Кокс, демонстранты встретили его криками «долой англичан», «долой мандат» [357, ч. 1, стр. 84], а лидеры иракских патриотов вышли на балкон королевского дворца и обратились к народу со своей декларацией. Собравшиеся перед дворцом ремесленники, учащиеся, представители интеллигенции встретили их бурными рукоплесканиями [44, стр. 18]. Демонстрация вызвала большое недовольство английского верховного комиссара, он расценил ее как нарушение «общественного спокойствия». Чтобы не дать возможности антианглийскому движению распространиться по Ираку, Перси Кокс взял всю полноту исполнительной власти в стране в свои руки [243, стр. 359].

26 августа верховный комиссар издал приказ об аресте и высылке из Багдада на о. Хенджам (в устье Шатт эль-Араба) лидеров иракских патриотов Джафара Абу ат-Тиммана, Хамди Пачачи, шейха Махди аль-Басира, Мухаммеда ас-Садра, шейха Мухаммеда (сына Махди аль-Халиси) и других [347, стр. 11; 357, ч. 1, стр. 85]. Одновременно были запрещены «Аль-Хизб

⁵ Руководящий центр этой партии находился в Багдаде, а «Аль-Хизб ан-нахда аль-иракийя» — в Казимии [351, стр. 71].

аль-ватани аль-иракий» и «Аль-Хизб ан-нахда аль-иракийя», закрыты газеты «Муфид» и «Рафидан»; редакторы этих газет были арестованы и высланы в Иран [361а, стр. 178; 356а, стр. 70--71].

Путем репрессий и угроз англичане старались усмирить страну. Они не останавливались ни перед чем. В районах среднего Евфрата английские самолеты подвергли жестокой бомбардировке племена, открыто выступавшие против установления английского господства, а также восставшее население в районе Дивании [44, стр. 21; 263, стр. 142]. После расправы с восставшими власти возобновили сбор налогов и недоимок, почти прекратившийся в предыдущие месяцы.

Подавив выступление оппозиции, английский верховный комиссар сформировал новое правительство, которое и подписало 10 октября 1922 г. англо-иракский договор.

21 октября был издан королевский указ о проведении выборов в Учредительное собрание [357, ч. 1, стр. 99]. Шиитские муджтахиды во главе с шейхами Махди аль-Халиси, Мирзой Хусейном ан-Найни и Абу-ль-Хасаном Али аль-Исфагани издали 8 ноября в шиитских священных городах (Кербеле, Неджефе и Казимии) фетвы, в которых призвали население бойкотировать выборы [243, стр. 391—392]. Шиитские руководители представили правительству следующие требования: 1) отмена существующего мандатного режима; 2) удаление английских советников; 3) возвращение политических ссыльных; 4) провозглашение свободы слова, печати и собраний [357, ч. 1, стр. 58]. Бойкот выборов протекал успешно: регистрация первичных избирателей провалилась, а члены ревизионных комитетов, которые должны были присверять и подписывать регистрационные списки, под давлением общественного мнения отказались выполнять свои обязанности. В Кербеле и Неджефе не было ни одного человека, который бы пожелал стать членом комитета по наблюдению за выборами [387, 8.VIII.1924].

Англичане были вынуждены пойти на уступки. 30 апреля 1923 г. был подписан дополнительный протокол к договору 1922 г. Протокол сокращал срок действия договора с 20 до 4 лет. По истечении указанного срока должны были начаться переговоры о заключении нового договора [351, стр. 188]. Поскольку последний вряд ли мог быть более приемлемым для иракского народа, чем договор 1922 г., в стране продолжало царить возбуждение и недовольство [271, стр. 84]. Иракские патриоты заявляли, что настоящими хозяевами страны являются английские чиновники и что марионеточное арабское правительство обманывает народ [45, стр. 5]. Шиитские лидеры и местная арабская пресса указывали, что в стране не существует свободы, необходимой для проведения выборов.

21 июня 1923 г. в Казимии состоялась антианглийская демонстрация [243, стр. 392], которая затем была разогнана по-

лицей. 23 июня шейх Махди аль-Халиси в знак протеста против полицейского произвола приказал закрыть багдадский базар, а 25 июня вновь обратился к шиитскому населению с призывом продолжать бойкот выборов. Английские империалисты выслали шейха Махди и его приверженцев из страны⁶. Этими репрессивными мерами иракское правительство, по словам английской газеты «Морнинг пост» от 30 июня 1923 г., желало повысить свой престиж и убедить народ в том, что оно существует «реально, а не на бумаге». Одновременно оно надеялось, что указанные меры приведут к значительному уменьшению политического влияния шиитских лидеров.

27 июня шиитские улемы устроили в Неджефе бурную антианглийскую демонстрацию [243, стр. 392]. В городе были закрыты базары, лавки и мастерские, а большая часть шиитских сейидов и студентов-богословов покинула город и уехала в Иран [263, стр. 148—149].

Несмотря на жесткие репрессии, бойкот выборов продолжался, и жители Кербелы, Неджефа и Казимии требовали возвращения высланных шиитов. Новый отказ шиитов участвовать в выборах Учредительного собрания парализовал выборы. Регистрация избирателей среди племен задерживалась.

22 августа 1923 г. под давлением общественного мнения к бойкотирующим присоединились и члены проанглийской партии «Аль-Хизб аль-хуррия аль-иракний» [337а, ч. 2, стр. 292; 352, ч. 2, стр. 32].

В конце лета 1923 г. английское командование направило восставшим арабским племенам на среднем Евфрате ультиматум о сдаче. Однако те отклонили его. В ответ на это правительственные карательные войска во главе с английскими офицерами вступили в непокорную область и разгромили повстанцев. По указанию английских офицеров было разрушено много домов [390, 7.VIII.1924].

В конце осени 1923 г. было сформировано правительство под председательством Джафара аль-Аскари. С целью примирения с шиитскими лидерами новый премьер ввел в состав своего кабинета двух представителей шиитов [45, стр. 13]. После заключения сделки с шиитскими богословами правящей верхушке удалось 25 февраля 1924 г. провести выборы в Учредительное собрание [361а, стр. 109].

25 марта 1924 г. между иракским и английским правительствами были заключены военное, финансовое, юридическое соглашения, а также соглашение об английских чиновниках (см. выше) в развитие отдельных статей договора от 10 октября 1922 г. [353, стр. 62—63].

На основе военного соглашения англичане получали право вербовать добровольцев из жителей Ирака. Иракское прави-

⁶ Шейху Махди аль-Халиси разрешили возвратиться в Ирак только после проведения выборов [203, стр. 234].

тельство обязывалось в случае просьбы командующего военно-воздушными силами оказать всю необходимую помощь для облегчения подобной вербовки и для устранения препятствий. Один из пунктов соглашения был прямо направлен против иракских патриотов: он обязывал иракское правительство провести законодательные акты, предусматривающие задержание и наказание тех лиц, которые своими действиями или выступлениями создавали «опасность и затруднения» для английских вооруженных сил [353, стр. 66].

Финансовое соглашение предусматривало, что дороги, мосты, телеграфные и телефонные линии и ирригационные сооружения, построенные английскими военными властями во время первой мировой войны [271, стр. 84], должны быть переданы Ираку с оценкой в 7 млн. ф. ст., уплачиваемых взносами в течение 20 лет. Согласно ст. 11 этого соглашения, иракское правительство обязалось не чинить никаких препятствий англичанам в деле покупки и перепродажи ими частновладельческих земель или строений. Оно согласилось безвозмездно передать в собственность английских властей пустующие государственные земли для военных целей на срок действия договора [353, стр. 83]. На иракское правительство возлагались расходы по содержанию английского резидентства.

В соответствии с юридическим соглашением иракский суд был лишен права рассматривать дела иностранцев и выдавать ордера на их арест. Председательствовать на всех заседаниях суда, рассматривающего дела иностранцев, мог только английский судья [390, 5.IV.1924].

27 марта 1924 г. наконец собралось Учредительное собрание. Депутатские места в нем были распределены следующим образом: 14 принадлежало ливе Мосул, 11 — Багдад, 11 — Басра, 5 — Киркук, 9 — Мунтафик, 5 — Сулеймания, 5 — Дулайм, 8 — Амадия, 8 — Эрбиль, 6 — Хилла, 9 — Дивания и 5 — ливе Кут [390, 26.II.1924]. Учредительное собрание должно было ратифицировать договор 1922 г. и дополнительные соглашения.

Сразу же после открытия собрания был сформирован комитет из представителей каждой ливы для детального изучения договора и дополнительных соглашений. Большинство членов комитета потребовало внесения существенных поправок в договор и соглашения до их ратификации [352, ч. 2, стр. 76]. Особенно яростным нападкам подверглось финансовое соглашение [378, 12.VI.1924].

Заключение кабальных дополнительных соглашений вызвало в Ираке новый подъем антианглийского движения [382, 21.IV.1924; 387, 21.IV.1924; 378, 22.IV.1924; 386, 22.IV.1924]. Решительное противодействие многих депутатов ратификации Учредительным собранием договора и соглашений вдохновило патриотов на борьбу против английских империалистов.

В Багдаде состоялась бурная демонстрация, направленная

против мандатного режима. Выступлением жителей столицы руководили улемы, которые послали протест мутасаррифу Багдада и потребовали встречи с депутатами Учредительного собрания, чтобы узнать о ходе дебатов. Они доказывали, что Англия не дает определенных гарантий защиты иракских границ и что договор не предусматривает финансовой помощи Ираку. Они отмечали, что Ирак вынужден расходовать громадные средства на расширение своей армии. Багдадские улемы утверждали, что новые соглашения вызовут только банкротство страны и что Англия ставит своей целью экономическое и политическое закабаление Ирака [382, 21.IV.1924; 387, 21.IV.1924]. Багдадские улемы потребовали у депутатов Учредительного собрания отказаться от ратификации кабальных соглашений и договора.

20 апреля иракские патриоты тяжело ранили двух депутатов Учредительного собрания — шейха Ада Джариана и шейха Салтана Барака, сторонников договора и соглашений [356, ч. 2, стр. 85]. На следующий день члены собрания, напуганные происшедшим, по предложению Музахима Пачачи прекратили обсуждение договора и разошлись по домам [357, ч. 1, стр. 156]. Покушение было использовано английскими и местными властями для подавления национально-освободительного движения. В конце апреля иракская полиция арестовала группу багдадских улемов — руководителей антианглийской демонстрации в Багдаде [357, ч. 1, стр. 156]. По всей стране прокатилась волна протестов против ареста патриотов. Жители Мосула и районов среднего Евфрата провели антианглийские митинги. Против них правительство приняло ряд репрессивных мер. Для проведения массовых арестов британский верховный комиссар внес изменения в некоторые статьи закона о защите общественной безопасности [357, ч. 1, стр. 158].

Массовые антианглийские выступления продолжались по всей стране [381, 10.V.1924; 390, 10.V.1924]. Правительство Ирака принимало суровые меры против иракских патриотов. В знак протеста против жестоких репрессий, проводимых правительством, 27 мая вышел в отставку министр просвещения Мухаммед Хасан Абу аль-Мухасин [338а, стр. 82].

29 мая 1924 г., когда Учредительное собрание вновь собралось для обсуждения договора, жители столицы устроили бурную антианглийскую демонстрацию. Багдадские купцы закрыли базары и лавки, а ремесленники — мастерские. Тысячи багдадцев направились к зданию, где заседало Учредительное собрание. Народ окружил здание и потребовал отказа от ратификации ненавистных соглашений и договора [361а, стр. 188]. Когда полиция попыталась разогнать демонстрацию, демонстранты забросали полицейских камнями. По указке англичан Нури ас-Саид, бывший тогда министром обороны, послал на помощь полиции отряд кавалерии. Правительствоные войска и поли-

ция открыли огонь по безоружным людям, только после этого им удалось рассеять демонстрантов [357, ч. 1, стр. 158]. Среди демонстрантов имелись многочисленные жертвы [387, 2.VI.1924]. Были произведены аресты участников демонстрации. Против патриотов был применен действовавший в то время в Ираке турецкий закон о народных собраниях⁷.

По совету англичан министр внутренних дел усилил полицейский надзор за жителями столицы [45, стр. 22]. Жестокими репрессивными мерами английские империалисты и покорное им иракское правительство старались обескровить силы арабского национального движения и запугать депутатов — противников ратификации договора и соглашений.

Учредительное собрание, собравшееся 2 июня для обсуждения договора и соглашений, не сумело прийти ни к какому решению, ибо англичане не согласились ни на одну поправку к договору и соглашениям. Новый английский верховный комиссар Генри Доббс⁸ заявил, что внесение поправок в текст договора и его дополнений после подписания последних противоречит нормам международного права [387, 4.VI.1924].

После отказа англичан выполнить требования депутатов оппозиция вынесла постановление, в котором призвала Учредительное собрание не ратифицировать договор и соглашения до тех пор, пока англичане не вступят в переговоры с иракским правительством для внесения существенных изменений в них. В своем постановлении депутаты требовали также защитить права Ирака в отношении Мосульского вилайета [352, ч. 2, стр. 76]⁹.

Оппозиция нашла горячую поддержку среди населения страны. Багдад находился в состоянии волнения [378, 9.VI.1924]. Английская пресса обвинила иракское правительство в малодушии и призвала его принять решительные меры против оппозиции [390, 7.VI.1924]. Одновременно империалисты старались запугать иракцев хаосом, который, по их мнению, последовал бы за уходом англичан из страны [387, 4.VI.1924]. Несмотря на грубое давление английского верховного комиссара, король Фейсал был не в силах заставить Учредительное собрание согласиться с английскими требованиями. Возможность ратификации англо-иракского договора становилась все более нереальной. Положение обострилось еще и в связи с тем, что в начале июня Англия сорвала переговоры с Турцией по мосульскому вопросу [45, стр. 23]. Этим она желала оказать давление на Лигу наций и иракское Учредительное собрание [388, 8.VI.1924]. Когда весть о провале переговоров достигла Ирака, курдские

⁷ Пункт 6 турецкого закона о народных собраниях запрещал проведение митингов, собраний и демонстраций около здания парламента [356, ч. 1, стр. 158].

⁸ Генри Доббс занял пост верховного комиссара в 1923 г.

⁹ О мосульском вопросе см. ниже.

депутаты отказались принять участие в работе Учредительного собрания, а представители Мосульской ливы потребовали обсуждения вопроса о северных границах страны [390, 9.VI.1924]. Большинство депутатов вновь отказалось ратифицировать договор в том виде, в каком он был представлен на обсуждение [378, 12.VI.1924].

С целью давления на иракское правительство министерство иностранных дел Англии потребовало включения вопроса об Ираке в повестку дня июньской сессии Совета Лиги наций. Английское правительство заявило, что, если договор, обсуждаемый в Учредительном собрании, будет принят, оно попросит Совет Лиги принять договор и признать его как определяющий обязанности Англии после того, как он будет ратифицирован и английским парламентом [45, стр. 22]. Одновременно были использованы все средства воздействия на иракское Учредительное собрание. В начале июня 1924 г. Генри Деббс заявил, что если договор и соглашения не будут ратифицированы до 10 июня, то это будет расценено как отказ от него и английское правительство попросит Лигу наций подтвердить мандат на первоначальных условиях [263, стр. 150; 271, стр. 85]. Английская угроза потерпела провал. 10 июня депутаты Учредительного собрания отказались от голосования и разошлись по домам [271, стр. 85].

Глава иракского правительства и председатель Учредительного собрания напрягли все силы, чтобы вновь собрать депутатов [45, стр. 22], однако все их уговоры оказались бесполезными. Тогда по приказу английского верховного комиссара депутаты, разошедшиеся по домам, насильно были приведены обратно, и в ночь с 10 на 11 июня их заставили голосовать [361а, стр. 109]. Из 100 депутатов англичанам удалось доставить только 69 [271, стр. 85]. Из них за принятие договора и дополнительных соглашений голосовало 37, против 24, 8 депутатов воздержались [263, стр. 151; 352, ч. 1, стр. 83]. Таким образом, фактически за принятие договора голосовала только третья часть членов Учредительного собрания. И даже чтобы достичь таких результатов, англичанам пришлось одного из лидеров оппозиции — Ясна аль-Хашими — подкупить обещанием того, что после одобрения договора он станет премьер-министром. Так англичанам удалось при помощи шантажа, угроз и подкупа достичь желаемых результатов.

В резолюции, принятой по поводу ратификации договора, говорилось: «...Учредительное собрание рекомендует, чтобы его величество король ратифицировал договор, протокол и соглашения, при условии, что немедленно после ратификации его величество должен начать переговоры с британским правительством для обеспечения внесения поправок, предложенных комитетом Учредительного собрания. Этот договор и дополнительные соглашения потеряют действительную силу, если английское

правительство не будет полностью соблюдать прав Ирака в отношении Мосульского вилайета» [356, ч. 3, стр. 100].

Комментируя итоги закончившегося голосования в Учредительном собрании, английская «Дейли геральд» писала: «Ирак выдержал битву за независимость с честью. Вне всякого сомнения, он показал, что страна не хочет договора; он продемонстрировал, что страна всеми силами протестует против режима короля Фейсала, навязанного ей в 1921 г.» [378, 5.VII.1924].

Даже в официальном правительственном докладе англичане признавали, что «Учредительное собрание очень неохотно согласилось на договор, что оно не скрывало своего отвращения к его мандатному характеру и что такое отношение к договору отражалось на деятельности всех следовавших одно за другим иракских правительств» [48, стр. 27].

После обсуждения проекта конституции и принятия нового избирательного закона Учредительное собрание в начале августа 1924 г. было распущено [45, стр. 23].

27 сентября 1924 г. Совет Лиги наций одобрил договор и дополнительные соглашения как адекватную замену мандата, по которому Англии было предложено управлять Ираком [271, стр. 86]¹⁰. В своем постановлении Совет отметил, что цель договора — обеспечить полное соблюдение и выполнение в Ираке принципов, гарантией которых должен был служить мандат¹¹.

2 августа правительство Джафара аль-Аскарри подало в отставку [357, ч. 1, стр. 142]. Король Фейсал поручил формирование нового кабинета одному из бывших лидеров оппозиции — Ясину аль-Хашими [356, ч. 3, стр. 58], который сумел найти общий язык с англичанами.

Программа правительства предусматривала скорое обнародование конституции и выборы в парламент. Хотя новое правительство и стояло за тесное сотрудничество с англичанами, оно потребовало пересмотра англо-иракского договора и внесения в него некоторых изменений с целью облегчения бремени страны. Правительство обещало сократить административные расходы, способствовать прогрессу страны, расширить ирригационные работы, способствовать развитию образования, решению аграрных проблем и т. д. Однако и это правительство не сумело притушить народное недовольство.

В декабре 1924 г. в лице Мунтафик вновь начались антианглийские выступления. Возглавил их шейх Салим аль-Хайюн. Пользуясь слабостью местной администрации, шейх Салим перестал подчиняться приказам английского верховного комиссара и иракского правительства. Он призвал население среднего Евфрата оказать вооруженное сопротивление английским окку-

¹⁰ К концу декабря договор был ратифицирован обеими сторонами [263, стр. 152].

¹¹ Некоторые буржуазные авторы это постановление Лиги наций ошибочно считают свидетельством отмены мандата [287, стр. 212].

пантам и марионеточному правительству. Жители Мунтафика поддержали призыв своего вождя. В конце декабря в район Мунтафика были посланы войска, английские самолеты начали жестокую бомбардировку селений. Среди населения имелись многочисленные жертвы. Селим со своими сторонниками долго скрывался в болотах, но в конце концов англичане вынудили его сдаться. Восстание в Мунтафике было жестоко подавлено [243, стр. 395; 390, 7.VI.1924].

К концу 1924 г. англичанам удалось усмирить страну, но не надолго. В начале 1925 г. в Ираке начались новые волнения в связи с мосульским кризисом, инспирированным Англией.

ГЛАВА 2.

МОСУЛЬСКИЙ КРИЗИС

Мосульский кризис был первым серьезным международным кризисом, возникшим на Ближнем Востоке после окончания первой мировой войны, которая оставила неразрешенными многие противоречия между империалистическими государствами. В этот кризис были втянуты одна из крупнейших колониальных держав — Англия и молодая Турецкая республика, а также народы оккупированного Ирака — арабы, курды и ассирийцы. Косвенным образом вопрос о будущей судьбе богатейшей Мосульской области живо волновал правительства США и Франции. По своему географическому положению Мосул затрагивал также интересы безопасности соседних с Турцией и Ираком стран — СССР и Ирана¹². Если учесть, что этому кризису частично была посвящена Лозаннская конференция, что мосульский вопрос на протяжении ряда лет рассматривался на сессиях Лиги наций, а также был причиной нескольких заседаний Гаагского международного суда, станет ясно, какое существенное место занимал он в истории Ирака.

При подписании Мудросского перемирия 30 октября 1918 г. морской министр Турции Хюсейн Рауф трижды спрашивал английского адмирала Кальторпа, будет ли Англия соблюдать его условия, и трижды Кальторп ответил утвердительно [143, стр. 7]. В Мудросском соглашении указывалось (ст. 7), что союзникам предоставляется право оккупации стратегических пунктов в том случае, если возникнет положение, угрожающее их безопасности. И хотя этой угрозы не существовало, британские войска

¹² «Дейли геральд» писала 7 декабря 1925 г.: «Именно с Персией, которая является по религии целиком шиитской, Ирак, больше чем наполовину шиитский, призван иметь дружественные, коммерческие и религиозные связи, ибо мосульское решение весьма определенно затрагивает интересы восточного соседа государства короля Фейсала».

на следующий же день после заключения перемирия начали окончательную оккупацию Мосульского вилайета¹³. Английский оккупационный режим, установленный в Мосульском вилайете, продержался до вступления в силу Лозаннского договора, т. е. до конца 1923 г., после чего здесь, так же как и в собственно Ираке, был введен мандатный режим. Несмотря на протесты турецкого командования¹⁴, англичане заставили турок эвакуироваться из Мосульской области [242, стр. 301].

После захвата Мосула англичане постарались закрепить свой военный успех дипломатическим соглашением. В декабре 1918 г., во время переговоров по ближневосточным делам, Ллойд Джордж настойчиво убеждал Клемансо уступить Мосул Великобритании. Как известно, по соглашению Сайкс — Пико Мосул должен был отойти к Франции, однако после окончания мировой войны обстоятельства во многом изменились. Вся Месопотамия и Мосульский вилайет были оккупированы англичанами, царская Россия выбыла из игры, а Франция была озабочена сохранением и укреплением своих позиций в Сирии; кроме того, Франция, получив поддержку Англии по германскому вопросу во время Версальской конференции, была теперь готова уступить английским домогательствам [210, стр. 62].

Главную роль в возникновении мосульского кризиса играла нефть, которой так богат Мосульский вилайет. К овладению этим нефтеносным районом стремились все страны Антанты, и больше всех Англия, чей военно-морской флот к тому времени уже на 45% работал на нефти [83, стр. 360; 161, стр. 264].

До войны главным соперником англичан в захвате природных богатств Османской империи, в частности Ирака, были немцы. В 1904 г. немецкий концерн «Анатолише айзенбан гезельшафт» («Анатолийская железнодорожная компания»), занятый постройкой Багдадской железной дороги, получил право на разведку и разработку нефтяных месторождений в двух вилайетах Ирака — Мосульском и Багдадском.

Активное проникновение в Турцию германских промышленных и финансовых кругов вызвало беспокойство английских монополий. Они приложили все усилия, чтобы захватить в свои руки железнодорожные и нефтяные концессии в Османской империи. Воспользовавшись тем, что немцы еще не начали разработку нефтяных богатств Турции, представитель английских

¹³ Еще до заключения Мудросского перемирия британские войска оккупировали большую часть Мосульской области, но сам Мосул не был тогда занят англичанами [93, стр. 276; 308, стр. 247].

¹⁴ Когда турецкий комендант Мосула стал ссылаться на то, что район Мосула никогда не входил в состав Ирака и как часть неоккупированной территории должен остаться за Турцией, английский генерал прислал ему английскую карту, на которой в состав Ирака были включены не только Мосул, но и Диярбакыр [144, стр. 75].

нефтяных магнатов Уильям Нокс д'Арси¹⁵ начал в 1908 г. переговоры с турецким султаном Абдул Хамидом II. Английские капиталисты предлагали турецкому правительству разные проекты. Благополучному исходу этих переговоров помешала младотурецкая революция, которая вынудила Абдул Хамида II отречься от престола.

После прихода к власти младотурок¹⁶ переговоры относительно выдачи концессии на разработку нефтяных ресурсов возобновились, однако не с англичанами, а с американцами [322, стр. 953—954]. Младотурецкое правительство предложило доверенному лицу американских монополий, адмиралу Колби М. Честеру, концессию на участок, состоящий из полосы шириной 42 км к востоку от Анкары. При активной поддержке правительства США было подписано соответствующее соглашение¹⁷, однако оно не было ратифицировано из-за вспыхнувшей в 1911 г. итало-турецкой войны.

Вскоре английским монополиям удалось найти общий язык с немецкими капиталистами. В 1912 г. англичанин немецкого происхождения Эрнест Кассель, опиравшийся на англо-голландскую компанию «Рэйял датч — Шелл» и германский капитал¹⁸, получил концессию на турецкую нефть и организовал «Тэркиш петролеум компани»¹⁹. Группа д'Арси была отстранена от участия в новой компании. Третьим партнером в «Тэркиш петролеум» стал национальный банк Османской империи. Английское правительство принудило Турцию передать новой компании права, предоставленные ранее «Анатолише айзенбан гезельшафт» [93, стр. 227].

¹⁵ Д'Арси, австралиец по происхождению, был одним из основателей Англо-персидской нефтяной компании. В 1904 г. д'Арси после безуспешных попыток заинтересовать британский капитал своей персидской концессией (он владел тогда двумя концессиями — «Ферст эксплорэйшн компани» и «Бахтияр ойл компани») готовился продать их иностранцам [72, стр. 61], однако гражданский лорд адмиралтейства Э. Дж. Претимен и другие английские чиновники предотвратили этот шаг. Они добились участия частного британского капитала в Англо-персидской компании впредь до того момента, когда английское правительство открыто смогло бы взять эту концессию в свои руки.

¹⁶ В первые месяцы младотурецкой революции английское влияние в Турции оставалось преобладающим, однако вскоре Турция запросила заем у финансовых кругов Англии и Франции и получила от них отказ. Младотурецкое правительство обратилось за помощью к Германии и получило от нее 150 млн. марок. Германское финансовое влияние, начавшееся было сокращаться после свержения Абдул Хамида II, вновь было восстановлено [122, стр. 81, 129].

¹⁷ Группе Честера официальную поддержку оказали президент США Теодор Рузвельт и государственный секретарь Рут [322, стр. 955].

¹⁸ По мнению некоторых авторов, немцы приняли участие в соглашении для того, чтобы противостоять притоку американского капитала в эксплуатацию турецкой нефти [67, стр. 302; 204, стр. 494].

¹⁹ Одновременно английские финансисты через того же Э. Касселя домогались права на постройку южного участка Багдадской железной дороги (Багдад — Басра) [83а, стр. 91—97].

17 ноября 1913 г. был подписан протокол о турецко-иранской границе. По этому соглашению к Турции отошла часть территории, на которую имела концессионные права Англо-персидская нефтяная компания (АПНК)²⁰. Поэтому при окончательном дележе акций «Тэркиш петролеум» АПНК досталось 50% участия; по 25% получили «Дейче банк» и группа Шелл.

К началу мировой войны турецкое правительство официально предоставило «Тэркиш петролеум компани» аренду на нефтеносные участки в районах Мосула, Багдада и Басры. Соответствующее соглашение было подписано 19 марта 1914 г., однако война помешала его ратификации²¹.

Накануне войны руководители британского военно-морского флота стали проявлять огромный интерес к нефтяным богатствам Ближнего Востока. В своем выступлении в палате общин в июле 1913 г. Черчилль, занимавший тогда пост первого лорда адмиралтейства, заявил, что политика правительства будет заключаться в том, чтобы «стать владельцами или хотя бы контролерами источника по крайней мере той доли нефти, в которой нуждается военно-морской флот» [215, стр. 270]. За несколько месяцев до начала мировой войны Черчилль добился для английского правительства контрольного пакета акций АПНК [72, стр. 60].

Как только началась война, английское правительство послало свой военно-морской флот в Персидский залив для защиты интересов АПНК. А по окончании войны английский министр иностранных дел Керзон дал понять, что Англия воевала на Ближнем Востоке из-за нефти²² и что ее имперские интересы неотделимы от ее нефтяных интересов. Так была создана неотделимая связь между нефтью и империей.

Захватом Мосула английские империалисты достигали двух целей: они получали нефть и обеспечивали себе стратегические выгоды с точки зрения защиты своей колониальной империи.

Некоторые буржуазные авторы [308, стр. 274—280] убеждены, что Англия интересовалась не нефтью Мосула, а его стратегическим положением²³. Между тем Англия в равной мере

²⁰ Отвечая на запрос в палате общин относительно перехода части территории, арендуемой АПНК, У. Черчилль заявил, что неприкосновенность прав АПНК обеспечена, невзирая на переход части территории к Турции. Это дало повод АПНК предъявить свои права на турецкую территорию и при основании «Тэркиш петролеум компани» определить английскую долю в размере 50% [161, стр. 262].

²¹ Впервые это соглашение было опубликовано Ирлом [215, стр. 265—279].

²² В речи, произнесенной на внутрисоюзнической конференции по нефти (21 ноября 1918 г.), Керзон заявил: «Союзники приплыли к победе на волнах нефти» [210, стр. 29; 243, стр. 24].

²³ При этом обычно ссылаются на Ллойд Джорджа и Керзона. В 1919 г. Ллойд Джордж заявлял, что Месопотамия нужна Англии не из-за нефти, а лишь потому, что она лежит на пути к Индии. Спустя три года лорд Керзон старался доказать, что позиция Англии в Мосульском вопросе определяется не вопросом о нефти [158а, стр. 35].

интересовалась и нефтяными богатствами Мосульского вилайета, и его стратегическим положением. Оба этих фактора были взаимосвязаны, и их нельзя отделять друг от друга.

Стремясь завладеть нефтяными богатствами Мосула, Англия придерживалась и своих имперских интересов. Для нее выгоднее было, чтобы нефть Мосульского вилайета находилась на территории оккупированного ею Ирака, а не независимой Турции. Контролируя Ирак, Англия смогла бы сохранить и нефть и империю. Характеризуя позицию, занятую Англией на Парижской мирной конференции, американский историк и политический деятель Рэй Стэннард Беккер писал: «Старые империалистические лидеры имели значительно большее влияние, чем либералы, при формировании британской экономической политики. По их мнению, одним из наиболее важных достижений войны явилось установление контроля Великобритании над нефтяными месторождениями Месопотамии. Здесь Англия сама проводила изыскания, несмотря на нападки со стороны либералов и лейбористов у себя на родине и протесты за рубежом» [198, т. II, стр. 284].

Хотя официально США не участвовали в событиях, связанных с Мосульским кризисом, они не оставались безучастными к тому, что происходило на Ближнем Востоке. Правительство США не скрывало озабоченности, вызванной успехами их европейских конкурентов. «В то время как Америка навязывала свой альтруизм всему миру, — заметил американский президент Уоррен Гардинг в 1920 г., — англичане приобрели контроль над 90% нефтяных источников мира» [113а, стр. 90].

16 марта 1920 г. сенат США принял резолюцию, в которой просил президента проинформировать его относительно тех ограничений, которые налагались прямо или косвенно «со стороны Франции, Великобритании, Голландии, Японии или какой-либо другой иностранной державы, или их колоний, на граждан Соединенных Штатов в вопросе изыскания нефти» [223, стр. 133]. Недовольство правящих кругов США еще более усилилось после ареста американского изыскателя на берегах Мертвого моря в октябре 1919 г. по приказу британского генерала.

12 мая 1920 г. посол США в Лондоне Дэвис направил лорду Керзону ноту, в которой потребовал обеспечить американским гражданам открытый доступ в оккупированные арабские вилайеты Османской империи. При этом он ссылаясь на недовольство американской общественности, вызванное тем, что Великобритания предоставляла преимущества своему нефтяному капиталу [223, стр. 133]. В ноте указывалось на такие факты, как строительство трубопроводов, железных дорог и нефтеперерабатывающих заводов, эксплуатация некоторых нефтяных скважин, приобретение судостроительных верфей английскими подданными и т. д. и т. п. Далее в ноте американцы обвиняли английское правительство в такой деятельности, которая соз-

давала впечатление, «что по крайней мере некоторая часть дохода перепалада британскому нефтяному капиталу» [223, стр. 134].

Не получив еще ответа на эту ноту, Дэвис 28 июля передал английскому правительству новый протест в связи с опубликованием текста англо-французского соглашения по нефти, заключенного 25 апреля 1920 г. в Сан-Ремо. Дело в том, что Англия предъявила права на нефтяную концессию, предоставленную (но не утвержденную) правительством Османской империи «Тэркиш петролеум компани». В соответствии с англо-французским соглашением о нефти, заключенным в Сан-Ремо, английское правительство взяло на себя обязательство предоставить французскому правительству или его уполномоченным, по существующему рыночному курсу, 25% сырой нефти, которую английское правительство и английские частные компании могли добыть в нефтяных месторождениях Месопотамии. 25%, отданные Франции, были долей Германии, отобранной у нее после войны. Эти акции были переданы Франции в качестве возмещения за ее отказ от Мосула в пользу Великобритании²⁴ и за поддержку Англии против Соединенных Штатов. В своей переписке с госдепартаментом США английский министр иностранных дел доказывал, что акции переданы Франции в качестве оплаты за устранение препятствий, в результате чего нефть Месопотамии могла дойти до Средиземного моря.

В своей второй ноте американцы выражали недовольство тем, что англо-французское соглашение о нефти нарушает принципы Парижской мирной конференции. Далее США обвиняли Англию в том, что она «желает присвоить Месопотамию и ее экономические ресурсы» [223, стр. 136].

Лорду Керзону вновь пришлось давать «опровержение». В своем ответе в октябре 1920 г. он старался уверить своих заокеанских коллег в том, что не строились ни трубопроводы, ни нефтеперерабатывающие заводы. Прокладка железных дорог и сооружение судостроительных верфей, доказывал он, были вызваны военной необходимостью; он отрицал и установление особого контроля над нефтяными ресурсами. Керзон считал, что доля Англии в мировом производстве нефти составляла половину доли США. Далее Керзон упрекал США в том, что в 1913 г. они отказались поддержать британскую нефтяную концессию в Гаити, которая была утверждена правительством Гаити до американской оккупации, и что Англия впоследствии подверглась такому же отношению со стороны США в Коста-Рике. Что же касается Англии, утверждал Керзон, то она всегда выполняла свои обязательства и не искала для себя «льгот и благоприятных возможностей» в вопросах эксплуатации природных богатств оккупированных стран. Тем не менее он признавал,

²⁴ Франция согласилась на это еще в декабре 1918 г. [324, стр. 49]

что следует уделить должное внимание и ранее заключенным соглашениям [223, стр. 137].

В своем ответе от 20 ноября 1920 г. представитель госдепартамента США Колби указал, что англо-французское соглашение о нефти не согласуется с заявлением Керзона относительно того, что «нефть Месопотамии будет передана будущему арабскому государству». Далее он утверждал, что до войны «Тэркиш петролеум компани» «не имела прав на нефтяные концессии или на эксплуатацию нефти» в Месопотамии. Он обвинял Англию в намерении установить монополию на добычу нефти в Месопотамии, так как в соглашении, заключенном в Сан-Ремо, говорилось, что любая частная нефтяная компания, которая в состоянии вести разработку нефтяных месторождений в Месопотамии, будет находиться под постоянным контролем Великобритании [223, стр. 137].

28 февраля 1921 г. лорд Керзон в своем послании вновь заверял госдепартамент в том, что у Англии нет стремления к монополии. Ссылаясь на соглашение, подписанное в Сан-Ремо, он отметил, что «все нефтяные месторождения, к которым относятся указанные условия, являются концессиями, предоставленными перед войной турецким правительством „Тэркиш петролеум компани“». Тем самым он старался уверить американские правящие круги в том, что англо-французское соглашение о нефти явилось только современной «переделкой довоенных соглашений».

Таким образом, скрытая борьба за обладание ближневосточной нефтью, происходившая между английскими и американскими монополиями еще до войны, вспыхнула с новой силой после ее окончания. Это была борьба двух могущественных держав за преимущественное право ограбления природных богатств Турции и ее бывших провинций. Столкновение интересов двух империалистических государств в конечном счете во многом повлияло и на решение спорного Мосульского вопроса.

20 ноября 1922 г. начались англо-турецкие переговоры на Лозаннской конференции²⁵. Они проходили в течение трех месяцев. Во второй половине декабря 1922 г. между Керзоном и Исмет-пашой, возглавлявшими делегации своих стран, велась переписка относительно Мосула. Керзон старался свести весь вопрос о Мосуле к определению пограничной линии между Ираком и Турцией. В противоположность этому Исмет-паша требовал решить вопрос о государственной принадлежности все-

²⁵ Для защиты американских нефтяных интересов в Лозанну прибыл сенатор Гамильтон Леви [101, стр. 311]. Так что утверждение некоторых авторов о том, будто нефтяные монополии США занимали выжидательную позицию до решения будущей судьбы Мосула [222, стр. 756—757], безосновательны. Кстати, и американские газеты не скрывали, что американские наблюдатели на Лозаннской конференции «были далеко не так молчаливы» и что они выступали «по каждому вопросу, которым ей приходилось заниматься» [158а, стр. 34].

го Мосульского вилайета и добивался проведения плебисцита среди местного населения, с тем чтобы оно высказалось относительно решения своей политической судьбы.

Керзон доказывал, что плебисцит приведет к кровопролитию, ибо в дело втянуты и арабы и курды. «Они не просили плебисцита, так почему Исмет-паша должен просить за них!» — восклицал Керзон и тут же с присущим ему цинизмом добавлял: «Бедные парни, они даже не знают, что это (т. е. плебисцит. — А. М.) значит».

Далее он ссылался на данное английским правительством арабам обещание, что они никогда не будут возвращены в лоно Турции, и на положение Англии как державы-мандатария, на которую Лига наций возложила определенные права и обязательства.

Исмет-паша утверждал, что никакого юридического значения не имеют те договоры, которые были заключены в отношении Ирака, страны, которая формально все еще является частью Османской империи, так как мандат был предоставлен Англии без ведома народа, которому не разрешили высказать свое мнение по этому вопросу. Кроме того, он доказывал, что во время плебисцита, устроенного в Ираке по поводу избрания Фейсала королем Ирака, население Мосульского вилайета почти не приняло участия в голосовании.

Исмет-паша старался доказать, будто курды Мосульского вилайета желали присоединиться к Турции. Керзон же отрицал это.

По вопросу о численности населения Мосульского вилайета и его распределении по национальному признаку дипломаты противных сторон также не смогли прийти к единому мнению. Они представили следующие данные:

	Исмет- паша	Керзон
Турки	146 960	66 000
Курды	263 830	455 000
Арабы	43 210	186 000
Езиды	18 000	—
Христиане	—	62 000
Немусульмане	31 000	—
Евреи	—	17 000

Всего 503 000 786 000

Таким образом, численность турок по данным Исмет-паши превышала их численность по Керзону более чем в два раза, в то время как арабов по Керзону было в четыре раза больше, чем по Исмету [223, стр. 143—147].

В конце концов английская сторона предложила передать спорный вопрос в Лигу наций. Представители Японии, Франции

и Италии присоединились к предложению Керзона, однако Исмет-паша отказался. 31 января 1923 г. Керзон сделал заявление о том, что вопрос о границе между Турцией и Ираком передается английским правительством при полной поддержке своих союзников и при «единогласном одобрении общественного мнения всего мира» на рассмотрение и на решение Совета Лиги наций [223, стр. 149].

Итак, первая конференция в Лозанне, после трехмесячных напрасных усилий в деле заключения мира между Турцией и союзниками, закончилась безуспешно. Она была прервана 4 февраля 1923 г. Исмет-паша вернулся домой с твердым убеждением, что Англии не удастся навязать туркам свои условия. Уверенность турок еще более упрочивала тайная поддержка, которую оказывало им правительство США.

10 апреля 1923 г., за две недели до того, как переговоры в Лозанне возобновились, Великое национальное собрание Турции приняло решение о предоставлении американским монополиям концессии на строительство железной дороги в Мосульском вилайете с правом добычи нефти в полосе шириной 20 км по обе стороны от этой дороги. Речь шла о восстановлении честерской концессии, предоставленной турецким правительством в 1911 г. Итак, после того как все попытки правительства США добиться своей доли эксплуатации иракских нефтяных месторождений окончились неудачей, на арену вышли американские нефтяные монополисты.

В соответствии с условиями концессии Честера мосульская нефть текла бы к Средиземному и Черному морям по турецкой территории в американских нефтепроводах. Притязания Честера на нефтяную концессию турки использовали как козырь против Великобритании на второй Лозаннской конференции²⁶.

Вторая Лозаннская конференция также не смогла разрешить мосульского спора. Американцы были уверены, что в случае сохранения Мосульского вилайета под контролем Турции этот богатый район был бы открыт для американского капитала.

Весной 1923 г. государственный секретарь США Юз счел необходимым сделать публичное заявление для объяснения позиции своей страны на Лозаннской конференции. Ссылаясь на честерскую концессию, он сказал: «Правительство не выторговывало для себя каких-либо прав на эту или какую-либо другую концессию. Наша позиция очень проста. Мы за политику открытых дверей» [389, 24.1.1924].

Итак, роль, сыгранная концессией Честера на Лозаннской конференции, была в значительной мере связана с вопросом о мосульской нефти. Утверждение турецким правительством

²⁶ На этой конференции Турция добилась отмены права экстерриториальности иностранцев и сохранения Дарданелл и Босфора.

концессии фактически аннулировало все старые нефтяные концессии, на которых базировалась «Тэркиш петролеум».

Американцы в Лозанне вели двойную игру. С одной стороны, они договаривались с англичанами о равном участии в «Тэркиш петролеум» и оказывали им некоторую поддержку в вопросе о Мосуле, с другой — путем возобновления честерской концессии покушались на английскую нефтяную монополию в Ираке. Все это заставило англичан быть более сговорчивыми.

После окончания второй Лозаннской конференции Лондон начал тайные переговоры с Вашингтоном, добиваясь снятия протестов, заявленных во имя соблюдения принципа «открытых дверей». Во время этих переговоров англичане указывали на монопольный характер честерской концессии, еще раз обязались предоставить американским нефтяным компаниям определенную долю акций в «Тэркиш петролеум компани» и намекнули, что если Вашингтон будет по-прежнему препятствовать установлению британского контроля над мосульской нефтью, то Великобритания приостановит платежи по своим военным долгам Соединенным Штатам [93, стр. 279]. После предоставления американским нефтяным монополиям 23,5%¹ в добыче мосульской нефти Англия добилась полной поддержки США в Мосульском вопросе.

За подписанием мирного договора в Лозанне последовала Константинопольская конференция (19 мая — 9 июня 1924 г.), на которой и Англия и Турция остались верны своим первоначальным позициям в вопросе о Мосуле²⁷. Перси Кокс, представлявший Великобританию, предложил турецкому делегату Фетхи-бею передать спор в Совет Лиги наций. Хотя последний не согласился с этим предложением, Кокс заявил, что Великобритания односторонне передаст вопрос на рассмотрение Совета Лиги.

20 сентября 1924 г. Совет Лиги наций приступил в Брюсселе к обсуждению мосульского вопроса. Обширные меморандумы были уже представлены Совету обоими правительствами. Их доводы мало чем отличались от тех, которые выставлялись в Лозанне. Великобритания все еще настаивала на определении пограничной линии, а Турция требовала возвращения ей всего Мосульского вилайета.

29 октября 1924 г. Совет Лиги наций с согласия участников дискуссии определил условную пограничную линию, которая

²⁷ На Константинопольской конференции английская сторона потребовала исправить границу между Ираком и Турцией. Граница должна была начинаться от впадения в Тигр р. Хабур у Файш-Хабур, потом подниматься по р. Хезиль до 37°31' с. ш., идти вдоль нее до р. Большой Заб, затем по его правому берегу и пройти между Гаваром и Орамаром к иракской границе у горного массива Ришек-Райкан. Таким образом, Англия отрезала от Турции добрую половину санджака Хакяри, населенную до войны ассирийцами, и часть территории курдских племен, желающих якобы отойти к Ираку [100, стр. 106].

должна была соблюдаться до вынесения окончательного решения. Эта линия, названная «Брюссельской», проходила южнее границы, установления которой требовали англичане [223, стр. 156].

Спорная территория к югу от «Брюссельской линии» составляла около 87,9 тыс. кв. км (34 тыс. кв. миль) с населением около 800 тыс. человек. Территория между «Брюссельской линией» и границей, на которой настаивали англичане, составляла около 3,5 тыс. кв. км.

Для окончательного решения спора Совет Лиги создал комиссию в составе бывшего премьер-министра Венгрии известного географа графа Телеки, советника посольства Швеции в Румынии де Вирсена и отставного офицера бельгийской армии полковника Паулуса; председателем комиссии был назначен де Вирсен.

Комиссия посетила спорящие страны, а в середине января 1925 г. приехала в Багдад. Ее сопровождали англо-иракские и турецкие эксперты. 11 февраля она прибыла в Мосул, где к тому времени патристически настроенная торговая буржуазия и молодежь образовали Комитет национальной защиты [216, стр. 404], по призыву которого в городе состоялись мощные демонстрации и митинги в защиту требования о включении Мосульского вилайета в состав Ирака. В демонстрациях принимали участие также представители иракских правящих кругов. Некоторые из них специально прибыли из Багдада. Они всячески старались, чтобы демонстрации не приняли антианглийской направленности, однако все попытки их оказались тщетными. Демонстранты наравне с защитой территориальной целостности страны требовали отмены мандатного режима [46, стр. 9].

Слух об образовании Комитета национальной защиты сразу же распространился по всей стране. Эту весть народ встретил восторженно [216, стр. 406]. Во многих городах начали создаваться филиалы Комитета [46, стр. 9]. По всему Ираку прошла волна антианглийских выступлений и демонстраций. В ответ мандатные власти инспирировали антитурецкие демонстрации, чтобы показать симпатии иракского населения к Англии и сбить волну народных выступлений.

Мандатные власти старались не допустить создания единого антиимпериалистического фронта. С этой целью они всячески разжигали расовую, национальную и религиозную вражду между отдельными группами населения Мосульской области. Тот факт, что в Мосульской области были собраны все национальные и религиозные меньшинства Ирака, давал возможность англичанам проводить свою традиционную политику «разделяй и властвуй».

Арабские левые националисты требовали немедленной отмены мандата и расторжения кабального англо-иракского договора 1922 г. Англичане жестоко преследовали представителей он-

позиции. По указу английского верховного комиссара внутренних дел Ирака потребовал, чтобы мутасарриф Мосульской области принял меры для прекращения демонстраций. Однако все усилия последнего были безрезультатны. Верховный комиссар был вынужден признать, что авторитет англо-иракской администрации среди населения северных пограничных районов резко упал [46, стр. 9].

К деятельности комиссии Лиги наций курдское население Мосульской области относилось с подозрением. В то же время местные аристократические семьи и буржуазные круги, от которых во многом зависело изменение политического климата спорной территории, были тесно связаны с англичанами. Все это давало возможность англичанам воздействовать, как они выражались, «на все элементы населения» [216, стр. 404].

Численность населения спорной территории, по данным иракского правительства, выглядела так [223, стр. 161]:

	Национальность	Численность
✓	арабы	166 941
	курды	494 007
	турки	38 652
	христиане (ассирийцы, армяне)	61 336
	евреи	11 897
	езиды	26 257
	Всего	799 090

Приведенные данные охватывают население бывшего Мосульского вилайета, в который входили ливы Мосул, Сулеймания, Киркук и Эрбил. При этом численность курдов была преднамеренно уменьшена иракским правительством. В действительности их было гораздо больше.

В самой Мосульской ливе население распределялось следующим образом [223, стр. 161]:

	Национальность	Общая численность	Прожи-вало в Мосул:
✓	арабы	119 500	74 000
	курды	88 000	—
	турки	9 750	—
	христиане	55 000	19 250
	евреи	7 550	4 000
	езиды	26 200	—
	Всего	306 000	97 250

Комиссия Лиги наций опросила 800 человек по спискам, предложенным ей турецкой и английской сторонами. В большинстве опрошены были представители буржуазии, правительственные чиновники, шейхи племен, лидеры религиозных об-

щин, крупные помещики [46, стр. 9; 263, стр. 154]. Опрос населения часто сопровождался угрозами со стороны эмиссаров как Англии, так и Турции. Многие местных шейхов, отказавшихся добровольно подписать петицию о присоединении Мосульского вилайета к Ираку, англичане бросили в тюрьму. Мандатные власти арестовали даже двух турецких экспертов, прикомандированных к комиссии Лиги наций [78а, стр. 41].

Что касается турок, то они жестоко расправились с курдами Гояна, выразившими желание быть включенными в Ирак. Часть населения, проживавшего на границе, была депортирована турками внутрь страны [46, стр. 9]. Во время опроса населения происходили стычки между арабами и курдами, курдами и ассирийцами и т. д. Очень часто между протурецкими элементами и теми, кто стоял за включение Мосульского вилайета в состав Иракского королевства, происходили рукопашные схватки [216, стр. 404].

В Киркуке и Эрбиле комиссия в течение двух недель опрашивала местных лидеров, однако собрать абсолютное большинство голосов ни одной из сторон не удалось.

В Сулеймании, несмотря на протесты турок, в опросе приняли участие проанглийски настроенные шейхи и ага. Среди них были Бабакра-ага, шейх Авуль из Сангао, Хаджи шейх Ариф, Ахмед-бег, сын Усман-паши, Керим-бег Джаф и др. [216, стр. 405]. Турецкие эксперты проводили опрос прямо на базаре, среди торговцев, однако, как и в Эрбиле, им не удалось достичь успехов. По турецким утверждениям, в Сулеймании проживало 32,2 тыс. турок, что не имело под собой реальной почвы. Видимо, в это число были включены курды.

Следует отметить, что английские власти препятствовали протурецким элементам высказывать свое мнение [216, стр. 422]. Поэтому опрос здесь больше был похож на инсценировку. Однако это не помешало председателю комиссии Лиги наций отметить в своем отчете, что «большинство населения Сулеймании самым определенным образом высказало желание остаться под управлением иракского правительства. Комиссия, — утверждал де Вирсен, — удостоверялась в действительности этих желаний» [216, стр. 423]. И это говорилось о сулейманийских курдах, которые активнее всех требовали создания для себя автономной системы управления.

Некоторые влиятельные курдские деятели выступали за присоединение Мосула к Ираку с тем условием, чтобы курдский язык стал официальным языком в школах и судах Иракского Курдистана. Одновременно они требовали назначения курдов на местные административные должности. Среди курдских шейхов и ага были и такие, которые хотели видеть Иракский Курдистан под британским протекторатом [216, стр. 423].

Комиссия Лиги наций пришла к выводу, что вся территория Мосульского вилайета к югу от «Брюссельской линии» должна

принадлежать Ираку²⁸. Это решение комиссия обусловила продолжением срока действия англо-иракского договора на 25 лет.

Когда стало очевидным, что англичане стремятся к продлению мандата, турки воспротивились этому. 3 сентября 1925 г. представитель Турции Рушди-бей заявил на заседании Совета Лиги наций, что Совет не правомочен отдать Мосул Ираку на том условии, что мандат будет продлен на 25 лет, поскольку Турция совсем не признавала мандатной системы. «Турция отказалась категорически, — сказал он, — принять статьи 92—99 проекта Севрского договора относительно мандата» [223, стр. 167].

Совет Лиги наций, поставленный в тупик выступлением турецкого делегата, начал искать компромиссный выход для спасения своего престижа. Он обратился к Гаагскому международному трибуналу для выяснения правомочий Лиги и способа вынесения ею решения по мосульскому вопросу.

Турки протестовали против обращения к Гаагскому трибуналу по вопросу, имеющему не юридический, а политический характер, и отказались послать туда своего представителя. Обе стороны употребили для укрепления своих позиций время, ушедшее на вынесение решения международного суда. Турки строили свою аргументацию главным образом на заявлении Керзона, сделанном на Лозаннской конференции, о том, что никакое решение по мосульскому вопросу (в согласии с § 5 устава Лиги наций) не может быть принято без согласия Турции [88, стр. 129]. Англичане же ссылались на проблему национальных меньшинств, и особенно на ассирийский вопрос.

В это же самое время турки обвинили английских летчиков в нарушении «Брюссельской линии», со своей стороны англичане выдвинули контробвинение в преследовании турками христианского населения. В связи с этим Совет Лиги наций назначил комиссию для расследования дел на границе. Хотя эта комиссия (под председательством эстонского генерала Лайдонера) и не смогла из-за сопротивления турок пробраться на север от «Брюссельской линии», она собрала сведения от укрывшихся на территории Мосульской области беженцев²⁹, подтверждающие факты уничтожения ассирийцев, главным образом округа Гоян [46, стр. 22], сожжения деревень и т. п.

Доклад второй комиссии был представлен Совету Лиги наций 10 декабря 1925 г. Он оказал значительное влияние на Совет при вынесении им окончательного решения [308, стр. 284].

Таким образом, шовинизм турецких правящих кругов лишний раз дал оружие в руки английскому империализму. Этим

²⁸ Комиссия отвергла притязания Англии на Хакярский горный район. Хакяри остался в составе Турции.

²⁹ К середине ноября число беженцев достигало 8 тыс., и приток их все продолжался.

турки настроили против себя международное общественное мнение.

В середине ноября Гаагский трибунал вынес следующее заключение по вопросам, поставленным Лигой наций: 1) решение Совета Лиги наций по Мосульскому вопросу является обязательным для обеих сторон; оно должно предусматривать окончательное установление границы между Турцией и Ираком; 2) это решение должно быть принято Советом единогласно. Представители заинтересованных сторон имеют право участвовать в голосовании Совета Лиги наций, но их голоса, если они идут вразрез с мнением остальных членов Совета, не должны учитываться [46, стр. 24].

Заключение суда было одобрено Советом Лиги, а голос Турции против него не был принят в расчет. В ответ на решение суда турецкий представитель заявил, что «суверенные права государства на территорию могут прекратиться только с согласия этого государства, а поэтому наши суверенные права на всю территорию вилайета Мосул сохраняются».

Арнольд Тойнби во время своего пребывания в Анкаре в 1924 г. из разговоров с турецкими руководителями, в том числе с премьер-министром Рауфом, узнал, что основной причиной притязаний турок на Мосул были не экономические и не стратегические соображения, а территориальные. В этой связи турецкий премьер сказал, что «даже по Севрскому договору северная половина Курдистана оставлена в пределах турецких границ...» [193а, стр. 686].

Почти в то же время глава новой Турции Мустафа Кемаль заявил: «Мосул — турецкий, и ничто не может этого изменить, даже штыки. Мы хотим весь бывший вилайет Мосул, по обоим берегам Тигра; мандатным он будет или не мандатным — не имеет значения, но мы никогда не откажемся от этой точки зрения...» [208а, стр. 292]. Вскоре из Турции стали приходить сообщения о призыве новобранцев, о перемещении и концентрации войск, о постановке мин в гаванях и т. д. Тем не менее Турция воздержалась от военного конфликта. В речи, произнесенной в Лондоне 9 октября 1925 г., король Фейсал сказал, что отделение Мосула от Ирака явилось бы «ужасным и, возможно, смертельным ударом». Это повлекло бы «дальнейшие расходы на военные приготовления» [208а, стр. 450]. Вскоре после возвращения Фейсала в Багдад было объявлено, что численность планировавшейся иракской регулярной армии будет увеличена до 12 тыс. человек.

16 декабря 1925 г. Совет Лиги наций постановил, что турецко-иракской границей должна стать «Брюссельская линия» [149, стр. 293]. Совет настоял на непосредственном соглашении между Англией и Турцией по экономическим вопросам и о системе управления в Мосульском вилайете. Одновременно Совет Лиги решил, что Англия должна в течение шести месяцев за-

ключить новый договор с Ираком, который будет предусматривать передачу Мосульского вилайета Ираку при условии, если договорные отношения между Англией и Ираком будут продлены на 25 лет [271, стр. 87].

В середине декабря 1925 г. Великое национальное собрание Турции высказалось также против применения силы в решении вопроса о Мосуле [208а, стр. 765].

Однако турецкая печать была все еще настроена воинственно. Как писала в феврале 1926 г. газета «Джумхурет», решение Лиги «доказывает еще раз, что Лига наций является слугой самого сильного государства, а именно Великобритании... Только в средневековые времена мы можем встретить такие несправедливые и деспотичные решения... мы знаем достаточно хорошо, как забрать обратно нашими собственными руками „Турецкий Мосул“, отданный Великобритании Лигой наций — точно так же как мы спасли Адану, Бурсу, Измир и Константинополь».

В конце концов турецкие правящие круги вынуждены были пойти на уступки. Немалую роль в этом сыграло и давление, оказанное бывшими союзниками Англии — Италией и Грецией [155, стр. 13]. В апреле 1926 г. Муссолини посетил Триполи, после чего появились слухи, что он обещал захватить Анатолию в том случае, если Турция будет требовать Мосул³⁰. Греция же дала понять, что собирается занять Фракию и Измир при новом разделе Турции. Одновременно Англия прилагала все силы для обострения турецко-иракских отношений [387, 25.X.1925].

В июле 1926 г. Турция сдалась и подписала договор с Англией и Ираком. По этому договору Турция согласилась на «Брюссельскую линию» с незначительными изменениями³¹ в обмен за 10% отчислений от добычи мосульской нефти в течение 25 лет [259, стр. 15]. Эти проблематические платежи, конечно, не могли рассматриваться как эквивалентное возмещение Турции за ее отказ от нефтеносных земель Мосула, тем более что в прошлом, как было указано, турецкому капиталу принадлежало 25% участия в самой «Тэркиш петролеум компани», из чего можно было бы вывести право турецкого участия в добыче иракской нефти независимо от исхода мосульского спора.

Таким образом, тройственный договор не давал Турции каких-либо преимуществ, он устранял для нее лишь опасность военных осложнений на границе с Ираком. Сумев найти общий

³⁰ Вот что писал по этому поводу бывший французский верховный комиссар в Сирии Анри де Жувенель: «В начале 1926 г., когда решение Лиги по мосульскому вопросу чуть не вызвало англо-турецкую войну, Англия захотела подкупить Италию и предложила ей Киликию (турецкую территорию). В это время я был в Анкаре, вел переговоры с турками о заключении добрососедского договора. Я несколько не сомневаюсь, что страх перед итальянским вторжением в Киликию ускорил заключение соглашения между британским и османским правительствами» [388а].

³¹ Эта граница 1926 г. остается в силе и сегодня [87, стр. 5].

язык со своими империалистическими конкурентами (дав им возможность принять участие в эксплуатации иракской нефти³²) и изолировав этим Турцию, Англия вынудила ее уступить Мосульскую область Ираку.

Нельзя также сбрасывать со счетов и внутреннее положение Турции. Как заявил Исмет-паша (Иненю), Турция отказалась от попыток вернуть Мосул силой оружия, ибо это могло бы надолго отвлечь силы турецкого народа от работы по восстановлению страны. Официоз Народной партии Турции писал, что мосульский спор «разрешен без вооруженного конфликта для того, чтобы мы могли спокойно продолжать дело восстановления страны» [155, стр. 14].

Следует отметить и то обстоятельство, что еще в марте 1925 г., т. е. до решения Совета Лиги наций по мосульскому вопросу, Англия получила от иракского правительства концессию на эксплуатацию иракской нефти³³. Все это ясно говорит о том, что английское правительство даже не сомневалось в решении Лиги наций.

13 января 1926 г. между Англией и Ираком был заключен новый договор сроком на 25 лет, полностью повторявший все статьи кабального англо-иракского договора 1922 года. Впоследствии сами англичане признавали, что «в том положении, в которое его поставила резолюция Совета Лиги относительно северной границы страны, у иракского правительства по существу не было выбора, и оно должно было согласиться на продление своих договорных отношений с Соединенным королевством».

Вначале новый договор встретил слабое сопротивление со стороны патриотически настроенных феодалов и национальной буржуазии, примирившихся с создавшимся положением. Только трудящиеся массы продолжали активную борьбу против английских империалистов. Произошли вооруженные столкновения между иракцами и английскими карательными отрядами [151, стр. 32]. Однако вскоре у иракских националистов произошло опьянение, вызванное присоединением Мосула к Ираку, и борьба за ликвидацию мандатного режима разгорелась с новой силой.

³² Нефть Мосульской области была поделена следующим образом: французские и американские монополии получили по 23,5%, столько же досталось АПНК и «Ройял датч — Шелл»; остальные 5% получил Гульбенкян [259, стр. 13; 274, стр. 90].

³³ Предоставление правительством Ясина аль-Хашими концессии англичанам вызвало в Ираке большое недовольство. В самом правительстве на этой почве возникли серьезные разногласия. В знак протеста против принятого правительством решения два члена кабинета — министры юстиции и образования — вышли в отставку [46, стр. 11]. В 1931 г. взамен этого соглашения было подписано новое [275, стр. 91].

НОВЫЙ ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ОТМЕНА АНГЛИЙСКОГО МАНДАТА

Новый подъем национально-освободительного движения в Ираке был обусловлен рядом причин. Главными из них были: развертывание мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., обострившего все противоречия внутри иракского общества; усиление колониальной эксплуатации со стороны английского империализма, пытавшегося переложить тяготы кризиса на иракских феллахов и бедуинов; рост национально-освободительного движения в других странах Ближнего и Среднего Востока (Египет, Палестина и др.).

Экономический кризис тяжело ударил по слабой, еще не окрепшей экономике Ирака. Всей своей тяжестью он обрушился на феллахов и пастушескую бедноту. Под влиянием кризиса обострялся и усиливался процесс насильственного захвата крестьянских земель. Как было отмечено выше, в Ираке частная собственность на землю³⁴ существовала давно, однако земельный кадастр еще не был составлен [392, 15.I.1931]. Владельцы земли редко имели какие-либо доказательства своих формальных прав. Поэтому тяжбы и споры не переставали вестись еще со времени турецкого господства.

В связи с кризисом многие купцы изымали свои вклады из торговли и скупали на них земли.

Неурожай и падение цен на сельскохозяйственные продукты обеспечивали ростовщикам массовый грабеж крестьянства. Захват ростовщиками крестьянских земельных участков принял такой размах, что в середине июня 1930 г. иракское правительство вынуждено было специальным распоряжением запретить всякие земельные сделки. Этот запрет носил формальный характер, и заключение земельных сделок продолжалось лишь с той разницей, что они приняли скрытую форму и производились на более тяжелых условиях.

В официальном отчете английского правительства сообщалось, что шейхи племен тоже заразились земельной лихорадкой и тенденция к оседлости росла [48, стр. 237], причем развитие нефтяного промысла и связанный с ним уход многих членов племен на строительство шоссейных и железных дорог несомненно еще больше ее усиливало. Кроме того, введение насосной ирригации послужило для шейхов сильным стимулом к присвоению земли в качестве частной собственности [172, стр. 207]. Оседлые племена (когда-то свободные кочевники) постепенно становились крепостными [48, стр. 237].

³⁴ См. стр. 37—38.

По всему Ираку труд феллаха оплачивался на основе издольщины, поденная оплата фактически отсутствовала. Средняя денежная стоимость доли феллаха в урожае зерна составляла около 80 рупий, в урожае риса — 200 рупий. Средний доход феллаха в 1930 г. по сравнению с 1927 г. сократился с 240 рупий до 110. Что касается пастухов-скотоводов, их среднегодовой заработок составлял не больше 60 рупий [48, стр. 239]³⁵.

Падение цен на зерно создало в Ираке чрезвычайно тяжелое экономическое положение. Многие феллахи бросали свои жалкие хижины и в поисках работы толпами бежали в города. Они буквально умирали с голоду.

Безудержно росла задолженность крестьян их хозяевам и ростовщикам. При поступлении на работу феллах, для того чтобы прокормить себя и свою семью, брал продукты в долг до сбора урожая; однако выплатить долг он, как правило, не мог из-за плохого урожая. Поэтому задолженность феллаха росла из года в год. Особенно увеличилась она в районах насосного полива, где горожане, владельцы насосов, конкурируя друг с другом, предлагали феллахам большие авансы; в результате большинство феллахов задолжали до 600 рупий [48, стр. 240]. Все это способствовало закреплению феллаха его хозяином-кредитором. К этому добавлялись стихийные бедствия. Вследствие появления саранчи и внезапно наступившего мороза в 1928 г. были уничтожены посевы на юге Ирака. Правительству были посланы просьбы направить ревизоров-инспекторов для осмотра посевов и освобождения земледельцев от уплаты налогов. Однако правительство не прислушалось к нуждам феллахов.

Под влиянием кризиса усиливалось расслоение в кочевых и полукочевых племенах шаммар, амарат-анайза, мунтафик, бани лям. В результате тяжелых эпизоотий и обострения борьбы племен за пастбища вывоз шерсти — одного из главных видов продукции бедуинского хозяйства — сократился в два с половиной раза. Все эти явления, сопровождаемые усиленным развитием товарно-денежных отношений, ускорили оседание кочевников на землю. Таким образом, кризис еще больше усилил процесс разорения, расслоения и оседания кочевников.

В результате аграрного кризиса цены на сельскохозяйственные продукты упали на 55—85%. В то же время цены на импортные промышленные товары остались почти стабильными. Покупательная способность и благосостояние трудовых масс крестьянства резко снизились. Крестьяне находились на грани обнищания, так как вынуждены были продавать свои продукты по неслыханно низким ценам и платить помещикам повышенные подати и арендные ставки.

³⁵ Для сравнения укажем, что средний годовой доход шейха племени составлял 27 тыс. рупий.

Особенно ошутимым было падение цен на главный предмет экспорта — шерсть (на 50%). Цены упали также на кожу и шкуры, финики, пшеницу, ячмень, чернильный орешек. Товары лежали на складах. Падение цен на все сельскохозяйственные товары, вызванное понижением покупательной способности населения, вызвало кризис сбыта, в результате чего много купцов обанкротилось. Неоплаченные долги достигли миллиона рупий.

Что касается импорта, то и здесь, по словам официоза английских мандатных властей «Багдад таймс» (от 9 января 1931 г.), наблюдались весьма неутешительные явления.

Кризис привел также к разорению ремесленников, особенно тех из них, производство которых было связано с экспортом (выделка шелковых изделий, ковров и отчасти кож). Быстрыми темпами сокращалась и внешняя торговля. Как указывал английский колониальный орган «Нир Ист энд Индия», иракские купцы никогда не торговали так плохо, как в этот период [392, 8.I.1931].

В государственном бюджете Ирака образовался четырехмиллионный дефицит, приходная часть бюджета неуклонно уменьшалась³⁶. Бюджет иракского правительства, доходы которого состояли приблизительно на две трети из налогов и пошлин, пополнялся исключительно за счет трудящихся городов и деревень, а также кочевников-бедуинов. Если принять во внимание огромные расходы, которые шли на содержание армии, полиции и тюрем, на чиновничий аппарат, на английских «советников» и на строительство военно-стратегических сооружений, то станет ясным, что в распоряжении иракского правительства оставалась ничтожная сумма для оказания помощи развитию сельского хозяйства или облегчения тяжелой доли иракских рабочих, которые на концессионных, правительственных и частных предприятиях находились фактически на положении рабов.

К концу мандатного периода общее число жителей Ирака составляло 2824 тыс. человек [212, стр. 12]. Из них 8% составляли кочевники, 32% — оседлые земледельцы, 48% — полуоседлые племена, 12% — горожане [245]. Подавляющее большинство городского населения проживало в трех крупных городах — Багдаде (219 тыс.), Мосуле (79 тыс.) и Басре (46 тыс., без пригородов) [212, стр. 12]. Таким образом, преобладание племенного элемента в иракском населении было очевидным.

В исследуемое время численность наемных рабочих в Ираке составляла около 55 тыс., или 2,2% всего населения страны. Наиболее многочисленным отрядом рабочего класса были железнодорожники (5,7 тыс. человек), нефтяники (около 3 тыс.) и портовые грузчики (1 тыс.). Кроме того, определенное коли-

³⁶ За октябрь 1930 г. поступления составили 4656 лакхов рупий против 5252 лакхов в соответствующий месяц предыдущего года.

чество рабочих было занято в легкой промышленности, которая тогда еще была развита очень слабо. В 1931 г. в Ираке насчитывалось только десять предприятий легкой промышленности, в том числе мукомольная, спирто-водочная, парфюмерная, хлопкоочистительная и другие фабрики [49, стр. 84].

В городах и деревнях Ирака производилось ограниченное количество шелковых, хлопчатобумажных и шерстяных тканей. В Багдаде и Мосуле это производство стояло наравне с обработкой кожи, Неджеф и Кербела производили главным образом арабские плащи «аба».

В 1926 г. в Казимии (пригороде Багдада) была построена небольшая современная ткацкая фабрика. На ней работало 180 человек, в том числе 75 мужчин, 60 женщин и 45 мальчиков (в возрасте 10—16 лет). Женщины были заняты очисткой и сортировкой шерсти. Длительность рабочей недели была равна 54 часам. Размеры заработков были следующие: мужчина получал в день от 12 анна до 3 рупий, мальчики — от 12 анна до 2 рупий, женщины — 8 анна [48, стр. 246].

На самой крупной ткацкой фабрике в Багдаде было 14 ткацких станков, там работало 30 мужчин со средним дневным заработком от 12 анна до 1 рупии и 8 анна. Производство продукции на этой фабрике неуклонно сокращалось из-за конкуренции фабрики в Казимии. Кроме того, в Багдаде насчитывалось около 120 ручных надомных ткацких станков, владельцами которых были те, кто на них работал. Максимальная производительность такого ткача составляла около 6 м ткани в день. Смотря по умению, ткач мог заработать от 12 анна до 1 рупии 8 анна в день. Свою продукцию ткачи-надомники продавали торговцам тканями. Условия труда рабочих других городов были схожи с условиями труда багдадских рабочих [48, стр. 247].

В Багдаде существовала также трикотажная фабрика, где на 16 ручных вязальных машинах изготовлялись шерстяные носки и чулки. Здесь работало 30 девушек в возрасте от 12 до 20 лет. Их оплата колебалась между 40 рупиями в год для учениц и 300 рупиями для квалифицированных работниц [48, стр. 247].

Иракские рабочие жили в грязных бараках. Предприниматели часто увольняли их, нанимая на их место голодных бедуинов из сирийской пограничной полосы.

Багдад наравне с Мосулом был главным центром кожевенного производства. Мастера-дубильщики обычно работали самостоятельно, причем каждый нанимал от 5 до 10 рабочих. Рабочие получали по 10 рупий за 150 обработанных кож. Рабочий зарабатывал не более 2 рупий в день [48, стр. 247]. Эта работа была непостоянна, ибо зависела от общих условий торговли. Женский труд использовали на очистке кож от шерсти, женщины зарабатывали 8—10 анна в день. Мальчики работали погонщиками ослов и мулов при перевозке кожи. Им платили жал-

кие гроши, и они питались финиками, которые брали из запасов, приготовленных для дубильного процесса. Установленных рабочих часов обычно не существовало. Зимой кожевники большей частью работали днем, а летом по ночам.

В Мосуле и Багдаде было сосредоточено большинство ремесленников, занимавшихся производством металлических изделий. Вся работа делалась вручную в маленьких мастерских на базаре. Обычно ремесленник был независим, но некоторые работали на другого хозяина; заработная плата последних колебалась в зависимости от умения от 12 анна до 2 рупий и 8 анна в день; часы работы не были установлены, и обычно они работали с рассвета до сумерек. В Багдаде насчитывалось около 130 медников, 70 кузнецов и 14 латунщиков [48, стр. 247].

Английские капиталисты на своих концессиях и предприятиях широко использовали труд рабочих из Индии, которые тоже подвергались капиталистической эксплуатации, но по сравнению с местными рабочими находились в привилегированном положении. Зарабатывали они в несколько раз больше, чем местные рабочие. Например, неквалифицированный рабочий, обычно араб, на нефтяных концессиях получал в месяц 30 рупий, в то время как квалифицированный рабочий, как правило иностранец, — 120—180 рупий [48, стр. 247].

Хотя в нефтяных компаниях, как и везде в Ираке, не существовало твердо установленной рабочей недели, все же ее длительность не превышала 50 часов, т. е. по крайней мере на 4 часа меньше, чем на иракских фабриках. Кроме того, квалифицированные рабочие были застрахованы. Для них была установлена компенсация за смерть и увечье³⁷. Сверхурочные оплачивались в размере восьмой части дневной платы за каждый час работы [48, стр. 245].

У рабочих нефтяных промыслов жилищные условия были несравненно лучше, чем у иракских фабричных рабочих. Служащим предоставлялись квартиры, что позволяло им жить семьями. Жилье для всех, кроме сезонных рабочих, предоставлялось бесплатно, все нанимаемые пользовались бесплатной медицинской помощью.

Среднее количество людей, работавших в 1930 г. в «Ирак петролеум компани», составляло около 2 тыс., в «Ханекин ойл компани» — около 1 тыс. [48, стр. 246].

³⁷ В «Ирак петролеум компани» компенсация за смерть или в случае наступления полной нетрудоспособности составляла 2 тыс. рупий или заработную плату за 42 месяца (в зависимости от того, какая сумма была меньше), за временную нетрудоспособность — соответствующий процент от компенсации за смерть (процент потери трудоспособности определялся врачом компании).

В «Ханекин ойл компани» компенсация за смерть или увечье выплачивалась по скользящей шкале, основанной на зарботке и длительности работы пострадавшего. Рабочим с долгой и похвальной службой выплачивались пенсии по истечении срока договора по найму.

Сравнительно высокие ставки были и у портовых рабочих Басры, а также у рабочих департамента железных дорог. Неквалифицированные рабочие в порту получали 25 рупий в месяц³⁸, квалифицированные — 75—175 рупий. В департаменте железных дорог ежедневная оплата неквалифицированного рабочего колебалась от 8 анна до 2 рупий, а квалифицированного (слесаря и т. д.) — от 1 до 4 рупий в день, мастера же получали 2—7 рупий.

И в порту Басра, и в департаменте железных дорог соблюдались 48-часовая неделя и оплата сверхурочных в полуторном размере [48, стр. 246].

Департамент железных дорог имел в Багдаде свою больницу, на всех главных станциях существовали диспансеры с квалифицированным медицинским персоналом. Людям, работавшим в порту Басра, предоставлялась бесплатная медицинская помощь.

Привилегированное положение иностранных, главным образом индийских, рабочих вызывало к ним неприязнь иракских трудящихся, мешало классовой солидарности.

На частных предприятиях работало немало персов, турок, ассирийцев, армян и др. На некоторых предприятиях иностранные рабочие составляли 15 и даже 20% общего количества рабочих.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что число промышленных рабочих в Ираке и относительно и абсолютно было гораздо ниже, чем в соседних арабских странах, например в Сирии (250 тыс.) и Палестине (90 тыс.). Однако следует заметить, что по концентрации наемных рабочих на крупных промышленных объектах (нефтепромыслы, железные дороги, порт и т. д.) и по темпам роста пролетариата Ирак не отставал от них.

Тяжелое положение иракских рабочих усугублялось тем, что в стране не существовало никакого трудового законодательства. Мандатные власти не вводили нового трудового законодательства, а действовавший в то время османский гражданский кодекс о труде был настолько стар и примитивен, что в большинстве случаев даже не использовался на практике [48, стр. 242].

В начале 1930 г. в министерстве внутренних дел было создано Генеральное управление муниципальных дел. Одна из главных обязанностей управления состояла в том, чтобы контролировать условия труда, исследовать условия жизни рабочих и подготовить мероприятия для их улучшения. Одновременно оно должно было ввести контроль над выполнением законов, касающихся организации промышленности³⁹. Однако иракское

³⁸ По сравнению с 1926 г. оплата была снижена на 5 рупий.

³⁹ Это управление было упразднено в ноябре 1930 г., а его обязанности в отношении труда были переданы другому управлению того же министерства.

правительство так и не провело ни одного мероприятия по введению государственного контроля или инспекции условий труда рабочих.

В официальном отчете Лиге наций английское правительство старалось оправдать свое пренебрежение к рабочему законодательству тем, что в Ираке имелся очень небольшой процент промышленных рабочих. Что же касается иракского правительства, говорилось в отчете, то оно было занято «более срочными делами, которые поглощали все его административные ресурсы», и «ему не оставалось времени, чтобы уделить внимание рабочему вопросу». Правда, тут же английское правительство признавало, что оно не считало необходимым торопить иракское правительство с введением трудового законодательства [48, стр. 243]. Иракское правительство так и не присоединилось к международным конвенциям, принятым в 1919—1920 гг. в Вашингтоне, в 1921 и 1925 гг. в Женеве.

Мандатные власти и иракское правительство принимали все меры для того, чтобы помешать созданию рабочих союзов и организаций. Однако иракские рабочие не дожидались официального признания со стороны мандатных властей и багдадского правительства. Скоро они дали о себе знать.

В 1924 г. группа железнодорожных рабочих обратилась к правительству с просьбой разрешить им открыть рабочий клуб. Разумеется, из этого ничего не вышло; более того, организаторы петиции были сурово наказаны. Вспоминая этот случай, один из руководителей иракских рабочих, Мухаммед Салех аль-Казаз, писал: «Правительство думало, что этим оно сумеет уничтожить рабочее движение еще в его колыбели, ибо оно хочет, чтобы рабочий в XX веке, когда распространились принципы свободной демократии, оставался голым и босым под знойным летним солнцем, а зимой, в дождь и холод, спал на земле под открытым небом. Оно хочет, чтобы рабочему не было даже разрешено подать жалобу и предъявить требования к господам о том, чтобы его пощадили» [376].

Однако через несколько лет все же были созданы первые рабочие организации. В их числе были Организация ремесленников Ирака (1928 г.), Кооперативный союз парикмахеров, Союз рабочих-печатников, Союз рабочих-механиков (1929 г.), Союз шоферов и Цех продавцов овощей (1930 г.). Всеми этими организациями руководил Союз механиков. Таким образом, под его главенством объединялись и квалифицированные рабочие, и кустари, и мелкие торговцы. Кроме того, в Ираке существовали десятки цеховых организаций, являвшихся пережитком средневековья. Такое переплетение рабочих союзов с цеховыми организациями отрицательно влияло на рабочее движение, задерживало и тормозило его развитие. Тем не менее к концу английского мандата иракские рабочие добились первых успехов. Английское правительство с тревогой отмечало, что иракские ра-

бочие «пробуждаются к сознанию силы коллективных действий в их отношениях с предпринимателями».

Союз механиков сыграл значительную роль в забастовке рабочих багдадских железнодорожных мастерских, состоявшейся в декабре 1930 г.

Поводом для забастовки явилось постановление местной администрации о сокращении поденной оплаты на 6—10%. Рабочие и без того находились в тяжелом положении. Все они были на повременной оплате и получали от 1 до 5 рупий в день. Индийцев, работавших по контрактам, это постановление не затрагивало. В забастовке участвовало около тысячи рабочих. Большинство их были членами Союза механиков. Забастовка длилась три дня. Ответственный чиновник департамента железных дорог вынужден был принять рабочую делегацию. Бастующие потребовали отменить решение администрации, а также ввести оплату за болезни и за праздники [48, стр. 243—244]. Это была первая забастовка иракского пролетариата, и она закончилась победой рабочих. Незаконное постановление администрации было отменено.

В феврале 1931 г. на предприятиях Багдада вспыхнула вторая забастовка, поводом для которой послужило введение новой системы работы: рабочие должны были быть заняты лишь две недели в течение месяца, причем соответственно сокращалась и зарплата. Руководила этой забастовкой Организация ремесленников Ирака. В забастовке участвовало 1200 рабочих. Рабочие выступили против снижения заработной платы, против привилегий, предоставленных индийским рабочим, против увольнения иракских рабочих и замещения их иностранными и т. д. Забастовка была подавлена, а Организация ремесленников Ирака запрещена. Правда, через некоторое время Организации ремесленников разрешили легальную деятельность, однако ненадолго. Окончательно ее распустили 27 августа 1931 г.

Забастовки эти не прошли бесследно. Уже в конце мандатного периода в иракском парламенте начали раздаваться голоса, требовавшие упорядочения рабочего законодательства. В декабре 1931 г. парламент после длительного обсуждения принял проект закона⁴⁰ по следующим основным вопросам: 1) ограничение рабочей недели; 2) выплата постоянным рабочим жалованья за праздничные дни; 3) защита прав рабочих в случае болезни и их медицинское обслуживание; 4) защита прав рабочих против их узурпации капиталистами; 5) обстоятельства, позволяющие уволить постоянного рабочего; 6) компенсация за увечья, полученные в результате работы; 7) выдача пенсий по старости и нетрудоспособности; 8) запрещение детского труда; 9) гарантия того, что иностранные фирмы будут отдавать предпочтение местным рабочим перед иностранными.

⁴⁰ Этот проект был предложен депутатом от Дулаймского избирательного округа доктором Фанком Шакиром, долгие годы лечившим рабочих.

Было решено передать этот проект правительству для обсуждения.

Однако правительство только через три года составило свой собственный проект закона о труде, который не удовлетворил рабочих. Поэтому после отмены мандата рабочие продолжали борьбу за свои права.

Наряду с обострением классовых противоречий экономический кризис привел к резкому обострению политического положения в стране. К этому добавилось возрождение шиизма как политической оппозиции. Как было отмечено выше, последователи шиизма составляли большинство иракского населения, а бразды правления государством англичане вручили суннитской феодальной клике. Шииты требовали допуска к управлению государством и к общественной жизни. К концу мандатного периода в состав правительства входили шесть суннитов и только один шиит. Все 14 генеральных директоров, 13 из 14 мутасаррифов, 43 из 47 каймакамов и 33 из 42 судей были суннитами [248, стр. 511].

Шиитов уже не удовлетворял ввод в состав правительства одного или двух представителей. Шиитские религиозные руководители опирались на многочисленных последователей, проживавших в районе среднего течения Евфрата и городах Кербеле и Неджефе, а также на антианглийски настроенных шейхов и сейидов объединения племен мунтафик.

Противоречие, существовавшее между суннитской феодальной верхушкой и одержимыми желанием захвата политической власти в стране шиитскими муджтахидами, сыграло определенную роль в политическом развитии Ирака в исследуемый период.

В Ираке все более укреплялось мнение, что союзный договор, заключенный в 1926 г. с Англией (взамен договора 1922 г.), создал такую ситуацию, при которой тормозилось не только осуществление политических стремлений страны, но и ее экономическое и социальное развитие. Иракские оппозиционные партии утверждали, что управление одной страной двумя правительствами (иностранным и национальным) ненормально.

Многие видные иракские политические деятели осуждали как в парламенте, так и в печати создавшееся двойственное положение. Ссылки на него стали столь часты, что появилось специальное выражение «аль-вадха аль-шадх» — «запутанное, досадное положение» [264, стр. 89]. То, что Ирак номинально имеет национальную независимость и все же находится под мандатом, что страна не может создать достаточно крупную армию для защиты своих границ, не введя обязательной воинской повинности, но лишена возможности ввести воинскую повинность, не имея сильной армии для проведения этого закона в жизнь, — все это обозначалось словами «аль-вадха аль-шадх».

Иракские министры и администраторы открыто заявляли, что

в каждом ведомстве они находят то же «запутанное положение». «Иракское правительство управляло железными дорогами и портом Басра, но оно не владело ими... Иностранное правительство (являющиеся членами Лиги наций) могли проводить различия в тарифных и иных вопросах, направленных против иракских подданных, — иракское правительство не имело права отплатить им тем же. Иностранное подданные имели особые судебные права в Ираке⁴¹, но иракские подданные не пользовались соответствующими привилегиями за границей. Иракское правительство оплачивало половину расходов на содержание британского верховного комиссара в Ираке и его персонала, но не имело права контролировать эти расходы» [271, стр. 94].

В то время как иракская буржуазия стремилась к большей независимости во внутренних и внешних делах, Англия, заинтересованная в Ираке, как в узле путей, ведущих к Ирану и Персидскому заливу, как в ключе, дающем в руки управление Аравией, заинтересованная в естественных богатствах Ирака, добивалась дальнейшего закабаления страны.

Под давлением антианглийского движения в Ираке, усилившегося после заключения договора 1926 г., британское правительство в 1927 г. решило заменить его новым договором, в котором срок действия мандата ограничивался 1932 г. Однако и этот проект иракская общественность встретила бурными демонстрациями протеста. В результате антианглийских выступлений правительство Джафар-паши, согласившееся на переговоры с англичанами, вынуждено было уйти в отставку. Для формирования нового кабинета пришлось распустить парламент. Политическая обстановка в Ираке вновь накалилась.

В проекте нового договора Англия признавала Ирак суверенным и независимым государством, а также обещала поддержать его кандидатуру в Лигу наций в 1932 г. Она обязывалась представлять Ирак там, где он непосредственно не был представлен. Иракское правительство со своей стороны должно было обеспечить выполнение ряда международных обязательств, взятых на себя Англией в отношении Ирака, соблюдать, поскольку они касались Ирака, Устав Лиги наций, Лозаннский мирный договор, англо-французскую конвенцию от 1920 г. о границах Сирии, нефтяное соглашение в Сан-Ремо и т. д. Британский верховный комиссар мог возражать против осуществления мер, принятых иракским правительством, если они, по его мнению, могли неблагоприятно отразиться на принятых Ираком международных обязательствах. Таким образом английский империализм вновь маскировал свое господство. Создалось такое впечатление, что английский мандат некоторым образом «улетучился» [224, стр. 859].

⁴¹ В Ираке все еще существовал режим капитуляций.

Проект нового договора вызывал недовольство не только среди широких слоев населения, но и в правительственных кругах. Так, одним из ярых противников нового кабального договора был дипломатический представитель Ирака в Англии Музахим Пачачи, который за это был отозван из Лондона и заменен Джафаром аль-Аскари. Касаясь своего отношения к договору 1927 г., Музахим Пачачи заявил одному из английских корреспондентов: «Этот договор подтверждает мандат, вызывающий сильную ненависть населения Ирака. Ирак ждал в 1928 г. нового договора, признающего его полную независимость, а не подтверждения мандата, т. е. иностранной опеки» [390, 18. II. 1928].

Внешне борьба в основном разгоралась вокруг вопроса об утверждении англо-иракского договора 1927 г. парламентом. На деле же вопрос ставился гораздо более широко — о борьбе с английским гнетом.

Иракские националисты требовали от своего правительства проведения самостоятельной внутренней политики. Под давлением общественного мнения правительство решило вместо наемных войск создать национальную армию и заявило своим английским хозяевам о намерении ввести всеобщую воинскую повинность.

Иракские правящие круги уже давно понимали, что создание собственных вооруженных сил будет способствовать обретению Ираком большей независимости, однако оно медлило с окончательным решением, боясь нового восстания. Это было самым слабым местом правительственной клики, опирающейся на английские штыки, и поэтому каждое правительство колебалось в решении вопроса о создании национальной армии. Англичане же, формально предоставив иракскому правительству право самостоятельно решать этот вопрос, в действительности угрожали вывести свои войска из Ирака и отказать в помощи в случае восстания, направленного против правительства.

Стремясь сгладить всеобщее недовольство вмешательством мандатных властей в вопрос о введении всеобщей воинской повинности, министр колоний Великобритании Эмери выступил с заявлением, в котором уверял население Ирака в том, что Англия не будет вмешиваться в решение этого вопроса.

Напряжение в стране усугублялось еще и тем, что Ираку грозило вторжение ваххабитских племен из Неджда. По просьбе мандатных властей английское правительство направило в Ирак сотню военных самолетов и приказало верховному комиссару постоянно наблюдать за движением и действиями ваххабитов. В стратегически важных пунктах были построены аэродромы. Были отменены отпуска всем офицерам. Английские политические круги опровергали сообщения иракских газет о возмущении племен и беспорядках на границе с Недждем. Чтобы успокоить население, английское министерство иностранных дел

опубликовало в Ираке заявление, в котором заверяло его в том, что в ближайшее время разрешит все спорные вопросы и создаст полную безопасность на всем протяжении границы с Недждом.

Ссылаясь на напряженное положение, мандатные власти ввели свои войска с броневиками в ряд городов Центрального Ирака. Одновременно по всей стране англичане установили строгую цензуру. «Все телеграммы прессы перед отправкой из Ирака прочитывались предварительно английским верховным комиссаром в Ираке Клейтоном» [378, 28. IV. 1928].

Английские колониальные круги старались уверить всех в том, будто не Англия навязала свою опеку Ираку, а, наоборот, иракцы просили англичан помочь им в управлении государством. Вот что писала, например, «Нир Ист энд Индия»: «Требования Ирака по отношению к Великобритании сводятся к следующему: предоставьте нам управлять и действовать самостоятельно, но стойте около нас и говорите, что нам делать и в чем мы ошиблись» [392, 22. XII. 1927].

Как видно, иракская феодальная знать, торговая буржуазия и чиновничество, поставленные у власти англичанами, чувствовали себя недостаточно прочно вследствие все большего нарастания национально-освободительного движения в стране. Поэтому правительство было не прочь добиться большей самостоятельности, но при условии поддержки его штыками английских солдат.

«Нир Ист энд Индия» характеризовала создавшееся в Ираке политическое положение как «тяжелую атмосферу» [392, 2. II. 1928]. Лонгригг ситуацию в Ираке описывает следующим образом: «Кратковременные кабинеты, состоящие из непримиримых членов, бесполезные легковесные партии, подтасованные выборы, никого не представляющие парламенты, верные правительству, находящемуся у власти в данный момент, так как ему они обязаны своим существованием» [263, стр. 177].

Попытка английского правительства добиться поддержки нового договора со стороны иракских правящих кругов не увенчалась успехом. Парламент отказался ратифицировать его [48, стр. 19].

К началу 1928 г. правительство Абд аль-Мухсина ас-Саадун, не добившись уступок со стороны английского правительства в финансовых и военных вопросах, подало в отставку [357, ч. 2, стр. 90]. Новое правительство, которое возглавил тот же ас-Саадун, решило построить свои отношения с британским правительством на основе договоров и соглашений, заключенных с Англией в 1922—1924 гг. и 1926 г. [48, стр. 19]. Ас-Саадун, как опытный политик и администратор, решил, что «бесполезно лезть на рожон»; поэтому он отложил до ближайшей сессии парламента прения об англо-иракском договоре и по вопросу о введении всеобщей воинской повинности [392, 24.V.1928].

Правительство ас-Саадуна не пользовалось поддержкой населения, хотя оно сделало все, что было в его силах, для проведения своих сторонников в новый парламент⁴². Сторонники правительства заняли там 70 мест благодаря подкупу и давлению на выборщиков. На это намекали и сами англичане, когда писали, что «Ирак — не единственная страна в мире, где правительство имеет сильное преимущество на выборах». Однако, несмотря на это, оппозиция все же провела в парламент 18 депутатов. Характеризуя выборы 1928 г., один из апологетов английской колониальной политики, Роджерс, писал: «Еще раз победила старая тенденция поддерживать членов правительственной партии и отвергать представителей партии, не стоящей у власти» [392, 24. V. 1928].

После выборов ас-Саадун заявил, что его кабинет будет проводить политику, основанную на интересах экономического развития страны. Он сообщил, что собирается внести на утверждение парламента новый проект англо-иракского договора, сократить дипломатические представительства Ирака за границей (в соответствии с действительными потребностями государства), устроить плебисцит по вопросу о введении обязательной воинской повинности и установить добрососедские отношения со странами, граничащими с Ираком. Новое правительство обещало содействовать оседанию кочевников на землю и с этой целью распределить между ними государственные земли, отменить недавно введенный подоходный налог, учредить сельскохозяйственный банк, построить новые железные дороги⁴³ и расширить ирригационную сеть [390, 1. II. 1928]. Однако эта программа так и не была проведена в жизнь.

14 сентября 1929 г. правительство Великобритании сообщило через своего верховного комиссара королю Фейсалу о своей готовности поддержать кандидатуру Ирака в Лигу наций «без всяких ограничений и условий» [48, стр. 37]. В тот же день оно известило иракского короля о том, что надеется заключить с иракским правительством новый договор для определения взаимоотношений между двумя странами после вступления Ирака в Лигу наций. В январе 1930 г. Совет Лиги наций был уведомлен о том, что правительство Великобритании не намерено навязывать Ираку договор 1927 г. и что оно собирается отказаться от мандата и в 1932 г. рекомендовать принять Ирак в Лигу наций [250, стр. 34].

Ряд причин вынудил Англию решиться на этот шаг. Во-первых, он объяснялся антанглийскими выступлениями, происхо-

⁴² Выборы состоялись в мае 1928 г. Как сообщала английская «Дейли телеграф» (от 28 апреля 1928 г.), во время предвыборной кампании между соперничавшими группами происходили серьезные столкновения, в которые вмешивались армия и полиция.

⁴³ Узкоколейная железная дорога Багдад — Киркук должна была быть доведена до Мосула.

дившими в Ираке с момента установления там мандатного режима. Правящим кругам Великобритании стало ясно, что подавление народных выступлений самими англичанами усиливает ненависть иракского народа к ним и толкает его на новые восстания. Во-вторых, британские империалисты нашли в лице правящей феодальной клики Ирака и компрадорской буржуазии социальную опору и, убедившись в их лояльности, решили передать им бразды правления Ираком. В-третьих, они намеревались возложить на плечи народных масс Ирака все те расходы, которые были связаны с колониальными интересами Англии, особенно военно-стратегическими. Поэтому английские мандатные власти так активно помогали созданию иракского государственного аппарата, в первую очередь аппарата для подавления национально-освободительного движения — армии и полиции. Характерно, что созданные англичанами местные органы власти, подавляя выступления народа, служили британским колониальным интересам; однако при этом создавалось впечатление, что англичане были ни при чем. Предоставлением Ираку формальной независимости английское правительство сеяло иллюзии не только в кругах иракских национал-реформистов, но и в общественном мнении всего Арабского Востока, будто Англия выполнила свое обещание о предоставлении оккупированным странам независимости. В-четвертых, отмена мандатного режима лишала конкурентов Англии юридического права эксплуатировать природные богатства Ирака на основании принципа «открытых дверей», воплощенного в мандате. Таким образом, Англия обеспечивала себе политическое, экономическое и военное превосходство и одновременно лишала другие державы возможности экономического проникновения в Ирак.

Ведея закулисный торг с иракским правительством с заключении нового договора, британское правительство, наученное горьким опытом антианглийских выступлений местного населения, разработало подробный план военных действий против них в случае новых волнений. Военные власти в Ираке получили соответствующие инструкции на случай восстания, в которых рекомендовалось «безжалостно жечь деревни, разрушать ирригационные сооружения, запрещать обработку земли и систематически реквизировать продукты питания» [394].

Английские империалисты словно в воду глядели. Как только в стране распространились слухи о намерении Великобритании навязать Ираку очередной кабальный договор, народный гнев вспыхнул с новой силой.

9 марта 1930 г. кабинет Наджи ас-Сувейди (он заменил правительство Тауфика ас-Сувейди), осмелившийся уволить пять английских чиновников, по приказу англичан вынужден был подать в отставку [356, ч. 3, стр. 93]. Произвол мандатных властей переполнил чашу терпения иракского народа, и 21 марта

1930 г. жители иракской столицы устроили бурную демонстрацию протеста. В городе была объявлена всеобщая забастовка. Прекратили работу фабрики и мастерские, закрылись базары и магазины. На улицы Багдада вышло более 100 тыс. демонстрантов.

Во дворе мечети Хайдар-хана был устроен кратковременный митинг, на котором выступившие подвергли жестокой критике империалистическую политику Англии. Затем демонстранты направились к зданиям иностранных посольств. Они несли лозунги: «Воля народа превыше всего!», «Да здравствует независимый Ирак!», «Да здравствует народ, будем жить независимо!», «Живем для родины и умрем за родину!». Население встречало демонстрантов бурными аплодисментами. Демонстранты часто выкрикивали: «Лондон, твой час настал!» [357, ч. 2, стр. 205]. Такое мощное выступление вызвало переполох среди английских мандатных властей. По указанию верховного комиссара британским подданным было предложено не выходить из домов, а британским фирмам — закрыть свои конторы [271, стр. 99]. Демонстранты вручили послам иностранных государств решительный протест.

Политический кризис все нарастал. Положение становилось угрожающим для английского господства в Ираке. Для подавления национального движения потребовался диктатор. Англичане призвали к власти своего старого ставленника Нури ас-Саида. 23 марта 1930 г. король Фейсал поручил ему сформировать правительство [357, ч. 2, стр. 256]. Когда Нури ас-Саид стал премьер-министром, англичане предложили ему проект нового договора.

Переговоры о заключении нового англо-иракского договора стали главной заботой Нури ас-Саида [250, стр. 35]. В программе правительства об этом говорилось в самой категорической форме. «Мы пришли к власти, — заявил Нури ас-Саид, — имея в виду две главные цели: 1) проводить политику, предусматривающую создание независимого миролюбивого Ирака, обязанного правительству его британского величества; 2) бороться с тяжелым экономическим положением в стране». Нури ас-Саид требовал от короля проведения новых выборов в парламент, который должен был утвердить договор и рассмотреть закон о национальной обороне в связи с созданием регулярной армии [356, ч. 3, стр. 96—97]. Нури ас-Саид заявил, что исправит положение путем сокращения в ближайшие два года числа чиновников-иностранцев и пересмотра существующих штатов административного аппарата с точки зрения способности и пригодности государственных служащих.

Англо-иракские переговоры начались в апреле 1930 г. Однако англичане, стараясь сделать иракские правящие круги более сговорчивыми, затягивали переговоры. Король Фейсал, всеми средствами старавшийся ускорить заключение договора, го-

ворил в те дни: «В течение ряда лет я рисковал своим влиянием, надеясь, что Англия в конце концов оправдает доверие, но обещанный договор, который должен занять место мандата, все откладывается... И если договор не будет заключен сейчас, при нынешнем правительстве, то я не думаю, что какое-либо другое правительство будет удачливее» [370, 1930, № 6—7, стр. 14]. Во время переговоров Фейсал, стремясь выторговать у англичан некоторые уступки, делал жалкие попытки запугать их выступлением иракского народа против мандатного режима.

Не дожидаясь окончания переговоров, Нури ас-Саид вылетел в Лондон, где, превысив свои полномочия, 30 июня 1930 г. подписал новый договор с Англией. Как только в Ираке стало об этом известно, по всей стране прокатилась волна гнева. В знак протеста ушел в отставку министр финансов [271, стр. 99].

В договоре 1930 г.⁴⁴ Англия формально признавала независимость Ирака и обязывалась добиться принятия его в Лигу наций в 1932 г. Договор должен был заменить собой английский мандат. Однако согласно ст. 1 нового договора, оба государства должны были консультироваться на основе взаимности по всем вопросам внешней политики, затрагивающим интересы обеих сторон. Таким образом, Ирак лишился права проводить самостоятельную внешнюю политику.

Договор устанавливал оборонительный и наступательный «союз» между Англией и Ираком. Он обязывал Ирак в случае войны, которую могла начать Англия, оказывать всяческое содействие и помощь ее вооруженным силам путем предоставления подвижного железнодорожного состава и водного транспорта, морского порта, аэродромов и средств связи (ст. 4).

Новый англо-иракский договор заключался сроком на 25 лет (ст. 11), и в течение этого периода Англия имела право «арендовать» участки для своих военно-воздушных баз в Басре или поблизости от нее и к западу от Евфрата (ст. 5); кроме того, Англии разрешалось держать в этих местах свои войска [243, стр. 415]. Согласно приложению к договору, Англия сохраняла также право держать в течение пяти лет свои войска в Ханайди и Мосуле (пункт 1 «Приложения»). Иракское правительство обязалось в случае привлечения на службу иностранных советников отдавать предпочтение британским подданным. Для организации иракской армии должна была быть приглашена английская военная миссия. Англии предоставлялись «все возможные облегчения» при передвижении ее войск, при перевозке и хранении на складах всех припасов и всего снаряжения, которые могли оказаться необходимыми для этих войск во время прохода по территории Ирака (пункт 7 «Приложения»). И на-

⁴⁴ Полный текст договора и приложения к нему см. на стр. 253—256. Договор должен был вступить в силу после принятия Ирака в Лигу наций.

конец, Ирак был обязан приобретать оружие, принятое на вооружение в английской армии. Английский верховный комиссар переименовывался в посла [263, стр. 183].

Как только был заключен новый англо-иракский договор, последовали перегруппировки политических партий. Нури ас-Саид образовал крайне правую проанглийскую партию «Хизб аль-Ахд» («Партия завета»), целью которой было противостоять оппозиционным партиям и осуществить на практике договор 1930 г. [250, стр. 36].

Члены созданной в 1925 г. «Хизб аш-Шааб» («Партия народа») ⁴⁵ и «Аль-Хизб аль-ватани аль-иракий» объединились в партию «Хизб аль-иха аль-ватани» («Партия национального братства») [356, ч. 3, стр. 232] ⁴⁶. Главой партии стал Ясин аль-Хашими, а наиболее видными ее членами — Рашид Али аль-Гайлани, Хикмет Сулейман и Мухаммед Заки [250, стр. 36]. «Иха аль-ватани» резко выступала против английского мандата и заключения нового кабального договора ⁴⁷.

Оппозиционная пресса осудила договор как несовместимый с суверенитетом страны и объявила, что обещанная Англией независимость является иллюзорной [250, стр. 36]. Особое недовольство вызвали те статьи договора, которые касались оказания Ираком военной помощи Великобритании и предоставления ей военных баз на территории Ирака — в Хаббании (недалеко от Багдада) и Шуайбе (близ Басры). Эта часть договора единогласно оценивалась как несовместимая с независимостью Ирака. Некоторые руководители оппозиции утверждали, что после отмены мандата Ирак фактически превратится в британский протекторат.

Политические деятели самых различных убеждений подвергли договор острой критике. Руководитель «Иха аль-ватани», один из главных политических соперников Нури ас-Саида, Ясин аль-Хашими отмечал, что договор находится в полном противоречии с национальными стремлениями Ирака. Независимость 1932 г., говорил он, это не настоящая независимость. Он доказывал, что ни одна страна не может быть независимой, если ей приходится рассчитывать при этом на иностранную помощь, а также «смотреть, как на ее территории располагаются иностранные военные базы» [358а, стр. 245].

Другой видный деятель «Иха аль-ватани», Рашид Али аль-Гайлани, так определил смысл договора: «Самое малое, что можно сказать о новом договоре, — это то, что он заменил вре-

⁴⁵ Лидером этой партии был тогдашний премьер Ясин аль-Хашими.

⁴⁶ Номинально «Аль-Хизб аль-ватани аль-иракий» осталась самостоятельной. Ее лидером был Джафар Абу ат-Тимман. Вокруг «Аль-Хизб аль-ватани аль-иракий» объединялись левые патриотические силы.

⁴⁷ Что касается короля Фейсала, то, хотя он и заигрывал с лидерами национально-освободительного движения, он считал это движение главным препятствием для достижения независимости страны [332].

менный мандат постоянной оккупацией, дал Англии право использовать Ирак в своих интересах, добавил к оковам и тяготам, которые несет Ирак, новые оковы и тяготы, значительно более тяжелые» [250, стр. 36]. Шиитский лидер сейид Махди заявил, что «договор сделал Ирак сферой господства интересов Англии, превратил его в английскую колонию» [353, стр. 222]. Наконец, в некоторых политических кругах Багдада указывали на тот факт, что договор заключен в то время, когда Ирак все еще находился под британской опекой.

Фейсалу и Нури ас-Саиду стало ясно, что при такой оппозиции договор не будет ратифицирован парламентом. Поэтому 1 июля 1930 г. король распустил парламент и назначил на осень новые выборы [352, ч. 2, стр. 211].

Исход выборов ни у кого не вызывал сомнений, так как Нури ас-Саид принял все меры для давления на избирателей, для фальсификации и подтасовки результатов⁴⁸. Лидеры оппозиционных партий Джафар Абу ат-Тимман и Ясин аль-Хашими призвали народ бойкотировать выборы [250, стр. 36], но полицейские хватали людей прямо на улицах и насильно тащили их к избирательным урнам, принуждая голосовать за кандидатов, угодных английским империалистам и их агенту Нури ас-Саиду.

Левые патриотические силы обратились к народу с воззванием. «Великий иракский народ! — говорилось в воззвании. — Ты страдаешь от голода и нищеты, причина которых — англичане и их прихвостни. Они расхищают твоё добро, они вносят раскол в ряды арабской нации, они творят бесчинства во всех арабских странах... Пусть нищета, бесчинства, несправедливые договоры побудят тебя, народ Ирака, объявить забастовку в день 22 сентября 1930 г.» [174].

Нури ас-Саид приказал арестовать и предать суду руководителей забастовки.

Кампания бойкота ввиду репрессивных мер со стороны правительства и англичан потерпела неудачу; ощутимые результаты она дала только в Самарре. Выборы были закончены в октябре 1930 г. Две трети депутатов нового парламента были сторонниками политики Нури ас-Саида.

Английский верховный комиссар, комментируя выборы 1930 г., писал 18 ноября 1930 г. в газете «Дейли телеграф»: «Все политические деятели Ирака против нас и против заключения договора... Если бы не чрезвычайные меры, принятые нами на выборах, мы бы не получили парламента, согласного ратифицировать договор».

Новый парламента собрался 1 ноября 1930 г. [352, ч. 2, стр. 211]. Депутаты оппозиции в своих выступлениях осуждали

⁴⁸ Чтобы обеспечить полный контроль над выборами, Нури ас-Саид принял на себя также пост министра внутренних дел [353, стр. 222].

договор как орудие в руках английских империалистов, и утверждали, что он повлечет за собой большие жертвы. Они заявили, что его ратификация была бы вечным позором [250, стр. 36]. Тем не менее 16 ноября новый кабальный договор был ратифицирован парламентом. В палате депутатов 69 голосов было подано за договор, 13 — против; в сенате из 16 присутствовавших сенаторов 11 голосовали за ратификацию, а 5 — против [243, стр. 417; 263, стр. 184].

Так английскому империализму удалось с помощью иракских буржуазно-помещичьих кругов, возглавляемых Нури ас-Саидом, навязать Ираку силой новый кабальный договор.

После ратификации договора Нури ас-Саид издал жестокие законы, направленные против патриотов. Усилением репрессий он хотел окончательно подавить оппозицию в стране. Чашу народного терпения переполнило опубликование нового закона о местных налогах, согласно которому на плечи трудящихся ложилось новое тяжелое бремя⁴⁹. Через несколько дней после издания этого закона забастовали трудящиеся Багдада, Баакубы, Куфы, Кербелы, Неджефа, Рамади, Кута и других городов. Забастовка продолжалась 14 дней. Были закрыты базары, прекратил работу городской транспорт [47, стр. 7].

Во многих городах и сельских районах социальный протест слился с национально-освободительной борьбой. Во главе этого движения встали «Аль-Хизб аль-ватани аль-иракий» и «Иха аль-ватани». Прогрессивные арабские лидеры выдвинули следующие требования: 1) отменить вновь введенные налоги и сократить существующие; 2) рассмотреть проблему безработицы; 3) отменить закон о подоходном налоге; 4) освободить из-под ареста участников забастовки; 5) осудить бесчинства полиции и отменить запрещение свободы собраний.

В ответ Нури ас-Саид отдал приказ силой подавить народное движение. Правительство пригрозило ремесленникам и торговцам штрафом в размере 600 рупий, если они не откроют свои лавки и не приступят к работе [47, стр. 7]. Чтобы внести дезорганизацию в ряды забастовщиков и демонстрантов, багдадский муниципалитет постановил освободить мелких торговцев и ремесленников от нового налога. Одновременно правительство отдало полиции приказ стрелять по всем, кто не подчинится ее распоряжениям.

В ночь с 11 на 12 июля 1931 г. в иракской столице произошли кровавые столкновения. Такая же картина наблюдалась в ливе Мунтафик и на юге страны. В Дивании в течение нескольких дней местные власти не могли подавить народные волнения. Только после бомбежки города английскими военно-воздушными силами сопротивление народа прекратилось. Особенно серьезный характер приняло положение в Басре. Здесь уча-

⁴⁹ Налог был увеличен на 50% [377а, 10.1.1931].

стики антианглийской демонстрации атаковали здание местной администрации и обстреляли его. На помощь были вызваны войска и самолеты. Только через три дня власти сумели восстановить здесь порядок [47, стр. 8]. Такие же события произошли и в других частях Ирака. Страна захлебывалась в крови.

В знак протеста против политики, проводимой Нури ас-Саидом, из состава правительства вышел министр образования Джамиль аль-Мидфай, подал в отставку председатель палаты депутатов. В конце концов волна народного гнева вынудила Нури ас-Саида подать в отставку.

30 октября 1931 г. англо-иракский договор был передан на рассмотрение Лиги наций⁵⁰. Он обсуждался постоянной мандатной комиссией Лиги. На заседаниях комиссии было указано, что договор позволяет одной из сторон, «обладающей средствами вмешательства и контроля» (здесь недвусмысленно подразумевалась Англия), вмешиваться в дела другой, которая не обладает этими средствами [41, стр. 8]. Один из членов комиссии даже высказал опасение, что договор превращает Ирак в «обыкновенный протекторат» [250, стр. 14]. Однако, как и следовало ожидать, в конечном счете постоянная мандатная комиссия «не обнаружила ничего зловещего в договоре» [41, стр. 9] и решила, что, «хотя некоторые из положений договора о союзе от 30 июня 1930 г. не совсем обычны для договоров такого рода, обязательства, взятые на себя Ираком в отношении Великобритании, явно не нарушают независимости нового государства» [271, стр. 109].

3 октября 1932 г. Ирак был принят в Лигу наций [194, стр. 362; 366, стр. 26]. Мандатный режим был отменен, и Ирак превратился в формально независимое государство. При вступлении в Лигу наций Ирак подписал (30 мая 1932 г.) декларацию о «независимости». Эта декларация, подготовленная и одобренная Советом Лиги (19 мая 1932 г.), возлагала на Ирак ряд обязательств и гарантий в отношении национальных меньшинств (в первую очередь курдов и ассирийцев), которые предусматривали отсутствие всякой дискриминации во время выборов, в назначениях на должности, в религии, в языке и т. д. Однако эти гарантии никогда не выполнялись иракским правительством, и поэтому национальные меньшинства старались силой оружия добиться своих прав.

После вступления Ирака в Лигу наций в стране устанавливалась «система одинакового правосудия для иракцев и иностранцев» [41, стр. 9]. В то же время юридическое соглашение, заключенное между Англией и Ираком, предусматривало наличие девяти английских судей, которые служили на основе долголетних контрактов. Постоянная мандатная комиссия, уз-

⁵⁰ Обмен ратификационными грамотами произошел 26 января 1931 г. в Багдаде [48, стр. 20].

нав, что некоторые из этих судей должны были быть назначены вновь, настояла на том, чтобы судей избрали без различия национальности. Английское правительство с удовольствием согласилось на это, так как ни в одной европейской стране, кроме Англии, не было судей, знавших арабский язык.

Новое юридическое соглашение обязывало Ирак также признать все договоры, заключенные Англией от его имени, все старые финансовые обязательства и права, приобретенные иностранными компаниями в Ираке, и т. д. Эти гарантии не подлежали пересмотру без согласия большинства членов Совета Лиги наций [271, стр. 109].

Предоставление Ираку формальной независимости не изменило колониального характера его экономики. Командные высоты иракского народного хозяйства остались в руках англичан.

Таким образом, как справедливо замечал Джонс, новый договор так же прочно гарантировал английские интересы, как и договор 1922 г. [245а, стр. 63]. Поэтому замена мандатного режима «союзным» англо-иракским договором не принесла успокоения в страну. Очень скоро в Ираке вновь вспыхнули антианглийские восстания⁵¹.

⁵¹ Уже в 1935 г. в Ираке произошло мощное антианглийское восстание, длившееся почти три года [175, стр. 353].

ЧАСТЬ IV.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ИРАКА В ГОДЫ АНГЛИЙСКОГО МАНДАТА

ГЛАВА I.

КУРДСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ УСТАНОВЛЕНИЯ МАНДАТА

После вступления Турции в войну территория, населенная курдами, превратилась в арену сражения. Так курды были втянуты в империалистическую войну на стороне Османской империи, хотя курды, проживавшие в восточных вилайетах Турции, были приверженцами России. И если курдские националисты накануне войны распространяли слух о том, что курдское движение направлено якобы против России, то это делалось для того, чтобы отвлечь внимание турецких властей¹.

В Иракском Курдистане турецкие войска производили массовые реквизиции скота и имущества, разоряли курдские деревни, а в некоторых районах убивали мирное курдское население². Кроме того, турецкие правящие круги использовали курдов против христианского населения — армян и ассирийцев, что вызывало с их стороны ненависть. В результате положение курдов становилось еще более затруднительным [196, стр. 33—34].

По свидетельству курдского общественного деятеля А. Ямулки, дороги Курдистана были усеяны трупами крестьян, земли были опустошены, среди курдского населения царил голод, эпидемии и нищета [358, стр. 57].

Английский офицер Ноэль, прибывший в ноябре 1918 г. в Сулейманию, вспоминал, что население города ходило в рваной одежде, голодало, на улицах и в домах валялись трупы [216, стр. 81]. Население Сулеймании сократилось на две трети: многие погибли или покинули город. Исчезли целые семьи и даже роды, например род Кавилай (100 семей) из полуоседлого курдского племени навдар. Аналогичное положение было и в других районах ливы Сулеймания. Население казы Чварта сократилось со 100 семей до 20 [216, стр. 104].

¹ Подробнее об участии курдов в войне см.: 189, стр. 86.

² Под предлогом эвакуации, необходимой в связи с наступлением русских войск, турки производили массовые депортации курдов, с тем чтобы расселить их среди туток и ассимилировать. По официальным данным, этой жестокой мере были подвергнуты около 700 тыс. курдов. Многие из них пали жертвами турецкого произвола [149, стр. 291; 292а, стр. 76].

Не лучше было положение сельского населения. Многие не имели ни семян, ни сельскохозяйственного инвентаря, ни рабочего скота [216, стр. 81].

Английский офицер Хей в своей книге вспоминает: «Во время голодовки 1918 г. бедняки собирали стручки, размалывали зерна и пекли из этой муки хлеб... переварить его могли лишь самые выносливые, но он помог не умереть с голоду» [239, стр. 98]³.

Многие курды-бедняки шли батрачить. Их называли сапанами. За свою тяжелую работу они получали шестую часть собранного ими урожая [239, стр. 100].

После захвата Англией Ирака курдский крестьянин был поставлен в зависимость от мирового рынка, от иностранных монополий, что еще более ухудшило его положение. Грабя природные богатства Иракского Курдистана, английские монополии препятствовали его экономическому развитию.

Вторжение иностранного капитала не произвело переворота в аграрных отношениях. Обработанные земли по-прежнему находились в основном во владении феодалов и шейхов племен. Как и раньше, основной фигурой курдской деревни оставался зависимый от ага, закабаленный, полунищий издольщик, ведущий хозяйство на мелком клочке земли примитивными методами, при помощи самых архаических орудий труда.

Засилье британского капитала препятствовало развитию капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве Иракского Курдистана. Империалистическое иго сочеталось здесь с господством феодальных и полуфеодальных отношений.

Курдские трудящиеся массы находились под тройным гнетом. Их грабили английские империалисты, арабская и курдская феодальная верхушка. Тройной гнет делал их жизнь невыносимой, он обрекал на нищету и голод как оседлых крестьян, так и кочевников, вел к разорению ремесленников, служащих, мелких торговцев.

Экономическое развитие Иракского Курдистана было невозможно без устранения тройного гнета. В решении этой исторической задачи были кровно заинтересованы курдские крестьяне и пастухи, ремесленники и мелкие торговцы. Верхи оседлых и кочевых племен Иракского Курдистана в своем большинстве поддерживали политику английских захватчиков, поскольку английский оккупационный режим гарантировал сохранение их привилегий. И только небольшая часть их выступала на стороне народа в борьбе против империалистов.

³ Весной 1919 г. курды вообще не решались засеять поля, так как боялись, что турки, все еще остававшиеся в стране, могут забрать у них весь урожай [239, стр. 99].

Как было отмечено, к моменту окончания первой мировой войны Курдистан был аграрной страной, с преобладанием полупефеодальных отношений. Промышленный пролетариат только зарождался, следовательно еще не было условий для появления рабочих организаций. Поэтому курдский народ в то время не был подготовлен к восприятию социалистических, марксистско-ленинских идей. Однако освободительные лозунги и демократические идеи Великой Октябрьской социалистической революции нашли в курдском народе живой отклик. И недаром английский губернатор Сулеймани Сон доносил своему начальству о том, что «идеи и принципы большевизма, к несчастью, становятся известны» [319, стр. 145].

Курдское национально-освободительное движение, направленное против колониальной политики английских захватчиков, протекало под флагом национализма. Однако это был национализм не угнетающей нации, а угнетенной.

Суть национально-освободительного движения в Иракском Курдистане состояла в борьбе народных масс против налоговой эксплуатации, против порабощения и культурного обезличения со стороны английского империализма и иракской правящей верхушки. Курды стремились к образованию самостоятельного, национально независимого и национально единого государства. Однако это стремление натолкнулось на сопротивление как империалистической Англии, так и Ирака, правящие круги которого утверждали, что «нет Иракского Курдистана, а есть лишь районы с курдским большинством». В борьбе с этими реакционными силами развивалось и крепло национально-освободительное движение курдов.

Главной движущей силой в этом движении было крестьянство. В качестве идеолога движения выступала интеллигенция, вышедшая из духовенства и помещичьей среды. В силу своей малочисленности и неопытности интеллигенция не могла возглавить освободительную борьбу курдов.

Большинство курдских национальных организаций действовало за границей. В Каире обосновалось Общество курдской независимости, имевшее свой печатный орган, в котором проповедовалась идея автономного Курдистана под протекторатом Англии. В Стамбуле действовало Общество возвышения Курдистана [360, стр. 39]⁴. В состав этих организаций входили бывшие курдские сановники Османской империи. Они не пользовались большим авторитетом среди курдского населения, стояли далеко от народа и не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на ход освободительной борьбы курдов [118, стр. 66].

⁴ Общество возвышения Курдистана и Общество курдской независимости издавали газету «Жиян» (с 1920 г. — «Курдистан»). После прекращения существования этих организаций прекратилось и издание газеты [75, стр. 260].

Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане связывалось с именами отдельных представителей местной знати, в первую очередь вождей племен и духовных шейхов.

Во главе курдского национально-освободительного движения встал один из крупных феодалов и религиозных вождей шейх Махмуд Барзанджи⁵.

Движение курдов под предводительством шейха Махмуда охватило значительную часть северо-востока Ирака и приняло форму партизанской войны, которая сыграла определенную роль в подъеме национально-освободительной борьбы всего иракского народа против английского империализма.

В начале первой мировой войны Махмуд выступил на стороне турок и воевал против англичан. Однако вскоре, поссорившись с командующим VI турецким корпусом Али Ихсан-пашой, он порвал с турками. Как только известие о военных неудачах Турции достигло Иракского Курдистана, здесь начались выступления местного населения против турецких гарнизонов. Курды племени барзанджи под предводительством своих сейидов напали на турецкий военный склад в деревне Вулиавеш и захватили 100 повозок, груженных оружием [216, стр. 106].

Весной 1918 г. шейх Махмуд, воспользовавшись английской поддержкой, поднял восстание против турецкого правления в Сулеймании. Однако туркам удалось удержать власть [44, стр. 33].

После разгрома Турции и заключения Мудросского перемирия Сулейманийская лива перешла в управление Махмуда. Турецкий гарнизон Сулеймании подчинился ему. Когда же англичане захватили Мосульский вилайет, Махмуд установил с ними связь и потребовал от турок безусловной капитуляции. Английское командование направило к Махмуду двух офицеров [44, стр. 33].

Курдские племена и общины, расположенные на реках Сирван и Большой Заб, выразили желание подчиниться шейху Махмуду как своему вождю [230, стр. 29]. Однако вскоре власть Махмуда была урезана англичанами. Под его управлением оставили лишь некоторые районы лив Киркук и Сулеймания.

Другие курдские влиятельные лица тоже получили от англичан разные должности в Чамчамале, Пенджвине и Халабдже. Отношение курдской родо-племенной верхушки к англичанам хорошо видно из заявления, сделанного от их лица шейхом Махмудом. В этом заявлении, между прочим, говорилось: «Поскольку правительство Великобритании решило освободить

⁵ Шейх Махмуд происходил из древнего курдского рода, возводящего свою родословную к Али и Фатиме. Его отец, шейх Санд, тоже пользовался большим влиянием в Курдистане. Родственники шейха Махмуда и его отец были убиты в Мосуле в 1910 г. Молодой Махмуд спасся бегством [357, ч. 1, стр. 200]. Впоследствии многие члены семьи шейха Саида стали крупными помещиками [104, стр. 70].

восточные народы от турецкого ига и оказать им помощь в достижении независимости, курдские вожди, как представители курдского народа, просят правительство Великобритании принять их под свое покровительство и присоединить занятую ими территорию к Ираку». Курдские феодалы и шейхи племен просили англичан прислать к ним своего представителя. Они надеялись, что британское покровительство даст курдскому населению «возможность мирного развития по пути цивилизации» [311, стр. 160]. Курдские шейхи и феодалы требовали, чтобы в местной военной администрации служили английские офицеры и курды, а в гражданской — только курды [311, стр. 156].

В декабре 1918 г. пленный турецкий гарнизон Сулеймани был передан английскому командованию. Английское правительство официально признало Махмуда хукумдаром (правителем) ливы Сулеймани и назначило ему месячный оклад в размере 15 тыс. индийских рупий [340, стр. 156].

С 1918 г. в Сулеймани курдский язык впервые стал официальным языком местной администрации [216, стр. 11].

Английский гражданский комиссар Арнольд Вильсон подчинил шейху Махмуду всю населенную курдами территорию, простирающуюся от Большого Заба до Диялы⁶.

Назначение шейха Махмуда правителем Сулеймани вызвало недовольство вождей влиятельных курдских племен, населявших районы Кифри и Киркука и соперничавших с племенем барзанджи [216, ст. 11; 311, стр. 157].

В апреле 1919 г. Курдский комитет, образованный в Турции во главе с бывшим турецким сенатором Абд аль-Кадыром, представил английскому верховному комиссару в Стамбуле требование о предоставлении Курдистану независимости и об оказании помощи для освобождения от турецкого ига. 3 мая 1919 г. верховный комиссар доносил в Лондон о том, что курды желают иметь свое государство и что они «хотят рассчитаться с турками», которые, по их словам, «никогда ничего хорошего для них не сделали» [230, стр. 31]. 22 мая 1919 г. корреспондент газеты «Таймс» сообщал: «Единственным средством сохранения мира в районе Ханакин — Сулеймани является присоединение Южного Курдистана к Ираку».

Шейх Махмуд надеялся, что англичане выполнят свое обещание и окажут курдам помощь в создании независимого Курдистана, в состав которого, по его предположениям, должны были войти курдские районы Ирака, Ирана и Турции. Однако объединительную политику Махмуда Вильсон не поддержал. Все больше опасаясь растущего влияния шейха Махмуда в Курдистане, англичане решили изменить там административную

⁶ К Махмуду приставили двух английских советников: майора Ноэля (по гражданским делам) и майора Данлиса (по военным делам) [357, ч. 1, стр. 200—201; 364, стр. 121].

систему, с тем чтобы Курдистан стал автономной частью Ирака. При этом изменение своей политики англичане объясняли «отсталостью Иракского Курдистана», внутривременными распрями и «отсутствием железных дорог» [311, стр. 158]. Сам Вильсон цинично замечал по этому поводу: «Твердолобому шейху Махмуду трудно было понять, что обещания, данные во время войны, редко выполняются» [311, стр. 157—158].

Английский гражданский комиссар в Ираке Вильсон создавшееся тогда положение представляет таким образом, будто идея создания «автономного Курдистана» под покровительством Англии «всюду находила поддержку» [319, стр. 129]. Последующие события целиком опровергают эти слова Вильсона. Неправильным является также его утверждение о том, будто независимость для верхушечных слоев курдских племен означала свободу грабежа их сравнительно слабых соседей. Национально-освободительное движение курдов он, как и Эдмондс⁷, считает продуктом корыстолюбия шейхов и вождей племен [216, стр. 59; 319, стр. 128—129, 136].

С первых же дней оккупации английские захватчики начали взыскивать с оседлого и кочевого населения огромные налоги⁸, проводить массовые реквизиции [19а, стр. 303].

Установление английского господства в Ираке усилило эксплуатацию народных масс, привело к дальнейшему упадку производительных сил, к кризису сельского хозяйства, обнищанию и разорению десятков тысяч производителей. Все аграрные законы, изданные английскими властями, были направлены к консервации пережитков феодализма, к усилению феодально-ростовщической эксплуатации крестьян и кочевников.

Феодальное угнетение широких масс Иракского Курдистана, жестокие поборы и господство английского империализма, экспроприировавшего курдские земли в пользу ассирийцев, поддерживавшего и стабилизовавшего феодальную эксплуатацию, определяли активную борьбу курдского народа как против национального, так и против империалистического гнета.

Весной 1919 г. в Курдистане разгорелось пламя антианглийского восстания.

Восстание курдов началось выступлением племени гоян в округе Захо. 4 апреля 1919 г. группа членов этого племени атаковала английский отряд и убила английского политического офицера. К племени гоян присоединился отряд племени кашура⁹.

⁷ Эдмондс был английским административным инспектором в Сулеймани, Кифри и в других городах Иракского Курдистана.

⁸ Жителей Иракского Курдистана заставляли выплачивать все те налоги, которые они вносили во времена турецкого господства [319, стр. 128].

⁹ Лишь после ожесточенных боев карательные экспедиции, направленные из Мосула и поддержанные самолетами, смогли установить в августе 1919 г. «порядок» в этом небольшом районе [352, ч. 2, стр. 42].

Вскоре восстали и курды племени барзан под руководством шейха Ахмеда Барзани¹⁰. Они также убили английских политических офицеров. В Барзанские горы были посланы карательные отряды, которые жестоко подавили восстание.

Самым значительным было восстание курдов в Сулеймании¹¹, которую считали к тому времени центром курдского национализма [218, стр. 140].

Все слои населения Сулеймании были убеждены в том, что их город представлял собой как бы зародыш будущего курдского государства. Сулеймания, по их мнению, должна была стать его столицей. Английские наблюдатели отмечали, что воздух Сулеймании был полон верой в то, что именно этот город станет первым камнем в фундаменте независимого Курдистана.

Сулейманійское восстание сыграло значительную роль в развитии национально-освободительного движения не только в районах, населенных курдами, но и во всем Ираке.

Восстание вспыхнуло 20 мая 1919 г., когда союзник шейха Махмуда, один из вождей племени авроман, жившего на территории Ирана, Махмуд-хан Дизли, ворвался в Сулейманию. На следующий день шейх Махмуд с маленьким отрядом своих сторонников напал на резиденцию английского политического офицера и арестовал весь административный персонал [311, стр. 159]. В течение нескольких часов восставшие курды захватили казну, штаб рекрутских войск¹² и установили полный контроль над Сулейманией. Над зданием оккупационной администрации по приказу Махмуда вместо английского флага было поднято зеленое полотнище с красным полумесяцем [216, стр. 30; 311, стр. 160]. Восставшие перерезали телеграфную линию Киркук — Багдад, поэтому британское командование только через три дня узнало о событиях в Сулеймании [311, стр. 159].

Отряды повстанцев очистили от оккупантов большую территорию. Они дошли почти до самого Киркука, разгромив в ущелье Тасулуджа английские карательные войска, высланные против них из этого города. Махмуд распространил свою власть на всю территорию, охваченную восстанием; во главе местной администрации везде находились его сторонники [357, ч. 2, стр. 201]. Он отчеканил свою монету и даже выпустил почтовую марку [311, стр. 160].

¹⁰ Ахмед Барзани пользовался большим авторитетом как один из религиозных вождей Южного Курдистана [391, 13, 1959, № 1, стр. 5].

¹¹ Летом 1919 г. представители курдских влиятельных кругов и бывшие офицеры турецкой армии создали в Сулеймании тайную политическую организацию, выступавшую за независимость Курдистана [360, стр. 107].

¹² Курдскими рекрутами командовал младший брат шейха Махмуда — шейх Кадыр [364, стр. 123].

Особенно тяжелым стало положение англичан после того, как повстанцы двинулись к горному проходу Дарбанд. Местные английские власти были напуганы размахом восстания¹³.

23 мая известие о курдском восстании достигло Багдада и вызвало там переполох [311, стр. 160]. Английские оккупационные власти срочно послали из Киркука подкрепления для карательной экспедиции. Однако восставшие разгромили их в ущелье Базиян [364, стр. 123]. Во время этого сражения англичане понесли большой урон. Броневики карателей были сброшены со скал [311, стр. 160].

Успехи курдов поставили в трудное положение английские оккупационные войска, расположенные в Иракском Курдистане. Они чувствовали острую нехватку хлеба, большие трудности имелись и в снабжении фуражом [230, стр. 30].

На первых порах англичане недооценивали угрозы, исходящей с севера. Они рассчитывали, что их карательные отряды легко справятся с мятежными курдами. Однако после того как повстанцы дважды разгромили посланные против них войска, ситуация стала более ясной. 28 мая 1919 г. английское оккупационное командование опубликовало первое официальное сообщение о восстании шейха Махмуда [357, ч. 2, стр. 201]. В заявлении ничего не говорилось о военных неудачах англичан. Тем временем в Киркуке передислоцировались некоторые части из состава оккупационных войск, укомплектованные в основном индийцами и бирманцами [216, стр. 31]. Кроме того, из Мосула туда была переведена 18-я дивизия. Все эти части и соединения образovali особую военную группировку под названием «Войска Южного Курдистана»; во главе ее был поставлен генерал Фрезер [311, стр. 160].

В начале июня 1919 г. английские войска двинулись на Сулейманию. Против курдов действовали две пехотные бригады, четыре кавалерийских эскадрона, несколько батарей горной артиллерии, авиаэскадрилья, полк бронемашин, подразделения саперов, связистов и подрывников [360, стр. 103]. Повстанцы были вооружены в основном одними винтовками [311, стр. 159].

Несмотря на свое превосходство в живой силе и вооружении, англичане долго не могли преодолеть сопротивление курдов и овладеть подступами к Дарбандскому ущелью. Кровопролитные бои здесь продолжались до конца июня [230, стр. 30].

Напуганные успехами шейха Махмуда, английские империалисты решили начать строительство железных дорог, чтобы усмирить и сохранить за собой Курдистан¹⁴.

¹³ Например, английский политический офицер Ли был вынужден сделать запасной выход из своей резиденции для обеспечения быстрого бегства в случае неожиданного нападения курдов [216, стр. 124].

¹⁴ Бывший «советник» шейха Махмуда майор Ноэль предложил английскому правительству провести железную дорогу Кызыл-Рабат — Кифри — Киркук, чтобы «держаться в узде жителей Курдистана».

15 июня английская армия подошла к Чамчамалю. На следующий день английские разведчики проникли в тыл к восставшим. Курдские отряды во главе с шейхом Махмудом находились в это время в районе Дарбанда и Базиана. Шейх Махмуд тоже послал лазутчиков для выяснения военной обстановки. Вскоре завязалась перестрелка между курдскими и английскими разведчиками. Через два дня английские карательные войска тронулись по направлению к деревне Кала-Ахмед, расположенной около Базианского и Дарбандского проходов.

18 июня ночью английские пехотные части достигли горных вершин Базиана и открыли огонь по курдским отрядам, укrywшимся в ущелье. Те отряды, которыми командовал лично шейх Махмуд, дрались отчаянно¹⁵. Они составляли правое крыло повстанцев. На левом же фланге курдские рекруты без всякого сопротивления уступили свои позиции англичанам¹⁶. Кровопротитный бой¹⁷ закончился поражением курдов. Руководитель восстания шейх Махмуд был пленен¹⁸.

После победы у Базиана карательные отряды овладели Сулейманией. Здесь у английскому командованию явились с выражением верности не участвовавшие в восстании вожди племени пишдер во главе с Бабакра-агой и влиятельный курд из племени джаф Махмуд-паша, брат Усман-паши, каймакама Халабджи.

В середине лета 1919 г. англичане стали хозяевами положения. Они жестоко расправились с восставшими: многие селения были сожжены, активные участники восстания — казнены [311, стр. 160]. Руководителя восстания шейха Махмуда привезли в Багдад и предали военно-полевому суду, который приговорил его к расстрелу; однако, боясь новой вспышки возмущения, английские власти заменили расстрел десятилетней ссылкой [364, стр. 125]. Вместе с несколькими сподвижниками Махмуд был сослан в Индию. Шейхи и вожди племен, участвовавшие в восстании, были арестованы, а их имущество конфисковано. В домах активных участников восстания были проведены обыски. Специальный военно-полевой суд жестоко расправился с курдскими повстанцами.

Захватив Сулейманию, часть английских карательных войск отправилась для усмирения Халабджи, а другая начала прочесывание деревень в Сирванской долине. В течение июля были

¹⁵ В этом бою шейх Махмуд был дважды тяжело ранен.

¹⁶ Участник Базианской битвы Эдмондс пишет, что после боя курдские рекруты показывали английским офицерам свои заряженные ружья в знак доказательства того, что они не стреляли в англичан.

¹⁷ Каратели настолько озверели, что рубили головы даже у мертвых [216, стр. 46].

¹⁸ Англичане не сразу опознали шейха Махмуда. Вначале его приняли за одного из вождей курдского племени Исмаил. Только в Сулеймании английский офицер Бонд узнал «знаменитого пленного».

прочесаны районы Сурдаша, Шарбажера, Барзанджи, Барзана, Пенджвина и Туз-Хурматли. Одна колонна карательной армии действовала в Кара-Даге и Сангао [216, стр. 50]. Во всех районах Южного Курдистана англичане с помощью оружия «устанавливали порядок».

После подавления восстания англичане в целях устрашения местного населения всюду устраивали парады войск. Например, в Калиансане бригадный генерал Моррис устроил смотр артиллерии для «поучения народа вообще и племенных вождей в частности» [216, стр. 95]. Генерал Фрезер прямо говорил проанглийски настроенным курдам, что, если они хотят сблизиться с англичанами и пользоваться их доверием, они должны научиться лезть ради них даже под колеса [216, стр. 51].

Управление ливой Сулеймания стали осуществлять английские власти. Полуразрушенная во время войны Сулеймания в результате новой английской оккупации еще больше оскудела.

Подавив восстание, англичане всюду начали восстанавливать прежнюю административную систему. Одной из первых их забот было дереформирование курдских рекрутских частей и реорганизация полицейских отрядов. Курдских рекрутов в присутствии английских офицеров заставили принять клятву верности, написанную генералом Фрезером [216, стр. 82].

На административные должности англичане назначали своих людей. В Сулеймании во главе гражданского управления они поставили Гафур-агу, ему было поручено наладить снабжение города продовольствием и осуществлять контроль над ценами.

Ливу Сулеймания и входившие в нее казы (кроме казы Пишдер) англичане подчинили своему административно-политическому чиновнику. Бабакра-аге они дали пост каймакама Рании. Управление Шарбажером доверили курдскому офицеру английской ориентации Риза-бегу. Последнему даже была вручена почетная сабля от имени английского главнокомандующего [216, стр. 84, 105]. Мудиром Серочика англичане назначили представителя видного курдского рода Абд ар-Рахман-агу. Вновь назначенным курдским чиновникам англичане разрешали самим нанимать себе подчиненных и охрану.

3 августа 1919 г. английское командование официально объявило о том, что Южный Курдистан усмирен [216, стр. 107]. Итак, освободившись от турецкого гнета, курды вновь оказались поработенными.

Курдское восстание 1919 г. в Сулеймании было первым откликом на эту несправедливость. Оно положило начало многолетней борьбе курдов за независимость.

Поражение восстания иракских курдов в 1919 г. было обусловлено рядом причин. Восстание носило локальный характер, оно не распространилось за пределы Сулейманийской ливы, его не поддержали жители соседних лив. Оно началось стихийно и не было как следует подготовлено. Восставшие были

плохо вооружены, среди них не было единства действий. Большую роль в их поражении сыграла измена курдских рекрутов.

Следует отметить, что если появление в Сулеймании иранских курдов послужило сигналом к восстанию, то сулейманийское восстание под предводительством шейха Махмуда оказало в свою очередь большое влияние на движение иранских курдов¹⁹.

В результате «энергичного и умелого правления» губернатора Сона англичане установили в Сулейманийской ливе «спокойствие и порядок». Сон принял такие крутые меры, что местное население в течение двух-трех лет не могло прийти в себя. Поэтому в период всеобщего восстания в Ираке в 1920 г. активность курдов Сулеймании была незначительна. Однако вскоре в Курдистане вновь стало беспокойно. После победы Турции над интервентами перед англичанами возникли новые проблемы. Новое правительство Турции в январе 1920 г. в «Национальном обете» признало право арабов на самоопределение, но отказалось санкционировать отторжение Мосульского вилайета от Турции. Севрский договор, согласно которому должно было образоваться курдское автономное государство²⁰, был отклонен новым турецким правительством. Турецкие правящие круги ста-

¹⁹ Иранские курды, как и их иракские соседи, стремились к независимости, к образованию самостоятельного государства. Под непосредственным влиянием сулейманийского восстания начались волнения в Иранском Курдистане. В письме, датированном 8 августа 1919 г., английский политический офицер майор Росс сообщал своему правительству, что, если англичане не вмешаются активно в иранские дела, курды ниспровергнут иранское правительство. Английские империалисты хорошо понимали, что это было бы примером для иракских курдов и идея создания независимого Курдского государства могла бы обрести реальность. Майор Росс предлагал в случае дальнейших успехов курдов в Иране насильно приостановить их продвижение [230, стр. 33]. Разумеется, англичане пеклись не о судьбе иранского правительства, а о защите своих политических и экономических интересов. Поэтому они оказали активную помощь иранскому правительству в подавлении курдских выступлений. Аналогично действовало и иранское правительство во время сулейманийского восстания. Когда в мае 1919 г. Махмуд-хан Дизли вернулся в Иран после налета на Сулейманию, иранское правительство арестовало его и выдало английским оккупационным властям.

Через несколько месяцев англичане освободили Махмуд-хана. Он немедленно возобновил свою борьбу. Курды племени авроман сражались на два фронта: в Ираке против английского колониального гнета, а в Иране — против реакционной политики иранских правящих кругов. Авроманцы систематически прогоняли представителей английской власти и иранского правительства, не платили налогов, не давали даже возможности провести перепись населения [216, стр. 122].

Выступления курдов в Иране были подавлены иранским правительством с помощью англичан.

²⁰ Это государство должно было включать территорию, расположенную восточнее Евфрата, южнее Армении и севернее турецко-сирийской и турецко-иракской границ. В его состав при желании могли войти и курды, жившие в Мосульском вилайете. «Независимый Курдистан», создание которого было предусмотрено Севрским договором, должен был по английским планам служить преградой против наступления Турции на Месопотамию [153, стр. 80].

рались уверить курдов Мосульского вилайета в том, что Севрский договор не стоил той бумаги, на которой был написан.

Таким образом, судьба Мосульского вилайета, а следовательно, и «курдский вопрос» не были окончательно решены. Создавшееся положение Эдмондс характеризовал следующим образом: «Темный демон неопределенности продолжал парить над политической сценой, сводя на нет все усилия установить надежную и устойчивую администрацию» [216, стр. 117].

После подавления восстания 1919 г. район Сулеймании до осени 1922 г. был подчинен непосредственно английским властям, ответственным перед верховным комиссаром [357, ч. 1, стр. 155]. При этом административный аппарат был укомплектован из курдов, а также из арабов, хорошо знавших курдский язык [44, стр. 32].

Во время «плебисцита» 1921 г. по вопросу о провозглашении Фейсала иракским королем, население ливы Сулеймания отвергло всякую форму присоединения к Ираку, а большинство жителей Киркукской ливы потребовало отложить решение на год и отказалось принести присягу королю [357, ч. 1, стр. 203]. Лива Киркук управлялась чиновниками иракского правительства и английскими советниками, которые подчинялись мандатным властям в Багдаде.

В Сулеймании был образован выборный административный совет, в который входили проанглийски настроенные курдские феодалы и шейхи. Председателем совета был старший английский советник, решения которого должны были утверждаться верховным комиссаром. Поддержание закона и порядка было доверено курдским рекрутам под начальством британских офицеров, составлявшим часть рекрутских войск Ирака, руководимых британским генеральным штабом.

Сулеймания не получила значительных выгод от организации центральной исполнительной власти: английские чиновники были настоящими хозяевами в курдских округах. Хотя бюджет ливы был самостоятельным, акциз на табак, вывозимый и потреблявшийся в Ираке, собирался мандатными властями и иракским правительством.

После высылки своего главного врага шейха Махмуда англичане старались убедить курдов, что они хотят решить курдский вопрос в «удовлетворительном смысле для национальных чувств» [44, стр. 33]. Однако, несмотря на все ухищрения, им не удалось добиться окончательного усмирения края, особенно ливы Сулеймания.

**ДВИЖЕНИЕ КУРДОВ ЗА АВТОНОМИЮ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ МАНДАТНОГО ПЕРИОДА**

Зимой 1921/22 г. в районе Сулеймании вновь появились курды племен авроман во главе с Махмуд-ханом Дизли. Появление авроманцев могло вызвать новый взрыв национально-освободительной борьбы. Поэтому англичане решили договориться с Махмуд-ханом Дизли об отводе его отрядов из Сулеймании. В конце мая 1922 г. такое соглашение было заключено. Однако часть племени отказалась покинуть пределы Иракского Курдистана и начала военные действия против англичан. Многие местные курды присоединились к ним. Англичанам пришлось вызвать на помощь военно-воздушные силы и рекрутские части. В конце концов им удалось разбить цитадель мятежников Бани Баког, около Халабджи.

К весне 1922 г. все больше курдов требовали возвращения из ссылки их вождя шейха Махмуда²¹. Однако среди курдских вождей не было единства. Руководители племенного объединения джаф относились с немалыми опасениями к возможности восстановления прав шейха Махмуда; племена пишдер разделились, причем одна часть, возглавлявшаяся проанглийски настроенным Бабакра-агой, выступала против шейха Махмуда, а другая под руководством соперника Бабакра, Аббаса Махмуд-аги, занимала противоположную позицию.

Со своей стороны англичане не теряли надежды, что им удастся договориться с Махмудом за спиной курдов. Чтобы вернуть себе доверие шейха, весной 1922 г. они вернули его из ссылки и разрешили ему жить в Кувейте, а его брату Кадьюру позволили возвратиться в Багдад. Возвращением Махмуда и дарованием ему былых привилегий англичане рассчитывали предотвратить новый подъем национально-освободительного движения среди иракских курдов. Они ждали лишь подходящего момента, чтобы начать с ним переговоры.

Одновременно активизировались турки. Воспользовавшись тем, что судьба Мосульского вилайета еще не была окончательно решена, они развернули среди курдов антианглийскую агитацию. 17 марта 1922 г. турецкое правительство назначило одного из своих агентов, некоего Рамзи-бега, каймакамом Ревандуза [44, стр. 33]. Прибыв в конце мая в этот район, он развернул среди племен пропагандистскую кампанию, обещая им присылку в скором времени крупных турецких подкреплений, с помощью которых Сулеймания, Киркук и Эрбиль должны

²¹ Первыми возвращения шейха Махмуда начали добиваться его родственники; с течением времени это требование стали поддерживать все недобровольные политикой английских оккупационных властей и иракского правительства.

быть вырваны у англичан. В середине июня сюда приехал полковник Али Шафик-бег²², известный среди курдов как «Оздемир». Он сообщил, что его миссией является завоевание всего Мосульского вилайета.

Заняв с небольшими силами Ранию и Хой, Оздемир обратился к курдам с призывом поднять восстание [119, т. II, стр. 534; 263, стр. 144]. Одновременно он послал своего представителя Аббаса Махмуда для переговоров с влиятельными курдами Сулеймании. Последние посоветовали ему отправиться в Сурдаш и ждать там приезда шейха Махмуда [216, стр. 296].

Ободренный появлением турецких отрядов в Северном Ираке, вождь джаббарских курдов сейид Махмуд в конце мая напал на резиденцию английской администрации в окрестностях Чамчамалы и призвал своих соплеменников к выступлению против иностранного господства в стране. На его призыв откликнулось одно из самых значительных племен казы Чамчамаль — хамаванд [199, т. II, стр. 534], имевшее богатый опыт борьбы против турецкого владычества. Движение этих курдов возглавил Керим Фаттах-бег, принимавший деятельное участие в восстании 1919 г. Повстанцы направили английским политическим офицерам угрожающие письма. Представители мандатных властей решили встретиться с ними 18 июня вблизи перевала Базиан. Однако курды отказались вести переговоры с оккупантами и убили английских офицеров [263, стр. 144].

После этого Керим Фаттах-бег со своими сторонниками присоединился к джаббарским курдам. Вскоре пожар восстания перекинулся и на другие районы, охватив значительную часть Иракского Курдистана.

Англичане бросили против повстанцев курдских рекрутов и авиацию. Военные действия продолжались более месяца. Только к концу июля отряд Керим Фаттах-бега перешел турецко-иракскую границу и сдался турецким властям [44, стр. 34]. Турецкое правительство предоставило ему политическое убежище. Вскоре после этого курдские рекруты во главе с английскими офицерами вошли в Ранию. Здесь они оказали поддержку одному из вождей племени пишдер — Бабакра-аге, теснимому враждебными соплеменниками. Вскоре на помощь ему подоспел и Исмаил-ага Симко, вождь иранских курдов племени шеккак. Кроме того, он послал предупреждение курдским вождям на ирако-иранской границе, с тем чтобы последние не помогали курдам, восставшим в Сулеймании.

Во время карательных операций англичане понесли такой сильный урон, что вынуждены были отступить к Сулеймании, намереваясь там отдохнуть и произвести переформирование частей [44, стр. 35]. Это вдохновило курдов на новые выступле-

²² Али Шафик-бег — черкес египетского происхождения; он связал свою судьбу с кемалистами в 1919 г.

ния. В ответ английское командование срочно перебросило индийские войска из Эрбиля в Ранию, где они были усилены курдскими рекрутами. Однако под натиском курдских отрядов им пришлось 1 сентября 1922 г. оставить Ранию. Это оголило северный фланг английских войск, что заставило их уйти из Сулеймании²³. Чтобы сбить поднимающуюся волну народного гнева, английские власти объявили, что шейху Махмуду разрешено прибыть в Багдад, где намечено обсуждение будущего административного устройства ливы Сулеймания. Тем не менее англичане вынуждены были отступить к линии Эрбиль — Киркук — Кифри [263, стр. 144].

Это еще более воодушевило повстанцев. Турецкие разведчики появились в низовьях Большого Заба, угрожая перерезать английские коммуникации с помощью курдских отрядов; Кёй-Санджак был занят небольшим отрядом турок, а Рамзи-бег обосновался в Чамчамале и готовился к нападению на Акру [44, стр. 35]. Лишь через месяц, использовав военно-воздушные силы и курдских рекрутов, англичанам удалось достигнуть некоторых успехов.

Тем временем в конце сентября курды племени барзан напали на Амадию [44, стр. 35]. Несмотря на помощь, оказанную некоторой частью влиятельных курдов, англичане бежали из Амадии. В октябре они бросили против восставшего племени иррегулярные ассирийские войска, поддержанные курдскими рекрутами. В Барзанские горы были посланы карательные экспедиции. Курды стойко сопротивлялись, но все же не сумели удержать Амадию с прилегающими к ней долинами; и вскоре англичане вновь стали здесь хозяевами положения. Английским империалистам все труднее становилось удерживать господствующее положение в Иракском Курдистане. Под давлением обстоятельств им пришлось ускорить восстановление шейха Махмуда в его правах [357, ч. 1, стр. 106]. Они рассчитывали на его помощь в окончательном усмирении Курдистана; кроме того, они надеялись использовать его в своей борьбе против Турции.

Шейх Махмуд прибыл в Багдад 12 сентября 1922 г. Он обещал поддерживать политику английского правительства в обмен на заверения англичан в том, что в объединении курдов он получит всю возможную помощь как от них, так и от иракского правительства [44, стр. 33]. Король Фейсал разрешил нескольким курдским офицерам, служившим в иракской армии, помочь шейху Махмуду в организации курдских рекрутских войск. 30 сентября шейх Махмуд приехал в Сулейманию в сопровождении личного представителя английского верховного комиссара майора Ноэля [216, стр. 301; 263, стр. 145].

²³ 5 сентября 1922 г. по приказу английского верховного комиссара началась поспешная эвакуация британских чиновников из Сулеймании воздушным путем [263, стр. 144].

Однако курдское национальное движение, как писал Лахути, было слишком сложным и самостоятельным, чтобы оставаться послушным орудием в руках англичан [118, стр. 58]. Не прошло и месяца, как надежды англичан были жестоко обмануты. Шейх Махмуд в поисках союзников против них завязал переписку с Оздемиром, который поддерживал телеграфную связь с турецкой штаб-квартирой в Джазират ибн Омар на севере Ирака. В своих письмах Махмуд просил турецкое правительство признать курдскую автономию. В ответных письмах турецкие представители обращались к шейху Махмуду с лестными словами, но уклонялись от всяких обещаний. Турки хотели использовать Махмуда как пешку в игре, целью которой был захват Мосульского вилайета, с согласия или против желания курдов.

Со своей стороны шейх Махмуд сознавал, что ему не удастся получить прочную поддержку от турок, однако он надеялся, что сумеет сыграть на их ненависти к Англии и, посылая пылкие заверения в преданности Оздемиру, удвоил свои требования к англичанам. В октябре он принял титул хукумдара Курдистана, а в ноябре уже именовал себя королем [200, стр. 141; 263, стр. 145; 271, стр. 135]. При этом он претендовал на власть над всеми курдскими районами Ирака.

Махмуд образовал курдское правительство²⁴.

Жители Киркука, Эрбиля и курдской казы Мосульской ливы по-разному относились к приходу к власти шейха Махмуда. Молодая курдская буржуазия Эрбиля и Киркука боялась, как бы после его победы эти города не превратились в придаток отсталой Сулеймании. Главной опорой Махмуда были кочевники и крестьяне Сулейманийской ливы. Большую поддержку оказывали ему также и племена, жившие в районе Кифри (лива Киркук) [216, стр. 286; 356, ч. 3, стр. 286]. Вообще же идея независимого Курдистана горячо одобрялась подавляющим большинством курдского народа.

Отношение английского правительства к вопросу о самоопределении курдов полностью определялось его империалистическими интересами.

В первые годы своего господства в Ираке англичане благосклонно относились к курдским националистам. Они стремились возглавить курдское движение, вытравить из него антиимпериалистическое жало и превратить курдов в орудие своей империалистической политики, направленной против национально-освободительного движения арабов и ассирийцев, а также против кемалистов, и тем самым разрешить мосульский вопрос в свою пользу. Идея автономного Курдистана, поддерживавшаяся в то время английскими правящими кругами, давала им возмож-

²⁴ В состав этого правительства входили Ахмед-бег, Тауфик-бег, Хама Абд ар-Рахман-ага, Иззет-бег, Мустафа-паша и др. [216, стр. 286].

ность оказывать давление на правительства ближневосточных стран, в первую очередь Ирака. Влиятельные курдские вожди, в том числе шейх Махмуд, должны были служить орудием для достижения этой цели. Однако, когда восставшие курды отказались подчиниться английской администрации, заявили о своих симпатиях к кемалистам, англичане стали игнорировать национальные интересы курдов, утверждая, что требования курдов несвоевременны, и начали тайно готовиться к подавлению курдского движения.

Что касается иракских правящих кругов, то они относились резко отрицательно как к идее образования независимого курдского государства, так и курдской автономии. Они считали территорию, населенную курдами, составной частью Ирака и не признавали правительство шейха Махмуда [216, стр. 301].

Такое пренебрежение к национальным чаяниям курдов вызвало большое недовольство последних. Курдские патриоты писали на страницах своей газеты «Роже Курдистан» («День Курдистана»), что образование курдского правительства выгодно Ираку и что дальнейшее существование самого Ирака возможно только в том случае, если будет существовать курдское автономное правительство. Они призывали курдов пожертвовать всем для защиты своих прав и независимости. «Мы не рабы, мы свободный и бесстрашный народ», — заявляли они с гордостью [цит. по: 216, стр. 308].

После того как выявились симпатии шейха Махмуда к туркам, англичане стали ориентироваться на другого крупного курдского феодала, Саида Таха, который появился в Эрбильской ливе в конце октября 1922 г.²⁵ Саид Таха был враждебно настроен к кемалистам, развернувшим военные действия на принадлежавшей ему территории.

По мнению Саида Таха, с успехом можно было изгнать турок из Рании. Он обещал собрать против них племена, на которые имел влияние, в первую очередь кочевников племени харки²⁶. Он просил англичан снабдить его боеприпасами, поддержать его действия авиацией и оказать финансовую помощь. Одновременно он выразил надежду, что Ревандуз, Акра и Амадия будут отданы под его власть, подобно тому как Сулеймания была передана шейху Махмуду. Англичане согласились использовать его услуги и отправили в его распоряжение небольшой отряд курдских новобранцев. С помощью Саида Таха они принудили турок эвакуировать Ранию и отойти дальше на север; после этого они восстановили в Рании власть своего союзника Бабакра-аги, возглавлявшего проанглийски настроенную часть курдского племени пишдер.

²⁵ Саид Таха был турецким подданным. Он владел землями в пределах Ирака по соседству с Ревандузом.

²⁶ Племя харки не подчинилось Саиду Таха и не поддержало его действий.

Желая ослабить движение шейха Махмуда и перетянуть как можно больше курдов на свою сторону, англичане на скупились на обещания предоставить им внутреннюю автономию. В соответствии с этим планом и с целью повлиять на ход проходивших в то время лозаннских переговоров в конце декабря 1922 г. было опубликовано следующее англо-иракское совместное заявление: «Правительство его британского величества и правительство Ирака признают право курдов, живущих в границах Ирака, на создание курдского правительства в этих границах и надеются, что различные курдские элементы как можно скорее придут между собой к соглашению относительно формы, которую должно принять их правительство, и относительно границ, в пределах которых будет осуществляться его юрисдикция, и пришлют в Багдад ответственных представителей для обсуждения своих экономических и политических отношений с британским и иракским правительствами» [357, ч. 1, стр. 156].

Однако и шейх Махмуд не сидел сложа руки. Он активно готовился к военным действиям против англичан. Путем сбора табачного налога в Сулеймании он сумел пополнить свою казну. В его руках оказалась сумма примерно в полтора лакха рупий. Проанглийски настроенная умеренная группа завязала с ним переговоры, убеждая его занять более сговорчивую позицию в отношении англичан [216, стр. 304]. Однако шейх Махмуд был непреклонен. Он отказался присутствовать на конференции в Киркуке, созванной в январе 1923 г. англичанами в поисках компромисса, а два делегата, которых он направил туда, не пошли ни на какие уступки [44, стр. 39; 216, стр. 304].

В конце января Сулейманию посетили турецкие офицеры. С ними была достигнута окончательная договоренность о нападении курдских племен на Киркук. В самом Киркуке активную подготовку к восстанию вел небольшой, но влиятельный протурецкий комитет²⁷. Одновременно была установлена связь с улемами в шиитских священных городах [263, стр. 146].

Узнав, что события в Курдистане развиваются в опасном для англичан направлении, Генри Доббс, замещавший английского верховного комиссара Перси Кокса, направил шейху Махмуду письмо, в котором предлагал ему приехать в Багдад, гарантируя личную безопасность. Махмуд отказался выполнить это требование и продолжал деятельную подготовку к антианглийскому восстанию, несмотря на значительную местную оппозицию.

24 февраля 1923 г. по багдадскому радио было передано заявление мандатных властей, в котором шейх Махмуд обвинялся в нарушении обещаний, данных англичанам. Курдское правительство было распущено. Власти потребовали от Мах-

²⁷ Киркукским комитетом руководили Сейид Ахмед Ханакх и Назим-бег Нафтчи-заде [216, стр. 313, 318].

муда и его сторонников, чтобы они явились в Багдад для передачи своих обязанностей тем ответственным лицам, которые обязуются поддерживать порядок. Шейх Махмуд пытался выиграть время. Он намекнул, что решил отказаться от власти, но одновременно отправил небольшую колонну рекрутов в Чамчамаль, с тем чтобы создать угрозу Киркуку. Англичане, раскусившие его игру, предложили ему покинуть Сулейманию до 1 марта. Они предупредили население города, что, если он этого не сделает, будут начаты военные действия. Шейх Махмуд вновь отверг английский ультиматум. 2 марта англичане подвергли Сулейманию бомбардировке с воздуха, отчего город сильно пострадал. В тот же день в Киркук прибыла депутация, возглавляемая братом шейха Махмуда Кадыром. Услышав о том, что произошло, члены депутации послали Махмуду телеграмму, в которой убеждали его во избежание дальнейших жертв покинуть город.

Утром 4 марта сопровождаемый 200 рекрутами (включая посланных в Чамчамаль) Махмуд покинул Сулейманию и ушел в горный район Сурдаш. Его главный штаб расположился в Джазанской пещере. Здесь повстанцы выпустили газету «Банги хакк» («Призыв к правде») [216, стр. 319], которая призывала курдов окрестных районов к борьбе против англичан. В Джазани Махмуда посетил Оздемир, который начал убеждать его попытаться захватить Сулейманию. Вскоре сторонники Махмуда сосредоточились в ее окрестностях, однако англичане воздушными налетами не давали им возможности завладеть городом.

В мае 1923 г. под давлением английских войск шейх Махмуд вновь ушел в горы по направлению к иракской границе [44, стр. 40]. Одновременно он послал обращение «Ко всем иностранным послам в Тегеран», в котором, между прочим, говорилось: «Со времени мировой войны мы, жители Южного Курдистана, все время требуем от англичан признания наших национальных прав. Английские войска разрушают страну и убивают людей. Англичане не дают нам поднять голос протеста и жалобы. С 1922 г. английские власти с помощью своих военных сил прилагают все усилия, чтобы насильно присоединить Южный Курдистан к Арабистану (т. е. к Ираку.— А. М.). Население Курдистана находится под давлением бомбардировки аэропланов и нападения войск. Приблизительно 200 семейств под давлением силы эмигрировало из Сулеймани. Разграблено громадное количество имущества. Страна разрушена. Просим правосудия в вашей человеколюбивой справедливости против такого гнета» [370, 1932, № 13—14].

После ухода шейха Махмуда заместитель английского верховного комиссара Генри Доббс и командующий английскими военно-воздушными силами в Ираке Джон Сальмонд приняли

меры для окончательного подавления восстания и умиротворения пограничных районов [44, стр. 41].

22 апреля 1923 г. англичане вторично оккупировали Ревандуз. Турки сдали город без сопротивления [382, 6.VI.1923; 386, 6.VI.1923]. Местная знать и вожди племен подчинились приказам, изданным мутасаррифом от имени английского верховного комиссара. Жители Ревандуза устали от политической агитации и бесконечных военных действий²⁸ и поэтому не оказали сопротивления. Отряд ассирийцев²⁸, принимавший участие в захвате Ревандуза, был оставлен в городе.

Возвращение Ревандуза имело огромное значение для упрочения английской власти в этой части страны. Владея Ревандузом, англичане приобретали контроль над дорогами, ведущими к северной и восточной границам Ирака, что создавало непреодолимые препятствия для проникновения турецких отрядов.

После этого английские войска двинулись на усмирение южных районов. 16 мая они вошли в Сулейманию. Карательные операции продолжались до июля. Шейх Махмуд, находившийся в иранских горах, все время продолжал тревожить англичан в районе Сулеймании.

После опубликования 30 апреля 1923 г. протокола, ограничивавшего действие англо-иракского договора 1922 г. четырьмя годами, стало ясно, что прежняя политика прямого управления Сулейманией британским верховным комиссаром стала невозможной. Англичане выдвинули план (согласовав его предварительно с иракским правительством) подчинения курдских районов правительству в Багдаде при системе совместного контроля. Проанглийски настроенная курдская верхушка согласилась с этим планом. Одновременно курдские вожди, боясь, что с помощью одной местной жандармерии им не удастся воспрепятствовать возвращению шейха Махмуда и предотвратить новое восстание, просили мандатные власти оставить некоторые английские воинские части в Сулеймании. Однако выполнить эту просьбу англичане не смогли из-за тех огромных расходов, которые они понесли в период карательных действий против курдов.

Для временного управления Сулейманией был создан местный курдский совет. После вывода в июле 1923 г. из Сулеймании английских войск туда с триумфом возвратился шейх Махмуд [48, стр. 41; 271, стр. 136]. Местный курдский совет распался. Англичане, рассчитывавшие, что им удастся достигнуть компромиссного соглашения с Махмудом, дали ему возможность остаться в Сулеймании. Правда, они отняли у него Ревандуз²⁹

²⁸ Об ассирийских воинских формированиях см. ниже.

²⁹ Каймакамом Ревандуза они назначили своего верного слугу Сада Таха.

(чтобы изолировать Махмуда от турок) и ряд других районов, важных в стратегическом отношении. Одновременно, чтобы уменьшить авторитет его власти, англичане отделили от Сулеймании несколько нахий и присоединили их к ливам Эрбиль и Киркук [45, стр. 29].

Вывод оккупационных войск из Сулеймании вызвал панику среди проанглийски настроенных курдов; многие из них бежали в Киркук. Сразу после ухода англичан в городе начались волнения. 11 июля 1923 г. шейх Махмуд призвал курдов сохранять «спокойствие и мужество».

По возвращении шейха Махмуда было решено, что Сулеймания будет находиться в непосредственном подчинении английского верховного комиссара, чей секретарь по курдским делам продолжал оставаться административным инспектором Киркука. В тех же районах, которые переходили под контроль иракского правительства, реальная власть должна была принадлежать английским административным инспекторам, находящимся при министерстве внутренних дел, причем министерство должно было советоваться с верховным комиссаром по всем важным политическим вопросам [45, стр. 30].

Однако англичане вновь просчитались. Шейх Махмуд, принимая их условия, вовсе не думал их выполнять, ибо он немедленно принял меры для восстановления своей власти в прежних границах.

В первых числах августа силами преданных ему племен он попытался оккупировать одну из отдаленных нахий. В ответ английские военно-воздушные силы подвергли 16 августа Сулейманию бомбардировке. Шейха Махмуда, несмотря на его протесты, вынудили вывести курдские отряды из Халабджи.

В ноябре 1923 г. Махмуд вновь сделал попытку захватить ранее контролировавшуюся им территорию и добился некоторых успехов. В отместку английская авиация подвергла бомбардировке его штаб. 18 ноября по просьбе Махмуда турецкое правительство направило по этому поводу протест английскому верховному комиссару в Стамбуле. В нем указывалось, что бомбардировка является нарушением статус-кво, поддержание которого обуславливал Лозаннский договор. Английский верховный комиссар в ответ на турецкий протест заявил, что правительство Великобритании считает весь бывший Мосульский вилайет остающимся в зоне оккупации и что вышеупомянутая операция является не нарушением статус-кво, а местной административной мерой, вызванной угрозой общественной безопасности [45, стр. 30].

Воодушевленный первым успехом и полный надежд на поддержку турок, шейх Махмуд занялся подготовкой нападения на Киркук. С этой целью он попытался перетянуть на свою сторону курдских рекрутов, набранных англичанами среди местных племен. Одновременно он начал вербовать союзников на иран-

ской границе. В ответ англичане 25 декабря повторили бомбардировку Сулеймании [373, 28.II.1924]. Курды временно прекратили военные действия.

В марте 1924 г. шейх Махмуд снова начал войну, атакуя на английские и иракские отряды и поднимая население против английских властей. Его люди начали собирать налоги в районах Чамчамала и Халабджи, где сохранялась английская администрация. При этом им часто приходилось вступать в стычки с мудирами.

К середине мая движение курдов вновь активизировалось. В мае 1925 г. шейх Махмуд возобновил военные действия против англичан. Совместно с племенем джаф, направлявшимся на горные пастбища Ирана, он организовал нападение на гарнизон Халабджи. Англичане вызвали на помощь военно-воздушные силы. После ожесточенного боя курды были вынуждены отступить. 22 мая англичане вручили шейху Махмуду ультиматум, требуя прекратить военные действия не позднее 25 мая. В случае отказа они угрожали бомбардировкой Сулеймании. Шейх Махмуд отверг ультиматум, и английская авиация подвергла город жестокой бомбардировке. Среди населения были жертвы. Большинство жителей оставило город. Сам шейх Махмуд с ближайшими сторонниками вновь бежал в горы, в район Шарбажера. Он не упускал ни одной возможности для организации набегов на территорию, оккупированную англичанами. Свою опустевшую казну он пополнял за счет налогов, взимаемых с крестьян окрестных деревень и кочевников.

В июне 1925 г. британские власти запретили Махмуду появляться в северной части казы Шарбажер [46, стр. 21].

Английские власти принимали экстренные меры, стремясь не допустить, чтобы пламя восстания разгорелось вновь. Колонна карателей провела демонстрацию силы по всему району Пенджвин. Дорога Сулеймания — Халабджа охранялась английскими блокгаузами [46, стр. 21]. Для того чтобы предотвратить проникновение турецких отрядов в Иракский Курдистан, англичане сформировали специальный пограничный батальон и расставили пограничные посты [200, стр. 141]. Тем не менее летом 1925 г. восстание вспыхнуло в Кара-Даге. Набеги курдских отрядов на прилегающие районы возобновились. Местная полиция, поддерживаемая английскими воздушными силами и пехотными подразделениями, с большим трудом справилась с ним.

Англичане всегда подчеркивали то обстоятельство, что «противопоставление одного племени другому, использование существующих между ними распри и вражды было гораздо эффективнее и экономнее, чем действия карательных войск» [393, стр. 420]. Поэтому они старались противопоставить шейху Махмуду и его сторонникам соперничавшие с ними племена. Таких они нашли в лице джафов.

В августе, когда племя джаф возвращалось в Ирак, Махмуд решил усилить военные действия против англичан. Однако руководители джафов, подкупленные властями, не поддержали его [46, стр. 21]. Шейх Махмуд со своими малочисленными сторонниками продолжал партизанскую войну против объединенных англо-арабо-ассирийских войск. Эта война в основном приняла форму ночных нападений на Сулейманию. В сентябре, оставшись без средств, Махмуд вынужден был распустить свой отряд и уйти в Иран ³⁰.

В то время когда англичане безжалостно подавляли восстание иракских курдов, турецкие власти жестоко расправлялись с восстанием курдов под руководством шейха Саида ³¹.

В Диярбакыре был казнен один из лидеров турецких курдов — шейх Абд аль-Кадыр из Нерни. В августе 1925 г., преследуемый турецкими властями, сын шейха Саида Абдаллах вместе с другими курдами бежал в Ирак. Англичане разрешили им остаться в Ираке [46, стр. 21]. Они оказали приют и другим отрядам курдских повстанцев во главе со вторым сыном Саида и братом шейха [46а, стр. 13].

Таким образом, турецкое правительство предоставило право политического убежища курдам, бежавшим из Ирака (вспомним Фаттах-бега и его отряд, шейха Ханакаха), а англичане — курдам, покинувшим Турцию. Эти шаги обоих правительств были вызваны не заботой о курдах, а политическими целями. Турки хотели использовать курдов против англичан, а англичане — против турок. Обе стороны старались превратить курдов в послушное орудие, с тем чтобы использовать их при решении Мосульского вопроса.

В ноябре английская карательная экспедиция «умиротворила» курдов племени пишдер, всегда готовых стать на сторону шейха Махмуда. К концу 1925 г., после кровопролитных боев, англичанам удалось поставить под свой контроль северную часть Шарбазера. Это означало конец восстания.

Боясь нового взрыва, мандатные власти решили окончательно избавиться от шейха Махмуда. Переговоры, происходившие за спиной курдского народа, закончились в июне 1927 г. сделкой с Махмудом. Шейху были гарантированы доходы с принадлежащих ему деревень, расположенных в пределах Ирака, за что он обязался всегда жить на иранской территории и не вмешиваться в политическую жизнь Ирака [46б, стр. 15].

Несмотря на то что национально-освободительное движение курдов было жестоко подавлено и они не получили автономии, курдское восстание не было бесплодным. Английский верховный комиссар и иракское правительство были вынуждены пой-

³⁰ В те же годы в Ираке происходили неоднократные восстания езидов Джебель Синджара под руководством их вождя Хаму Ширу [221, стр. 6].

³¹ Подробнее о восстании курдов 1925 г. в Турции см. работу М. А. Асратяна [59].

ти на некоторые уступки. Влиятельным курдским вождям были предоставлены места в парламенте³² и даже в правительстве, некоторые из них были назначены на важные административные должности в Курдистане. Кроме того, иракское правительство обещало вести в Курдистане делопроизводство на курдском языке и назначать курдов в качестве чиновников местной администрации. Тем самым англичанам удалось изолировать курдских повстанцев от их руководителей, вбить клин между ними, перетянуть курдских феодалов и шейхов на свою сторону. Проведением в жизнь этих куцых мероприятий и декларативными заявлениями об удовлетворении национальных чаяний народа английские власти и иракские правящие круги хотели успокоить курдов и ввести в заблуждение общественное мнение.

Таким образом, вопрос о курдской автономии остался открытым. В Лозаннском договоре, заменившем в конце концов Севрский договор, вообще не упоминалось о курдах³³.

ГЛАВА 3.

КУРДСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОНЦЕ МАНДАТНОГО ПЕРИОДА

Не прошло и двух лет после подавления восстания шейха Махмуда, как даже проанглийски настроенные курдские лидеры начали жаловаться на то, что иракское правительство не выполняет своих обещаний в отношении употребления курдского языка и назначения курдских чиновников.

В начале 1929 г. четыре курдских депутата иракского парламента представили премьер-министру и верховному комиссару следующие требования: 1) создание новой ливы на севере с Дохуком в качестве административного центра; 2) отчисление ежегодно 20% доходов иракского правительства на развитие курдских районов; 3) введение обязательного обучения на курдском языке; 4) вывод правительственных войск из Иракского Курдистана (за исключением полицейских сил); 5) включение в состав иракского правительства двух курдских представителей.

Эти требования были отвергнуты правительством [271, стр. 136].

Приближалось окончание срока английского мандата. Переговоры о заключении договора 1930 г. встревожили курдов.

³² От Сулеймани было избрано пять курдских депутатов в Учредительное собрание Ирака.

³³ В Лозаннском договоре курды были исключены из числа национальных меньшинств. Турки согласились считать национальными меньшинствами лишь немусульманские элементы (minorities non musulmans) [108, стр. 211; 153, стр. 104].

Их беспокойство еще более усилилось, когда они узнали, что договор не содержит никаких статей, которые обеспечивали бы их национальный статус в иракском государстве или гарантировали бы выполнение обещаний, полученных ими в свое время от иракского правительства.

Английское официальное объяснение состояло в том, что договор между двумя дружественными и независимыми государствами не может содержать условий, связывающих одну из сторон по вопросу о политике по отношению к национальным меньшинствам. Это объяснение не удовлетворило курдов, которые продолжали требовать английских гарантий. Правда, по просьбе Лиги наций Англия и Ирак заключили соглашение о гарантиях употребления курдского языка и назначения курдских чиновников [271, стр. 137]. Однако эти гарантии существовали лишь на бумаге. На самом деле курды все время оставались в роли угнетаемого национального меньшинства. «Иракское правительство почти не считалось с законами, изданными в мандатный период, — писал по этому поводу арабский историк Хаурани. — Правительственные учреждения в Багдаде обнаруживали тенденцию игнорировать требования, исходившие из районов, расположенных далеко от столицы, а у курдов не было возможности заставить прислушаться к своему голосу и вынудить правительство обратить внимание на их нужды» [240, стр. 98].

Когда был опубликован договор 1930 г., курды стали посылать в Лигу наций петицию за петицией. Курдские патриоты указывали, что Англия подстрекает курдов к беспорядкам, стремясь продлить период мандатного управления. Боясь нового восстания, мандатные власти решили послать в курдские районы заместителя верховного комиссара и заместителя премьер-министра Ирака, чтобы «официально повторить обязательства иракского правительства в отношении употребления курдского языка и использования курдских чиновников» [271, стр. 137].

10 августа 1930 г. заместитель премьер-министра Джафар аль-Аскари³⁴ сделал следующее заявление курдским нотаблям Эрбиля, Киркука и Сулеймании: «Я видел представленные некоторыми лицами телеграммы и петиции, которые содержат протесты против отсутствия какого-либо упоминания о курдском вопросе в только что подписанном договоре. Не вдаваясь в поводы и мотивы, побудившие к представлению этих протестов, я заявляю вам, что иракское правительство твердо решило принимать во внимание обещания, которые уже были им даны, чтобы удовлетворить стремления наших курдских братьев, и на основе которых оно намерено действовать не только до 1932 г.,

³⁴ То, что для переговоров с курдами отправился Джафар аль-Аскари, было не случайно: он был родом из Чамчамала (лева Сулеймания) и являлся близким родственником и другом Нури ас-Саида [229, стр. 48].

но и после этой даты». Курдам вновь было обещано издание закона о курдском языке как основном языке делопроизводства и обучения в местностях, населенных курдским меньшинством. Было также обещано, что этот закон будет представлен на утверждение парламента на его ближайшей сессии.

Одновременно Джафар аль-Аскари подчеркнул, что всякое антианглийское и антиправительственное выступление курдов будет подавлено иракским правительством со всей решительностью [48, стр. 328].

Лицемерную и двурушническую политику английского правительства хорошо характеризует заявление заместителя верховного комиссара в Ираке. В этом заявлении, в частности, говорилось: «Что касается британского правительства, то оно убеждено, что иракское правительство полностью выполнит обязательства в отношении курдов, взятые перед Лигой наций от его лица британским правительством, и что его единственной целью является создание свободного и независимого иракского государства, связанного с ним узами благодарности и обязательств и являющегося вместе с ним членом Лиги наций. Оно ни в чем не будет поддерживать деятельность, которая будет считаться им несовместимой с этой политикой, как, например, стремление к курдскому сепаратизму. Я слышал, что в некоторых безответственных кругах предполагается, что намерением политики британского правительства является поощрение курдского национализма, чтобы вызвать затруднения не только для иракского правительства, но и для его дружественных соседей, турецкого и персидского правительств. Ничто не может быть более далеким от истины, и всякий, кто воображает, что, придя к верховному комиссару или ко мне, он добьется поощрения вышеуказанной политики, делает большую ошибку» [48, стр. 328].

Как в заявлении правительства Нури ас-Саида, так и в заявлении заместителя английского верховного комиссара не было сказано ни слова о курдской автономии. Иракское правительство недвусмысленно дало понять курдам, что любое движение за автономию или независимость Курдистана оно будет рассматривать как сепаратистское, направленное против единства иракского государства, и что оно будет подавлено им с полной решительностью.

В середине августа 1930 г. в Сулеймании состоялся митинг. Участники митинга подписали петицию³⁵, в которой требовали образования независимого курдского государства под эгидой Лиги наций. Эта петиция была передана представителю английских мандатных властей и Джафару аль-Аскари в ответ на их последнее заявление.

³⁵ Такие петиции посылались в Лигу наций на протяжении всего мандатного периода [263, стр. 195].

Тревога и возмущение курдов усилились в связи с тем, что позиции английских империалистов и иракских реакционных кругов по курдскому вопросу совпадали. Национальные чаяния курдов не были удовлетворены. Новый англо-иракский договор фактически обошел курдов. Курды были жестоко обмануты, и им ничего не оставалось, как добиваться независимости вооруженной рукой.

Английских империалистов вполне устраивал такой оборот дела, ибо они отнюдь не собирались отказываться от использования курдского национального движения как орудия давления на иракское правительство. Одновременно англичане делали все возможное, чтобы еще более углубить национальную рознь между курдами и арабами. Они могли при желании искусственно вызвать столкновение между ними, с тем чтобы сделать иракское правительство более уступчивым. Все это усиливало зависимость иракских властей от английских правящих кругов.

Скорее после опубликования договора 1930 г. в Курдистане началось движение протеста, проходившее под лозунгом бойкота выборов в парламент, который должен был ратифицировать ненавистный курдам договор.

Правительство Нури ас-Саида постановило начать выборы в Сулеймании 6 сентября 1930 г. [356, ч. 3, стр. 101]. В ответ на это население ливы по призыву патриотов начало бойкотировать выборы [230, стр. 32—33]. Постепенно бойкот перерос в вооруженное восстание курдов Сулеймании против английского империализма и его ставленника Нури ас-Саида.

6 сентября сотни жителей Сулеймании направились к резиденции мутасаррифа и разбили в ней стекла. Демонстранты выкрикивали антианглийские лозунги и требовали свободу Курдистану. В дело вмешалась полиция, однако демонстранты закидали полицейских камнями. Блюстители порядка вынуждены были ретироваться. Воодушевленные успехом патриоты направились к городской тюрьме и разрушили ее. После этого они ворвались в городской арсенал и захватили там оружие [356, ч. 1, стр. 311]. Местные власти вызвали на помощь войска. Между демонстрантами и правительственными войсками произошло столкновение, во время которого было убито и ранено несколько десятков курдских патриотов. Жертвы были и среди защитников правительства [271, стр. 137]. День 6 сентября вошел в историю курдского народа под названием «рожа раш» («черный день») [190, стр. 21].

После жестокого подавления вооруженного выступления курдов в Сулеймании подручные Нури ас-Саида арестовали около ста человек [356, ч. 3, стр. 75]. При помощи репрессивных мер Нури ас-Саид хотел заручиться успехом выборов в Сулеймании. Все же во избежание нового взрыва народного гнева правительство решило отложить выборы на неделю [230, стр. 33].

Волнения в Сулеймани послужили сигналом для нового восстания в Курдистане³⁶.

Как только шейх Махмуд узнал о кровавых событиях в Сулеймани, он стал готовить силы для вторжения в Иракский Курдистан. В октябре он уже был в Ираке [48, стр. 265—266].

По мере того как он продвигался в глубь страны, число его сторонников все росло. К нему бежали многие курдские офицеры, служившие в иракской армии [356, ч. 3, стр. 292]. Махмуд потребовал от английского верховного комиссара создания курдского государства от Захо до Ханакина, с курдским правительством под английским контролем [271, стр. 137; 263, стр. 194].

Иракское правительство обвинило шейха Махмуда в нарушении обязательств, данных им в 1927 г., и потребовало, чтобы он со своими отрядами покинул иракскую территорию. В ответ Махмуд призвал население северной части Ирака к восстанию [356, ч. 3, стр. 292].

Проанглийски настроенным вождям племен и феодалам, несмотря на все их старания, не удалось удержать курдские массы от выступления.

3 ноября 1930 г. курдский отряд в количестве 200 человек под предводительством шейха Махмуда напал на Пенджвин, стратегический пункт южнее Сулеймани, и занял его [48, стр. 296]. В очень короткое время движение, руководимое шейхом Махмудом, нашло поддержку во многих уголках Иракского Курдистана.

На этот раз вождь курдского восстания изменил свою тактику. Если раньше он в первую очередь выступал против империалистической политики Англии, то ныне он поднял народ на борьбу, используя антиарабские лозунги. Тяжелое экономическое положение курдских крестьян и их национальное угнетение Махмуд объяснял только политикой иракского правительства, а английских империалистов называл друзьями курдов. Все это накладывало печать ограниченности на начавшееся движение, тормозило его и препятствовало его дальнейшему углублению и развитию. Одновременно это способствовало изоляции курдов от национально-освободительной борьбы арабов, мешало курдским народным массам разобраться в ситуации.

30 октября 1930 г. шейх Махмуд обратился с письмом в Лигу наций.

В этом обращении ответственность за угнетение курдов возлагалась только на иракское правительство. Английское правительство Махмуд упрекал лишь за «холодное пренебрежение к ним». Очевидно, он все еще верил в искренность английских обещаний и в нейтралитет британских властей по отношению к курдам.

³⁶ В советской историографии это курдское восстание получило одностороннюю оценку. И. Фаризов и К. Васильев слишком категорически считают его реакционным [173; 73].

В начале восстания англичане хладнокровно следили за бесплодными усилиями иракских войск, посланных для расправы с курдами. Однако как только в результате английского давления вновь избранный иракский парламент ратифицировал англо-иракский договор 1930 г.³⁷, их отношение к курдскому движению резко изменилось. Курды, по их мнению, выполнили свою роль. Дальнейшее распространение курдского восстания их уже не устраивало, и поэтому они прекратили заигрывание с шейхом Махмудом и приняли совместно с иракским правительством решительные меры для подавления восстания.

3 декабря 1933 г. между повстанцами и правительственными войсками, поддержанными английскими военно-воздушными силами, произошел бой, который закончился поражением объединенных войск карателей. После этого курды перенесли свои действия из Пенджвина в Сурдаш [263, стр. 194].

В январе и феврале 1931 г. карательные войска сильно потеснили восставших. Махмуд со своими сторонниками скрывался близ ирано-иракской границы в деревнях, расположенных восточнее Сулеймании и севернее Халабджи. Правительственные войска не раз окружали его, но ему удалось избежать плена [47, стр. 17]. В начале марта Махмуд с оставшимися сторонниками отправился в район Кифри. Несколько своих представителей он послал к вождям курдского племени авроман, жившего на берегах р. Диялы. Махмуд хотел перерезать правительственным войскам пути, ведущие в Ханакин, однако осуществить свой план ему не удалось из-за сильной бомбежки английской авиацией тех деревень, которые его поддерживали. Одновременно правительственные войска принимали меры к тому, чтобы вынудить Махмуда уйти на север и не допустить его бегства в Иран.

5 апреля 1931 г. у деревни Ави аль-Барака, северо-восточнее Туз-Хурматли, произошло кровопролитное сражение между восставшими и карателями. Несмотря на героическое сопротивление, курдские отряды вынуждены были отступить.

В течение восьми месяцев иракская армия и полиция при активном участии английских войск и авиации вели военные действия против повстанцев. После огромных усилий в мае 1931 г. им удалось подавить восстание.

13 мая шейх Махмуд был взят в плен. Его привезли в Багдад и вынудили подписать заявление об отказе от политической деятельности, а затем выслали в Насирию (на нижнем Евфрате) [263, стр. 195; 271, стр. 138; 356, ч. 3, стр. 272].

В июне 1931 г. в Курдистане вспыхнуло новое крупное восстание, на этот раз во главе с шейхом Ахмедом Барзани. В то время как шейх Махмуд вел свои повстанческие силы через управляемую английскими властями многонациональную тер-

³⁷ Договор был ратифицирован 16 ноября 1930 г. [352, ч. 2, стр. 311].

риторию, население которой не полностью было на его стороне, шейх Ахмед был безусловным лидером враждебно настроенного к англичанам однородного населения.

До конца ноября шейх Ахмед и его сторонники контролировали все дела в Барзане и в прилегающих к нему районах [271, стр. 138].

В начале декабря 1931 г. иракское правительство направило против восставших курдов карательную экспедицию.

Правительственные войска достигли барзанских деревень, однако потерпели здесь поражение и панически бежали. На помощь им вновь пришли английские военно-воздушные силы, которые подвергли барзанские деревни жестокой бомбардировке [263, стр. 194]. Силы оказались неравны. Шейх Ахмед приказал оставить укрепленное село Барадост и временно отступить в глубь Барзанских гор [47, стр. 14].

Казалось, здесь воцарилось спокойствие, однако весной 1932 г. Ахмед Барзани возобновил борьбу³⁸. 15 марта снова начались столкновения между барзанцами и правительственными войсками [271, стр. 138]. Против восставших были посланы дополнительные части. Но на этот раз бой окончился поражением карателей. Барзанцы зажали их в узком горном проходе и начали атаку с двух сторон. В рядах карателей произошла паника, их отряды сперва смешались, а потом начали беспорядочное отступление. Английским офицерам, командовавшим карательными отрядами, с трудом удалось остановить бежавших. В это время английские самолеты беспощадно бомбили место расположения повстанцев, не давая им возможности преследовать правительственные войска [271, стр. 139]. Вот как описывает действия английской авиации один из участников подавления курдского восстания капитан Мемфорд: «Район сторонников шейха Ахмеда был подвергнут интенсивной бомбардировке с использованием бомб замедленного действия; даже скот уничтожали с воздуха» [цит. по: 147, стр. 79].

Несмотря на помощь английской авиации, правительственные войска понесли большой урон в живой силе, потеряли много оружия, а также продовольствия. Так как база снабжения находилась очень далеко, карательные отряды оказались в критическом положении. Однако их снова выручила английская авиация, которая с воздуха сбросила им необходимые припасы [271, стр. 138].

Английский верховный комиссар потребовал от иракского правительства принять решительные меры для подавления барзанского движения. Одновременно мандатные власти снова предоставили в распоряжение правительства военно-

³⁸ В течение года правительство Великобритании скрывало от английской общественности факт нового курдского восстания [147, стр. 78].

воздушные силы для использования их против восставших³⁹.

Вскоре эта помощь дала себя знать. Барзанские селения были подвергнуты новым яростным атакам с воздуха, в результате чего курды понесли большой урон. Поставленные в безвыходное положение, они были вынуждены перейти турецкую границу и сдаться турецким пограничным властям [271, стр. 138; 331].

Таким образом, в подавлении восстания решающую роль сыграла английская авиация. Без ее помощи 10 тыс. иракских солдат и полицейских ничего не могли сделать.

Район, населенный барзанскими курдами, был оккупирован правительственными войсками. Там была восстановлена английская администрация [263, стр. 195].

Восстание под предводительством шейха Ахмеда Барзани было последним крупным выступлением курдов в годы английского мандата. Несмотря на длившуюся более десяти лет вооруженную борьбу курдского народа за независимость, его национальные чаяния не осуществились, ибо всякий раз на помощь иракским реакционерам приходили их покровители — английские империалисты.

Англичане приложили немало усилий и для «умиротворения» иракских езидов⁴⁰, которые выступили против своего эмира Саид-бега, нарушавшего религиозные законы, самовольно распоряжавшегося средствами, собранными в виде государственных налогов, а также пожертвованиями в пользу храма шейха Ади. Часть езидских влиятельных шейхов и ага из казы Шейхан, воспользовавшись недовольством езидов, попытались устранить Саид-бега и поставить на его место своего человека [221, стр. 6]. Однако после вмешательства английского верховного комиссара [263, стр. 242] Саид-бег, подкупив некоторых своих противников и конкурентов, сумел остаться во главе езидской светской власти. Впоследствии езиды еще не раз восставали против социального и национального притеснения⁴¹.

Иракские помещики и буржуазия использовали предоставленную Ираку формальную независимость для установления и укрепления режима национального угнетения курдов.

Многочисленные требования курдов о назначении в Иракском Курдистане чиновников только из местных уроженцев правительство Нури ас-Саида игнорировало, ссылаясь на то, что выполнение этих требований будто бы нанесет ущерб «общим

³⁹ Касаясь этого факта, англичанин Лонгригг цинично заявляет, что такие военные интермедии «были обычным явлением в Иракском Курдистане» [263, стр. 195].

⁴⁰ Отношения мандатных властей с езидской общиной регулировались изданным ими законом о религиозных меньшинствах.

⁴¹ Особенно следует выделить восстание езидов в октябре 1935 г. Это восстание знаменательно и тем, что оно происходило одновременно с восстанием барзанских курдов.

интересам управления». Нури ас-Саид и поддерживавшая его реакционная клика боялись того, что участие курдов в управлении страной будет способствовать росту в курдском народе чувства национального самосознания, которое иракское правительство, ничуть не скрывая этого, «надеялось увидеть исчезающим». Любопытно, что иракское правительство решило сделать знание курдского языка, а не национальность условием для назначения чиновников в курдские ливы [48, стр. 329]. Сохраняя курдский язык в качестве родного языка в начальной школе, иракское правительство в то же время вынуждало курдов обучаться в средней школе на арабском языке, оправдывая это отсутствием учебников на курдском языке и нехваткой преподавателей, знающих этот язык. Тем самым оно тормозило развитие курдской школы и, следовательно, прогресс в области образования и культуры курдов.

ГЛАВА 4.

ДВИЖЕНИЕ АССИРИЙЦЕВ ЗА АВТОНОМИЮ В 1920—1933 гг.

До первой мировой войны ассирийцы в основном жили в Турции и Иране. В Иране ассирийцы занимали равнины вокруг оз. Урмия (Резайе), а в Турции — районы вилайетов Мосул⁴², Эрзурум и Ван.

Ассирийцы были христианами, причем среди них были представлены чуть ли не все течения христианства: несторианское, православное, католическое, яковитское, протестантское, лютеранское и др. Ассирийцы, жившие в Турции, были в основном последователями несторианской церкви, а в Иране — православной.

Ассирийцы-несториане говорят на новосирийском языке, который принадлежит к семитской группе; разговорный язык ассирийцев представляет собой одно из наречий древнесирийского языка. Хотя турецкие ассирийцы платили налоги султанскому правительству⁴³, на деле они были автономны и

⁴² В Мосульском вилайете кроме ассирийцев-несториан (которые населяли казу Амадия на самом севере области) проживало около 40 тыс. ассирийцев-халдейцев. Так называют тех ассирийцев, которые в XVII в. признали главенство римско-католической церкви. Они сохраняют свои старые религиозные обычаи и законы. В Мосульском вилайете они занимали деревни вокруг Эрбиля и Кей-Санджака. Большие деревни ассирийцев были расположены также в районе р. Большой Заб и возле Мосула [239, стр. 88; 263, стр. 11].

⁴³ Налоги в основном платили те ассирийцы, которые жили в долинах; что же касается горцев, то они не признавали власти турецкого правительства, отказывались нести повинности и платить ему налоги.

во многих вопросах независимы от него [240, стр. 99]. Как пишет Лонгригг, ассирийцы в целом занимали общественное положение выше евреев и езидов, но ниже мусульман [263, стр. 11]. Как правило, ассирийцы не принимали участия в войнах, которые вела Османская империя [31, № 5—6, стр. 38—39].

Автономия ассирийцев часто нарушалась вмешательством их соседей — курдов, которых в этом поощряло турецкое правительство.

Турецкое и иранское правительства по политическим мотивам всегда скрывали действительную численность христианского населения, в том числе и ассирийцев. В то же время и сами ассирийцы, не желая увеличения налогового бремени, стремились утаить правду о своей численности. Поэтому точные данные относительно численности ассирийского населения⁴⁴ накануне первой мировой войны отсутствуют⁴⁵.

Ассирийцы санджака Хакяри жили преимущественно большими деревнями. Некоторые из них состояли из 500 домов. К числу самых больших, по словам русского путешественника Маломы, принадлежала деревня Ашита казы Джуламерк [131а, стр. 154].

Ассирийцы, жившие в казах Джуламерк и Гавар, отбывали те же повинности, что и крестьяне в других частях Турции. Кроме правительственных налогов они платили и неофициальные налоги. Они обязаны были отдавать в пользу своего патриарха куруш с каждого мужчины и полкуруша с каждой женщины. Кроме того, один куруш уплачивался для содержания священников. Население было обязано также отдавать им десятую часть собранного урожая (муассэре). Отдельно собиралась еще и годовая подать для высшего духовенства (решита).

Духовным и светским главой всех ассирийцев считался патриарх, которого выбирали из одного рода. Он принимал имя

⁴⁴ Здесь и дальше речь идет только об ассирийцах-несторианах.

⁴⁵ Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, очень разноречивы. Одна группа авторов занижает численность ассирийцев. Так, согласно отчету комиссии по турецко-персидскому разграничению, в Ванском вилайете и Урмийском округе к началу XX в. насчитывалось 80—90 тыс. ассирийцев. Стаффорд называет цифру в 60 тыс., причем, по его данным, численность ассирийцев, живших в Турции, составляла приблизительно 40 тыс., а урмийских ассирийцев — 15—20 тыс. [298, стр. 26]. Лонгригг считает, что только в Турции в начале XX в. проживало 100 тыс. ассирийцев [263, стр. 15]. Арабский автор ал-Дурра приводит следующие цифры: в Турции проживало 32,5 тыс. ассирийцев, в Иране — 15 тыс., а в Ираке (без учета халдейцев) — 2 тыс. [367, стр. 95], т. е. всего около 50 тыс. Другая группа, наоборот, сильно преувеличивает общее количество ассирийцев, живших на Ближнем Востоке. Например, Аверьянов называет цифру в 750 тыс. человек [52, стр. 22], а Лалаян — 940 тыс. [117а, стр. 4]. По нашему мнению, число ассирийцев накануне первой мировой войны колебалось в пределах 200—250 тыс.

В настоящее время ассирийцы проживают в основном в Ираке, Иране, Сирии и Ливане [71, стр. 18, 20].

Мар-Шимун (святой Симон)⁴⁶. Он был патриархом восточной церкви и главою несторианской. Мар-Шимун разрешал религиозные вопросы и вопросы бракосочетания, управлял церковными делами, рукополагал епископов и раздавал должности по церковной службе. Он собирал также подати для турецкого правительства. Он же в периоды военных действий становился во главе ассирийцев-добровольцев, вел борьбу или входил в переговоры с противником и заключал с ним мир. Мар-Шимун утверждал в званиях ассирийских маликов и лишал их княжеского достоинства⁴⁷, он же вершил и суд по важным уголовным делам. Когда Мар-Шимун посещал свою паству, каждое селение обязано было подарить ему барана или овцу.

В Османской империи ассирийцы считались «миллетом», т. е. отдельной религиозной общиной. Тем не менее гражданская власть Мар-Шимуна никогда не признавалась турецким правительством официально. На протяжении XIX в. турецкие правящие круги прилагали максимум усилий, чтобы сломить сопротивление ассирийцев.

Заместителем Мар-Шимуна по духовным вопросам был митрополит, которого избирал собор епископов и священников. Местопребыванием митрополита являлась нахия Шамдинан казы Гавар; здесь, в монастыре Дор, вместе с ним жили десять священников и три епископа. После митрополита в духовной иерархии шли епископы, избираемые собором священников. Над несколькими церквями стоял один старший священник, называемый архидиаконом. В каждой церкви был один или несколько священников, в зависимости от величины прихода. Священники назначались епископом, митрополитом или же самим Мар-Шимуном.

Турецкое правительство управляло ассирийцами с помощью каймакамов и мудиров, которые в свою очередь действовали через маликов, стоявших во главе племени (аширета) или общины. Каждому малику подчинялась территория, охватывавшая восемь—десять деревень. Должность малика была выборной.

Малик следил за порядком на подчиненной ему территории, защищал соплеменников от нападения других ассирийских племен и курдов или же сам совершал налеты, получал от ста-

⁴⁶ Мар-Шимун давал обет безбрачия, поэтому его титул обычно переходил к первенцу следующего за ним по старшинству брата [134, стр. 36]. Незадолго до первой мировой войны на патриарший престол взошел Мар-Шимун Бенъямин, которому не было и 20 лет. Его резиденция находилась в деревне Кочанис. Основателем этой резиденции был Мар-Шимун XII, который жил в 1662—1700 гг. [267, стр. 94]. Кочанис оставался местопребыванием Мар-Шимунов до начала первой мировой войны.

⁴⁷ Власть Мар-Шимуна то усиливалась, то ослабевала в зависимости от личности патриарха; если Мар-Шимун был слаб, а малики сильны, то они только на словах признавали его власть. Но даже и при таких обстоятельствах малики посылали ему «десятину», а Мар-Шимун предпочитал не вмешиваться во внутренние дела племен.

рост собранные ими подати и передавал их Мар-Шимуну, вершил гражданский суд, разбирал земельные споры, а по делам уголовным обращался непосредственно к Мар-Шимуну. В отдаленных от административных центров местах малики были полновластными хозяевами. Нередко богатый член племени сам себя назначал на должность малика.

Каждая деревня управлялась старостой. Он собирал подати и передавал их малику, вербовал добровольцев и приводил их к малику для выступления в поход, он же исполнял должность мирового судьи, обращаясь к малику лишь в случаях крупных преступлений.

По своему положению ассирийские аширеты отличались друг от друга. Среди них были независимые, полунезависимые и зависимые.

Независимые ассирийцы жили в мелкствах (княжествах) Верхнее Тияри, Нижнее Тияри, Тхума, Баз, Джилу и Диз. В этих же районах жили и курды (5% всего населения), находившиеся в подчинении ассирийских маликов.

Полунезависимые ассирийцы населяли мелкства Таль, Левин, Джуламерк, Барвари, Чал, Барваре-руд.

Зависимые ассирийцы проживали в Северном Иране и в юго-восточной части Анатолии (в районах Мардина, Урфы, Нисибина, Диярбакыра и др.) [134, стр. 30].

Каждое племя жило на определенной территории, носившей название племени, и занимало несколько сел. Племя владело общими пастбищами, зимовником, лесом и пахотной землей; последняя постепенно переходила из общего владения в частное. Племя делилось на роды (кабилы), состоявшие из нескольких родственных деревень (мати). Род в свою очередь делился на большие семьи (кульпатты), достигавшие иногда 40—60 человек [134, стр. 35—36]. Старейший или знатнейший из членов рода выбирался на должность старосты. Ассирийцы Хакяри занимались главным образом садоводством, виноделием, пчеловодством, скотоводством и отчасти земледелием. Сеяли кукурузу, табак, рис, коноплю и анис, а также пшеницу, просо, картофель и капусту. Благодаря тому, что землю возделывали с большой тщательностью, урожай получали высокий.

К зиме многие ассирийцы уходили на заработки в Халеб, Закавказье и Мосул [298, стр. 13]. Там они плели корзины, занимались извозом, а чаще мелкой торговлей⁴⁸. Весной они возвращались к себе домой для обработки полей. Зима для них была трудным временем. Часто бураны и снежные завалы отрезали селения друг от друга, их жители не могли даже выйти из своих домов. Но зато зимой прекращались набеги курдов [74, стр. 166]. Особенно часто нападали на ассирийцев курды кочевых племен харки, нерви рахикан, диван. Они убивали

⁴⁸ На Кавказе многие ассирийцы из Урмии, не найдя работы, просили милостыню [31, № 5—6, стр. 38].

многих мирных ассирийцев и угоняли их овец и мулов [31, № 47, стр. 27].

Священники были настоящим бичом ассирийских общин. Только в одной Айнкаве их было шестеро, в других местах — трое-четверо. Большинство их использовали свое привилегированное положение для того, чтобы разбогатеть за счет прихожан [239, стр. 88]. Они обычно представляли свои общины в местной администрации.

У ассиро-халдейцев существовала сложная духовная иерархия, включающая патриарха, митрополитов, архиепископов и епископов. Должности, требующие обета безбрачия, обычно передавались по наследству, и очередность, как у Мар-Шимун-ов, обычно переходила от дяди к племяннику.

Ассиро-халдейцы, как и ассирийцы-несториане, в течение столетий жили в подчинении у мусульман. Им пришлось много выстрадать из-за алчных ага, которые предпринимали бесконечные попытки завладеть их землями и стадами. Но простое курдское население относилось к ним с состраданием и уважением. Часто общественное мнение Курдистана не одобряло жесткой политики турецких правителей, направленной против ассиро-халдейцев. Например, в конце войны турецкое правительство приказало учинить резню в Айнкаве, но население Эрбиля отказалось выполнить этот приказ [239, стр. 89]. Если происходили волнения, ассиро-халдейцы оказывали услугу какому-нибудь курдскому вождю или городскому аге, чтобы заручиться его защитой. Они жили в атмосфере постоянного страха.

Ассиро-халдейцы, жившие в районе Шаклавы, признавали верховного вождя курдов своим сюзереном; за это им была предоставлена возможность мирно жить в своих владениях, и никто не вмешивался в их дела. В Шаклаве и Хое ассиро-халдейцы занимались ткачеством; в Шаклаве им также принадлежали большие фруктовые сады. Именно они выдвигали дотканую материю, из которой курды-горцы шили себе одежду (курды считали ткачество, так же как и крашение, презируемым ремеслом). В Айнкаве и Армуте халдейцы занимались земледелием, причем в Айнкаве им принадлежали обширные угодья самой лучшей в Эрбильской ливе земли. Их считали — и не без основания — лучшими земледельцами этих мест⁴⁹.

Хотя в ассирийских деревнях было много церквей и священников⁵⁰, ассирийцы не были заражены религиозным фанатизмом. Поэтому их было не трудно обратить в протестантскую, католическую или в православную веру⁵¹. Перемена религии

⁴⁹ В 1920 г. они собрали 600 т ячменя и столько же пшеницы помимо других культур [239, стр. 90].

⁵⁰ В больших деревнях число церквей доходило до 5, а священников — до 15 [22, стр. 154].

⁵¹ Хей вспоминает, как однажды в Айнкаве к нему подошел ассиро-халдеец, прося сделать его «английским». Очевидно, заключает Хей, он поспорил со своими священниками [239, стр. 88].

была для них одним из способов самосохранения и борьбы за существование. Вот почему в конце XIX и начале XX в. иностранным миссионерам удалось достичь значительных успехов на территории, населенной ассирийцами.

Среди ассирийцев, живших в Турции, наибольшим влиянием пользовались американские миссионеры, которые поселились в Вайском вилайете в начале XIX в.; они руководили миссионерскими школами и другими благотворительными учреждениями. На побережье Урмийского озера американские миссионеры обосновались в 1832 г. [34, стр. 69]. Они не только занимались религиозной и филантропической деятельностью, но и настойчиво пропагандировали свои идеи и американский образ жизни. Поэтому правительство США проявляло заботу о своих миссионерах⁵² и призывало воспользоваться этими благоприятными условиями для усиления экономического проникновения на Ближний Восток [232, стр. 245].

Если среди турецких ассирийцев главную роль в миссионерской деятельности играли американцы, то в районе Урмии явно чувствовалось преобладание русских миссионеров, которые обратили в православие многих ассирийцев⁵³. Они старались добиться успеха и в Хакяри, но война помешала осуществлению этого плана. Всего накануне первой мировой войны православие приняло более 30 тыс. ассирийцев.

Для распространения своего влияния на ассирийцев много усилий прилагали и французские католические миссии, которые были крайне недовольны тем, что число ассирийцев и армян, желавших перейти в православие, все увеличивалось. Они всячески старались противодействовать распространению русского влияния в районах, населенных армянами, ассирийцами и курдами [31, № 19—20, стр. 3]. Что касается английских миссионеров, то они появились позже американцев, и их деятельность носила сравнительно ограниченный характер⁵⁴. В Урмии и Мосуле были открыты доминиканские миссии, однако успехи их были невелики.

По словам русского вице-консула в Ване Термена, в своей деятельности миссионеры руководствовались главным образом политическими целями и не заботились об улучшении материального положения ассирийцев [32а, л. 1]. И, хотя объективно они способствовали распространению среди ассирийцев образо-

⁵² Например, еще в середине XIX в. турецкое правительство решило выслать американских миссионеров, однако правительство США не допустило этого [178, стр. 43].

⁵³ О большом влиянии России на урмийских ассирийцев говорит следующий факт: во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. они обратились к России с предложением сформировать добровольческий отряд из ассирийцев и отправить его на театр военных действий. Одновременно они пожертвовали около 6 тыс. руб. для оказания помощи раненым русским воинам [31, № 41, стр. 7].

⁵⁴ Миссия, присланная архиепископом Кентэрберийским, прибыла к ассирийцам в 1886 г. [298, стр. 13].

вания и культуры, тем не менее в конечном итоге деятельность миссионеров оказала отрицательное влияние на историческую судьбу ассирийцев; ибо привела к разъединению их на различные религиозные общины. Это еще более затрудняло национальную консолидацию ассирийского народа.

Как только началась мировая война, турецкое правительство обратило внимание на район Хакяри, населенный ассирийцами, так как он занимал важное стратегическое положение. Позиция ассирийцев приобретала важное значение для защиты центральной Анатолии.

Именно поэтому еще до присоединения Турции к центральным державам губернатор Ванского вилайета направил Мар-Шимуна послание, в котором обещал ассирийцам оружие, школы на родном языке, жалованье духовенству и вождям племен. Эти обещания были повторены, когда Османская империя вступила в войну. Турецкие правящие круги желали превратить ассирийцев в своих союзников или хотя бы нейтрализовать их. Таким образом, турки хотели превратить Хакяри в острие меча, направленного против русских, а при случае и против англичан, находившихся в то время на юге Ирана⁵⁵.

Однако вскоре в Турции началась армянская резня, которая явилась предостерегающим сигналом для ассирийцев. Вскоре в Аль-Бакском округе появились курдские отряды из частей хамидие, которые начали грабить деревни, расположенные к северу от Хакярских гор⁵⁶. Было убито очень много армян⁵⁷ и ассирийцев.

В январе 1915 г. турки потерпели поражение при Сарыкамыше, и русские войска заняли Урмию⁵⁸. В апреле 1915 г. они захватили Ван. После этого русское командование предложило ассирийским вождям поднять антитурецкое восстание. Ассирийцам были обещаны оружие и материальная помощь. Вожди ассирийских племен, возмущенные резней в Аль-Баке, горели желанием отомстить туркам. Они приняли предложение русского командования и потребовали у Мар-Шимуна выступить против турецкого режима⁵⁹. 10 мая 1915 г. Мар-Шимун, как

⁵⁵ Формально Иран оставался нейтральной страной, на деле же в годы войны он превратился в поле сражения Турции с Россией, а в конце войны — с англичанами.

⁵⁶ Еще накануне войны налеты курдов на мирное население в Ванском вилайете приняли повальный характер. Командиры отрядов хамидие, чувствуя бессилие центрального правительства, стремились использовать это обстоятельство в своих интересах [31, № 13—14, стр. 6].

⁵⁷ Армянское население пограничной с Россией территории Турции с началом военных действий на Кавказском фронте частью бежало в Закавказье, а частью было истреблено курдами [110, стр. 152].

⁵⁸ В конце 1914 г. русские войска временно оставили Урмию. Это вызвало бегство от 10 до 25 тыс. ассирийцев, многие из которых впоследствии обосновались в России.

⁵⁹ Те родственники Мар-Шимуна, которые советовали воздержаться от выступления, были заподозрены в измене и убиты [298, стр. 28].

духовный и светский руководитель ассирийцев, от имени своей паствы объявил Турции войну⁶⁰. В ответ турки бросили против ассирийцев курдские карательные отряды [314, стр. 213]. Помощь, отправленная ассирийцам русским командованием (400 казаков и оружие), до них не дошла, так как русский отряд почти целиком был перебит курдами. Каратели уничтожили ассирийские деревни в долинах. Ассирийцы вынуждены были подняться высоко в горы. Будучи отрезанными от своих баз и от русских войск, преследуемые курдами, несколько десятков тысяч ассирийцев наконец добрались до Урмии и примкнули к русским силам [367, стр. 95]. Здесь из них были сформированы три батальона (два — под командованием русских офицеров, третий — во главе с самим Мар-Шимуном).

До весны 1917 г. ассирийцы находились под покровительством русских войск, оккупировавших Урмию⁶¹. После Февральской революции в России фронт начал распадаться. После ухода русских из Урмии иранское правительство потребовало от ассирийцев сдать оружие. Ассирийцы отказались подчиниться, и губернатор Табриза решил использовать против них урмийских курдов. Он поручил известному курдскому предводителю Исмаил-ага Симко убить Мар-Шимуна Бенъямина, что и было исполнено в середине марта 1918 г.⁶² Контроль над Урмией остался в руках ассирийцев, но вскоре боеприпасы, оставленные русскими, иссякли, и они снова оказались в критическом положении. Через месяц турецкие войска, ободряемые иранским правительством, подошли к границам Урмийского района. Ассирийцы, предводительствуемые Ага Путрусом, нанесли поражение туркам в Соуджбулаке и отбросили их к Ревандузу. Обещанная англичанами помощь не прибыла⁶³, ассирийцы остались наедине с грозным врагом.

Подтянув главные силы, командующий турецкими войсками Али Ихсан-паша начал беспрерывные атаки на Урмию и Салмас. Среди ассирийских отрядов начался разлад, Ага Путруса

⁶⁰ Губернатор Мосульского вилайета предупредил Мар-Шимуна, что, если тот поднимет восстание, его младший брат Хормузд будет казнен. Патриарх ответил, что он прежде всего должен заботиться о своем народе, а не о брате, и Хормузд был повешен в Мосуле.

⁶¹ В декабре 1915 г. несколько ассирийских маликов во главе с Мар-Шимуном были приглашены наместником на Кавказе великим князем Николаевичем в Тифлис и награждены орденами [298, стр. 30].

⁶² Вместо него на патриарший престол вззошел его младший брат Мар-Шимун Полус.

⁶³ Английский генерал Денстервилл, готовивший вторжение в Закавказье, решил использовать ассирийцев для охраны своего левого фланга. Англичане обещали прислать ассирийцам 75 офицеров и унтер-офицеров под командованием полковника Мак-Картена. Однако на деле из Хамадана в Урмию был направлен отряд всего из 14 кавалеристов. Он достиг Сайнкале (в 100 милях к югу от Урмии). Здесь отряд простоял несколько дней и, не дождавсь ассирийцев, вернулся обратно.

обвинили в измене. Все это привело к панике*. В ночь на 15 июля 1918 г. все ассирийское население Урмийской области двинулось на юг Ирана.

Они шли под палящим солнцем со своими семьями, скотом и домашним скарбом, подвергаясь нападениям турок, курдов и населения Иранского Азербайджана. Среди беженцев свирепствовали тиф, оспа, дизентерия, холера и малярия. Многие из тех, кто спасся от болезней, падали и умирали от истощения. У беглецов было мало пищи, не хватало воды, и там, где они останавливались на ночлег, утром находили десятки и сотни трупов. По неполным данным, более 17 тыс. ассирийцев погибло при этом отступлении, 10 тыс. были отрезаны мародерствующими племенами, и о них никто так ничего и не узнал. Измученные бесконечными нападениями и болезнями ассирийцы прибыли в Хамадан⁶⁴, где встретились наконец с английскими войсками. В Хамадане в это время свирепствовал голод, и многим жителям грозила неизбежная смерть [94, стр. 89—92].

Английское командование решило сформировать из ассирийских беженцев несколько батальонов, с тем чтобы использовать их в карательных экспедициях на оккупированных территориях. Ассирийцы согласились на формирование батальонов, так как были уверены, что они будут использованы против Турции.

* Обстоятельства, приведшие к панике среди ассирийцев, к их беспорядочному бегству и к гибели нескольких десятков тысяч беженцев на пути от Урмии до Хамадана, требуют дополнительного исследования. Известно, что после ухода русских войск из Иранского Азербайджана и убийства Мар-Шимуна Беньямина руководством домом Мар-Шимуна фактически оказалось в руках проанглийски настроенных сестры Беньямина Сурьмы-ханум и его брата Давида (преемнику Беньямина — Мар-Шимуну Полусу было 17 лет). Последние, вопреки утверждениям многих специалистов о возможности для ассирийцев противостать турецким войскам самостоятельно до конца войны (см., например, 384в, стр. 9), в начале января 1918 г. пошли на стговор с англичанами и за ежемесячную субсидию в размере 75 тыс. ф. ст. перешли к ним на службу. В конце мая 1918 г. в Урмию прибыл лейтенант английских ВВС Пеннингтон, который потребовал от ассирийцев убрать находившихся в ассирийских частях 200 русских (царских) офицеров и заменить их англичанами. Одновременно он от имени генерала Денстервиля обещал обеспечить ассирийцев английским оружием, боеприпасами и аммуницией при условии посылки за ними отряда в Саинкале (ныне Шахиндеж). По приказу Сурьмы-ханум в Саинкале был направлен значительный отряд ассирийцев во главе с талантливым военачальником Ага Путрусом вопреки возражениям последнего. Воспользовавшись ослаблением ассирийского фронта, турецкие войска стали теснить ассирийцев к Урмии. Однако положение было далеко не безнадежным. Только неожиданный отъезд Сурьмы-ханум и других членов дома Мар-Шимуна из Урмии (14 июля 1918 г.) вызвал панику среди ассирийцев и послужил причиной их беспорядочного бегства (прим. отв. ред.).

⁶⁴ Данные о числе ассирийцев, погибших при отступлении, пропавших без вести и добравшихся до Хамадана, весьма разноречивы. Так, В. Шкловский [188а, стр. 159] утверждает, что в пути погибло 50 тыс. человек, а в Хамадан прибыло 203 тыс. беженцев. По данным же Стаффорда [298, стр. 34], до Хамадана добралось менее 50 тыс. человек. Стаффорд противоречит сам себе, так как, по его же данным, в Ирак прибыло из Хамадана приблизительно 60 тыс. ассирийских беженцев.

Полковник Мак-Картен, командовавший английскими войсками в Хамадане, обещал ассирийцам помощь в возвращении на их прежние места жительства. Однако англичане обманули ассирийцев, удержали их от самостоятельного выступления и лишили их возможности вернуться на родину.

Некоторые ассирийские лидеры поставили вопрос о том, чтобы ассирийцы под предводительством английских офицеров вернулись в Урмию, а оттуда в Хакяри. По признанию самих англичан, никаких препятствий к этому не предвиделось, «за исключением дурной погоды» [298, стр. 36]. Османская империя распалась, Иран был ослаблен, а курды добивались автономии и едва ли стали бы мешать ассирийцам. Однако англичане не поддержали этого плана, и удобный случай решения ассирийского вопроса был упущен.

Таким образом, предав ассирийцев в период войны, англичане теперь старались использовать их в своих империалистических целях. Английские военные власти, чувствуя непрочность своего положения в завоеванной Месопотамии, решили направить ассирийских беженцев именно туда, чтобы сделать их своей опорой и противопоставить арабам и курдам Ирака.

Ассирийские беженцы прибыли в Ирак в конце 1918 г. Их разместили в местечке Баакуба, находившемся в 59 км восточнее Багдада. Здесь они жили в палатках. В каждой палатке находилось около 20 человек. Таких палаток в Баакубском лагере было 3 тыс. Ассирийские батальоны (кроме одного) были расформированы. Каждый день от голода и болезней умирало по 60 человек [298, стр. 37]. Ассирийские беженцы были заняты только устройством лагеря и его охраной, других работ англичане им не предоставляли. Если и случалась работа на стороне, то вознаграждение составляло не более рупии в день [96, стр. 77]. В Баакубу переехал и новый Мар-Шиму.

В июне 1919 г. управление ассирийским лагерем было поручено английскому полковнику Кенлифф-Оуэну, который наполовину сократил финансовые средства, отпускаемые на содержание беженцев. Как отмечает Стаффорд, ежемесячные расходы были уменьшены с 80 тыс. ф. ст. до 40 тыс. [298, стр. 37]. Все это не могло не вызвать брожения среди ассирийцев.

В 1920 г. скончался от туберкулеза глава ассирийской общины [271, стр. 14]. Мар-Шимуну Полусу наследовал его одиннадцатилетний племянник Ишай, не имевший никакого влияния на своих подданных. Фактически всеми делами руководила Сурьма-ханум — сестра Мар-Шимуна Беньямина.

Вскоре ассирийские требования были представлены Парижской мирной конференции⁶⁵. Они состояли в следующем:

1) установление английского протектората над ассирийцами в районе Мосул — Джебзире — Башкале — Урмия;

⁶⁵ На конференции «защиту» ассирийских интересов взял на себя английский представитель.

2) возвращение урмийских ассирийцев на их прежнее место жительства и гарантия их безопасности со стороны иранского правительства;

3) освобождение всех ассирийцев, взятых в плен иранскими войсками;

4) возвращение ассирийцам частных и церковных земель, отнятых у них турками и курдами;

5) признание ассирийских церковных законов страной-протектором;

6) возвращение ассирийцам всех ранее принадлежавших пастбищ;

7) наказание тех курдских и иранских должностных лиц, которые за последние годы систематически угнетали ассирийцев [298, стр. 78].

Однако указанные требования не были приняты во внимание участниками мирной конференции. Тогда ассирийцы решили возвратиться в родные места с помощью оружия. Руководство военной экспедицией взял на себя Ага Путрус. Он предложил урмийским и хакаярийским ассирийцам объединиться, чтобы отвоевать часть своей бывшей территории у Турции и образовать там ассирийское государство [298, стр. 41]. После многих споров урмийцы и две трети горцев согласились на предложение Ага Путруса. Англичане тоже поддержали этот план и обещали выдать необходимое оружие.

В середине октября 1920 г. из Акры выступило около 6 тыс. вооруженных ассирийцев. Путь шел через Кара-Даг, Барзанские горы и Нерию. С вождями крупных курдских племен были заключены соглашения, чтобы они не препятствовали походу ассирийцев, а отдельные набеги курдов легко отражались. Однако по прибытии в Барзан между ассирийцами начались ссоры⁶⁶, видимо не без помощи английских офицеров, сопровождавших ассирийцев, и весь план Ага Путруса потерпел неудачу. Ага Путрус со своим отрядом возвратился в Мандан⁶⁷.

Неудача Ага Путруса рассеяла иллюзии ассирийцев, надеявшихся на образование своего государства. Воспользовавшись этим, англичане предложили им поселиться в Мосульском вилайете, судьба которого еще не была решена. Оставляя ассирийских беженцев в Ираке, англичане надеялись использовать их для отторжения Мосульской области от Турции. Они обе-

⁶⁶ Первоначальный план состоял в том, чтобы достичь Хакаяри, пройдя предварительно через Урмию. Однако хакаярийские ассирийцы, оказавшись не слишком далеко от своих старых очагов, решили сразу направиться туда.

⁶⁷ После провала ассирийского похода Ага Путрус попытался воспрепятствовать солеменикам поступать в батальоны, формировавшиеся англичанами, однако и здесь потерпел неудачу. Он уехал в Париж и спустя несколько лет скончался за границей. Подробнее об этой неудачной экспедиции Ага Путруса см. работу К. П. Матвеева и И. И. Мар-Юханны [134, стр. 90—92].

щали ассирийцам предоставить им местную автономию в случае присоединения Мосула к Ираку.

На Севрской конференции в числе других вопросов рассматривался и ассирийский вопрос. В ст. 62 Севрского договора было сказано, что при создании автономного курдского государства следует гарантировать ассирийцам возможность независимого национального развития. Севрский договор предусматривал возвращение ассирийцев в родные места, освобождение ассирийских пленных, возврат имущества и т. д. Однако Севрский договор оказался мертворожденным, и ассирийцы остались в Ираке.

Английские мандатные власти обещали уладить ассирийский вопрос, как только решится судьба Мосула и будет подписан мирный договор с Турцией. Они уверяли ассирийцев, что выступают за создание ассирийского автономного государства, в которое должен был войти и спорный Мосульский вилайет. Одновременно англичане приступили к формированию из ассирийских беженцев наемных батальонов⁶⁸, которые должны были заменить британские оккупационные войска. Дело в том, что содержание ассирийских дружин обходилось намного дешевле, чем английских или индийских войск [298, стр. 73].

Оторванным от своих домашних очагов и находившимся в бедственном положении среди чуждого мусульманского населения — арабов и курдов, ассирийцам ничего не оставалось делать, как подчиниться английским указаниям. Справедливости ради следует отметить, что ассирийцы с неохотой записывались в батальоны, которыми командовали английские офицеры [48, стр. 267; 271, стр. 140]*.

Использование ассирийцев для установления равновесия сил между курдами и арабами, а также для подавления их национально-освободительного движения в дальнейшем ухудшило отношения между ассирийцами, с одной стороны, и курдами и арабами — с другой.

Записываясь в батальоны, ассирийцы были уверены, что они будут использованы лишь для охраны военных коммуникаций и для обороны будущего ассирийского государства со столицей в Мосуле [133, стр. 242]. Таким образом, англичане обещали

⁶⁸ Окончательное решение относительно формирования ассирийских наемных батальонов было принято на Капрской конференции весной 1921 г. [367, стр. 99].

* Активное участие в вербовке ассирийцев в батальоны приняли Сурьмаханум, Давид, высшее духовенство и многие малики. Лишившись после бегства из Урмии своих прежних привилегий и доходов, ассирийская верхушка была кровно заинтересована в формировании батальонов, так как по заключенному с английскими властями соглашению, ассирийские дружинники обязались отчислять на содержание дома Мар-Шимуна и его окружения десную часть своего жалования; кроме того, через дружинников ассирийская верхушка получала возможность удерживать в повиновении членов их семей и родственников (прим. отв. ред.).

курдам создание «независимого Курдистана», ассирийцам — «независимой Ассирии», арабам же — сохранить целостность иракской территории. Как было уже показано, надежды курдов были жестоко обмануты. То же самое ожидало и ассирийцев.

Оставшихся в Ираке ассирийцев можно разделить на три группы. Первую группу составляли урмийские ассирийцы, являвшиеся иранскими подданными. Многие из них вернулись в Урмию, хотя иранское правительство было не особенно довольное их возвращением. Около 500 семейств остались навсегда в Ираке. Часть поселилась на севере Ирака, в местах, отведенных англичанами, а остальные — в городах, главным образом в Багдаде.

Вторая группа состояла из «зависимых» ассирийцев, которые до войны жили под начальством курдских ага в Барвари-Бала и Нерви Рахикане. Их поселения находились к югу от «Брюссельской линии» и, следовательно, попали в пределы Ирака. В эту группу входило 800 семейств, или около 4 тыс. человек. На первых порах они подвергались многочисленным нападениям курдов; по мере усиления местной административной власти налеты курдов становились все реже и реже.

Наиболее значительной по количеству была третья группа, которую составляли хакаярийские ассирийцы, бывшие турецкие подданные. Их родные места находились за пределами Ирака, к северу от «Брюссельской линии». Их насчитывалось свыше 15 тыс. Осенью 1921 г. подавляющее большинство их расселили в Мосульской ливе. Многие записались в ассирийские батальоны. При поселении каждому ассирийцу выдали по 120 рупий (9 ф. ст.).

В 1922 г. почти все ассирийцы, жившие до войны в Верхнем и Нижнем Тяри, вместе с некоторыми своими сородичами, принадлежавшими к племенам джилу и баз, отправились к своим очагам в Хакяри [48, стр. 268]. Они не встретили никакого сопротивления со стороны турецкой администрации, власть которой в то время была там чисто номинальной. До августа 1924 г. они жили спокойно, пока к ним не прибыл для сбора налогов каймакам Джуламерка с жандармским эскортом. Ассирийцы не подчинились, и между ними и жандармами произошла стычка. Турецкое правительство решило воспользоваться этим случаем, чтобы изгнать ассирийцев оттуда, ибо оно опасалось образования на ирако-турецкой границе буферного ассирийского государства под британским покровительством. Появление английских офицеров в Хакяри для вербовки ассирийцев в батальоны еще более усилило эти опасения. Против ассирийцев была послана военная экспедиция⁶⁹, которая, не встретив особенного сопротивления (большая часть молодых мужчин

⁶⁹ В ее состав входили два батальона пехоты, батарея горной артиллерии, кавалерийский эскадрон, а также курдский отряд, численностью до 300 человек [156, стр. 48].

несла воинскую службу в Ираке), сожгла их деревни и начала гнать ассирийцев к границе. Беглецы вынуждены были вновь искать приют в Ираке. Часть их расселили в казах Шейхан, Барвари-Бала и Дохук; другие отправились далее к Дашти-Хариру и в окрестности Батаса в Эрбильской ливе [367, стр. 100—101]. Многие поселились в городах и стали там работать в магазинах и ремесленных мастерских, на предприятиях нефтяных компаний и на железной дороге [263, стр. 197].

Льготы (например, временное освобождение от уплаты налогов⁷⁰), раздача земли и другие привилегии, полученные ассирийскими беженцами от английских властей, вызвали недовольство арабов и курдов. Особенно большое недовольство вызвало у них участие ассирийских батальонов в подавлении курдского и арабского национально-освободительного движения.

Мандатные власти всячески старались оправдать участие ассирийцев в карательных операциях; один из английских офицеров прямо указывал, что «использование ассирийцев в подавлении народных выступлений было вполне в интересах иракского государства» [298, стр. 47]. К тому же многие националистски настроенные ассирийцы откровенно заявляли, что они являются английскими протеже и, подогреваемые этими чувствами и английскими наущениями, вели себя вызывающе по отношению к арабам и курдам. Отношения между ассирийцами и арабо-курдским населением обостряло и желание ассирийцев создать свое государство.

В результате английской политики разжигания национальной и религиозной вражды 15 августа 1923 г. в Мосуле произошла стычка между ассирийцами и арабами. В дело вмешалась местная полиция, были ранены десятки людей [45, стр. 18]. Не успел забыться этот инцидент, как последовал новый взрыв по поводу прибытия в Мосул ассирийских репатриантов⁷¹. В мае 1924 г. в Киркуке произошли кровавые стычки, в результате которых было убито около 50 арабов и курдов [252, стр. 177].

Арабские националисты выступили с демонстрациями протеста. Они заявляли, что англичане хотят колонизировать Мосульский вилайет с помощью ассирийцев. Обстановка настолько накалилась, что прибывший в Мосул король Фейсал попросил английского верховного комиссара вывести из города ассирийские батальоны. Отсутствие мирного договора с Турцией и антианглийская агитация турецких агентов в районах Ирака, призывающих к турецкой границе, еще больше обостряли обстановку в Мосульской области.

⁷⁰ Освобождение от уплаты налогов дало ассирийцам в 1924—1930 гг. 52,7 тыс. рупий.

⁷¹ В начале 1923 г. около 800 ассирийцев, живших до войны в Мосульском вилайете, приехали через Стамбул в Хомс: осенью того же года им разрешили поселиться в Ираке.

Верховный комиссар был вынужден временно вывести ассирийские части из Мосула. Одновременно ассирийцам вновь были обещаны права, которыми они пользовались еще при турецком господстве. Английское правительство заверяло ассирийцев в том, что оно предоставит им для поселения достаточную и подходящую для них территорию [356, ч. 3, стр. 296].

Несмотря на протесты арабских националистов, иракское правительство поддержало эти обещания. На позицию иракского правительства, несомненно, повлияли предстоящие переговоры относительно судьбы Мосульской области, так что его заявление носило чисто пропагандистский характер.

Ассирийцы как с военной, так и с политической точки зрения сыграли определенную роль в решении мосульского вопроса в пользу Ирака. В то время когда иракская армия только формировалась, английские мандатные власти для отражения нападений турецких отрядов использовали ассирийские дружины. Кроме того, ассирийцы своим требованием присоединить округ Хакяри к Ираку (хотя и не удовлетворенным) оказали большое влияние на окончательное решение Лиги наций по мосульскому вопросу, принятое в пользу Ирака. Об этом свидетельствуют и следующие слова английского верховного комиссара Генри Доббса: «В целях успокоения ассирийцев в отношении их будущего два следующих один за другим иракских кабинета Джафар-паши и Ясин-паши официально обещали, что иракское правительство предоставит в Ираке землю тем ассирийцам, которые в силу решения Лиги наций окажутся лишенными своих родных очагов, и что для них будет обречена такая система администрации, которая обеспечит им по возможности гарантию от любого вмешательства» [199, т. II, стръ 552]⁷².

В декабре 1925 г. Совет Лиги наций принял резолюцию, согласно которой большая часть территории, ранее населенной ассирийцами, окончательно была передана Турции. Совет Лиги предложил иракскому и турецкому правительствам гарантировать восстановление старых привилегий, которыми пользовались ассирийцы до войны [48, стр. 269]. Далее Совет указал, что оба правительства обязаны дать ассирийцам известную местную автономию⁷³, признав за ними право назначать своих чиновников и платить налоги через патриарха [247, стр. 260]. Одновременно им было предложено допустить представителей Лиги для организации эффективного наблюдения на местах. Однако через год, в ноябре 1926 г., Постоянная мандатная комиссия Лиги наций решила, что «в настоящее время, видимо, нет оснований назначать делегата Лиги наций для обеспечения

⁷² Эти обещания не были выполнены.

⁷³ Впоследствии англичане утверждали, будто рекомендация Лиги наций о предоставлении автономных прав ассирийцам относилась только к Турции, а не к Ираку, хотя она относилась к обоим мусульманским государствам.

защиты всех групп населения» в обеих мусульманских странах [48, стр. 270].

Когда рекомендации Совета Лиги наций в отношении ассирийцев были внимательно изучены, сразу же стала ясна их нереальность, так как они основывались на предположении, что ассирийцы возвратятся в свои старые дома к северу от турецко-иракской границы. Считая, что оспариваемая территория в любом случае будет находиться под контролем мусульманского государства и рекомендуя предоставить ассирийцам местную автономию, Совет «не предвидел», что эта территория может остаться под суверенитетом Турции, а сами ассирийцы — под суверенитетом Ирака. К тому же и сами члены Совета заявили, что если территория, занятая ассирийцами, не будет передана Ираку, то они не смогут получить местной автономии, ибо в этом случае они не будут жить компактной общиной.

Шовинистическая политика турецких правящих кругов по отношению к национальным меньшинствам тоже сыграла определенную роль в дальнейшем усложнении ассирийского вопроса. Дело в том, что еще в 1924 г. на Константинопольской конференции турецкий делегат Фетхи-бей заявил, что ассирийцам будет разрешено возвратиться на их старую родину, что они смогут пользоваться местной автономией, как и раньше, и что их безопасность будет гарантирована всеобщей амнистией [233, стр. 107]. Однако, как было указано выше, турецкое правительство помешало ассирийцам осуществить это на деле. А депортация, осуществленная турецкими властями в пограничных районах с беспощадной жестокостью осенью 1925 г., уничтожила всякую перспективу возвращения ассирийцев в Турцию. И когда два года спустя многие ассирийцы, поверившие, что их хорошо примут в Турции, сделали попытку перейти границу, они встретили сопротивление турецких войск. Более того, 25 июня 1928 г. турецкий генеральный консул в Багдаде уведомил иракское правительство о том, что турецкий закон об амнистии не распространяется на ассирийцев и им ни при каких обстоятельствах не будет разрешено вступить в Турцию, что ассирийцы, которые попытаются перейти турецкую границу, будут арестованы и преданы суду [356, ч. 3, стр. 298].

Политика турецкого правительства в отношении ассирийцев свидетельствует о том, что турки рассматривали их как постоянных врагов, только ожидающих случая для нового нападения. Турецкое правительство не только запретило ассирийцам доступ к их прежним домам, но и постоянно протестовало против устройства ассирийских поселений вблизи турецкой границы и требовало разоружения всех ассирийцев и удаления их из пограничной зоны [48, стр. 275].

Решение Лиги наций от декабря 1925 г. окончательно уничтожило все надежды ассирийцев на возвращение в родные места. Стало ясно, что им следует искать новую родину. Попыт-

ки поселить ассирийцев в какой-либо английской колонии или же в Канаде вызвали возражения ассирийцев. Тогда англичане решили расселить их на землях, принадлежащих курдам.

Вскоре ассирийцам была предложена Баразгертская долина в Барадостской нахии Эрбильской ливы. И хотя иракское правительство одобрило этот проект, осуществить его не удалось по ряду причин. Во-первых, оставшиеся в живых барадостские курды стали предъявлять претензии на землю, а шейх Ахмед Барзани, территория которого находилась по соседству и еще не управлялась багдадскими властями, начал угрожать новым выступлением. Во-вторых, против него возражали сами ассирийцы. Они доказывали, что место это слишком отдаленное и изолированное.

Одна из главных трудностей при расселении ассирийцев состояла в нехватке финансовых средств. Определенные суммы на эти цели были пожертвованы английским комитетом помощи христианскому населению, 96 тыс. рупий ассигновало иракское правительство [367, стр. 103]. Из пожертвованных английскими филантропами сумм осталось только 65 тыс. рупий. В то же время для финансирования устройства и поселения ассирийцев требовалось не менее 300 тыс. рупий⁷⁴. Тем не менее английская пресса сообщала, будто для устройства ассирийцев почти все уже сделано [390, 26.IV.1926].

Несмотря на некоторые меры, принятые правительством, в 1928 г. положение ассирийцев все еще оставалось тяжелым. Как свидетельствует письмо Мар-Шимуна английскому верховному комиссару, большинство ассирийцев все еще не были устроены, хотя англичане доказывали обратное, утверждая, что осталось устроить только 500 семейств. Мандатные власти старались всю вину переложить на самих ассирийцев, упрекая их в том, будто среди них развилась беженческая психология и они смотрят на правительство и на благотворительные фонды «как на дойную корову» [298, стр. 55].

Около 450 семей из племени шамдинан были поселены в ливе Эрбиль в деревнях около Ревандуза в качестве арендаторов крупных курдских землевладельцев [263, стр. 197]. Арендный договор подписывался землевладельцами и епископом племени. По существовавшему в то время закону курдский помещик имел полное право порвать соглашение с арендатором в любое время и местная администрация не могла вмешаться в это, потому что курды еще не были полностью подчинены ее власти. Все земельные споры, возникавшие между арендаторами и землевладельцами, решались, как правило, в пользу последних. В том случае, если арендатор отказывался отдавать помещику его долю урожая или «нарушал закон и спокойствие», администрация соглашалась на расторжение арендного договора. Та-

⁷⁴ Мандатные власти не выделили средств на эти цели.

ким образом, интересы помещика, получавшего определенную часть урожая, а не ренту, целиком были защищены.

Многие местности в курдских горах, где были расположены ассирийские деревни, являлись малярийными. Вследствие этого заболеваемость среди ассирийцев, а также детская смертность были очень высоки. Власти открыли 10 диспансеров [367, стр. 103], но это не могло исправить положение.

Местное население упорно сопротивлялось расселению ассирийцев, ибо оно рассматривало ассирийские колонии как базу английского господства. В результате ассирийцам были отведены негодные, болотистые земли.

В таком положении застал ассирийцев новый англо-иракский договор.

После заключения англо-иракского договора 1930 г. правительство Великобритании пришло к выводу, что прирученная иракская помещичье-буржуазная верхушка сможет лучше гарантировать его интересы, чем отряды ассирийских наемников. Ассирийские батальоны сделали свое дело и теперь могли повлиять отрицательно на дальнейшее развитие англо-иракских отношений. Поэтому англичане решили отделаться от этого «яблока раздора». По окончании мандатного периода ассирийские батальоны стали использоваться для охраны военных аэродромов⁷⁵.

Ассирийцы, увидев, что их права в договоре 1930 г. не гарантированы, направили несколько петиций в Лигу наций. В одной из таких петиций⁷⁶ ассирийцы требовали автономии в составе Ирака под управлением Мар-Шимуна и поселения компактной массой [247, стр. 266]. Однако Лига наций отказалась признать справедливое право ассирийцев на автономию. Представителей ассирийского народа даже не допустили на заседание Лиги наций.

Правительство Ирака тоже было против предоставления ассирийцам автономии. Иракская конституция не признавала систему «миллетов». В послании министру внутренних дел Ирака Мар-Шимун писал: «Светская власть не захвачена мною, она возложена на меня с прошлых столетий как законная власть, переданная народом патриарху. Она не только терпелась, но и официально признавалась сасанидскими царями, мусульманскими халифами, монгольскими ханами и османскими султанами. Не было случая в истории, чтобы ассирийский народ злоупотребил этим своим правом. Напротив, кроме того что это нисколько не препятствовало применению законов страны, обычай этот оказывается лучшим методом управления народом,

⁷⁵ Часть ассирийцев, уволенная из батальонов, поступила в иракскую полицию, некоторые влились в состав вновь формируемой иракской армии, а большая часть была уничтожена во время августовской резни 1933 г.

⁷⁶ Эта петиция была составлена в октябре 1931 г. на конференции ассирийских вождей, возглавляемых Мар-Шимуном.

живущим в таких обстоятельствах, как ассирийцы» [298, стр. 105]. Тем не менее иракское правительство не пожелало признать Мар-Шимуна не только светским, но и религиозным главой ассирийцев, находящихся в Ираке.

Иракские правящие круги выступали и против поселения ассирийцев компактной массой. Как отмечает Мэн, если бы ассирийцы поселились вместе, включая 10 тыс. хорошо обученных вооруженных людей и с духовным вождем, претендующим на гражданскую власть, шаг до их автономии был бы очень коротким [271, стр. 147]. Английская пресса отмечала, что даже если бы ассирийцам не предоставили местную автономию, а лишь поселили бы компактной массой во главе с патриархом, то они легко могли бы добиться автономии [3846, стр. 667]. Поэтому иракское правительство решило расселить ассирийцев отдельными группами, окружив их враждебно настроенными курдами [271, стр. 147].

Когда стало ясно, что ни Лига наций, ни иракское правительство не желают удовлетворить требования ассирийского народа, ассирийцы, несшие службу на английских военных базах, вручили своему командиру, английскому генералу Брауну, меморандум об уходе в отставку. Заявление ассирийцев поставило англичан в затруднительное положение. Срочно был переброшен батальон британских войск из Египта [263, стр. 199]. Английские подразделения заняли позиции, которые до тех пор охранялись ассирийцами.

Одновременно англичане, чтобы выиграть время, начали давать ассирийцам новые обещания. Английскому послу Хэмфри удалось уговорить ассирийцев продолжать службу до тех пор, пока Лига наций не рассмотрит их петицию; он также добился на это согласия Мар-Шимуна. 250 ассирийцев, служивших в Ханайди, все же не поверили обещаниям англичан и вышли в отставку. Остальные подчинились приказу Мар-Шимуна о продолжении службы. По указанию англичан иракское правительство создало комитет по расселению ассирийцев⁷⁷. Однако этот комитет скоро обнаружил, что в Ираке мало земли, пригодной для обработки. Он рекомендовал увеличить расходы по орошению земель с целью получения хороших урожаев. Итак, создание комитета было рассчитано на то, чтобы обмануть общественное мнение и ввести в заблуждение ассирийцев.

Одновременно английские правящие круги и шедшее у них на поводу иракское правительство вели закулисную игру, стремясь создать в ассирийском лагере оппозицию Мар-Шимуну, требовавшему поселения ассирийцев компактной массой. Для этого они установили тесные связи с его давними противниками. Англичанам удалось внести разлад между ассирийски-

⁷⁷ Мар-Шимун отказался войти в состав этого комитета.

ми руководителями, разделить их на две враждующие группировки и этим ослабить сопротивление ассирийцев.

В группу, поддерживавшую Мар-Шимуна, входили 20 влиятельных ассирийцев, в том числе митрополит Мар-Есип, малики Яку, Лавку, Андреус и др. Оппозиционная группа состояла из 11 человек (Хошаба⁷⁸, епископ Мар-Саргис, малик Хамму и др.). Они поддерживали правительственный план расселения ассирийцев отдельными группами в разных районах Ирака [134, стр. 113—114].

Сторонники Мар-Шимуна активно пропагандировали среди ассирийцев Дохука и Амадни идею автономии. Их деятельность еще более усилилась после того, как Мар-Шимун был задержан в Багдаде иракским правительством. Все попытки мосульских властей расправиться со сторонниками Мар-Шимуна закончились неудачей, так как многие ассирийцы поддерживали план патриарха. Среди них своей храбростью и непримиримостью выделялся малик Яку, которого несколько раз пытались арестовать, но безуспешно. Тогда мосульский мутасарриф по совету подполковника Стаффорда и майора Томпсона, которые занимались вопросами расселения ассирийцев, предложили маликам Яку и Лавку выехать в Багдад якобы для того, чтобы получить письменное согласие Мар-Шимуна на правительственный план. На деле же власти хотели задержать их в Багдаде и этим обезглавить ассирийцев. Однако ассирийские руководители не попались на эту удочку. Они усыпили бдительность местных властей и 18 июля отправились не в Багдад, а в сторону Сирии⁷⁹.

Переправившись с небольшим отрядом через Тигр, ассирийские лидеры попросили у французских пограничных властей разрешения вступить в Сирию. Те промедлили с ответом. Яку и Лавку восприняли это как знак согласия французов разрешить ассирийцам поселиться в Сирии [271, стр. 148]. Вскоре за первым отрядом последовали другие. Всего через реку переправилось свыше тысячи человек⁸⁰.

Только через десять дней французские власти уведомили беглецов, что им не разрешено поселиться в Сирии [263, стр. 233]. Тогда ассирийцы приняли решение вернуться обратно в Ирак. 4 августа они начали переправляться на другой берег, где уже в полной боевой готовности находились иракские войска [271, стр. 148].

Командир небольшого ассирийского отряда, первым переправившегося обратно через Тигр (у деревни Файш-Хабур),

⁷⁸ Малик Хошаба был назначен председателем комитета по расселению ассирийцев [263, стр. 231].

⁷⁹ Ад-Дурра утверждает, что малики Яку и Лавку имели при себе послание Мар-Шимуна к французским мандатным властям [367, стр. 106].

⁸⁰ По данным Мэна, через Тигр переправилось 800 человек [271, стр. 148]; по другим данным — 1200 человек [367, стр. 106].

окликнул иракский пост и заявил, что они хотят вернуться обратно и сдать оружие⁸¹. Когда им позволили подойти, завязался бой. Иракский пост был уничтожен. После этого на иракский берег переправился более крупный ассирийский отряд и через образовавшуюся брешь двинулся против сконцентрированных позади правительственных войск.

Отчеты о стычке, которая переросла в кровопролитное сражение, роковое для ассирийцев, противоречивы; каждая сторона старается свалить вину на другую. Как бы то ни было, факты налицо: концентрация правительственных войск, назначение командующим курда Бакра Сидки, который был известен как антиассириец, — все это свидетельствует о заранее подготовленной операции.

Вооруженные столкновения продолжались два дня. Иракские войска использовали авиацию и артиллерию. С обеих сторон имелись многочисленные жертвы⁸². После первой неудачи правительственным войскам удалось вынудить ассирийцев отступить⁸³. Часть ассирийцев (553 человека) во главе с Яку и Лавку переправилась через Тигр на сирийскую территорию, где была интернирована французскими властями [263, стр. 234]. Остальным удалось прорваться сквозь цепи правительственных войск. Вскоре они были настигнуты и вырезаны группами и поодиночке.

Победа правительственных войск явилась большим событием для арабов, так как английская пропаганда в течение 12 лет доказывала арабам их неполноценность в сравнении с ассирийцами. Это мнение настолько укоренилось, что даже перед сражением многие арабские офицеры сомневались в победе. Когда сконцентрированные позади Файш-Хабура арабские силы стали свидетелями ассирийского отступления, никто не был так изумлен, как сами арабы.

Покончить с ассирийскими вооруженными отрядами во что бы то ни стало — вот какая цель была поставлена иракским правительством перед войсками. Оно понимало, что за происходящими событиями пристально наблюдают курды, которые в случае победы ассирийцев немедленно восстанут против араб-

⁸¹ Часть ассирийцев была разоружена еще на сирийской территории, однако после официального отказа французских властей разрешить ассирийцам поселиться в Сирии это оружие 31 июля им вернули [367, стр. 108].

⁸² Существуют различные мнения относительно числа жертв во время событий 4—5 августа 1933 г. По английским данным, потери ассирийцев не превышали 20 человек, а иракской армии — 33 убитых и 40 раненых [263, стр. 234]; по свидетельству арабских авторов жертвы были более ощутимы: правительственные войска потеряли 37 человек (в том числе 3 офицеров) убитыми и 43 ранеными, а ассирийцы — 130 убитыми и 80 ранеными [367, стр. 108].

⁸³ Немалую роль в этом сыграло желание ассирийцев спасти от резни жителей ассиро-халдейских деревень, в которых укрылись отступившие после первого боя правительственные войска.

ской администрации. Строгое наказание ассирийцев должно было послужить своеобразным предупреждением для курдов. Следовательно, ведя борьбу против ассирийских автономистских устремлений, иракское правительство косвенным образом вело борьбу и против осуществления курдских национальных чаяний. Вот почему правительственным кругам удалось временно сплотить вокруг себя все арабские националистические силы страны. На некоторое время все арабы стали антиассирийцами⁸⁴. Воспользовавшись этим, правительство решило не ограничиваться уничтожением только вооруженных ассирийцев. С его благословения иракские войска начали жестокую расправу над мирными жителями ассирийских сел.

Правые арабские националисты начали призывать всех арабов и курдов к выступлению против ассирийцев; они требовали «убить всех мужчин, но пощадить женщин и детей» и т. д. Фактически это была проповедь священной войны (джихада). Иракские войска выполнили эти призывы.

8 августа несколько ассирийских деревень племени тхума, все здоровые мужчины которого находились в Сирии, были разграблены курдами из казы Захо; местная администрация всячески поощряла их в этом. Женщины и дети устремились к Дохуку и Симмелю. В течение следующих двух дней арабские племена шаммар и джаббур с правого берега Тигра переправились через реку и начали грабить ассирийские деревни. Особенно безжалостно действовали шаммары, которые за год перед этим из-за сухой зимы потеряли много овец. Они разграбили деревни, находившиеся к югу от Дохука, население которых, как и жители деревень, расположенных к западу от Симмеля, не принимали никакого участия в столкновениях с арабскими войсками.

Далее к югу к грабежу присоединились арабы племени таи, которым помогали курды из племен синди и кули, спустившиеся с гор, а также езиды [263, стр. 234].

Когда ассирийцы, считавшие своим сюзереном курдского шейха Нури аль-Брифкани, попросили его о покровительстве, курды шейха Нури, пренебрегая обычаями, разграбили целые деревни. Из 64 ассирийских деревень, расположенных в казах Дохук и Шейхан, 50 были разграблены. Кое-где грабеж продолжался в течение нескольких дней. Некоторые деревни были сожжены дотла [298, стр. 183—184].

В Дохуке правительственные войска вывозили ассирийцев на грузовиках за город и расстреливали их из пулеметов. Иракские броневики давили трупы и раненых. Террор царил там несколько дней. Многие семьи остались без отцов и братьев.

⁸⁴ По этому поводу Мэн замечает, что и «среди низших классов царило большое воодушевление» [271, стр. 153]. Даже рэзочне поддались на шовинистическую агитацию. И, как правильно указывает Г. Мирский, это нанесло серьезный ущерб иракскому рабочему движению [147, стр. 72].

ев. Во многих случаях тела убитых оставались непогребенными⁸⁵.

Однако все это меркнет по сравнению со зверствами, которые произошли в деревне Симмель⁸⁶. 50 жителей Симмеля во главе со старостой последовали в Сирию за Яку. 8 августа в деревне появился каймакам казы Захо с грузовиком, полным солдат, и предложил ассирийцам сдать оружие будто бы с той целью, чтобы предотвратить их столкновение с правительственными войсками. Он убедил ассирийцев в том, что они будут в безопасности под защитой иракского флага, вывешенного над полицейским постом. Ассирийцы поверили и сдали оружие, которое затем было увезено.

10 августа арабские и курдские кочевники отняли у жителей деревни все зерно. Обезоруженные ассирийцы не могли оказать сопротивления, а местная полиция не вмешивалась. Затем симмельцам запретили пользоваться водой из деревенского родника, и они вынуждены были ходить к реке, где вода была непригодной для питья. В ту же ночь курды и бедуины начали угонять стада [298, стр. 173].

На следующий день в Симмель на грузовиках и броневиках прибыли новые войска. Они без всякого предупреждения открыли огонь по беззащитным ассирийцам. Пулеметчики, установив пулеметы около домов, направили их дула в окна, а затем начали стрелять по охваченным паникой жителям. Многих выволакивали из домов и расстреливали или закалывали, а трупы бросали в общую кучу⁸⁷. Расстрел продолжался до рассвета. Когда убивать уже было некого, войска уехали. Потом вновь появились кочевники.

Грабежи приняли такие размеры, что в конце концов полиции пришлось вмешаться, а это вызвало недовольство вождей племен. Шейх шаммаров Аджилль аль-Явар явился к полицейским властям с жалобой, что они «притесняют» его народ [271, стр. 151].

Всего в Симмеле было убито свыше 300 человек, в том числе 6 детей; около 20 женщин и детей было ранено [263, стр. 235].

Как впоследствии было выяснено, симмельскую резню иракские правящие круги намеревались повторить в Алькоше, для чего преднамеренно стали распускать слух о том, что в эту деревню вступили восставшие курды.

⁸⁵ По английским сведениям, в Дохуке было убито около 80 человек, однако ассирийцы говорили, что число жертв было намного больше. Расстрелы в Дохуке были приостановлены только после прибытия туда министра внутренних дел Ирака Хикмета Сулеймана.

⁸⁶ В Симмеле проживало более 100 ассирийских семей (главным образом из племен баз, диз и верхнее тияри).

⁸⁷ Не спаслись и мужчины, переодетшиеся в женское платье [271, стр. 151].

По английским данным, во время августовских событий 1933 г. было убито около 600 ассирийцев, в основном мирных земледельцев. Эти данные явно преуменьшены. Факты говорят о том, что жертв было в несколько раз больше [134, стр. 128; 298, стр. 176]. Материальные потери, понесенные ассирийцами, исчислялись более чем в 50 тыс. ф. ст. В английской прессе делались усилия скрыть истинное положение вещей. Так, лондонская «Таймс» писала: «В некоторых деревнях, оставленных семьями мятежных ассирийцев, произошли незначительные грабежи, но правительство возвратило имущество его владельцам и возместило убытки...⁸⁸. Общие убытки не превышают суммы в несколько фунтов стерлингов на каждую деревню» [390, 27.VIII. 1933].

Когда в ноябре 1933 г. ассирийские районы посетил Стаффорд, положение было таково: из 64 деревень 33 были совершенно пусты, 8 — наполовину. Население находилось в подавленном состоянии и даже не имело никакого желания сеять озимые [298, стр. 186]. Большая часть взрослого населения была убита или интернирована в Сирии, остальные собрались в Мосуле.

Об ассирийских погромах мировая общественность узнала не сразу. Иракское правительство задержало все сообщения о массовых убийствах ассирийцев. Пять дней над севером Ирака «был задержан занавес молчания» [271, стр. 145]. В иракской прессе не появилось ни одного слова, кроме отрицания заявлений, сделанных за границей. Как свидетельствует Мэн, были предприняты величайшие усилия со стороны как иракского правительства, так и британского посольства, чтобы помешать опубликованию фактов [271, стр. 145]. Но вскоре эти факты все же просочились в европейскую демократическую печать, и мировое общественное мнение потребовало расследования событий в Ираке.

Иракские правящие круги выступили против расследования. Министр внутренних дел даже пригрозил уйти в отставку. Принимались поспешные меры, чтобы замолчать факты погрома. Тем не менее иракские правящие круги не могли скрыть своего ликования по поводу происшедшего.

В Мосуле была устроена торжественная встреча войск, участвовавших в резне ассирийцев. По словам очевидцев, всюду были воздвигнуты триумфальные арки. Некоторые из них были украшены дынями, окрашенными кровью, с кинжалами, воткнутыми в них; это должно было изображать головы убитых ассирийцев. Публика громкими возгласами приветствовала командиров антиассирийской экспедиции Бахра Сидки и Наджи Рамадана. Местные газеты еще более возбуждали национали-

⁸⁸ На самом деле ассирийцам возвратили только 5% награбленного имущества.

стические страсти. В эти дни в городе происходили званые обеды и приемы, на которых присутствовали и английские дипломатические представители [298, стр. 201, стр. 205—206].

Наследный принц Гази — будущий король Ирака — своими руками надел знак отличия на знамя войск, участвовавших в ассирийских погромах [271, стр. 154]. Бакр Сидки и Наджи Рамадан были повышены в чине⁸⁹. Бакр Сидки торжественно въехал в Багдад на автомобиле, сидя по правую руку премьер-министра.

Главными виновниками резни англичане считали самих ассирийцев, называя их «чрезвычайно тяжелым, подозрительным и беспокойным народом», столкновение которого «с вспыльчивыми и неопытными иракскими должностными лицами было неизбежно». В действительности все дело с ассирийцами, как справедливо замечает Г. Мирский, было подстроено английской разведывательной службой для того, чтобы пресечь возможные попытки иракского правительства добиваться изменения договора 1930 г. [147, стр. 74].

После ассирийской резни, устроенной иракским правительством при попустительстве англичан, многие иракцы, особенно христианская часть населения, в знак протеста больше не посещали английские консульства. Впоследствии сами англичане были вынуждены признать, что престижу Англии в Ираке, как и на всем Ближнем Востоке, был нанесен сильный удар [298, стр. 207].

Ответственность за кровавые события, происшедшие в Ираке, несут и французские империалисты.

После прекращения погромов все еще существовала реальная опасность того, что антиассирийское движение перекинется из провинции в города. Особенное возбуждение царило в Киркуке, где еще было свежо в памяти воспоминание о майских событиях 1924 г. Здесь было много ассирийцев, служивших в «Ирак петролеум компани» [367, стр. 106]. Однако местные власти, убоявшись последствий, предотвратили новые выступления. В Ревандузе тоже не было погромов.

Сравнительно крупные антиассирийские выступления состоялись в Байдже. Часть племени шаммар явилась в Байджу на грузовиках и попыталась грабить и поджигать дома ассирийцев. Это на неделю остановило работу на постройке нефтепровода «Ирак петролеум компани». Ассирийские рабочие, нанятые компанией, в знак протеста объявили забастовку. На железной дороге, где служили ассирийцы, также была объявлена забастовка. Бастующие настаивали на том, чтобы членов их семей отправили в Багдад или на британский аэродром в Хайнди [271, стр. 152].

⁸⁹ Бакр Сидки получил даже титул лашы [271, стр. 154].

Не лучше обстояло дело и в других городах Ирака. Вот что рассказывает Мэн: «Когда я приехал в Мосул, я узнал, что мосульские водители такси, которые почти все являются христианами, были предупреждены командованием армии о том, что тот из них, кто повезет „расследователя“ или даст ему какую-либо информацию, будет убит. Таким образом, я не имел возможности выехать на север от Мосула. В Мосуле я даже встретил одного водителя такси, который отказался проехать мимо воинской части, маршировавшей по улице, опасаясь, видимо, что потом ему припомнят такое „оскорбление“. В Мосуле я обнаружил всеобщее, очень сильное антиассирийское настроение» [271, стр. 153].

Ассирийский вопрос вновь был вынесен на обсуждение Лиги наций. На этот раз рассматривались причины разыгравшейся трагедии. Иракское и английское правительства стремились скрыть факт резни, обмануть общественность, придать всему случайный характер [306, стр. 166]. Тем не менее под давлением общественного мнения Лига наций вынуждена была создать специальную комиссию для устройства ассирийцев⁹⁰.

Попытки решить ассирийский вопрос делались в Лиге наций вплоть до начала второй мировой войны.

Итак, автономистское движение ассирийцев, как и национально-освободительная борьба курдов, закончилось поражением. Главными виновниками этого были правящие круги Англии.

⁹⁰ Предполагалось поселить ассирийцев в Бразилии, но ее правительство не дало на это согласия. Неудачными оказались также проекты поселения ассирийцев в британской Гвиане и во французском Нигере [298, стр. 216]. Ассирийцам, интернированным в Сирии, разрешили там натурализоваться. А те, кто не смог уехать, остались в Ираке [147, стр. 73].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, английский мандатный режим был заменен договором 1930 г., который узаконил дальнейшую оккупацию Ирака. К концу периода мандата английский верховный комиссар превратился в «особо привилегированного иностранного представителя», а по вступлении Ирака в Лигу наций стал именоваться послом. Он продолжал играть значительную роль в политике страны. Без его согласия фактически не мог быть сформирован ни один кабинет. Он присутствовал и на заседаниях правительства. Английские советники, чиновники и «специалисты» заполняли весь государственный аппарат, английская военная миссия контролировала иракскую армию. Англо-иракский договор и декларация о независимости налагали на Ирак ряд обязательств, нарушающих его независимость как во внутренних, так и во внешнеполитических вопросах. Договор превратил Ирак в стража британских имперских интересов на Ближнем Востоке. Английский империализм сохранил все необходимые средства и условия для осуществления контроля над делами «независимого» Ирака.

Английские империалисты рассчитывали дарованием Ираку формальной независимости частично ослабить национально-освободительное движение и тем самым удержать в стране основные позиции. Решение Англии предоставить Ираку независимость еще не значило, что она как мандатарий отказывалась от своих интересов и прав. На самом деле все обстояло наоборот. В годы своего господства англичане много раз пытались найти соответствующий базис, на котором основывались бы в будущем англо-иракские отношения. Такой базис был ими найден в виде кабального договора, который лучше гарантировал Англии охрану ее имперских интересов в Ираке, чем мандат Лиги наций. Отныне Ирак, занимавший промежуточное положение между Индией и оккупированными британскими войсками Египтом и Палестиной, как «равноправный» союзник Великобритании сам охранял английские имперские пути. Это больше устраивало английских империалистов, чем постоянная оккупация Ирака и непрерывная борьба с его населением.

И все же статус независимости кое-что изменил в положении Ирака. Формальная политическая независимость расширила возможность самостоятельного развития страны, создала более благоприятные предпосылки для дальнейшего развертывания антианглийского движения, для консолидации иракского пролетариата и роста его классового самосознания.

Именно в слабой консолидации рабочего класса следует искать одну из причин поражения национально-освободительного движения в Ираке в годы английского мандата.

Иракское рабочее движение находилось в зачаточном состоянии, хотя в конце мандатного периода в Ираке уже существовали профессиональные группы, цехи и рабочие союзы. Делались некоторые попытки их объединения в одну общую организацию, однако успех на этом пути еще не был достигнут. Чувствовалось отсутствие организатора рабочего класса, его авангарда — коммунистической партии. Как известно, она была создана после отмены английского мандата, в 1934 г.

Отсталость иракского рабочего движения была обусловлена главным образом внутренним развитием страны, теми социально-экономическими условиями, которые существовали в Ираке в мандатный период. Господство английских империалистов во многом объясняло обособленность иракских рабочих масс от влияния международного рабочего движения.

Отсутствие компартии давало возможность иракской национальной буржуазии воздействовать на еще не окрепшее рабочее движение. Национальная буржуазия, прикрываясь революционными лозунгами, старалась приобрести влияние на молодой рабочий класс, использовать его в борьбе против английского империализма и иракских реакционеров. Она стремилась превратить рабочих в свое орудие, используя для этого цеховые организации. В то же время национальная буржуазия старалась удержать рабочее движение в определенных рамках, повести его по определенному руслу, чтобы добиться от английского империализма и марионеточного «национального» правительства определенных уступок для себя.

* * *

В подмандатном Ираке не нашел справедливого решения курдский вопрос. Многочисленные требования курдов об автономии, создании курдского государства под мандатом Лиги наций или независимого Курдистана были оставлены без внимания. Курдский вопрос не мог быть решен в условиях английского мандата, в условиях дискриминационной политики арабских правящих кругов, которые утверждали, что «нет иракского Курдистана, а есть лишь районы с курдским большинством».

Главными причинами поражения курдского освободительного движения были: изолированность его руководителей от масс,

неорганизованность и стихийность народных выступлений, военно-техническое превосходство иракской армии, поддержка английских властей феодально-компрадорскими слоями страны, капитуляция и измена части крупных феодалов и вождей племен.

Идея создания независимого курдского государства потерпела неудачу также из-за двурушнической политики англичан, которые, выдавая себя за защитников курдов, на деле больше всех препятствовали получению ими независимости. В подмандатном Ираке чрезвычайно ярко проявились извечные принципы колониальной политики британского империализма «разделяй и властвуй». Мандатные власти угнетали курдов через посредство арабизированного государства, арабов запугивали курдами, а в случае антианглийских выступлений расправлялись с теми и с другими с помощью ассирийских батальонов.

Следует отметить, что курдские патриоты, выступая под лозунгом национализма, не боролись с крайними националистами, не выступали против реакционной стороны национализма, выражающего интересы и идеологию курдских эксплуататоров.

У восставших курдов не была установлена прочная связь с курдами Ирана и Турции, а также с братским арабским народом внутри страны. Арабы и курды еще не осознали, что только их совместная борьба, создание единого фронта было единственным путем, который мог привести к победе над английским империализмом.

Несмотря на поражение, курдские восстания, происходившие в годы английской оккупации и мандата, сыграли большую роль. Они способствовали втягиванию курдских народных масс в борьбу против гнета английского империализма, за создание общекурдского государства. Объективно эта борьба разрушала патриархальную жизнь курдов и создавала условия для объединения курдских племен на более прочной основе. Она имела большое значение и для роста классового сознания курдского народа. Она сыграла определенную роль в дальнейшем развитии курдского национально-освободительного движения и объединении демократических сил курдского народа, ускорила процесс консолидации курдов в нацию.

В борьбе против англичан и марионеточной хашимитской династии курдский народ закалился, получил военный опыт, который впоследствии использовал не раз.

* * *

Не был решен в Ираке и ассирийский вопрос.

Английское правительство по заранее подготовленному плану увело ассирийцев с насиженных мест, превратило их в беженцев, оставило без родины и крова, заставило служить своим захватническим интересам. Противопоставление ассирийцев

курдам и арабам, разжигание между ними религиозной и национальной вражды, запугивание ими друг друга было рассчитано на то, чтобы предотвратить объединение всех наций и народностей Ирака и этим ослабить их сопротивление английской колониальной политике. Такая политика не раз приносила успех англичанам в Индии, Бирме и в других завоеванных ими странах. Она должна была обеспечить им успех и в Ираке.

Англия нашла верного союзника в лице другой колониальной державы — Франции, правящие круги которой осуществляли такую же империалистическую политику в подмандатной Сирии.

Англия и Франция не были заинтересованы в выполнении опубликованной в ноябре 1918 г. совместной декларации о предоставлении независимости народам оккупированных территорий. Опубликование декларации объяснялось не заботой правительств этих стран о судьбах народов Ближнего Востока, а их растерянностью перед лицом все возрастающего влияния освободительных идей, провозглашенных первым в мире социалистическим государством.

Позиция Англии и ее союзницы Франции предопределили судьбу ассирийского народа.

Нельзя не учитывать и позицию, которую заняли в деле урегулирования ассирийского вопроса правительства Турции и Ирана, отказавшиеся допустить ассирийцев в их родные места. Иракское правительство тоже заняло непримиримую позицию, отказавшись предоставить ассирийцам определенную территорию для поселения компактной массой. Правящая верхушка Ирака боялась ассирийцев не меньше, чем непокорных курдов. Поэтому она не замедлила воспользоваться удобным случаем, чтобы свести счеты с ними.

Не оправдала надежд ассирийцев и Лига наций. Ассирийцы не раз обращались к ней с просьбами о помощи, однако все их призывы остались гласом вопиющего в пустыне.

Старания ассирийцев добиться самоуправления тоже закончились неудачей. Малочисленные и изолированные от всего мира, они были быстро разбиты.

* * *

Второй этап национально-освободительного движения иракского народа, основной задачей которого была ликвидация английского мандатного режима, закончился в 1932 г. частичной победой над империализмом. Народ Ирака добился провозглашения формальной независимости.

После отмены мандата стало ясно, что без ликвидации марионеточного монархического режима нельзя завоевать подлинную независимость. Поэтому на третьем этапе национально-освободительного движения главной задачей становится ликви-

дация монархии — основной опоры иностранного господства. Борьба длилась более четверти века. 14 июля 1958 г. иракская армия при полной поддержке рабочих, крестьян и патриотически настроенной интеллигенции свергла монархический режим, навязанный Ираку английскими империалистами в 1921 г. В Ираке победила буржуазно-демократическая революция, страна обрела наконец подлинную независимость.

Institut kurde de Paris

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ОТ 8 НОЯБРЯ 1918 г. [387, 8. XI. 1918].

Целью Франции и Великобритании в ведущейся на Востоке войне, развязанной германскими притязаниями, является полное и окончательное освобождение народа, так долго угнетавшегося турками, и создание национальных правительств и администраций, извлекающих свою власть из инициативы и свободного выбора туземного населения.

Для того чтобы осуществить эти намерения, Франция и Великобритания едины в поощрении и помощи по созданию туземных правительств и администраций в Сирии и Месопотамии, освобожденных в настоящее время союзниками, и на территориях, освобождением которых они заняты, и в признании их, как только они будут реально созданы. Далекие от желания навязывать населению этих районов какие-либо учреждения, они озабочены лишь их поддержкой и достаточной помощью в правильной работе правительств и администраций, свободно избранных самим населением... Такова политика, поддерживаемая обоими союзными правительствами на освобожденных территориях.

АНГЛО-ИРАКСКИЙ ДОГОВОР ОТ 10 ОКТЯБРЯ 1922 г. [196, стр. 85—91].

Статья 1

По просьбе его величества короля Ирака его величество король Великобритании обеспечивает, на основе положений этого договора, Государство Ирак такими советом и помощью, каковые окажутся необходимыми в период действия настоящего договора, без ущерба для его национального суверенитета. Его величество король Великобритании будет представлен в Ираке верховным комиссаром и генеральным консулом при необходимом штабе.

Статья 2

Его величество король Ирака предпринимает [нужные меры], чтобы ни один чиновник неиракской национальности не был официально назначен без соглашения с его величеством королем Великобритании. Отдельное соглашение должно регулировать число и условия для британских чиновников, назначенных таким путем в иракское правительство.

Статья 3

Его величество король Ирака соглашается опубликовать конституцию для представления Учредительному собранию Ирака и ввести в жизнь названную конституцию, которая не должна содержать ничего, противоречащего положениям настоящего договора, и которая должна быть принята в расчет пожелания и интересы всех народностей, населяющих Ирак.

Эта конституция должна гарантировать всем свободу совести и отправления всех видов богослужения, ограниченную только сохранением общественного порядка и нравственности. Она должна предусмотреть, чтобы не было сделано никакого отличия между жителями Ирака на почве расы, религии или языка и должна обеспечить права каждой общины на содержание собственных школ для обучения своих членов на родном языке и, поскольку такие школы соответствуют педагогическим требованиям общего характера, предъявленным иракским правительством, они не должны быть ни запрещаемы, ни поставлены в неравноправное положение. Она должна предписать такую конституционную процедуру, как законодательную, так и исполнительную, постановления которой будут приняты во всех важных вопросах, включая вопросы фискальной, финансовой и военной политики.

Статья 4

Без нарушения положений статей 17 и 18 настоящего договора его величество король Ирака согласен руководствоваться указаниями его величества короля Великобритании, переданными верховным комиссаром, во всех важных вопросах, касающихся международных и финансовых обязательств и интересов его величества короля Великобритании в течение всего времени действия настоящего договора. Его величество король Ирака должен подробно осведомлять верховного комиссара обо всем, что касается здоровой финансовой и фискальной политики, и должен обеспечить стабилизацию и хорошую организацию финансов иракского правительства, поскольку оно находится в своих финансовых обязательствах в зависимости от правительства его величества короля Великобритании.

Статья 5

Его величество король Ирака имеет право представительства в Лондоне и в тех других столицах и местностях, о которых состоит соглашение между высокими договаривающимися сторонами. Там, где его величество король Ирака не представлен, он соглашается передать защиту иракских граждан его величеству королю Великобритании. Его величество король Ирака может сам предоставить экзекватуру представителям иностранных государств в Ираке после того, как его величество король Великобритании согласится с их назначением.

Статья 6

Его величество король Великобритании предлагает свои услуги для обеспечения Ираку членства в Лиге наций как можно скорее.

Статья 7

Его величество король Великобритании предусматривает помощь и поддержку вооруженным силам его величества короля Ирака, о чем время от времени должно состояться соглашение между высокими договаривающимися сторонами. Отдельное соглашение регулирующее размер и условия этой помощи и поддержки, должно быть заключено между высокими договаривающимися сторонами и сообщено Совету Лиги наций.

Статья 8

Никакая часть территории Ирака не может быть ни уступлена, ни сдана в аренду или другим путем передана под контроль какой-либо иностранной державы; это не должно помешать его величеству королю Ирака сделать такие распоряжения, которые могут быть необходимы для приема иностранных представителей и для выполнения положений, изложенных в предыдущей статье.

Статья 9

Его величество король Ирака обязуется, что он предпримет и выполнит такие целесообразные законодательные меры, каковые его величество король Великобритании может считать необходимыми для охраны интересов иностранцев в вопросах юридических, вытекающих из неприменения иммунитетов и привилегий, которыми они пользовались при капитуляциях или в силу обычая. Эти законодательные мероприятия должны быть изложены в особом соглашении, которое надлежит сообщить Совету Лиги наций.

Статья 10

Высокие договаривающиеся стороны заключат отдельное соглашение, которое обеспечит выполнение всех договоров, соглашений и предприятий, каковые его величество король Великобритании видит себя обязанным выполнить в отношении Ирака. Его величество король Ирака берет на себя обязанность провести необходимые законодательные меры для выполнения этих соглашений. Эти соглашения должны быть сообщены Совету Лиги наций.

Статья 11

Не должно быть в Ираке никакой разницы между гражданами всякого государства, члена Лиги наций, или в отношении государства, с которым его величество король Великобритании договорно согласилось, что оно будет пользоваться теми же правами, как и члены названной Лиги (включая общества, зарегистрированные по законам такого государства), а равно между гражданами Великобритании и всякого иностранного государства в вопросах, касающихся тарификации, морской торговли, занятия ремеслом или профессией, или в отношении коммерческого мореплавания и гражданской авиации. Также не должно быть в Ираке никакого различия в отношении товаров, приобретенных или предлагаемых для всякого упомянутого государства. Через иракскую территорию должен быть свободный транзит на равных условиях.

Статья 12

Не должна быть в Ираке принята и какая-либо мера к противодействию или к вмешательству в деятельность миссионерских обществ или к отличию какого-либо миссионера на почве его религиозных убеждений или национальности при условии, если эта деятельность не находится в противоречии с общественным спокойствием и хорошим управлением.

Статья 13

Его величество король Ирака берет на себя сотрудничество, поскольку социальные, религиозные и другие условия это допускают, в выполнении общей политики, выработанной Лигой наций, направленной к предупреждению и к борьбе с заразительными болезнями, включая болезни растений и животных.

Статья 14

Его величество король Ирака берет на себя обязанность в течение двенадцати месяцев по вступлении в силу этого договора, обеспечить составление и выполнение закона о древностях, основанного на положениях, прибавленных к ст. 421 мирного договора, подписанного в Севре 10 августа 1920 г. Этот закон должен заменить прежний османский закон о древностях и должен обеспечить равенство в вопросах археологических изысканий всем гражданам государств, членом Лиги наций, и всякого государства, с которым его величество король Великобритании договорно согласилось, что ему будут обеспечены те же права как члену Лиги наций.

Статья 15

Отдельное соглашение должно регулировать финансовые взаимоотношения между высокими договаривающимися сторонами. Должны быть предусмотрены, с одной стороны, передача правительством его величества короля Великобритании правительству Ирака тех общественно полезных предприятий, по которым будет достигнуто соглашение, и оказание правительством его величества короля Великобритании такой финансовой помощи, которая время от времени может быть сочтена необходимой для Ирака, а с другой стороны, — постепенная ликвидация правительством Ирака всех обязательств, отсюда вытекающих. Это соглашение должно быть сообщено Совету Лиги наций.

Статья 16

Поскольку это согласуется с его международными обязательствами, его величество король Великобритании не будет ставить никаких препятствий на пути к соглашению между государством Ирака и теми арабскими государствами, какими оно пожелает, на почве таможенных пошлин или для других целей.

Статья 17

Всякое разногласие, которое может возникнуть между высокими договаривающимися сторонами по поводу толкований положений настоящего договора, должно быть представлено [на разрешение] Постоянного совета Международного суда, предусмотренного ст. 14 статута Лиги наций. В том случае, если окажется противоречие между английским и арабским текстами этого договора, английский должен быть принят как авторитетный вариант.

Статья 18

Этот договор вступает в силу, как только он будет ратифицирован высокими договаривающимися сторонами после принятия его Учредительным собранием, и должен сохранить силу в течение 20 лет, к концу какового периода положение должно быть рассмотрено; и если высокие договаривающиеся стороны будут того мнения, что договор больше не желателен, он должен быть аннулирован. Аннулирование должно быть представлено на утверждение Лиги наций, если до этого срока не вступила в силу ст. 6 настоящего договора; в последнем случае сообщение об аннулировании должно быть сделано Совету Лиги наций. Ничто не должно препятствовать высоким договаривающимся сторонам время от времени пересматривать положения этого договора, а положения об отдельном соглашении, вытекающем из статей 7, 10 и 15, которые будут найдены при существующих условиях желательным изменить, и всякие поправки, по поводу которых может быть достигнуто соглашение между высокими договаривающимися сторонами, должны быть сообщены Совету Лиги наций.

ПРОТОКОЛ ОТ 30 АПРЕЛЯ 1923 г.

К АНГЛО-ИРАКСКОМУ ДОГОВОРУ 1922 г. [25а, стр. 310—311].

Условлено между высокими договаривающимися сторонами, что независимо от постановлений ст. 18 настоящий договор окончится тогда, когда Ирак сделается членом Лиги наций и во всяком случае не позже чем через четыре года со дня ратификации мира с Турцией. Ничто в этом протоколе не может воспрепятствовать заключению нового соглашения в видах урегулирования последующих взаимоотношений между высокими договаривающимися сторонами; переговоры для этой цели будут начаты между ними по истечении указанного периода.

АНГЛО-ИРАКСКИЙ ДОГОВОР

ОТ 13 ЯНВАРЯ 1926 г., [24, ч. 3, вып. 2, стр. 295].

Статья 1

...Багдадский договор от 10 октября 1922 г. останется в силе 25 лет, считая с 16 декабря 1925 г., поскольку Ирак не сделается членом Лиги наций до истечения этого периода.

[Сроки различных соглашений, подчиненные сроку названного договора, заменятся 25-летним сроком; в остальном они сохраняются в неизменном виде].

Статья 2

Высокие договаривающиеся стороны... продолжают активное рассмотрение тех вопросов, которые перед тем составляли предмет обсуждения между ними в целях исправления соглашений, вытекающих из ст. 7 и 15 договора от 10 октября 1922 г.*

Статья 3

Его британское величество соглашается на активное рассмотрение двух вопросов... в промежутки, каждый сроком в 4 года, пока не закончится 25-летний период... или пока Ирак не будет допущен в Лигу наций:

1. Вопросы о том, возможно ли для него настаивать на допущении Ирака в Лигу наций.

2. Если это невозможно, то вопроса об исправлении тех соглашений, о которых говорится в ст. 18 договора от 10 октября 1922 г., опираясь на достигнутый королевством Ирака прогресс или опираясь на какой-либо другой мотив.

АНГЛО-ИРАКСКИЙ ДОГОВОР

ОТ 30 ИЮНЯ 1930 г. [271, стр. 238—241].

Статья 1

Будут существовать постоянные мир и дружба между его британским величеством и его величеством королем Ирака.

Будет установлен между высокими договаривающимися сторонами тесный союз для освещения их дружбы, их сердечного согласия и их добрых отношений, и они будут устраивать между собою исчерпывающие и откровенные совещания по всем тем вопросам внешней политики, которые могут затрагивать их общие интересы.

Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется не занимать в чужих странах позиции, несовместимой с союзом или способной создать там трудности для другой стороны.

Статья 2

Каждая из высоких договаривающихся сторон будет представлена при дворе другой высокой договаривающейся стороны должным образом аккредитованным дипломатическим представителем.

* В публикации ошибочно указано 10 сентября 1922 г.

Статья 3

Если спор между Ираком и каким-либо третьим государством создаст положение, грозящее опасностью разрыва с этим государством, то высокие договаривающиеся стороны створятся между собою в видах разрешения указанного спора мирными средствами в согласии с постановлениями устава Лиги наций и со всякими другими международными обязательствами, применимыми к данному случаю.

Статья 4

Если бы, невзирая на постановление изложенной выше статьи 3, одна из высоких договаривающихся сторон оказалась вовлеченной в войну, то другая высокая договаривающаяся сторона при неизменном соблюдении постановлений изложенной ниже статьи 9 немедленно должна прийти к ней на помощь в качестве союзника. В случае непосредственной опасности войны высокие договаривающиеся стороны будут немедленно створиваться между собою о необходимых мерах защиты. Помощь его величества короля Ирака в случае войны или опасности неминуемой войны будет состоять в предоставлении его британскому величеству на иракской территории всяких зависящих от него льгот и помощи, включая пользование железными дорогами, реками, портами, аэродромами и средствами связи.

Статья 5

Между высокими договаривающимися сторонами условлено, что ответственность за поддержание внутреннего порядка в Ираке и, соблюдением постановлений изложенной выше статьи 4, за защиту Ирака от внешнего нападения лежит на его величестве короле Ирака. Тем не менее его величество король признает, что в постоянном поддержании и постоянной защите при всех обстоятельствах важных для его британского величества сообщений заинтересованы совместно обе высокие договаривающиеся стороны. В этих целях и ради облегчения выполнения обязательств его британского величества по изложенной выше статье 4 его величество король Ирака обязуется предоставить его британскому величеству на время действия союза участки для воздушных баз по выбору его британского величества в Басре или поблизости от нее и для воздушной базы по выбору его британского величества к западу от Евфрата. Его величество король Ирака далее разрешает его британскому величеству содержать на иракской территории воинские силы в указанных выше местностях, в согласии с постановлениями приложения к этому договору, причем условлено, что присутствие этих сил ни в каком случае не составит оккупации и никаким образом не будет наносить ущерба суверенным правам Ирака.

Статья 6

Будет считаться составной частью настоящего договора приложение к нему.

Статья 7

Настоящий договор заменит союзные договоры, подписанные в Багдаде 10 октября 1922 г. и 13 января 1926 г., и дополнительные соглашения к ним, и они лишатся силы по вступлении в действие этого договора. Он будет изготовлен в двух экземплярах — на английском и на арабском языках, причем первый будет считаться аутентичным.

Статья 8

Высокие договаривающиеся стороны признают, что по вступлении в силу этого договора вся ответственность, лежащая по договорам и соглашениям, упомянутым в статье 7, на его британском величестве в отношении

Ирака автоматически и полностью окончится, поскольку то касается его Британского величества, и что эта ответственность, поскольку она вообще продолжает существовать, будет лежать только на его величестве короле Ирака.

Признано также, что всякая ответственность, лежащая на его британском величестве в отношении Ирака по каким бы то ни было иным международным актам, будет равным образом, поскольку она вообще продолжает существовать, лежать только на его величестве короле Ирака; высокие договаривающиеся стороны немедленно примут те меры, которые могут оказаться необходимыми для обеспечения перенесения этой ответственности на его величество короля Ирака.

Статья 9

Ничто в настоящем договоре не должно пониматься (в смысле ограничения) и никаким образом не будет наносить ущерба тем правам и обязанностям, которые лежат или могут иметься у той или другой из высоких договаривающихся сторон по уставу Лиги наций или по договору об отказе от войны, подписанному в Париже 27 августа 1928 г.

Статья 10

Если бы возникли какие-либо разногласия при применении или толковании этого договора и если бы высокие договаривающиеся стороны не сумели разрешить эти разногласия непосредственными переговорами, то стороны будут действовать в согласии с постановлениями устава Лиги наций.

Статья 11

Этот договор вступит в силу, как только Ирак будет допущен в Лигу наций в качестве ее члена.

Настоящий договор останется в силе в течение 25-летнего периода со дня вступления его в силу. В любой момент по истечении 20 лет со дня вступления настоящего договора в силу высокие договаривающиеся стороны могут по просьбе одной из них заключить новый договор, который будет предусматривать и в дальнейшем поддержание и защиту при всех обстоятельствах важных для его британского величества путей сообщения. В случае несогласия по данному поводу споры будут вноситься в Совет Лиги наций.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К АНГЛО-ИРАКСКОМУ ДОГОВОРУ 1930 г. [271, стр. 241—243]

1. Количество военных сил, содержащихся в Ираке его британским величеством в согласии со статьей 5 этого договора, будет определяться от времени до времени его британским величеством по совещании с его величеством королем Ирака.

Его британское величество будет содержать военные силы в Ханайди в течение пятилетнего периода по вступлении в силу этого договора, чтобы дать его величеству королю Ирака возможность организовать необходимые военные силы для замены их. По истечении этого периода указанные военные силы будут отозваны из Ханайди. Его британское величество будет также иметь право содержать военные силы в Мосуле максимально на пятилетний период со дня вступления в силу настоящего договора. После этого его британское величество будет иметь право содержать свои силы в местностях, упомянутых в статье 5 этого договора, и его величество король Ирака предоставит его британскому величеству на срок действия союза аренду на необходимые участки для размещения в указанных местностях военных сил его британского величества.

2. При условии всех изменений, на внесение которых обе высокие договаривающиеся стороны могут согласиться в будущем, права и привилегии, предоставляемые британским военным силам в Ираке в судебных и финансовых делах, включая свободу от обложения, будут и впредь распространяться на военные силы, упомянутые выше в пункте 1, и на те военные силы его британского величества всех видов оружия, которые могут находиться в Ираке во исполнение настоящего договора и приложений к нему или же в силу соглашения между высокими договаривающимися сторонами; существующие постановления всех местных законов, касающиеся вооруженных сил его британского величества в Ираке, также будут продолжать действовать. Иракское правительство примет необходимые меры в обеспечении того, чтобы изменившиеся условия ни в каком отношении не делали положение британских военных сил в отношении преимуществ и привилегий менее благоприятным, чем то, каким они пользовались ко дню вступления в силу этого договора.

3. Его величество король Ирака соглашается предоставить все возможные льготы по передвижению, обучению и содержанию военных сил, упомянутых выше в пункте 1, и предоставить этим силам те же льготы при пользовании беспроволочным телеграфом, какие они имели ко дню вступления в силу настоящего договора.

4. Его величество король Ирака обязуется по просьбе и за счет его британского величества и на таких условиях, о которых согласятся высокие договаривающиеся стороны, предоставить особую охрану из его собственных военных сил для защиты тех воздушных баз, которые в согласии с постановлениями этого договора будут заняты военными силами его британского величества, и обеспечить проведение таких законов, которые могут оказаться необходимыми для выполнения приведенных выше условий.

5. Его британское величество обязуется предоставлять, когда этого будет требовать его величество король Ирака, все необходимое содействие в следующих делах, причем расходы будут лежать на его величестве короле Ирака:

1) морское, военное и воздушное инструктирование и обучение иракских офицеров в Соединенном королевстве;

2) предоставление оружия, боевых припасов, снаряжения, судов и самолетов самых новейших образцов для военных сил его величества короля Ирака;

3) предоставление британских морских, сухопутных и воздушных офицеров для службы в качестве советников в составе военных сил его величества короля Ирака.

6. Ввиду желательности одинакового обучения и одинакового устройства иракской и британской армий его величество король Ирака обязуется, если он сочтет необходимым обращаться к иностранным военным инструкторам, выбирать их из числа британских подданных.

Он далее обязуется всех лиц из состава его военных сил, посылаемых за границу для военного обучения, посылать в военные школы, корпуса и лагеря на территориях его британского величества при условии, что это не лишит его возможности посылать таких лиц в любую страну, если они не могут быть приняты в указанные учреждения и лагеря.

Он далее обязуется не делать вооружение и основное снаряжение его военных сил отличным по типу от вооружения и снаряжения военных сил его британского величества.

7. Его величество король Ирака соглашается предоставлять в случае требования со стороны его британского величества все возможные облегчения для передвижения военных сил его британского величества всех родов оружия транзитом через Ирак и для перевозки и хранения на складах всех припасов и всего снаряжения, которые могут оказаться необходимыми для этих военных сил во время прохода по Ираку. Эти льготы будут включать пользование гужевыми, железнодорожными и водными путями, портами и аэродромами Ирака, и суда его британского величества будут иметь общее разрешение на заход в Шатт эль-Араб при условии предварительного извещения его величества короля Ирака о заходе в иракские порты.

**АНГЛО-ИРАКСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ
ПО ФИНАНСОВЫМ ВОПРОСАМ
ОТ 19 АВГУСТА 1930 г. [271, стр. 246—250]***

2. Если бы после отозвания воинских сил его британским величеством из Ханайди и Мосула, согласно пункту I приложения к союзному договору, правительство Соединенного королевства решило создать британскую воздушную базу по соседству с Хаббашией, то правительство Ирака примет все возможные меры в целях сооружения — не за счет того или другого из обоих правительств — железной дороги, соединяющей эту воздушную базу с железнодорожной сетью Ирака.

3. (О приобретении участков для британских воздушных баз.)

а) Законное право собственности на железнодорожную сеть будет передано правительством Соединенного королевства иракскому правительству и зарегистрировано на имя иракского правительства; одновременно с этой передачей пользование правами собственности в порядке аренды или иначе будет передано с назначением номинальной ренты и на условиях, удовлетворяющих правительству Соединенного королевства, особому органу или объединению, имеющему права юридического лица и образованному в силу особого устава, принятого иракским законодательным собранием, причем постановления этого устава должны быть одобрены обоими правительствами.

в) (О паях британского и иракского правительств.)

г) Правление объединения будет состоять из пяти директоров, из которых двое будут назначаться правительством Соединенного королевства и двое иракским правительством, а пятый, который явится председателем, будет назначаться обоими правительствами по соглашению.

з) Впредь до передачи железнодорожной сети и создания объединения иракское правительство немедленно заключит трехгодичные контракты на условиях «договора» с теми должностными лицами британских железных дорог, которые будут рекомендованы ему директором иракских железных дорог, и не прекратит действия какого-либо из этих контрактов без согласия правительства Соединенного королевства. Вопрос о предоставлении этим должностным лицам более длительных контрактов будет оставлен на разрешение объединения по его учреждению.

5. Имущество в порте Басра, которым ныне владеет правительство Соединенного королевства, будет передано иракскому правительству, а порт поступит в управление портового треста. Для этой цели Ирак издаст согласованные с правительством Соединенного королевства законодательные постановления в видах создания портового треста с правами юридического лица; эти законодательные постановления не будут изменяться, иначе как с согласия правительства Соединенного королевства, до тех пор, пока не будет выплачен полностью долг правительству Соединенного королевства в связи с портом.

По издании указанных выше законодательных постановлений и создании портового треста портовое имущество будет передано иракскому правительству и записано на его имя; одновременно с этой передачей пользование правами собственности в порядке сдачи в аренду, в концессию или в ином подходящем порядке, получившем одобрение со стороны правительства Соединенного королевства, будет передано портовому тресту на тот период, в течение которого долг правительству Соединенного королевства в связи с портом будет оставаться невыплаченным.

* Приводится в извлечениях.

АНГЛИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВИТЕЛИ В ИРАКЕ

- Стэнли Мод — главнокомандующий английскими войсками в Ираке в 1916—1917 гг.
- Уильям Маршалл — главнокомандующий английскими войсками в Ираке в 1917—1918 гг.
- Перси Кокс — главный политический офицер с 1916 г. по апрель 1918 г.
- Арнольд Талбот Вильсон — гражданский комиссар с мая 1918 г. по 1 октября 1920 г.
- Перси Кокс — верховный комиссар с 1 октября 1920 г. по май 1923 г.
- Генри Доббс — верховный комиссар с мая 1923 г. по июнь 1929 г.
- Джильберт Клейтон — верховный комиссар с 11 июня по 11 сентября 1929 г.
- Френсис Хэмфри — верховный комиссар с 11 сентября 1929 г. по 4 ноября 1932 г., затем посол Великобритании в Ираке.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТРЫ ИРАКА

Абд ар-Рахман аль-Гайлани	23.X.1920—23.VIII.1921, 10.IX.1921—14.VIII.1922, 30.VIII.1922—16.XI.1922.
Абд аль-Мухсин ас-Саадун	20.XI.1922—16.XI.1923, 26.VI.1925—1.XI.1926, 14.I.1928—20.I.1929, 19.IX.1929—13.XI.1929.
Джафар аль-Аскарри	22.XI.1923—2.VIII.1924, 21.XI.1926—8.I.1928.
Ясин аль-Хашими	2.VIII.1924—20.VI.1925.
Тауфик ас-Сувейди	28.IV.1929—25.VIII.1929.
Наджи ас-Сувейди	18.XI.1929—19.III.1930.
Нури ас-Саид	23.III.1930—19.X.1930, 19.X.1930—27.X.1932.
Наджи Шавкат	3.XI.1932—18.III.1933.
Рашид Али аль-Гайлани	20.III.1933—9.IX.1933, 9.IX.1933—28.X.1933.

Британские вооруженные силы в Ираке в 1921—1930 гг.
(только боевые части) [48, стр. 47—48]

Дата	Британская и индийская армии	Королевские военно-воздушные силы	Иракские рекруты
Март 1921 г.	33 батальона 6 кавалерийских полков 16 батарей 6 саперных и минерных рот 4 бронероты	4 эскадрильи	—
Октябрь 1921 г.	17 батальонов 13 батарей 3 бронероты	6 эскадрилий	4 кавалерийских полка 1 вьючная батарея 2 батальона 3 пулеметные роты
Октябрь 1922 г.	9 батальонов 2 батареи 1 саперно-минерная рота 2 роты броневиков	8 эскадрилий 2 бронероты	3 кавалерийских полка 4 батальона 1 вьючная батарея
Октябрь 1923 г.	6 батальонов 1 батарея 1 горная батарея 1 саперно-минерная рота	8 эскадрилий 4 бронероты	3 кавалерийских полка 4 батальона 1 батарея
Октябрь 1924 г.	4 батальона 1 вьючная батарея 1 саперно-минерная рота	8 эскадрилий 4 бронероты	2 кавалерийских полка 4 батальона 1 батарея
Октябрь 1925 г.	4 батальона 1 саперно-минерная рота	8 эскадрилий 3 бронероты	2 кавалерийских полка 4 батальона 1 батарея
Октябрь 1926 г.	3 батальона 1 саперно-минерная рота	8 эскадрилий 3 бронероты	1 кавалерийский полк 4 батальона 1 батарея 1 пулеметная рота
Октябрь 1927 г.	2 батальона 1 саперно-минерная рота	5 эскадрилий 2 бронероты	3 батальона 1 кавалерийский полк

Продолжение

Дата	Британская и индийская армии	Королевские военно-воздушные силы	Иракские рекруты
Октябрь 1928 г.	1 батальон 1 саперно-минерная рота	5 эскадрилий 1,5 бронероты	2 батальона
Октябрь 1929 г.	—	4 эскадрильи 1,5 бронероты	2 батальона
Октябрь 1930 г.	—	4 эскадрильи 1 бронерота	2 батальона

Распределение населения Ирака по ливам в годы английского мандата (в тыс. человек) [245, стр. 9]

Лива	1919 г.	1930 г.	1932 г.	Лива	1919 г.	1930 г.	1932 г.
Багдад	250	388	358	Хилла	173	103	210
Басра	165	190	248	Кербела	90	90	107
Мосул	350	320	393	Киркук	92	160	138
Амара	300	238	265	Кут	107	170	120
Эрбиль	106	106	107	Мунтафик	320	340	227
Дивания	204	238	341	Сулеймания	155	94	103
Дияла	104	240	87	Самарра	80	—	—
Дулайм	250	147	131	Шамия	190	—	—

Религиозный состав населения Ирака [34а; 48а]

Лива	Сунниты	Шииты	Иудеи	Христиане	Представители других религий	Итого
Багдад	130 000	54 000	50 000	15 000	1 000	250 000
Самарра	66 455	14 215	300	—	—	80 970
Дияла	54 953	46 097	1 689	397	900	104 036
Кут	8 578	98 712	381	127	—	107 798
Дивания	1 000	192 300	6 000	5 000	200	204 500
Шамия	445	189 000	530	20	5	190 000
Хилла	15 983	155 897	1 065	27	28	173 000
Дулайм	247 000	200	2 600	200	—	250 000
Басра	24 408	130 494	6 928	2 221	1 549	165 600
Амара	7 000	284 700	3 000	3 000	5 000	300 000
Мунтафик	11 150	306 220	160	30	2 440	320 000
Мосул	244 713	17 180	7 635	50 670	30 180	350 378
Эрбиль	96 100	—	4 800	4 100	1 000	106 000
Киркук	85 000	5 000	1 400	600	—	92 000
Сулеймания	153 900	—	1 000	100	—	155 000
Всего	1 146 685	1 494 015	87 488	78 792	42 302	2 849 282

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Труды классиков марксизма-ленинизма и материалы съездов КПСС

1. Ленин В. И., II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г. 3. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля.— Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 241—247. ✓
2. Ленин В. И., Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 318—331. ✓
3. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк).— Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 299—426. ✓
4. Ленин В. И., Критические заметки по национальному вопросу.— Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 113—150. ✓
5. Ленин В. И., О праве наций на самоопределение.— Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 255—320. ✓
6. Ленин В. И., Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. 1. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для второго съезда Коммунистического Интернационала).— Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 161—168. ✓
7. Ленин В. И., Тезисы по национальному вопросу.— Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 314—322. ✓
- 7а. Ленин В. И., Три источника и три составных части марксизма.— Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 40—48. ✓
8. Маркс К., Британское владычество в Индии.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 130—136. ✓
9. Маркс К., Капитал, том первый. Глава двадцать четвертая. Так называемое первоначальное накопление.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 725—773. ✓
10. Маркс К., Капитал, том третий. Глава сорок седьмая. Генезис капиталистической земельной ренты.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 344—379. ✓
11. Маркс К., Морализирующая критика и критицирующая мораль.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. 291—321. ✓
12. Маркс К., Революция в Китае и в Европе.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 98—105. ✓
13. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года». Стенографический отчет, т. I—III, М. 1962. ✓
14. «Материалы XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза», М., 1966. ✓
15. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961. ✓

Основные источники

16. АВГР, ф. «Персидский стол», 1901—1908 гг., д. 4688.
17. АВГР, ф. «Персидский стол», 1904—1908 гг., д. 4690.
18. АВГР, ф. «Персидский стол», «Б», 1889—1914 гг., д. 1602.
19. АВГР, ф. «Посольство в Константинополе», 1890 г., д. 1234а.
- 19а. «Аграрный вопрос на Востоке», сборник, М., 1933.
- 19б. Гуревич Л. Б., Сирия, Палестина, Месопотамия (мандатные страны), М., 1925. ✓

20. «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957.
21. «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества» (ЗКОИРГО), кн. X, вып. 2, Тифлис, 1891.
- 21а. «ЗКОИРГО», кн. XIII, вып. 2, Тифлис, 1891.
22. «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества» (ИКОРГО), т. III, № 4, Тифлис, 1873.
23. «Известия штаба Кавказского военного округа» (ИШКВО), 1907, № 19.
- 23а. «Итоги империалистической войны». Серия мирных договоров. Пер. с французского под ред. Ю. В. Ключникова и А. В. Сабаннина, М. 1926.
24. Ключников Ю. В., Сабанин А. В., Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 2, М., 1926; ч. 3, вып. 2, М., 1929.
25. «Материалы по изучению Востока», СПб., 1915.
- 25а. «Международная политика в 1930 году. Договоры, декларации и дипломатическая переписка». Собрал и редактировал А. В. Сабанин, М., 1932.
26. «Памятная книжка по Тифлисской губернии за 1902 год», Тифлис, 1904.
27. Раздел Азиатской Турции (по секретным документам бывш. министерства иностранных дел), под ред. Е. А. Адамова, М., 1924.
28. «Сборник консульских донесений», год пятый, вып. IV, СПб., 1902.
29. «Сборник консульских донесений», год седьмой, вып. 2, СПб., 1904.
30. «Сборник консульских донесений», год восьмой, вып. 2, СПб., 1905.
31. «Сводка сведений о сопредельных странах...», № 1—59, Тифлис, 1911—1913.
32. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. IV, 1887.
- 32а. ЦГВИА, ф. 2000, д. 265.
33. «Administration report of Revenue Board», March 22 to December 31, 1917, Baghdad, 1918.
34. «American Board of Commissioners. Report. 1832—1834», vol. I, Boston, 1838.
- 34а. «Baghdad Year Book, 1923», Baghdad, 1924.
35. «British Documents on Origin of the World War 1898—1914, vol. 2, № 356, London, 1926.
36. «Great Britain. Civil Commissioner of Mesopotamia. Review of the Civil Administration of Mesopotamia», London, 1920.
37. «Great Britain. Memorandum Respecting the Navigation of the Tigris and Euphrates», London, 1913.
38. «Great Britain. Mesopotamia (Handbook prepared under the direction of the Historical Section of the Foreign Office. № 63), London, 1920.
39. «Economic Condition in Iraq, 1933—1935», Baghdad, 1936.
40. «Handbook of Mesopotamia», vol. I, August 1916.
- 40а. «Iraq Occupied Territories Code 1915», Bombay, 1915.
41. «Memorandum of the Termination of Mandatory Regime in Iraq», London, 1932.
42. «Parliamentary Debates, House of Lords», 4th series, vol. CXXI, London, 1903.
43. «Parliamentary Debates, House of Lords», 5th series, vol. VII, London, 1911.
- 43а. «Parliamentary Debates, House of Lords», 5th series, vol. XV, London, 1920.
44. «Report by His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Iraq for the Period April 1922 — March 1923», London, 1924.
45. «Report by His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Iraq for the Period April 1923—December 1924», London, 1925.
46. «Report by His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Iraq for the Year 1925», London, 1926.

- 46a. «Report by His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Iraq for the Year 1926», London, 1927.
- ✓ 46b. «Report by His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Iraq for the Year 1927», London, 1928.
- ✓ 47. «Report by His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Iraq for the Year 1931», London, 1932.
- ✓ 47a. «Review of the Civil Administration of Mesopotamia 1914—1920», London, 1920.
- ✓ 48. «Special Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on the Progress of Iraq during the Period 1920—1931», London, 1931.
- 48a. «The Statesman's Year Book», London, 1927.
- ✓ 49. «Statistical Handbook of Middle Eastern Countries», Jerusalem, 1945.
50. «Un Livre noir» (R. Marchand ed.), vol. 2, Paris, 1931.

**Исследования, мемуары,
дневники, путевые записки**

- ✓ 51. Аверьянов П. И., Курды в войнах России с Турцией, СПб., 1900.
- ✓ 52. Аверьянов П. И., Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Оттоманской империи, СПб., 1912.
- ✓ 53. Адамов А. А., Ирак Арабский. Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем, СПб., 1912.
54. Акопов Г. К., К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране. Автореф. канд. дисс., М., 1956.
55. Алексий (иеромонах), Жизнь современных спирохалдейцев, — «Монастырь», 1908, № 11.
56. Алитовский С. Н., Аграрный вопрос в современном Ираке, М., 1966.
57. Аракелян А. А., Курды в Персии, — «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», т. 17, № 1, Тифлис, 1904.
58. Аристова Т. Ф., Курды Ирана (Историко-этнографический очерк), — «Краткие сообщения Института этнографии», т. XXI, М., 1954.
- ✓ 59. Асратян М. А., Политика турецких правящих кругов по отношению к курдскому населению (1924—1939), — «Краткие сообщения Института народов Азии», т. XXX, М., 1964.
60. Баязиди Мела Махмуд, Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисловие и примечания М. Б. Руденко, М., 1963.
61. Беккер Р. С., Вудро Вильсон, т. I, М., 1923.
62. Бензенгр, Записка о Курдистане, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XXXIV, СПб., 1911.
63. Березин И., Езиды, — «Магazin землеведения и путешествий» — геогр. сборник, т. III, 1854.
64. Бертн, За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже, 1914—1919, М.—Л., 1927.
65. «Библиография по курдоведению», сост. Ж. С. Мусаэлян, М., 1963.
- 65a. Білякевич І., Економічний стан сучасного Іраку, — «Східний світ», Харків, 1929, № 3(9).
66. Болдырев Н. В., Герен С. Я., Современная Турция, Л., 1925.
- 66a. Бондаревский Г. Л., Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.), М., 1968.
67. Бондаревский Г. Л., Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903), Ташкент, 1955.

68. Борьян Б. А., Армения, международная дипломатия и СССР, М., 1929.
69. Брейтер З., Ближневосточные мандаты,— «Новый Восток», 1928, № 20—21.
70. Бронштейн В. Б. и Розенблюм Г., Нефтяная эпопея, М., 1935.
71. Брук С. И., Население Передней Азии, М., 1960 (приложение к карте «Народы Передней Азии»).
72. Брукс М., Нефть и внешняя политика, М., 1949.
73. Васильев К., Причины и движущие силы курдских восстаний, «Аграрные проблемы», кн. 9—10, М., 1931.
74. Вегин А., В верховьях Тигра и Евфрата. Среди курдов и айсор, М., 1929.
75. Вильчевский О. Л., Библиографические обзоры зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии,— Сб. «Иранские языки», М., 1945.
- 75а. Вильчевский О. Л., Курды. Введение в этническую историю курдского народа, М.— Л., 1961.
- 75б. Вильчевский О. Л., Мукринские курды,— «Этнографический сборник», М., 1958.
76. Вильчевский О. Л., Очерки по истории езидства,— «Атенст», № 51, М., 1930.
77. Вильчевский О. Л., Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в.,— «Советская этнография», 1936, № 4—5.
78. Вильчевский О. Л., К аграрным отношениям в Курдистане. Анализ курдского деревенского хозяйства,— «Аграрные проблемы», кн. 1—2, М., 1932.
- 78а. «Военный вестник», М., 1925. № 38.
79. «Вопросы истории Ближнего Востока», Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
80. Вульф Л. С., Экономический империализм в Азии и Африке, М., 1933.
81. Г. Ф., Курды и курдская конница, Тифлис, 1898.
82. Галджьян А., Аграрный вопрос в Ираке,— Сб. «Аграрный вопрос на Востоке», М., 1933.
83. Галевн Е., История Англии в эпоху империализма, М.— Л., 1937.
- 83а. Гельферих К., Накануне мировой войны, М., 1924.
84. Гигинейшвили О. И., Кавказская политика младотурок,— Сб. «Октябрьская революция и страны Ближнего и Среднего Востока», Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
85. Гигинейшвили О. И., Пантюркизм и внешняя политика Османской империи, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
86. Голобородько И. И., Старая и новая Турция, М., 1925.
87. Гореликов С. Г., Ирак. Экономико-географическая характеристика, М., 1963.
88. Гурко-Кряжин В. А., Арабский Восток и империализм, М., 1926.
89. Гурко-Кряжин В. А., Ближний Восток и державы, М., 1925.
90. Гурко-Кряжин В. А., Национально-освободительное движение на Арабском Востоке,— «Новый Восток», 1922, № 2.
91. Данциг Б. М., Ирак. Краткий географический очерк, М., 1955.
92. Данциг Б. М., Ирак в прошлом и настоящем, М., 1960.
93. Денни А., Америка завоевывает Британию, М.— Л., 1930.
94. Денстервиль, Британский империализм в Баку и Персии. 1917—1918 г. Воспоминания, Тифлис, 1925.
95. Джалил Дж., Восстание курдов 1880 года, М., 1966.
- 95а. Джанелидзе Д. В. и Силагадзе Б. Г., Грузинские мамлюки в Египте и Ираке, Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- 95б. Донадзе В. Б., Новейшая история стран Азии и Африки, Тбилиси, т. 1, 1967 (на груз. яз.).
96. Думбис, Айсоры,— «Новый Восток», 1923, № 3.
97. Егнazarов С. А., Краткий этнографическо-юридический очерк езидов Эриванской губернии,— ЗКОИРГО, кн. XIII, вып. 2, Тифлис, 1891.
98. Елисеев А. В., Среди поклонников дьявола,— «Северный вестник», 1888, № 2.

- ✓ 99. Ивановский А. А., Езиды (по исследованию К. И. Горощенко), — «Русский антропологический журнал», 1900, № 3.
- ✓ 100. Ирандуст, Борьба за Мосул, — «Международная жизнь», 1924, № 4—5.
- ✓ 101. «История дипломатии», т. 3, М., 1965.
- ✓ 102. [Ияс А. И.], Поездка по Северному Персидскому Курдистану лейб-гвардии Литовского полка полковника А. И. Ияса, бывшего российского императорского консула в Соудж-Булаге, СПб., 1915.
103. Калавеж А. И., К вопросу об аграрных отношениях в современном Иранском Курдистане, — «Ученые записки Института востоковедения АН Азербайджанской ССР», Баку, 1960.
104. Камал М. А., Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане (1918—1932 гг.), Баку, 1967.
105. Карцев А., Заметки о курдах, — ЗКОИРГО, т. XIX, Тифлис, 1897.
106. Карцов Ю. С., Заметки о турецких езидах, — ЗКОИРГО, кн. XIII, вып. 1, Тифлис, 1896.
107. Кечекчян С. Ф., Мандаты Лиги наций в странах Арабского Востока, Баку, 1930.
108. Коровин Е. А., Международные договоры и акты нового времени, М.—Л., 1925.
109. Корсун Н. Г., Арабский Восток, I, Ирак, М., 1928.
110. Корсун Н. Г., Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г., М., 1940.
111. Корсун Н. Г., Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк, М., 1946.
- 112. Котлов Л. Н., Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке, М., 1958.
113. Котлов Л. Н., Подъем национально-освободительной борьбы в Ираке в 1918—1924 гг., — Сб. «Великий Октябрь и народы Востока», М., 1957.
- 113а. Кряжин В. А., Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке, ч. I, М., 1923.
114. Курдоев К. К., Курды, — Сб. «Народы Передней Азии», М., 1957.
- 115. Лазарев М. С., Заметки о курдоведении, — «Народы Азии и Африки», 1968, № 1.
116. Лазарев М. С., Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, М., 1960.
117. Лазарев М. С., Курдистан и Курдская проблема, М., 1964.
- 117а. Лалаян Е. А., Айсоры Ванского вилаята, — ЗКОИРГО, кн. 28, вып. 4, Тифлис, 1914.
118. Лахуги, Курдистан и курды, — «Новый Восток», 1923, № 4.
119. Левин Н. Д., Ирак (Современная Месопотамия), М., 1937.
120. Левин Н. и Мамаев В., Государственный строй Арабского Востока, М., 1957.
121. Деклерк Ж., Поездка на Арарат, СПб., 1893.
122. Лемонон Э., Англия и Германия, М., 1925.
123. Лиддель Гарт Б. Г., Полковник Лоуренс, М., 1939.
124. Ллойд Джордж Д., Военные мемуары, т. VI, М., 1938.
125. Ллойд Джордж Д., Правда о мирных договорах, т. I—II, М., 1957.
126. Лоуренс Т. Э., Восстание в пустыне, М.—Л., 1929.
127. Луцкий В. Б., Арабский вопрос и державы-победительницы в период Парижской мирной конференции (1918—1919 гг.), — Сб. «Арабские страны. История, экономика», М., 1966.
128. Луцкий В. Б., Национально-освободительная война в Сирии (1925—1927), М., 1964.
129. Луцкий В. Б., Новая история арабских стран, М., 1965.
130. Луцкий В. Б., Подъем национально-освободительного движения в арабских странах в период первой русской революции 1905—1907 гг., Сб. «Первая русская революция 1905—1907 г. и международное революционное движение», ч. II, М., 1956.

131. Маккензи Д. Н., Курманджи, курды и гураны, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 1.
- 131а. Маломая Я., Несториане и округ Хеккарн, — ИКОИРГО, т. III, № 4, Тифлис, 1873.
132. Марр Н., Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии), ЗВОРАО, т. XX, вып. 3, СПб., 1911.
133. Матвеев К. П. (Бар-Маттай), Ассирийский вопрос в Ираке в 1932—1933 гг., — Сб. «Арабские страны. История, экономика», М., 1966.
134. Матвеев К. П. (Бар-Маттай), Мар-Юханны И. И., Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны, М., 1968.
- 134а. Мгои Ш. Х., Курдское национально-освободительное движение в Иране после первой мировой войны, Ереван, 1965 (на арм. яз.).
135. Ментешашвили А. М., Административное устройство и система внутреннего управления в Ираке в период английского господства (1918—1932 гг.), — «Мацне» («Вестник»), отд. обществ. наук АН Грузинской ССР, № 6 (27), Тбилиси, 1965 (на груз. яз., резюме — на русск.).
136. Ментешашвили А. М., Антиимпериалистическое движение в Ираке в конце английского мандатного режима, — Сб. «Вопросы новой и новейшей истории стран Ближнего Востока», Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
137. Ментешашвили А. М., Борьба иракского народа против англо-иракского кабального договора 1922 г., — «Моамбе» («Вестник»), отд. обществ. наук АН Грузинской ССР, № 4, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
138. Ментешашвили А. М., Из истории курдского национально-освободительного движения в Ираке (1919—1925), Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
139. Ментешашвили А. М., К вопросу о социально-политической организации курдов-езидов в современном Ираке, — «Моамбе», отд. обществ. наук АН Грузинской ССР, № 4(37), Тбилиси, 1967 (на груз. яз., резюме — на русск.).
140. Ментешашвили А. М., Национально-освободительное движение курдов в Ираке в 1930—1932 гг., — Сб. «Вопросы истории Ближнего Востока», Тбилиси, 1963 (на груз. яз., резюме — на русск. и англ. яз.).
141. Ментешашвили А. М., Некоторые вопросы национально-освободительного движения ассирийцев после Октябрьской революции, — Сб. «Октябрьская революция и страны Ближнего и Среднего Востока», Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
142. Миллер А. Ф., Американский план захвата Константинополя и проливов, — «Вопросы истории», 1951, № 3.
143. Миллер А. Ф., Ближний Восток после первой мировой войны (1918—1923 гг.), Севр и Лозанна, М., 1945.
144. Миллер А. Ф., Очерки новейшей истории Турции, М.—Л., 1948.
145. Миллер А. Ф., 50-летие младотурецкой революции, М., 1938.
146. Минорский В. Ф., Курды. Заметки и впечатления, Пг., 1915.
147. Мирский Г. И., Ирак в смутное время. 1930—1941 гг., М., 1960.
148. Некора А. С., Арабские политические общества в период 1908—1916 гг., — «Новый Восток», 1925, № 7.
149. Никитин В., Курды, пер. с франц., М., 1964.
- 149а. «Новейшая история арабских стран», М., 1968.
150. Новичев А. Д., Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937.
151. Оганесян Н. О., Борьба демократических сил Ирака за ликвидацию английского мандата (1920—1932 гг.), — Сб. «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока», Ереван, 1967.
152. Оганесян Н. О., Национально-освободительная борьба в Ираке, Ереван, 1964 (на арм. яз.).
153. Павлович М., Борьба за Азию и Африку, М.—Л., 1923.
154. Павлович М. (М. Вельтман), Революционная Турция, М., 1921.
155. Петрин В., Турция перед Мосульским соглашением, — «Международная жизнь», 1926, № 6.

156. Погорелов М., Курдский вопрос,— «Война и революция», кн. 3, М., 1925.
157. Погорелов М., Столкновение турок и англичан на Мосульском фронте,— «Военный вестник», № 44, М., 1924.
158. Ростовчин Ф. Б., Заметки о курдах,— «Бюллетень прессы Среднего Востока», № 13—14, Ташкент, 1932.
- 158а. Рубинштейн Н. Л., Ближний и Средний Восток после первой мировой войны, М., 1952.
159. Рунджей Д., Борьба иракского народа против Багдадского пакта (1954—1959), Баку, 1966.
160. Санд Амин, Восстание арабов в XX веке, пер. с арабского, М., 1964.
161. Саккети А., Борьба за нефть в Передней Азии,— «Новый Восток», 1923, № 4.
162. Семенов А. А., Поклонение сатане у переднеазиатских курдов,— «Бюллетень Среднеазиатского государственного университета», № 16, Ташкент, 1927.
- 162а. [Семенов В. И.], Поездка в Малую Азию лейб-гвардии саперного батальона штабс-капитана В. И. Семенова в 1901—1902 гг., СПб., 1904.
163. «Современный Ирак. Справочник», М., 1966.
164. Сон Э. Б., О курдах и их стране. С английского перевода и снабдил примечаниями и приложениями В. П. Никитин, управляющий российским вице-консульством в Урмии, Урмия, 1917.
165. Термен Р. И., Отчет о поездке в санджак Хеккиари Ванского вилайета в 1906 г., Тифлис, 1910.
- 165а. Термен Р. И., Отчет о полевой поездке 1907 г. в Ванском, Битласком и Днарбекирском вилайетах, Тифлис, 1909.
166. Тигранов Л. Ф., Из общественно-экономических отношений в Персии, СПб., 1907.
167. [Томилов П. А.], Отчет о поездке по Азиатской Турции генерального штаба подполковника Томилова в 1904 г., ч. I—II, СПб., 1907.
168. Троттер, Малоазиатские курды,— ИКОИРГО, 1882—1883, Тифлис, 1882.
169. «Труды Тбилисского государственного университета», т. 108, Тбилиси, 1964.
170. Туганова О. Э., Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке, М., 1960.
171. Тэйлор, Путешествие по Курдистану, Тифлис, 1873.
- 172. Уорринер Д., Земельные реформы в странах Ближнего Востока (Египет, Сирия и Ирак), М., 1958.
- 173. Фаризов И. О., Место национально-освободительного движения курдов в борьбе народов Ближнего и Среднего Востока против империализма. Автореф. канд. дисс., М., 1953.
174. Фарман Ганб. Ирак в годы черного режима. М., 1958.
175. Федченко А. Ф., Ирак,— Сб. «Арабы в борьбе за независимость», М., 1957.
176. Федченко А. Ф., Борьба народов Ирака за независимость и социальный прогресс (1917—1958), Автореф. канд. дисс., М., 1967.
- 177. Хайят Дж., Иракская деревня. Сокращенный перевод с арабского Н. И. Пронина и В. Э. Шагаль под ред. П. В. Милоградова, М., 1953.
178. Аль-Халиди Мустафа и Фаррух Омар, Миссионеры и империализм в арабских странах, М., 1961.
179. Халфин Н. А., Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.), М., 1963.
- 180. Халфин Н. А., Курдская историография в СССР и некоторые ее проблемы.— «Вопросы истории», 1966, № 8.
181. [Хауз Э.], Архив полковника Хауза (подготовлен к печати профессором Ильского университета Чарльзом Сеймуром), т. I—IV, М., 1937—1945.
182. Хейфец А. Н., Великий Октябрь и угнетенные народы Востока, М., 1959.

- 182a. Хуршид Эффенди, Сняхет намэ и худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе, СПб., 1877.
183. Чириков Е. И., Путевой журнал, СПб., 1845.
184. Шамилов А., К вопросу о феодализме у курдов, Ереван, 1936.
185. Шамилов А., Курдские дервиши,— «Атеист», № 59, М., 1930.
- 185a. Шараф-хан Бидлиси, Шараф-наме, т. I, пер. и прим. Е. И. Васильевой, М., 1967 (Серия «Памятники письменности Востока», XXI, 1).
186. Шелковников Б. И., Войска и район VI турецкого корпусного округа (Багдадский, Мосульский и Бассорский вилайеты). Отчет о командировке в Месопотамию в 1902—1903 гг., Тифлис, 1904.
187. Штейнберг Е. Л., История британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1951.
188. Шейэ Ж., Современная Индия. Ч. II. Туземная политика, СПб., 1913.
- 188a. Шкловский В., Воспоминания. 1918—1923, Л., 1924.
189. Эсадзе С., Курдский вопрос в империалистическую войну 1914—1917 гг. на Кавказском фронте,— «Архив Грузин», кн. 2, Тифлис, 1927 (на груз. яз.).
190. Adamson D., The Kurdish War, London, 1964.
191. Adams D. G., Iraq's People and Resources, Los Angeles, 1958.
192. Aitchison C. U., A Collection of Treaties, Engagements and Sanads relating to India and Neighbouring Countries, 5th ed., vol. IX, Persian Gulf, № XIX, Delhi, 1933.
193. Ali Midhat Bey, The Life of Midhat Pasha, London, 1903.
- 193a. «Angola and the East»,— Contemporary Review, CXXIII.
194. Antonius G., The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement, London, 1955.
195. Asquith H. A., Memoires and Reflections, vol. II, London, 1928.
196. Badr Khan, The Case of Kurdistan against Turkey, New York, 1929.
197. Бонне А., The Economic Development of the Middle East. An Outline of Planned Reconstruction after the War, London, 1945.
198. Bekker R. St., Woodrow Wilson and World Settlement, vol. I—III, New York, 1922.
199. Bell G. F., The Letters, vol. I—II, London, 1927.
- 199a. Bérard V., Le Sultan, l'Islam et les Puissances, Paris, 1907.
200. Birdwood M. V., Nuri as-Said. A Study in Arab Leadership, London, 1959.
201. Bittner M., Die beiden heiligen Bücher der Jeziden im Lichte der Textkritik,— «Anthropos», Bd VI, Wien, 1911.
202. Blunt A., Bedouin Tribes of the Euphrates, vol. II, London, 1879.
203. Bodley R. and Hearst L., Gertrude Bell, New York, 1940.
204. Carter J., The Bitter Conflict over Turkish Oil fields,— «Current History», XXIII, January 1926.
205. Chandler E., The Long Road to Baghdad, vol. 1—2, London, 1919.
206. Coke R., The Heart of the Middle East, London, 1925.
- 206a. Cooke H. V., Challenge and Responce in the Middle East, New York, 1952.
- 206b. Cuinet V., La Turquie d'Asie, Géographie Administrative, t. III, Paris, 1894.
207. Curzon G. N., Persia and the Persian Question, vol. I—II, London, 1892.
208. Curzon G. N., Russia in Central Asia, London, 1899.
- 208a. «Current History», XXIII, January 1926.
209. Al-Dabbach H., Etudes statistiques sur le développement économique de l'Irak, Baghdad, 1960.
210. Delaisi F., Oil: its Influence on Politics.
- 210a. Dickson H. R. P., The Arab of the Desert. A Glimpse into Badawin Life in Kuwait and Saudi Arabia, London, 1948.
211. Dixon B., Journeys in Kurdistan,— «Geographical Journal», vol. 35, № 4, London, 1910.

- ✓ 212. Dowson E., *An Inquiry into Land Tenure and Related Questions. Proposals for the Initiation of Reform*, Letchworth, 1932.
213. Du Velay A., *Essay sur l'histoire financière de la Turquie*, Paris, 1903. ✓
214. Earle E. M., *Turkey, The Great Powers and the Baghdad Railway. A Study in Imperialism*, New York, 1923.
215. Earle E. M., *The Turkish Petroleum Company: A Study in Oleaginous Diplomacy*,—«*Political Science Quarterly*», XXXIX.
- ✓ 215a. «*Economic Conditions in Iraq. 1933—35*», Baghdad, 1936. ✓ ✓
- ✓ 216. Edmonds C. J., *Kurds, Turks and Arabs. Politics, Travel and Research in the North-Eastern Iraq, 1919—1925*, London, 1957.
- 217. Edmonds C. J., *The Kurds and Revolution of Iraq*,—«*The Middle East Journal*», vol. 13, 1959, № 1. ✓
218. Erskine S., *King Faisal of Iraq*, London, 1933. ✓
- 218a. Ess J. van, *Meet the Arab*, New York, 1943. ✓
219. Fahmi A., *Tigrir Hawal' Iraq (A Report about Iraq)*, Baghdad, 1926. ✓
220. Al-Feel M. R., *Iraq Geographic Study, Social and Economic Development*, Baghdad, 1964. ✓
221. Field H., *The Yesidies of Iraq*.—«*General Series in Anthropology*», № 10, Menasha, [Wisc.], 1943. ✓
222. Fisher L., *America and Mosul*.—«*Nation*», CXXI, December 30, 1925. ✓
223. Foster H. A., *The Making of the Modern Iraq*, Norman, 1935. ✓
224. Fouchille P., *Traité de droit international public*, t. 1, part II. ✓
225. Fraser J. B., *Travels in Koordistan, Mesopotamia*, vol. 1, London, 1840. ✓
226. Frazer L., *India under Curzon and after*, London, 1911. ✓
227. Furlani G., *Testi religiosi dei Yesidi*, Bologna, 1930. ✓
228. Furlani G., *The Yesidi Villages in Northern Iraq*.—«*The Journal of the Royal Central Asiatic Society*», third quarter, July, London, 1937. ✓
- ✓ 229. De Gaury G., *Three Kings in Baghdad*, London, 1961. ✓
- ✓ 230. Gavan S. S., *Kurdistan, Divided Nation of the Middle East*, London, 1958. ✓
- 231. Ghassemlou P. R., *Kurdistan and the Kurds*, Prague, 1965. ✓
- ✓ 232. Gordon C. J., *American Relations with Turkey. 1830—1930*, Philadelphia, 1932. ✓
233. Grant A., *The Nestorians on the Lost Tribes. With Sketches of Travel in Ancient Assyria, Armenia, Media and Mesopotamia*, New York, 1841. ✓
- ✓ 234. Graves R., *Lawrence and the Arabian Adventure*, New York, 1928. ✓
- ✓ 235. Hamilton A. M., *Road through Kurdistan. The Narrative of an Engineer in Iraq*, London, 1937. ✓
236. Hammer J., *L'Histoire de l'Empire Ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours. 1300—1774*, t. 7, Paris, 1837. ✓
237. Haldane J. A., *Autobiography*. London, 1929. ✓
- ✓ 238. Haldane J. A., *The Insurrection in Mesopotamia 1920*, Edinburgh, 1922. ✓
- ✓ 239. Hay W. R., *Two Years in Kurdistan: Experiences of a Political Officer 1918—1920*, London, 1921. ✓
240. Hourani A. H., *Minorities in the Arab World*, London, 1947. ✓
241. Hogarth D. J., *Penetration of Arabia*, London, 1904. ✓
242. Howard H. N., *The Great Powers and the Partition of Turkey*, Norman, 1931. ✓
243. Ireland P. W., *Iraq. A Study in Political Development*, London, 1937. ✓
244. Jamali M. F., *The New Iraq: its Problem of Bedouin Education*, London, 1934. ✓
245. Jawad H., *The Social Structure of Iraq*, Jerusalem, 1945. ✓
- 245a. Jones J., *La fin du mandate français en Syrie et en Lyban*, Paris, 1931. ✓
246. Joseph J., *Devil Worship. The Sacred Books and Tradition of the Yesidis*, Boston, 1919. ✓
247. Joseph J., *Turko-Iraqi Frontier and the Assyrians*.—«*The World of Islam*», Studies in honour of P. K. Hitti, New York, 1960. ✓
248. Jovelet L., *L'Evolution sociale et politique des Pays Arabes, 1930—1933*.—«*Revue des Etudes Islamiques*», 1933. ✓

249. Kedourie E., England and Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire, 1914—1921, London, 1956.
250. Khadduri M., Independent Iraq. 1932—1958. A Study in Politics.
251. Kimche J., Seven Fallen Pillars, London, 1950.
252. Kirk G. E., A Short History of the Middle East, Washington, 1949.
253. Kirk G. E., Contemporary Arab Politics. A Concise History, New York, 1961.
254. Kirchmair H., Über die Jesidi,—«Der Islam», Bd 34, Berlin, 1959.
255. Langley K. M., The Industrialization of Iraq, Cambridge [Mass], 1961.
256. Larcher M., La guerre turque dans la guerre mondiale, Paris, 1926.
257. Lawrence T., Seven Pillars of Wisdom. A Triumph, London, 1942.
258. Layard R. H., Nineveh and its Remains, vol. I—II, London, 1850.
259. Lenczowski G., Oil and State in the Middle East, New York, 1960.
260. Lescot R., L'Enquête sur les Yesidies de Syrie et du Djebel Sinjâr,—«Mémoires de l'Institut Française de Damas», t. IV, Beyrouth, 1938.
261. Loder J., The Truth about Syria, Palestine and Mesopotamia, London, 1923.
262. Longrigg S. H., Four Centuries of Modern Iraq, Oxford, 1925.
263. Longrigg S. H., Iraq 1900 to 1950. A Political, Social and Economic History, London, 1953.
264. Longrigg S. H., Stoakes F., Iraq, London, 1958.
265. Lloyd S., Twin Rivers, London, 1961.
266. Low C. R., History of the Indian Navy, vol. 1, London, 1877.
267. Luke H. C., Mosul and its Minorities, London, 1925.
268. Lycklama a Nijeholt T. M., Voyage en Russie au Caucase, en Perse, t. III, Paris, 1874.
269. Lyell T., The Ins and Outs of Mesopotamia, London, 1923.
270. Mackenzie M. N., Kurdish Dialect Studies, I, London, 1960.
271. Maine E., Iraq from Mandate to Independence, London, 1935.
272. Malek J., The British Betrayal of the Assyrians, Chicago, 1935.
273. Al-Marayati A., A Diplomatic History of Modern Iraq, New York, 1961.
274. Marlowe J., Arab Nationalism and British Imperialism. A Study in Power Politics, London, 1961.
275. Marlowe J., The Persian Gulf in the Twentieth Century, London, 1962.
276. Menussa, Les Mandates et leur application en Orient, Paris, 1924.
277. Miles J. B., Countries and Tribes of the Persian Gulf, vol. 1, London, 1919.
278. Miller D. H., Diary, vol. 1—2 (1924-26).
279. Moberly F. I., History of the Great War Based on Official Documents. The Campaign in Mesopotamia, 1914—1918, vol. 1—3, London, 1936.
280. Mohr A., Oil War.
281. Morris J., The Hashimite Kings, London, 1959.
- 281a. Niebuhr C., Reise beschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern, Bd II, Kopenhagen, 1778.
282. Nikitine B., Les Kurdes. Sociologique et historiques, Paris, 1956.
- 282a. Nolde E., Reise nach Innerarabien, Kurdistan und Armenien 1892.
- 282b. Oppenheim M., Vom Mittelmeer zum Persischen Golf, Bd I—II, Berlin, 1899—1900.
283. Parfit J. T., Mesopotamia: the Key to the Future, London, 1917.
284. Patehdji A., L'Etat actuel de l'hygiène Publique en Iraq, Paris, 1928.
285. Phillips, Mesopotamia. «The Daily Mail» Inquiry at Baghdad, London, 1922.
286. Raglan (Lord), The Situation in Iraq,—«English Review», XVI.
287. Redslob R., Théorie de la Société des Nations, Paris, 1927.
288. Rees van, Les Mandats internationaux, II, Paris, 1928.
289. Rich C. J., Narrative of a Residence in Koordistan, vol. II, London, 1936.
290. Ritter C., Die Erkunde von Asien, t. IX, Berlin, 1840.
- 290a. Rorbach P., Die Bagdadbahn, Berlin, 1911.

291. Rousseau M., Description du Pachalik de Baghdad, Paris, 1809.
292. Robinson E., Lawrence the Rebel, London, 1946.
- 292a. Safrastian A., Kurds and Kurdistan, London, 1948.
- 292b. Sachau E., Am Euphrate und Tigris Reisenotizen aus dem Winter 1897—1898, Leipzig, 1900.
- 292b. Sachau E., Reise in Syrien und Mesopotamien, Leipzig, 1883.
293. «Scheref-nameh ou histoire des Kourdes par Scheref, prince de Bidlis», publiée par Veliaminof-Zernof, Texte persan. t. I—II, S-Pbg, 1860—1862.
294. Shane L., Studies in Sublime Failures, London, 1932.
295. Siouffi N., Notice sur la secte des jezidis,—«Journal Asiatique», 1882, 7 sér., t. XX, № 2.
296. Slater S. H., Iraq,—«The Nineteenth Century and after», XCIX, April, 1926.
297. Soane E. B., To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise, London, 1926.
298. Stafford H. S., The Tragedy of Assyrians, London, 1935.
299. [Storrs R.], The Memoires of Sir Ronald Storrs, New York, 1937.
300. Stoyanovsky J., La théorie générale des mandats internationaux, Paris, 1925.
301. Sykes M., The Caliphs' Last Heritage. A History of the Turkish Empire, London, 1915.
302. Sykes C., Wassmus, «The German Lawrence», London, 1936.
303. Sykes P., History of Persia, vol. II, London, 1930.
304. Temperley R., A History of the Peace Conference of Paris, vol. II, VI, 1924.
305. Thomas B., Alarms and Excursions in Arabia, London, 1931.
306. Toynbee A. J., Survey of International Affairs (1925). Anglo-Iraqi Treaty and the Turko-Iraqi Frontier, New York—London, 1927.
307. Toynbee A. J., The Islamic World Since the Peace Settlement, London, 1927.
308. Toynbee A. J. and Kirkwood, In Turkey.
309. Wagner M., Reise nach Persien und dem Lände der Kurden, Bd I—II, Leipzig, 1852.
310. [A. du Velay], Essai sur L'histoire financière de la Turquie, Paris, 1903.
311. Waheed A., The Kurds and their Country. A History of the Kurdish People (from Earliest Times to Present). Lahore, 1955.
312. Warriner D., Land and Poverty in the Middle East, London, 1948.
313. Wellsted J. R., Travels to the City of the Caliphs, vol. 1, London, 1890.
314. Whigham H. J., The Persian Problem, London, 1903.
315. Wigram A., The Assyrians and their Neighbours, London, 1929.
316. Williams K., The Significance of Mosul,—«Nineteenth Century», XCIX, April, 1926.
317. Willert A., Aspects of British Policy, London, 1928.
318. Wilson A. T., Loyalties. Mesopotamia 1915—1917. A Personal and Historical Record, London, 1930.
319. Wilson A. T., Mesopotamia 1917—1920. A Clash of Loyalties. London, 1931.
320. Wilson A. T., Persian Gulf, London, 1928.
321. Willcocks W., The Irrigation of Mesopotamia, London, 1911.
322. Woodhouse H., American Oil Claims in Turkey,—«Current History», XV.
323. Woodhouse H., The Chester Concession as an Aid to Turkey,—«Current History», XVIII.
324. Wright Q., Mandates under the League of Nations, Chicago, 1930.
325. Young H., The Independent Arab, London, 1933.
326. Young E. H., Reports on Economic Conditions and Policy and Loan Policy, Baghdad, 1930.
327. Yung E., La Révolte Arabe, vol. II, Paris, 1925.
328. Zaki Saleh, Britain and Mesopotamia (Iraq to 1914). A study in British affairs, Baghdad, 1966.

329. أحمد عزت عبد الكريم و عبد الحمى البطريق، تاريخ العلام العربى فى العصر الحديث، قاهرة، ١٩٥٦.
330. اسماعيل بك چول، اليزيدية فى قديما و حديثا، بيروت، ١٩٣٨.
331. «الآخاء الوطنى»، ٢٤ . ٦ . ١٩٣٣.
332. «العلام العرب»، ٣ . ١٠ . ١٩٣١.
333. «الاهالى»، ٢٨ . ٦ . ١٩٣٣.
334. «الاهالى»، ١٢ . ٦ . ١٩٣٣.
335. محمد أمين زكى، خلاصة تاريخ الكرد و الكردستان، بغداد، ١٩٣٦.
336. محمد أمين زكى، تاريخ الدول و الامارات الكردية، قاهرة، ١٩٤٥.
337. محمد أمين زكى، تاريخ السليمية، بغداد، ١٩٥١.
- 337a. أمين الريحانى، ملوك العرب، الطبعة الثانية، ج ٢ - ١، بيروت، ١٩٥١.
338. أمين السعيد، الثورة العربية الكبرى، ج ٢ - ١، قاهرة، ١٩٣٣.
- 338a. أمين السعيد، ملوك المسلمين المعاصرون و دولهم، قاهرة، ١٩٣٣.
339. باسيل نكيتين، الاكراد، بيروت، ١٩٦٠.
340. جرجى جبرائيل الهوسى، القومية العراقية، بغداد، ١٩٥٩.
341. حسن مسطفى، البارزانيون و الحركات بارزان، ١٩٤٧ - ١٩٣٢، بيروت، ١٩٦٣.
342. حكمت نامى سليمان، نفط العراق، دمشق، ١٩٥٨.
343. رفاهيل بطى، الصحافة فى العراق. المحاضرات، القاهرة، ١٩٥٥.
- ✓ 344. شاكر خسيماك، الكرد و المسألة الكردية، بغداد، ١٩٥٩.
345. شيرزاد محمد، نضال الاكراد، قاهرة، ١٩٤٦.
346. صلاح الدين الصباغ، فرسان العروبة فى العراق، بغداد، ١٩٥٦.
- ✓ 347. عادل غنيمية، تطور الحركة الوطنية فى العراق، قاهرة، ١٩٦٠.
348. عباس العزاوى، تاريخ اليزيدية و أصل عقيدتهم، بغداد، ١٩٣٧.
349. عباس العزاوى، عشائر العراق، ج ٣، بغداد، ١٩٥٦.
350. عبد الجبار عريم، القبائل الرحل فى العراق، بغداد، ١٩٦٥.
- ✓ 351. عبد الرحمن البزاز، محاضرات عن العراق. من الاحتلال حتى الاستقلال، الطبعة الثانية، القاهرة، ١٩٦٠.
352. عبد الرزاق الحسنى، العراق فى دورى الاحتلال و النتداب، ج ٢ - ١، صيدا، ١٩٣٨ - ١٩٣٧.
353. عبد الرزاق الحسنى، العراق فى ظل المعاهدات، صيدا، ١٩٤٨.
354. عبد الرزاق الحسنى، اليزيديون فى حاضرهم و ماضهم، الطبعة الثانية، صيدا، ١٩٥٣.
355. عبد الرزاق الحسنى، تاريخ الثورة العراقية، صيدا، ١٩٥٨.
356. عبد الرزاق الحسنى، تاريخ العراق السياسى الحديث، ج ٣ - ١، صيدا، ١٩٥٨.

- 356a. عبد الرزاق الحسنی، تاریخ الصحافة العراقية، ج ١، بغداد، ١٩٥٧.
357. عبد الرزاق الحسنی، تاریخ الوزارات العراقية. الطبعة الثانية، ج. ٢-١، صيدا، ١٩٣٨-١٩٣٥.
358. عبد العزيز ياسلکی، كردستان و كورد اختلالری، جلد ١، توران، ١٩٤٢.
359. عبد الرحمن الحسنی، تاریخ العراق السياسي و الحربی، صيدا، ١٩٤٨.
360. علی سيدو الكوراني، من عمان الى العمادية أو جولة في كردستان الجنوبية، عمان، ١٩٣٩.
361. فريق مزهر، الحقائق الناصعات في ثورة العراقية، سنة ١٩٢٠ و نتائجها، ج. ٢-١، بغداد، ١٩٥٢.
- 361a. محمد توفيق حسين، عندما يشور العراق، بيروت، ١٩٥٩.
362. محمد توفيق حسين، نهاية الاقطاع في العراق، بيروت، ١٩٥٨.
363. محمد جواد العبوس، محاضرات في مشكلات التقدم الاقتصادي في العراق، الجزء الاول، القطاع الزراعي، القاهرة، ١٩٥٨.
364. محمد طاهر العمري، تاريخ المقدرات العراق السياسية، المجلد ٣، موصل، ١٩٢٤.
365. محمد عبد الفتاح اليافی، العراق بين انقلابين، بيروت، ١٩٣٨.
366. نوري عبد الرزاق حسين، تيارات سياسية في حركة الوطنية في العراقية، القاهرة، ١٩٥٨.
367. محمود الدرّة، قضية الكردية و قومية العربیة في الصرعة العراقية، بغداد، ١٩٦١.
368. مكی الجمیل، البدو و القبائل الرحالة في العراق، بغداد، ١٩٥٦.
369. ملك يوسف، كردستان أو بلاد الاكراد، بيروت، ١٩٤٥.

Материалы периодической печати

370. «Бюллетень прессы Ближнего и Среднего Востока».
371. «Военный вестник», № 44, 1924.
372. «Заря Востока».
373. «Известия».
374. «Коммунист» (Баку).
- 374a. «Новый Восток».
375. «Правда».
376. «Революционный Восток», 1935, № 6.
377. «Тифлисский листок», № 240, 1909.
- 377a. «Baghdad Times».
378. «Daily Herald».
379. «Daily Express».
380. «Daily Mail».
381. «Daily News».
382. «Daily Telegraph».
383. «Geographical Review», April, 1944.
384. «The Journal of the Royal Central Asia Society», vol. XVIII, pt 4, October, 1931.

- 384a. «The Journal of the Royal Central Asia Society», January, 1932.
384b. «The Journal of the Royal Central Asia Society», vol. XX, 1933, October, pt IV.
384b. «The Journal of the Royal Central Asia Society», vol. XXI, 1934, January, pt II.
385. «The Journal of the Royal Central Asia Society», vol. XXIV, 1937.
386. «Manchester Guardian».
387. «Morning Post».
388. «Observer».
388a. «The New York Foreign Affairs», July 1927.
389. «The New York Times».
390. «The Times».
391. «The Middle East Journal».
392. «The Near East and India».
393. «The World Today», published monthly by Royal Institute of International Affairs, vol. 12, № 10, L., 1956.
394. «Worker's Life», 21.5.1929.

Institut kurde de Paris

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас Махмуд-ага 199, 200
 Аббас II 76
 Абд аль-Керим 25
 Абд ар-Рахман-ага 196
 Абд ас-Салям 72
 Абдаллах 209
 Абд аль-Кадыр 191, 209
 Абдул Хамид II 35, 66, 72, 80, 151
 аль-Абуси Мухаммед Джавад 6
 Аверьянов 8, 219
 Авуль 161
 Ага Путрус 225, 226, 228
 Адамов А. 10, 42, 59
 Адамсон 7
 Аджилль аль-Явар 19
 Ади ибн Мусафир 32, 33, 34, 217
 аль-Азави 6, 7, 33
 Айрленд 5, 100, 124
 Алаках Керим 52
 Алитовский С. Н. 6
 Али 190
 Али Ихсан-паша 190, 225
 Али Шафик-бег см. Оздемир
 Алус 66
 Андреус 237
 Антониус 5
 Арим Абд аль-Джабар 6
 Ариф Хаджи 161
 д'Арси У. Н. 151
 аль-Аскари Джафар 143, 148, 175,
 176, 211, 212, 232, 258
 Асратян М. А. 9
 Ахмед-бег 161, 202
 Ахмед-бей 69
 Ахмед-паша 41, 56

 Бабакра-ага 161, 195, 196, 199, 200,
 203
 Бабан 73
 Бадр-хан 73, 75
 Бадр-хан Амин 74
 аль-Баззас Абд ар-Рахман 5
 Байрон 16
 Бальфур 80, 81, 92, 93, 103
 Барака Салтан 143

 Барзанджи Махмуд 190—195, 197—
 210, 214, 215
 Барзани Ахмед 192, 215—217, 234
 аль-Басир Махди 141
 Баша 66
 Беккер Р. С. 90, 153
 Белл Г. Ф. 5, 95, 101, 104, 106, 138
 Бензенгр 28, 72, 74
 Бидлиси Шараф-хан 8
 Битнер 34
 Блант Э. 16
 Бонд 194
 Бондаревский Г. Л. 6
 Браун 236
 аль-Брифкани Нури 239
 Брукс 98

 Вагнер 33
 Вассмус 85
 Васильев К. 214
 Вахид А. 7, 27
 Виграм 9, 106
 Вильсон А. 5, 98—100, 125, 191, 192,
 258
 Вильсон В. 91—93, 95
 Вильчевский О. Л. 8, 34
 Вирсен де 159, 161

 Газн Р. 8
 аль-Гайлани Абд ар-Рахман 66, 101,
 138, 141, 258
 аль-Гайлани Рашид Али 182, 258
 Гамильтон 7
 Гардинг У. 153
 Гариб Минас 51
 Гарроу 83, 84
 Гасемлоу А. Р. 8
 Гафур-ага 196
 Гевэн 7
 Гигинейшвили О. И. 8, 9
 Гонейм Адиль 6
 Гореликов С. Г. 6
 Грант 33
 Грегсон 87
 Грей Э. 82

Гульбекян 165
Гурко-Кряжин В. А. 6

Дави 66
Давид 226, 229
Даниил 46
Данлис 191
Данциг Б. М. 6
Даусон Э. 5, 41
ад-Дафтара 64, 66
Деламейн 85
Денстервиль 227, 228
Джавад Хашим 6
Джалил Дж. 8
Джалли 66
Джамали Мухаммед Фадлан 6
Джамиль-заде 66
аль-Джамиль Макки 6
Джариан Ада 145
Джемаль-бей (паша) 69
Джозеф 34
Джонс Х. 77
Джоц 186
Диксон 7, 121
Доббе Генри 114, 124, 146, 147, 204,
206, 232, 258
ад-Дурра Махмуд 8, 219
Дэвис 153, 154

Жувенель А. де 164

Заки Мухаммед 181
аз-Захави Джамиль 64
Захау 19
Зияэддин 70

Иби Рашид 15, 19, 25, 69, 105
Иби Сауд 69, 84
Ибрагим-паша 72
Иззет-бег 202
Инчипи 82, 83
Ирл 152
Исмаил Хакки-бей 66, 67
Исмет-паша (Инено) 155—157, 165
аль-Исфагани Абу-ль-Хасан Али 142

Кадыр 73, 193, 199, 206
аль-Казаз Мухаммед Салех 172
Казим Эзди 57, 70
Калавеж А. И. 8
Кальторп 149
Камаль М. А. 8
Кассель Э. 151
Кафтан К. Н. 8
Кедурн 90
Кемаль-паша 163
Кенлифф-Оуэн 227
Кердар 51
Керзон 80, 152—157, 162
Керим-бег Джаф 161

Кечекчьян С. Ф. 110
Клейтон 177, 258
Клемансо 150
Кокс П. 88, 89, 92, 98, 100, 104, 105,
114, 141, 158, 204, 258
Колби 155
Константин 51
Корсун Н. Г. 6
Котлов Л. Н. 6, 7, 9
Курди Мустафа 73
Курдосв К. К. 8

Лавку 237, 238
Лазарев М. С. 6, 8, 9
Лайдопер 162
Лайэл 5
Лалаян 9, 219
Ланглей К. 113
Лахути 202
Леви Г. 155
Ленин В. И. 4, 5, 93
Леско 33
Ли 194
Линч 55
Ллойд 101
Ллойд Джордж 90, 91, 93, 94, 102,
150, 152
Лонгригг 5, 10, 35, 36, 45, 73, 177,
217, 219
Лоуренс 100, 102, 103, 105
Луцкий В. Б. 6, 9, 89
Лям Фараджи 22
Люке 9

аль-Мадфан Джамиль 185
Маккензи 55
Маккензи Д. 31
Маккензи 113
Мак-Картен 225
Малик Юсуф 99
Малома 9
Мар-Есип 237
Мар-Саргис 237
Мар-Юханны 9
Маркс К. 130
Марр Н. Я. 33
Мартини 15
Мар-Шимун XII 219
Мар-Шимун Беньямин 219, 225—227
Мар-Шимун Ишай 227
Мар-Шимун Полус 225—227
Матвеев К. П. 9
Маршалл У. 258
Махди 183
Махмуд 200
Махмуд-паша 28, 195
Махмуд-хан Дизли 193, 197, 199
Мемфорд 216
Мендиль 66
Мехмед V 83

- аль-Мидфан Джамиль 185
 Мидхат-паша 10, 49, 79
 Мизбан 22
 Минорский В. Ф. 72
 Мирский Г. И. 6, 7, 239, 242
 Мод 86, 89, 93, 258
 Мубарак ибн Саббах 26, 57, 60, 68,
 77
 Мустафа-паша 202
 Мустафа Хасан 8
 Моррис 196
 Музхир 5
 Мурад IV 71
 Мустафа Нури-паша 63
 Мухаммед 141
 Мухаммед-бей 64
 Мухаммед-бей Днарбекирли 48
 Мухаммед-паша Дагестан 59
 Мухаммед-паша 28
 аль-Мухасин Мухаммед Хасан Абу
 145
 Мухлис-паша 60
 Мухсин-паша 57
 Мэн 5, 109, 236, 239, 241, 243
- Надир-шах** 29
 Назир-бек 61
 Накшбенди 30
 ан-Найни Мирза Хусейн 142
 Насир-паша 44
 Насир 22, 49
 Нафтчи-заде 51
 Нафтчи-заде Назим-бег 204
 Нидермайер 85
 Никитин В. П. 33, 40
 Николай Николаевич 225
 Никсон Дж. 86
 Нокс 113
 Нольде Э. 16
 Ноэль 187, 191, 194, 201
- Оганесян Н. О. 6
 Оздемир 200, 202, 206
 Омейяды 34
- Паулис** 159
 Пачачи 66
 Пачачи Музахим 145, 176
 Пачачи Хамди 141
 Пеннингтон 226
 Прескот 87
 Претнмен Э. Дж. 151
- Рамадан** Наджи 241, 242
 Рамзи-бег 199, 201
 Раулнсон 33
 Рауф Хюсейн 149, 163
 Ридха-бей Хасан 24
 Риза-бег 197
- Ритгер 33
 Рич 33
 Росс 197
 Рузвельт Т. 151
 Рут 151
 Рушди-бей 162
- Саадуны 121
 ас-Саадун Абд аль-Мухсин 177,
 178, 258
 Саадун-паша 14
 Саадун-паша (младший) 59—61
 Саадун Мансур-паша 59
 ас-Садр Мухаммед 99, 141
 Саид 72, 190, 209
 Саид Амин 6
 Саид-бег 217
 ас-Саид Нури 96, 145, 180—185, 211,
 213, 217, 218, 258
 Сайгуд ибн Миншид 23, 63
 Сайкс М. 51, 53, 89
 Сальмонд Дж. 206
 Сандеман Р. 121
 Сасаниды 51
 Сассун 46, 55
 Сафрастьян 7
 Сеид Раджаб 57
 Селим Абд ар-Рахман 73
 Семенов А. А. 33, 34
 Сидки Бакр 238, 241, 242
 Симко Исмаил-ага 200, 225
 Слейтер 102
 Смэтс 90
 Сон 7, 189, 197
 Стаффорд 9, 219, 227, 237, 241
 Стрик 55
 ас-Сувейди Наджи 179, 258
 ас-Сувейди Тауфик 179, 258
 ас-Сувейди Юсеф 66, 69
 Сулейман Хикмет 182, 240
 Сулейман-паша 60
 ас-Сухайл Хасан 129
 Сурьма-ханум 226, 227, 229
- Тадж ад-Дин Абд ас-Салам 27
 Тадж ад-Дин Мухаммед 27
 Талабани Риза 73
 Талиб-паша 68, 69, 105
 Таха Саид 203, 205
 Таунсенд 85
 Тауфик-бег 202
 Тауфик-бей аль-Халиди 64
 ат-Таффар 67
 Телеки 159
 Темперлей 90, 93
 ат-Тимман Мухаммед Джафар Абу
 139—141, 182, 183
 Тойнби А. Дж. 163
 Томпсон 237
 Троттер 27

Туганова О. Э. 6

Уджайми 61, 69

Умарн 66

Уорринер Д. 122

Усман-паша 28, 161, 195

Фадил-паша Мухаммед 24

Фалис 25

Фалих-паша 59, 61

Фарид-бей 69

Фаризов И. О. 8, 214

Фархан ибн Суфук 25

Фаттах-бег Керим 200, 209

Фатима 190

Федченко А. Ф. 6

Фейзи-паша, Ахмед 13, 57

Фейсал I аль-Хашими 103—106,

110, 138, 140, 141, 146, 148, 149,

156, 163, 180—183, 198, 201, 231

Ферид-паша, Вахаби 35

Фетхи-бей 158, 233

Фишер 138

Фостер 5

Фрезер 194, 196

Фуад-бей 64

Хаддури 6

Хади аль-Мухтар 99

Хазаль 68, 78

Хазнадар М. К. 8

Хайдари 66

аль-Хайюн Салим 148, 149

аль-Хайюн Хасан 58

Хакки-паша 82

аль-Халиси Махди 99

Халфин Н. А. 8, 9

Хама-ага 39

Хама Абд ар-Рахман-ага 202

Хамди-бей 66

Хаммер 33

Хамму 237

Хаму Ширу 209

Ханаках Сайд Ахмед 51, 204

аль-Хасан Абд ар-Раззак 5, 7

Хасбак Шакир 8

Хаурани А. 211

Хафиз-паша 35

аль-Хашими Ясин 147, 148, 165, 182,
184, 232, 258

Хашимиты 3, 103

Хей 7, 30, 41, 46, 188, 222

Хертзел А. 84

Хильми Ибрагим 139

Хинди Томас 51

Хормузд 225

Хошаба 237

Хумми Джордж Джабраиль 6

Худхаирис 66

Хусейн 69, 93, 103

Хусейн Тауфик 6

Хэмфри 236, 258

Цугмайер 85

Чадарчи 66

Чадарчи Рифат-бей 66

Чадарчи Рауф 66

Чемберлен О. 85

Черчилль У. 84, 102, 103, 152

Честер Колби М. 151

Чико 157

аш-Шабиби Мухаммед Бакир 99

Шавкат Наджи 258

Шавкат-паша 66

Шакир Фаик 173

Шалан Абу аль-Джун 97

Шамзини С. А. 8

Шериф-паша 74

Шелковников 33

Эдмондс 7, 40, 192, 195, 198

Эмери 176

Юз 157

Юнг 5

аль-Явер Аджилъ 19, 240

Якуби-заде 51

Якути 33

Ямулки А. 187

Яку 237, 238, 240

аль-Яффи Мухаммед Абд аль-Фат-
тах 6

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абу-ль-Хасиб 26
 Абу Сухейр 98
 Абу Хева 99
 Аве-Спи 27
 Ави аль-Барака 215
 Австро-Венгрия 54, 91
 Адана 164
 Аден 87
 Азия 54, 81
 Азия Передняя 10
 Айнкава 222
 Акра, г. 29, 52, 201, 203, 228
 Акра, санджак 75
 Алеппо см. Халеб
 Алтынкёпру 35, 50
 Алькош 240
 Амадия, г. 29, 33, 36, 52, 70, 201, 218, 237
 Амадия, лива 26, 144, 203
 Амадия, санджак 75
 Амара, г. 22, 43, 46, 48, 49, 53, 63, 70, 87, 114, 135
 Амара, лива 125, 127, 260
 Амара, санджак 14, 20, 26, 44, 58, 60, 63
 Америка см. США
 Ана 24
 Анайза 25
 Анатолия 50, 54, 83, 93, 164
 Анатолия Центральная 224
 Анатолия Юго-Восточная 221
 Англия см. Великобритания
 Анкара 151, 163, 164
 Аравийская пустыня 25
 Аравийский полуостров (Аравия) 15, 17, 22, 23, 49, 85, 101, 103, 175
 Армения 93, 95, 197
 Армута 222
 Афганистан 85, 114
 Африка 81, 90
 Африка Восточная 54
 Африка Центральная 92
 Африка Юго-Западная 92
 Ашита 219
 Багдад, г. 10, 13, 14, 17, 18, 24, 35, 36, 44—47, 50, 52—56, 59, 63, 64, 66—71, 74, 77, 79—82, 84—86, 89, 97—99, 101, 103, 115, 117—119, 134, 135, 137, 139—141, 144—146, 151, 152, 159, 163, 168—171, 173, 175, 178, 180—184, 193—195, 198, 199, 201, 211, 215, 220, 227, 230, 242
 Багдад, лива 144, 260
 Багдадский вилайет 11—13, 17, 21, 39, 42, 53, 58, 63, 89, 150
 Багдадский пашалык 11
 Багдадский санджак 20
 Бадра 36
 Баз 221
 Базнан 27, 194, 195, 200
 Базнанская каза 204—206
 Байджа 242
 Баку 273
 Бани Баког 199
 Барадост 216, 234
 Баразгерт 234
 Барваре-руд 221
 Барвари 221
 Барвари-Бала 230, 231
 Барзанджи 196
 Барзанские горы 193, 196, 201, 216, 228
 Бахдиннан 33
 Басра, г. 10, 14, 18, 25, 26, 36, 39, 42, 44—50, 54—57, 59—61, 63, 66, 68, 69, 72, 77, 79, 80, 82—85, 87, 89, 104, 105, 110, 114, 115, 117—119, 135, 151, 152, 168—170, 182, 184, 257
 Басра, лива 144, 260
 Басрийский вилайет 11, 17, 21, 25, 26, 39, 42, 44, 49, 55, 58, 60, 61, 68, 78, 87
 Басрийский санджак 14, 20
 Бахрейн 77, 78, 82
 Башкале 227
 Баязид 35
 Бейтава 52
 Белуджистан 121

Бейрут 65
Бибайди 70
Бирма 88, 89, 247
Большой Заб 158, 190, 191, 201, 218
Бомбей 36, 79, 114
Босфор 33, 157
Бразилия 54, 243
Британская Гвiana 243
Брюссель 158
Бубиан 26
Бурса 134, 164
Бутейр 23
Бушир 77

Ван, г. 223, 224
Ванский вилайет 32, 218, 219, 223, 224
Вашингтон 158
Великобритания 3, 11, 54, 57, 75--85, 90—97, 99, 101, 104, 110, 114, 120, 122, 123, 132—135, 137—139, 141, 145—162, 164, 165, 175—183, 185, 187, 189, 190, 202, 211, 216, 242—244, 247, 249—252
Верхнее Тияри 221, 230
Венгрия 159

Гаага 162
Гавар 158, 219, 220
Ганги 154
Гарраф 99
Германия 77, 80—85, 91, 151, 154
Гиль 29
Голландия 153
Гонжа 52
Гоян 161, 162
Греция 164
Грузия 35

Дамаск 104, 137
Дарбанд 194, 195
Дарданеллы 85, 157
Дашти-Харир 231
Джазан 205
Джазире 35
Джебель Хамрин 14, 29
Джебель Шаммар 16, 24, 25, 78, 105
Джебель Синджар 24, 32, 35, 209
Джазират Ибн Омар 202
Джилу 221
Джуламерк см. Чёлемернк
Джулуках 52
Дивания, г. 67, 98, 184
Дивания, лива 111, 128, 142, 144, 260
Диз 221
Дилтава 47, 99
Динед 33
Дияла, р. 23, 133, 135, 191
Дияла, лива 260

Диярбакыр 50, 74, 150, 209, 221
Диярбакырский вилайет 75
Договорный Оман 76—78
Дохук, г. 35, 50
Дохук, каза 237, 239, 240
Дохук, санджак 75, 237
Дулайм 140, 141, 144, 260

Европа 39, 47, 52, 54, 71, 119
Европа Западная 21
Евфрат 14, 15, 20, 22—24, 26, 43, 49, 58, 59, 76, 77, 79, 81, 83, 85, 86, 113, 174, 181, 197, 254
Евфрат верхний 99
Евфрат нижний 97, 99, 121
Евфрат средний 23, 96, 98, 99, 126, 140, 142, 143, 145, 148
Египет 54, 65, 69, 84, 89, 94, 102, 119, 135, 166, 236, 244

Женева 73, 172

Закавказье 35, 221, 224, 225
Захо, г. 29, 33, 52, 192, 239
Захо, каза 240
Эз-Зубейр 25, 26, 48

Измир 164
Индийский океан 76
Индия 54, 76—79, 81, 84, 85, 87--89, 100, 102, 103, 113, 114, 121, 137, 152, 170, 195, 244, 247
Ирак Северный 15, 20, 26, 41, 45, 200, 202, 230
Ирак Северо-Восточный 15, 26, 50, 55
Ирак Центральный 14, 23, 42, 45, 52, 86, 177
Ирак Южный 14, 22, 25, 36, 42, 52, 68, 71, 85, 86, 105, 167
Иран 22, 27—29, 43, 48, 50, 53, 54, 57, 81, 85, 98, 100, 142, 143, 149, 175, 191, 193, 197, 208, 209, 218, 219, 224, 227, 247
Иран Северо-Западный 33, 55
Иран Центральный 83
Иран Южный 83, 224, 226
Иранский Азербайджан 226
Италия 90, 157, 164

Исмен 54

Кавказ 35, 225
Казимия 36, 57, 58, 70, 139, 141—143, 170
Каир 102, 103, 137, 138, 189
Кала Ахмед 195
Калиансан 196
Канада 234
Кара-Даг 29, 196, 207, 228

- Каратепе 27, 29, 35, 50
 Кара-Чолан 71
 Карсская область 35
 Карун 48
 Катар 76, 78
 Кербела, г. 23, 36, 44—48, 70, 86, 99,
 139, 141—143, 170, 174, 184
 Кербела, санджак 20
 Кёй-Санджак 201, 218
 Киликия 83, 93, 164
 Кипр 134
 Киркук, г. 27, 30, 35, 50—52, 68, 118,
 137, 161, 178, 193, 194, 201, 202,
 204, 206, 207, 211, 231, 292
 Киркук, лива 26, 31, 111, 144, 160,
 190, 191, 198, 199, 202, 207, 260
 Кифль 98
 Кифри 27, 28, 35, 50, 52, 55, 137, 191,
 192, 194, 201, 202, 215
 Константинополь см. Стамбул
 Коста-Рика 154
 Кочанис 219
 Красное море 54
 Кувейт 14, 15, 48, 49, 68, 69, 77, 78,
 82, 84, 199
 Эль-Кувейт, г. 78
 Курдистан 8, 30—32, 40, 53, 56, 72—
 74, 102, 163, 187, 189—194, 197,
 201, 202, 206, 212, 214, 215, 222
 Курдистан Иракский 11, 26, 27, 30,
 39, 43, 68, 71, 74, 106, 111, 131, 161,
 187—190, 192, 194, 199—201, 203,
 210, 214, 217
 Курдистан Иранский 55, 74, 197
 Курдистан Южный 28, 72, 191, 193,
 196, 206
 Эль-Курна 22, 23, 25, 26, 48, 49, 58,
 85
 Кут эль-Амара 22, 23, 83, 85, 86, 184
 Кут, лива 111, 144, 260
 Куфа 98, 184
 Кызыл-Рабат 194
- Лалиш 33**
 Лозанна 155, 157, 158
 Лондон 10, 53, 80, 82, 99, 100, 102,
 153, 158, 163, 176, 181, 191, 250
 Луристан 48
- Эль-Мадина 58**
 Макам Али 47
 Мальый Заб 51, 191
 Мандала 36, 83, 100
 Мандан 228
 Манчестер 36, 47, 54
 Мардин 221
 Маргиль 48
 Марсель 47, 56
 Маскат 15, 47
- Махрут 99, 135
 Мекка 22, 69, 93, 103
 Мертвое море 153
 Месопотамия 50, 77, 79—82, 85, 93,
 95, 101, 114, 152—155, 197, 227, 249
 Месопотамия Северная 83
 Месопотамия Центральная 86
 Месопотамия Южная 78, 80, 81, 83,
 84, 86, 87
 Мешхед 77
 Мосул, г. 14, 17, 18, 27, 29, 32, 33,
 35, 36, 44—46, 49, 50, 55, 66, 68—
 71, 74, 75, 82, 86, 93, 95, 115, 117,
 118, 137, 145, 149, 150, 152—155,
 158, 159, 161—165, 168—170, 178,
 181, 192, 218, 220, 221, 223, 225,
 227, 229, 231, 232, 241, 243, 257
 Мосул, вилайет 11, 30, 42, 51, 52,
 146, 148—150, 153, 156—165, 190,
 197, 198, 200, 202, 207, 218, 225,
 229, 230, 232
 Мосул, лива 26, 31, 144, 160, 202,
 230, 260
 Мосул, санджак 50
 Мохаммера 63, 68, 77, 78, 84
 Мунтафик, лива 14, 99, 131, 138, 140,
 141, 144, 147—149, 184, 260
 Мунтафик, санджак 20, 21, 26, 44,
 49, 59, 61, 121, 223
 Мусаиб 98
 Мусандам 76
 Мусесан 33
 Мутейр 25
- Настрия 26, 46, 49, 59, 87, 99, 114,**
 121, 215
Неджд 15, 24, 49, 54, 68, 84, 134,
 176, 177
 Неджеф, г. 23, 36, 46, 47, 57, 58, 65,
 71, 86, 98, 99, 138, 140—143, 170,
 174, 184
 Неджеф, лива 140
 Нерви Рахикан 230
 Нери 228
 Нигер 243
 Нижнее Тияри 221, 230
 Ниневия 49
 Нисибин 49
- Оманский залив 76**
 Османская империя 3, 10, 14, 35—
 37, 39, 42, 50, 53, 56, 64—66, 70, 71,
 74, 77, 78, 80, 82, 83, 91—93, 95,
 150, 151, 153, 154, 157, 187, 189,
 219, 220, 224
 Орамар 158
- Палестина 71, 89, 93, 95, 103, 166,**
 244
Париж 36, 65, 69, 95, 228

Пенджвин 28, 190, 196, 208, 214, 215
Персидский залив 50, 54, 58, 76—
85, 87, 94, 152, 175
Персия см. Иран
Пишдер 196
Пиратский берег см. Договорный
Оман
Пуштикух 22

Рамади 86, 184
Рания 52, 196, 199—201, 203
Ревандуз, г. 52, 199, 203, 205, 225,
234
Ревандуз, санджак 71, 75, 242
Резайе см. Урмия
Ришек-Райкан 158
Россия (Российская империя) 33,
57, 75, 77, 81, 90, 91, 93, 94, 150,
187, 224
Румайта 97—99, 100
Румыния 159
Рустамия 98

Саинкале 225, 226
Саккыз 29
Салахия см. Кифри
Салмас 225
Самава, г. 22, 67
Самава, каза 67, 98—100
Самарра, г. 20, 36, 137, 183
Самарра, лива 260
Сангао 29, 161, 196
Сан-Ремо 95, 154, 155, 175
Сарыкамыш 224
Севр 251
Сенне 28, 29
Серочик 197
Серт 35
Серченар 27
Симмель 239, 240
Синдjar 35, 36
Синдjarские горы см. Джебель
Синдjar
Сирван 28, 190, 194
Сипок 33
Сирийская пустыня см. Эш-Шамия
Сирия 19, 33, 47, 54, 66, 82, 93, 95,
102—104, 106, 119, 137, 150, 164,
175, 237—241, 243, 249
Сирия Северная 83
Смирна см. Измир
Соуджбулак 55, 225
СССР 149

Средиземное море 50, 154, 157
Стамбул 10, 13, 44, 45, 52, 54, 60, 61,
65, 68, 69, 71, 74, 80, 93, 103, 104,
164, 189, 191, 207, 231
Суэцкий канал 21, 39, 84, 94, 103
Сук эш-Шуюх 49, 58, 59, 61, 87, 98,
121

Сулеймания, г. 27, 28, 30, 52, 53, 55,
75, 109, 111, 118, 161, 187, 189—
193, 195—215
Сулеймания, лива 7, 26, 31, 111, 144,
160, 190, 196—198, 201, 202, 260
Сулеймания, санджак 52, 75
Сурдаш 24, 196, 200, 206, 215
США 54, 90, 91, 93—95, 104, 119, 149,
151, 153—155, 157, 158, 223.

Таль 221
Тасулуджа 193
Ташкент 33
Телль-Афар 36
Телль-Кайф 36
Тегеран 206
Тигр 10, 14, 20, 22—24, 45, 46, 48—
50, 76, 77, 79, 81, 83, 85, 86, 237—
239
Тигр нижний 63
Тигр средний 36, 56
Тикрит 86, 158
Тифлис (Тбилиси) 35, 225, 273
Тихий океан 92
Трансроддания 102
Триполи 164
Туз-Хурматли 35, 50, 196, 215
Турецкая Аравия см. Месопотамия
Южная
Турция 14, 27, 42, 47, 57, 65, 68, 70,
73, 74, 80—85, 94, 95, 104, 121, 132,
146, 149—153, 155—157, 161—165,
187, 190, 191, 197, 209, 218, 219,
223—225, 228—230, 232, 233, 247,
254
Турция Восточная 33
Турция Западная 33
Тхума 221

Урмия 40, 55, 218, 219, 223—228, 230
Урфа 221
Уэльс 54

Файш-Хабур 158, 237, 238
Эль-Фаллуджа 24
Фао 25, 26, 85, 88
Фракция 164
Франция 54, 73, 80—82, 90, 91, 93—
95, 103, 104, 164, 189, 191, 207,
231, 247, 249

Хаббания 182, 257
Хаббур 158
Эль-Хавиджа 24
Хакьяри 158, 162, 219, 221, 223, 224,
227, 228, 230
Халабджа 28, 46, 190, 195, 199, 207,
208, 215, 232

- Халеп 16, 17, 25, 35, 50, 56, 61, 221
Халис 135
Хамадан 28, 225, 226
Ханайди 181, 236, 242, 255, 257
Ханакин 28, 70, 191, 213, 215
Харир 71
Эль-Хаса 21, 47, 68
Хезиль, 158
Хенджам, 141
Хиджаз 103
Хидра 99
Хилла, г. 23, 62, 67, 70, 86, 98
Хилла, лива 139—141, 144, 260
Хилла, санджак 14, 20, 43
Хиндия, г. 98
Хиндия, р. 62
Хирасан 135
Ховейда 22
Хой, г. 39, 52, 200, 222
Хой, санджак 71
Хомс 231
Хор Абдаллах 48
Хор Ассабий 48
Хормуз 76
Хор эль-Хузэйза 58
Хурмала 29
- Цейлон 105
- Чал 221
Чамчамаль 190, 195, 200, 201, 206, 208, 211
Чварта 187
Чёлемерик 33, 219, 221, 230
Черное море 157
- Шаклава 222
Шамдинан 220
Шамирама 28
Эш-Шамия 16, 17, 20, 24, 25, 43, 59, 260
Шарбажер 196, 208, 209
Шахрабу 99
Шаркат 55, 137
Шатт эль-Араб 23, 25, 26, 48, 58, 77—79, 82, 83, 85, 141, 256
Шатт эль-Гарраф. 36
Шатт эль-Хай 22, 26, 49
Шат 46
Шатра 59, 99
Шахиндеж см. Саинкале
Шахрезор 27
Шахробан 47
Швеция 73, 159
Шейхан 32, 217, 231, 239
Шейханли 33
Шираз 77
Шуайба 182
- Эну 33
Эрбиль, г. 27, 35, 46, 50—52, 118, 161, 199, 201, 202, 211, 218, 222
Эрбиль, лива 26, 31, 111, 144, 160, 203, 207, 222, 231, 234, 260
Эрбиль, санджак 55, 71
Эрзурум 218
Эриванская губерния 35
- Южно-Африканский Союз 90
- Япония 153, 157

- авроман 27, 29, 30, 193, 197, 199, 215
 алапы 29
 аль-аджвад 22
 ако 27
 аль-бу-Иса 67
 аль-бу-Мухаммед 22, 23, 25, 26, 39, 48, 58
 амарат-анайза 10, 16, 24, 25, 62, 167
 араби 63
 арабы 10, 14—16, 20, 22, 26, 32, 44, 45, 47, 51, 57—61, 63—68, 77—79, 84, 86, 88, 94, 102—104, 135, 149, 156, 160, 161, 170, 197, 198, 202, 213, 214, 227, 229—231, 238, 239, 246, 247
 ар-рабня 23
 армяне 14, 36, 47, 58, 73, 74, 171, 187, 224
 ассрийцы 8, 14, 47, 58, 73, 74, 192, 202, 205, 218—236, 239
 ассрийцы-несторпнне 36, 71, 82, 94, 149, 158, 161, 171, 185, 187, 218, 219, 222
 ассиро-халдейцы 36, 51, 52, 70, 71, 218, 222
- бабани 66
 баз 230
 байлан 27
 балак 27
 бани асад 60
 бани лям 21—23, 25, 26, 39, 43, 48, 63, 167
 бани мансур 58
 бани саид 22, 58, 60
 бани малик 22
 бани тамим 129
 бани хасан 23, 59, 60, 98
 бани хучайм 23, 59, 60, 97
 барвар-бала 29
 барзан 8, 27, 193, 201
 барзанджи 51, 190, 191
 баят 27
 бесари 29
 бильбас 27, 29
- бирманцы 194
 буххара 24
- ваххабиты 179
 вельди 25
- гарбие 67
 гари 27
 голян 192
 гули 29
 «гурани» 32
 гяврик 29
- даудие 27
 ад-дафир 25
 даххара и афедж 23
 джаббарни 200
 джаббур 24, 239
 джаваруд 28
 джаф 27—29, 46, 195, 199, 208, 209
 джаф муради 28
 джелали 29
 джерифе 24
 джилу 230
 диван 221
 дизан 27, 29
 дилем 24, 25
 доски 29
 дулайм 24
- евреи 11, 14, 36, 47, 51, 52, 58, 70, 115, 156, 160
 европейцы 47
 езиды 7, 32—36, 70, 71, 73, 118, 156, 160, 209, 217, 239
- Зебари 27
 зенгене 27, 51
 аз-знад 67
 аз-зуба 24
 зубейд 23
 зукри 29
- индийцы 47, 110, 133, 194
 исай 28

- исмаил узагри 27, 29
исмаил 194
- кавилай 29, 187
казури 27
как-хан 27
какан 27
кальхур 29
капрош 27, 29
кашур 192
керманшах 28
кирана 29
кули 239
«курд» 31
курды 7, 10, 14, 20, 26—34, 45—47,
51, 64—66, 71, 75, 94, 118, 149, 156,
160, 161, 185, 187—204, 208—215,
217, 221, 223, 225—231, 236, 239,
240, 246, 247
- луры 36
лухун 29
- мамасниие 27
мамиш 29
мангур 29
мандеан 36, 49
мааданн 20, 22
мискаб 98
мискен 31
муала 24, 25
музур 29
муштафик 14, 15, 21, 22, 25, 26, 39,
44, 46, 58—61, 69, 167
- навдар 187
навдашт 27
немцы 91
нерви рахикан 29, 221
нороль 28
- обейд 24
- персы 14, 36, 47, 50, 58, 171
пишдер 29, 195, 199, 200, 203, 209
португальцы 76
- ремки 29
русские 85, 86
- сабейцы см. мандеан
сабна 29
санди 29
- синджаби 27
синди 239
сини 29
снян 27
сурчи 27, 29
- талабанн 27
тахти 29
турки 35, 36, 38, 44, 47, 50, 51, 57—
59, 61—63, 65, 67, 70, 72, 74, 79,
84, 86, 88, 93, 94, 121—123, 125,
127, 128, 150, 156, 157, 160—162,
171, 187, 188, 190, 202, 203, 205,
207, 209, 210, 224, 226, 228, 233
- турки-сельджуки 50
туркмены 14, 35, 51
туркоманы 50
- Фадуль 22
фатля 23
- хаддаднн 24
хаджам 29
аль-хазайль 23
хамаванд 27, 200
аль-бу-Хамид 24
харун 29
харки 27, 221
харкия 99
хиндия 23
хошнав 27
- черкесы 63
чучана 29
- шалабег 27
шаммар 10, 15, 19, 24, 25, 62, 105,
167, 239, 240, 242
шаммартога 23
шарахан 29
шатри 28
шейх исмаили 27, 29
шейхан 27
шерван 27
шибль 23
шилаана 27
шинки 27, 29
шуван 27
- эрфуди 25
- язден бакши 28

IRAQ IN THE YEARS OF THE BRITISH MANDATE

SUMMARY

The period of the mandate constitutes an important segment in the recent history of Iraq. Many economic and political problems that arose in Iraq under the mandate are still awaiting a solution. Hence, the major scholarly interest and political significance that attaches to a study dealing with that period.

The four centuries of Turkish rule had turned Iraq into one of the most backward provinces of the Ottoman Empire. The agrarian policy of the Turkish government had brought Iraq's agriculture to extreme decline. Turkish domination also hindered the development of trade, handicrafts and industry.

Intensification of the national and social oppression of non-Turkish peoples (Arabs, Kurds, Assyrians, etc.) brought about fresh social and political upheavals.

The Young Ottomans tried to channel the growing discontent in a direction favourable to their aims; by starting a war they sought to prevent the general rise of anti-Turkish mass movement throughout the empire.

After the end of World War I Britain promised the peoples of occupied Iraq — formerly part of the Ottoman Empire — the ultimate granting of independence and assistance «in establishing national Governments and Administrations drawing their authority from the initiative and free choice of indigenous populations».

In reality, however, no such «initiative» and «free choice» was granted the peoples of Iraq. In the post-war settlement of the question of the Arabs, Kurds, and Assyrians Britain, France and the USA proceeded not from the interests of these peoples but from their own selfish interests.

Resting on her occupation forces, Britain imposed a mandatory regime on Iraq. The peoples of Iraq, delivered from Turkish domination, now came under British oppression. The mandatory system of administration in the hands of the British imperialists served as a tool of colonial exploitation, camouflaging the policy of annexations envisaged by the notorious imperialistic Sykes-Picot agreement.

The establishment of British rule in Iraq further aggravated the contradictions among all the social groups of Iraq. Economically falling under the sway of the British monopolistic capital, Iraq was more or less drawn into the sphere of the world capitalist economy and converted into a market for British goods and an appendage supplying Britain's economy with agrarian produce and raw materials.

The British colonial domination was countered in the summer of 1920 by a strong national-liberation rising. This rebellion was the logical consummation of the inner conflicts that had rent Iraq's community since the capture of the country by the British.

After putting down the rebellion, the British government decided to give the mandate the form of a bilateral agreement concluded between Britain and Iraq. The British now considered that their colonial interests in Iraq could be better ensured through an agreement and a deal with the local feudal and commercial elite than through a prolonged military occupation. The treaty was to ensure all the basic privileges and rights of the mandatary. With this objective the Kingdom of Iraq headed by Feisal al-Hashimi and a local Arab government led by Abd ur-Rahman al Gailani, naqib of Baghdad, was formed.

The British mandatory regime was thus a dictatorship of the British imperialists and leading Iraqi landowners. This alliance of foreign imperialists and local oppressors was camouflaged by the external attributes of the Western bourgeois democracy. Therefore establishment of the state of Iraq, headed by an Arab king, as well as of organs of local authority, is to be regarded as an attempt at screening British domination with an Arab national façade, and therefore as a means of stemming further development of the national-liberation movement in Iraq.

The new British plans of enslaving Iraq were decisively opposed by Iraqi patriotic forces headed by two political parties: **Hizb al-Watani al-Iraqiya** and **Hizb an-Nahda al-Iraqiya**. The risings were of organized nature and before long turned into a broad anti-imperialist struggle directed against British imperialist policies. Meetings and demonstrations were held all over the country against the attempts at concluding an Anglo-Iraqi treaty onerous to Iraq.

However, through repressive measures, the British succeeded in concluding, on October 10, 1922, an Anglo-Iraqi treaty. The treaty was so disadvantageous to Iraq that even pro-British circles expressed their discontent and for two years could not venture to ratify it.

Commenting on the results of voting in the Iraqi constituent assembly the «Daily Herald» wrote that Iraq had put up a real fight for independence and shown that the country was entirely opposed to the regime imposed by Britain.

Later the British government admitted the fact that Iraq's national assembly had been very reluctant in ratifying the treaty, and that it did not conceal its aversion for the mandatory character of the draft treaty, and that such an attitude was reflected in the activities of all the successive Iraqi governments during the period of the British mandate.

Supreme authority in the country was in the hands of the British High Commissioner, who, through the King of Iraq and the Iraqi government, ruled the country with the aid of British political officers, who later became administrative superintendents and advisers.

The king of Iraq was the nominal head of state and the government—a blind tool of the mandatory power.

The measures taken by the British mandatory with the aim of transforming and improving the system of administration in Iraq were on the same pattern as the colonial policy pursued by Britain's political circles in India and Burma; slightly altered were only the forms and methods of the policy.

Largely dealt with in the study is the struggle of the Iraqi people for the preservation of the integrity of its territory during the Mosul crisis. The Mosul crisis was the first grave international crisis inspired by Britain in the Near East, exemplifying as it were the many unsettled controversies dividing the imperialist powers after the First World War. The writer has made a detailed study of all the aspects of that crisis—economic, political and national. A particularly thorough analysis is made of the stand taken by the USA during the settlement of the crisis.

After the annexation to Iraq of the oil-bearing Mosul region, the British changed their policy towards the national minorities (Kurds, Assyrians). The Kurdish and Assyrian problems were used by the British ruling circles to further their own selfish ends, and as a means for exerting pressure on the Iraqi government. The origin of the Kurdish and the Assyrian problems is discussed in detail. Devoted to each problem are separate chapters dealing with the demography of Kurdish and Assyrian tribes, their socio-economic relations, the causes, motive forces and course of the Kurdish national-liberation movement, as well as all the major stages of the Assyrian movement for autonomous rule in Iraq.

The closing years of the British mandate were characterized by a new rise of the national-liberation movement. On the one hand it was caused by the impact of the world eco-

conomic crisis that had set in, and on the other, by the growing desire of the Iraqi people to shake itself free of the shackles of British imperialism.

Despite numerous anti-British demonstrations and mass action by the Iraqi people, British imperialism, with the aid of the ruling dynasty and compradors, succeeded in imposing in 1930 on Iraq a new onerous treaty that was to replace the British mandate.

Although Iraq was only formally declared an independent state, the cessation of the British mandate stepped up Iraq's progress towards independence, created conditions for uniting the Iraqi working class and the development of its self-consciousness, as well as providing a further impetus to the anti-British movement in the country.

The Iraqi landlords and bourgeoisie used the formal independence they had just been granted to set up, and then further to stiffen, a regime of national oppression in Iraqi Kurdistan: the Kurds were restricted in the use of their language; from now on public offices were to be held by none but Arabs; and finally, schemes of self-government for the Kurds were, for all time, relegated to the burial yard.

The Assyrian question was also left unsettled by Britain. The position of Britain and her ally France, as well as the tacit assent to all their moves by the US government, foredoomed the future of the Assyrian people.

Setting the Assyrians against the Kurds and the Arabs, inciting religious and national strife between them, using one nationality as a scarecrow for the other — all these were calculated to prevent unification of all the peoples of Iraq and thus weaken their resistance to British colonial policy. Designed as it was to strengthen British positions in the Near East, this policy did not answer the interests of the minorities and the Arab population of Iraq.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть I. Ирак в конце периода турецкого господства (1900—1914)	10
Глава 1. Административное деление и система управления	11
Глава 2. Национальный состав. Племена. Занятия населения	14
Глава 3. Социально-экономические отношения в иракской деревне	37
Глава 4. Налоговая система	41
Глава 5. Города. Состояние ремесел и торговли	44
Глава 6. Национально-освободительное движение перед первой мировой войной	56
Часть II. Ирак под английским колониальным гнетом	76
Глава 1. Завоевание Ирака Англией	76
Глава 2. Введение мандатного режима и образование Иракского королевства	90
Глава 3. Система управления в подмандатном Ираке	106
Глава 4. Экономическая политика мандатных властей	120
Часть III. Арабское национально-освободительное движение в годы английского мандата	138
Глава 1. Борьба против заключения англо-иракского договора 1922 г.	138
Глава 2. Мосульский кризис	149
Глава 3. Новый подъем национально-освободительного движения и отмена английского мандата	166
Часть IV. Национальные меньшинства Ирака в годы английского мандата	187
Глава 1. Курдское национально-освободительное движение накануне установления мандата	187
Глава 2. Движение курдов за автономию в первые годы мандатного периода	199
Глава 3. Курдское национально-освободительное движение в конце мандатного периода	210
Глава 4. Движение ассирийцев за автономию в 1920—1933 гг.	218
Заключение	244
Приложения	249
Список использованной литературы	261
Указатель имен	275
Указатель географических названий	279
Указатель этнических названий	284
Summary	286

Альберт Михайлович Ментешавили

ИРАК В ГОДЫ АНГЛИЙСКОГО МАНДАТА

**Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР**

*

**Редактор И. М. Дижур
Художник С. А. Литвак
Технический редактор М. А. Полуян
Корректор В. В. Воловик**

*

**Сдано в набор 13/II 1969 г.
Подписано к печати 26/VI 1969 г.
А-02402. Формат 69×90^{1/16}. Бум. № 1
Печ. л. 18,25 Уч.-изд. л. 20,74
Тираж 2000 экз. Изд. № 2327
Зак. № 805 Цена 1 р. 41 к.**

*

**Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4**

Institut kurde de Paris

Institut kurde de Paris

Цена 1 р. 41 к.

Institut kurde de Paris

GEN-